

Рассвет

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1979

СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

Николай Кузьмин

РАССВЕТ

ПОВЕСТЬ
О ФЕДОРЕ СЕРГЕЕВЕ (АРТЕМЕ)

84Р7
К89

Имя писателя Николая Кузьмина известно читателю по романам «Первый горизонт», «Победитель получает все», по повестям «Соседи», «Авария», «Два очка победы».

В серии «Пламенные революционеры» выходила его книга «Меч и плуг» — о легендарном комбриге, замечательном военачальнике гражданской войны Г. Котовском.

Повесть «Рассвет» посвящена выдающемуся революционеру-ленинцу Федору Андреевичу Сергееву (Артему). Читатель увидит Артема участником событий, которые стали историческими вехами борьбы народов России с самодержавием.

$К\frac{10203-266}{079(02)-79}$ 278—79 0902030000

Самая трудная работа — это работа без фраз, изо дня в день, работа воспитания и организации масс. Зато она единственно плодотворна.

Артем

Глава первая

Донесение

помощника начальника
Волочисского отделения
Киевского жандармского управления
железных дорог
Департаменту полиции

15 марта 1903 г.
секретно

Согласно циркуляру от 15 января сего года за № 400 имею честь донести Департаменту полиции, что сего числа возвратился из-за границы по паспорту, выданному Екатеринославским губернатором 12 сентября 1902 года за № 1700, бывший студент Федор Андреев Сергеев и направился в г. Екатеринослав. При тщательном досмотре его багажа ничего предосудительного не обнаружено. Об изложенном мною вместе с сим сообщается начальнику Екатеринославского охранного отделения.

Ротмистр (подпись)

Из донесения

Николаевского охранного отделения
Николаевскому градоначальнику

22 ноября 1904 г.
секретно

Своевременно из агентурного источника стало известно, что члены Николаевского комитета (организации) Российской социал-демократической рабочей партии решили собраться на сходку с целью подготовки противоправительственной демонстрации и вызова тем беспорядков в день призыва в г. Николаеве к мобилизации запасных чинов...

Для того, чтобы в случае ареста маскировать преступность сходки, было решено устроить ее вроде вечеринки: купить пива, закусок, конфет и принести гармошку и гитару, а при приходе полиции начать пляску (что и было выполнено)...

Из числа лиц, поименованных в прилагаемом при сем списке, до их задержания мне были известны... Сергеев Федор — пропагандист, приехавший в Николаев специально с целью пропаганды...

При этом имею честь доложить Вашему превосходительству, что такой многолюдной сходки в городе Николаеве еще не запомнят чины полиции. Это показывает, что дерзость неблагонадежного элемента уже начинает переходить бывшие здесь границы, и ввиду готовящихся беспорядков применение к сходочникам строгих мер в ограждении порядка и спокойствия крайне необходимо, так как в противном случае трудно поручиться за спокойствие во время предстоящей мобилизации, которая имеет много почвы для агитации и, как следствие последней, для возникновения беспорядков, имевших уже место во многих городах империи.

Поручик (подпись)

Из донесения

начальника Харьковского охранного отделения
заведующему политической частью
Департамента полиции

11 ноября 1905 г.

В Харьковском комитете Российской социал-демократической рабочей партии снова обнаружился знаменитый оратор нелегальный «Артем», о котором я упоминал в донесении № 2026. Нелегальный этот по виду рабочий, в действительности интеллигент, живущий без прописки в рабочем районе, и потому ведение наружного за ним наблюдения невозможно. Среднего роста, шатен, лет 20—25, со слабой растительностью (небольшие усы, бороды нет), телосложения среднего, в рабочей рубашке, осеннем темно-сером пальто и синем картузе. Он недавно возвратился из Петербурга, куда выбыл из Харькова в начале сентября... Отличаясь необыкновенной способностью убедительно говорить, он пользуется большим расположением рабочих... С прибытием в Харьков «Артем» возобновил собрания, из которых состоялось уже два: первое — в Губернской земской управе, где «Артем» собрал забастовавшую прислугу больниц Александровской и Сабуровской, а 10 ноября — в заводе «Гельферих-Саде».

В последнем собралось более тысячи человек... «Артем» передал в самых сгущенных красках петербургские события, призывал к борьбе рабочих и вооружению для всеобщего восстания, которое не должно допустить созыва Государственной думы, но вместо нее объявить демократическую республику. «Артем» призывал рабочих входить в сношения с крестьянами и организовывать их для общей борьбы с правительством...

Ротмистр (подпись)

Из телеграммы

начальника Харьковского охранного отделения
Департаменту полиции

22 ноября 1905 г.
секретно

Вследствие телеграммы Вашего превосходительства от 21 сего ноября доношу, что нелегальный «Артем» проживает в г. Харькове без постоянной квартиры, скитаясь исключительно по рабочему району, почему подчинить его наружному наблюдению совершенно нет возможности, что значительно затрудняет арест «Артема», предоставляя его лишь случайной встрече в городе. По имеющимся сведениям, «Артем» намерен скоро выехать, поэтому на вокзале за появлением его ведется тщательное наблюдение...

Ротмистр (подпись)

Глава вторая

В ранних сумерках ненастного утра заводской гудок ревел особенно уныло. Весь большой город еще спал, просыпалась только дымная рабочая окраина. В подслеповатых низеньких оконшках появлялся свет, длинные бревенчатые бараки, раскорячившиеся подпорками, оживали. Мрачные, невыспавшиеся люди торопливо одевались, брызгали в лицо водой и наспех, не разбирая вкуса, ели, чтобы хватило сил выдержать долгий и тяжелый день у железных, не знающих усталости машин.

Вместе с молчаливой, хмуро шагающей толпой Артем спешил к проходной завода. Кепка надета на самые глаза, воротник пальтишка поднят. Как и все, кто сейчас шагал рядом с ним, он досыпал эти последние минуты. Показались заводские ворота, толпа, толкучка — и в голо-

ве встала вчерашняя ссора на заседании Федеративного Совета. Спор вышел при обсуждении требований чернорабочих паровозостроительного завода, самого крупного предприятия Харькова. После царского манифеста, обнародованного в прошлом месяце, администрация завода недели две заигрывала с рабочими, платила ровно, без штрафов, не мучила ночными сверхурочными. Но мало-помалу снова принялась за старое. Первыми не выдержали чернорабочие, обозленные каторжными условиями труда и нищенской оплатой. Харьковский Совет заседал вчера несколько часов. Мнения разделились. Большевистская часть Совета предлагала воспользоваться случаем и предъявить администрации политические требования, меньшевики призывали «не заноситься», а добиваться чисто экономических уступок. Сами чернорабочие требуют поднять оплату до рубля в день — вот на этом и надо стоять! Заседание получилось бурным, дело дошло до взаимных обвинений. Артем, хоть и разозленный, держался иронически: разве цель политической борьбы рабочих в том, чтобы выгоднее продавать себя? Хорошо, рядом оказались твердые, несгибаемые товарищи — Шаповалов, Спесивцев, Палчевский, братья Бассалыго. Но времени ушло много, лечь спать удалось лишь после полуночи. А сегодня вечером назначена встреча с представителями воинских частей. Затем занятие рабочего кружка. Кажется, намечено что-то еще...

В однообразном людском потоке к нему незаметно пристраивался то один человек, то другой. Разговоры были короткими: слово-два — и в сторону. Один пожаловался, что не все ладится с гремучей смесью для начинки самодельных бомб, у другого были соображения по поводу экспроприации двух оружейных магазинов — «Спорт» и «Охота», третий тревожно сообщил, что ночью в бараках завода «Герлях и Пульст» был обыск, ничего не нашли, но жандармы забрали двоих.

Двоих... Значит, двумя товарищами меньше, оставшимся на воле придется еще трудней. А жандармы ищут, шарят, вынюхивают. Время от времени широкая сеть полицейского сыска, незримо наброшенная на рабочие районы, приносит им уловы. Еще удивительно, что сам он остается на свободе. Правда, из литейного цеха пришлось перейти в кузнечный, но ведь и в кузнечном у охранки должны быть уши и глаза.

Постоянная угроза ареста приучила его жить настороже. Так продолжалось уже чуть больше двух лет — после его возвращения из Парижа. Вернувшись для подпольной работы в Россию, он некоторое время находился в южных районах, а недавно решением заграничного большевистского центра переведен в Харьков, город с десятками тысяч рабочих.

Пять лет назад харьковский пролетариат впервые отважился на открытое первомайское выступление. И не вина рабочих, что властям тогда удалось быстро и жестоко расправиться со смельчаками. Помнится, Владимир Ильич Ленин по этому поводу специально писал, что пролетариат органически заражен духом борьбы, но у «главного штаба», партийной организации, еще не хватает опыта в соперничестве с гигантской полицейской машиной.

В толпе рабочих, спешивших к проходной, его знали многие. Здесь, на заводе, он таскал носилки со шлаком и махал молотом в кузнечном цехе, организовывал кружки, сколачивал боевые дружины. О нем знали, что он виделся и говорил с самим Лениным, сидел в тюрьме и теперь каждый час рисковал снова очутиться за решеткой. С самого первого дня, едва он появился в Харькове, за ним шла настоящая охота агентов охранки, но рабочие прятали его, давая приют в своих барачных каморках и хибарках. Темным вечером после затянувшегося нелегального собрания его вели проулками слободы, стучали

в чье-то низенькое окошко. Стелили ему обычно на полу, он вяло жевал краюшку хлеба с холодным чаем или с тарелкой щей, ложился и, словно в омут головой, на несколько часов проваливался в сон, чтобы рано утром, еще до рассвета, потихоньку убраться. Два раза в одном месте он не ночевал. Свои, проверенные, знали его по партийной кличке, остальные — по имени и отчеству...

От размышлений его оторвало осторожное похлопывание по плечу. Артем очнулся, глянул из-под козырька: а, Шалай! Сильный, ловкий парень нравился Артему — настоящая рабочая косточка.

Стрельнув цыганскими глазами вправо-влево, Шалай наклонился и тихо сказал:

— Под утро у нас в бараке гости были.

«Ага, и тут...»

— Ну? — до смерти усталым голосом спросил Артем.

— Листки нашли! — в самое ухо выдохнул Шалай.

— Ну? — все тем же тоном подталкивал Артем.

— Виноватых ищут. Изрыли все. Копались до самого гудка.

— Найдут? — спросил Артем, прикрывая пальцами мучительный зевок.

— А вот хрен им! — глаза Шалая вспыхнули.— Газетку вашу я кой-кому показывал. Весь номерок истрепали. Правильно пишут! Наше дело, знаешь, копейками не оценишь. Теперь понятно, почему жандармы чешутся. Я человек простой, но уж где правда — чую. Да и наши все... Рабочий народ сейчас как порох. Внизу уже тлеет, а дай искру настоящую — все полыхнет!

— Не так громко, Ваня,— заметил Артем и, завидев впереди заводской забор, опустил ворот пальтишка.

Шалай шагал рядом, па его крепких, прокаленных огнем скулах катались желваки. «Злой, черт!» — незаметно усмехнулся Артем. С Шалаем ему пришлось повозиться — в смысле дисциплины, сдержанности, конспирации.

Но парень был надежный. Недавно его ввели в рабочую боевую дружину. За городом в глубоком овраге дружинники втыкали в землю доску и учились стрелять из револьвера. Получив три небольших тяжеленьких патрона, Шалай стал на колено и, вытянув руку, долго щурил глаз. Все три его выстрела попали в цель. Парень обрадовался — с первого-то раза! Артем слышал, как Тимофей Жмаченко, обычно не говоривший лишнего, похвалил Шалая, затем добавил:

— Ну вот, а ты все ножик за голенищем таскаешь.

Шалай покраснел. Водился за ним такой грех... Нож он после того случая выбросил. Артем был уверен, что из такого отчаянного парня получится прекрасный митинговый оратор, и решил испытать его при первом подходящем случае.

Широкие крашенные сурпком ворота растворились, жадно ненасытной пастью заглатывая поток устремившихся в них людей. В очередь с другими Артем повесил на доску свою «жестянку», рабочий номер, и, направляясь к контрольному проходу, заранее поднял локти для обыска. Каждого рабочего встречал толстый нахмуренный городовой. Раз — хлопок по бокам, два — толчок в грудь, и городовой, не обнаружив под одеждой ни книжек, ни листовок, пропускал рабочего себе за спину.

Толпа, прочесанная через гребенку контрольных проходов, растекалась по громадной территории завода, чтобы поддерживать тяжелое дыхание его цехов, черным смрадом поднимавшееся в небо.

Земля под ногами людей залита чем-то черным, она давно утратила свой первобытный вид, и ей уже не очиститься вовек. В сухом горячем воздухе носилась тонкая, едкая, всюду проникающая пыль. Вспышки пламени озаряли это дымное облако красными отблесками.

Каждый раз Артем поражался размерам обшивочного цеха. Высокие пролеты окон уходили под самый потолок.

На канавах стояли «раздетые» паровозы, все у них было еще открыто: котел, тендер, кулисы. Вокруг суетились люди, торопясь покрыть громадные машины котельным железом, заклепать листы и покрасить. По сравнению с размерами цеха и этих машин, ждущих своего окончательного облика, человек казался мелким и ничтожным существом.

К началу смены в кузнечном цехе низко стлался угарный дым пополам с серой. Как в дымном капище, пылали два ряда горнов, в корытах и лоханях стояла спокойная вода.

Первые металлические звуки наполнили все обширное, но низкое задымленное помещение. Подручные кузнецов, в одних лохмотьях или голые по пояс, широкими кругами раз за разом обрушивали молоты на наковальни. Грохот кувалд перемежался тоненькими голосами молоточков.

Но вот принялся за работу «Егорыч», исполинский паровой молот весом в пятьсот пудов, и сразу покрыл все разнообразные звуки цеха. Недалеко от него в огромнейшей печи сваривалась железная масса, между молотом и печью двигалась подъемная машина. По знаку механика рабочие отворили жерло печи и, морщась от полыхающего жара, зацепили крючьями раскаленный брус железа. Заработала подъемная машина, кусок железа, брызгая в стороны искрами, медленно пошел кверху. Повиснув на цепях, огненный груз осветил все уголки дымного цеха и двинулся к наковальне. Рабочие, страдальчески отворачивая лица, длинными крючьями освободили брус от цепей и, уложив его на наковальню, по знаку механика отскочили в сторону. Гигантский молот сорвался сверху и со страшным грохотом рухнул на раскаленную добела глыбу. Дрогнуло здание цеха, все исчезло в миллионах брызг и огненном тумане. Покуда туман рассеивался, громада молота поднималась для нового удара.

После нескольких ударов «Егорычу» дают отдохнуть, оберегая его от перегрева. Но пока машина отдыхает, люди суетятся, готовя новые поковки или же чистя сам молот. Рабочие, как это давно выяснилось, не плавятся и не портятся, а следовательно, должны работать без перерыва.

Артем безостановочно крутил пудовую кувалду, ощущая, как после каждого удара острые брызги от раскаленной поковки летят ему в лицо и на голую грудь. В первые минуты еще болели натруженные плечи и ладони, но, разогревшись, он втягивался в привычный рабочий ритм и действовал как машина. Однообразные движения подручного нисколько не занимали головы, и постепенно, увлеченный размышлениями, он переставал даже ощущать уколы брызг, летевших с наковальни.

Он появился в Харькове в горячие дни. Кровавый расстрел рабочих в Петербурге отозвался по всей России.

Весной в Харьков на гастроли приехал великий русский певец Шаляпин. Вечером задолго до начала концерта харьковчане ломились в Народный дом. Билетов было не достать, конная и пешая полиция с трудом сохраняла порядок.

В конце программы столичный гастролер преподнес переполненному залу сюрприз: на «бис» он вдруг грянул моднейшую в те дни «Дубинушку», и зал, вскочив на ноги, восторженно заревел.

Естественно, в первых рядах никто не вскакивал, не подпевал, там возмущенно переглядывались. В такое-то время! И кто? Солист императорских театров! Неслыханно!

Не успел утихнуть шквал аплодисментов, на сцену вспрыгнул человек в косоворотке, пиджаке и сапогах, решительно замотал рукой — «тише, тише!» и объявил:

— От имени Харьковской организации Российской социал-демократической рабочей партии открываю революционный митинг. Слово предоставляю товарищу Артему.

Ошеломленный зал затих и притаился.

Подгримированный, в студенческой тужурке, Артем появился на самом краю сцены, там, где только что стоял в великолепном фраке артист императорских театров. Зычным голосом человека, привыкшего выступать перед большой массой, он заговорил:

— Товарищи! Наступает великий и славный день торжества и братства трудящихся, великий праздник пролетариата...

На самом верху галерки кто-то вдруг бешено заколотил в железные ладони. Его дружно поддержали. В первых рядах как подняли плечи, так и не опускали. Это уж черт знает что! Ну, на заводе, ну, где-нибудь на потайной квартире, но — здесь!

Артем продолжал:

— Российская социал-демократическая рабочая партия зовет вас объединиться в день Первого мая вокруг ее красного знамени, зовет вас на борьбу против общих наших врагов — русского самодержавия и капитализма.

Сверху, со сцены, Артем увидел, что во втором ряду поднялся человек в жандармском мундире и, звякая шпорами, дергая шеей в тесном вороте, быстро пошел вон из зала.

— Запасайтесь оружием, товарищи! — Артем вскинул над головой кулак.— Организуйтесь в боевые дружины! Чем скорее мы победим, тем скорее для всей России наступит желанная свобода!

Обвалом рухнули аплодисменты. Галерка затянула «Марсельезу», песня спустилась в зал. Артем не торопился спрыгнуть или скрыться за кулисы, один как перст он стоял перед поющей публикой и, напрягая мускулистую шею, с чувством подпевал.

Кое-кто из первых рядов разглядывал его получше, чтобы запомнить. По казенным документам, собранным в уже довольно пухлую папку, этот человек участвовал в

студенческих беспорядках в Москве и после ареста отбыл срок заключения в Воронежской тюрьме; уезжал для учебы за границу, но вскоре вернулся; след его после возвращения обнаружился в южных городах; в последнее время, после ареста в Николаеве, нить неусыпного наблюдения за ним вдруг оборвалась, связать ее удалось совсем недавно, однако без особого успеха — подпольщик, как видно искушенный в таких делах, умел ловко исчезать, как бы растворяться...

Так вышло и теперь. Филеры и полицейские, караулившие у дверей Народного дома, обшаривали глазами каждого, кто выходил с концерта, но подгримированный оратор так и не появился.

Дерзкий митинг в Народном доме наделал в городе немало шума. Первого мая след Артема обнаружился вновь. Тысячные колонны потянулись к центру города. Полиция, достаточно хватившая лиха с вооруженными рабочими дружинами, показала свое малодушие и заперлась в участках. Перед людьми в колоннах несколько раз совершенно неожиданно, будто из-под земли, возникал давешний оратор, товарищи поднимали его на руках, и он говорил, взмахивая кулаком с зажатой кепкой.

Против рабочих бросили войска, на Университетской горке и на Николаевской площади, в самом центре города, дело дошло до применения огнестрельного оружия.

В рабочих теперь палили, как на войне бьют залпами в наступающего противника.

Агенты охранки, проникавшие в рабочие районы, доносили о нарастающих волнениях на фабриках и заводах. Через месяц с небольшим после первомайских событий, в июне, жизнь Харькова была парализована прекрасно организованной стачкой всего городского пролетариата: в один и тот же час остановились все заводы и фабрики и не работали ровно двое суток. Стачкой руководила большевистская группа «Вперед», тайно заседающая в ката-

комбах под зданием губернской психиатрической больницы на Сабуровой даче. Туда через связных к товарищу Артему доставлялись сведения о ходе забастовки.

Июньские события были как бы проверкой единства и сплоченности харьковского пролетариата. Настойчивая повседневная работа большевиков принесла свои плоды.

Небывалого размаха стачечное движение рабочих достигло в октябре. Паралич охватил уже не отдельные города, а буквально всю страну, от Читы до Варшавы. Забастовали железные дороги, прекратилась подача воды и электричества, остановились трамваи, замолкли телефоны. Столичный генерал-губернатор Трепов отдал бешеный приказ: «Патронов не жалеть!» Но залпы уже не помогали. Тогда 17 октября перепуганное самодержавие сделало ловкий ход и обнародовало манифест о гражданских свободах.

Замысел правительства утихомирить бушующие волны народного возмущения как будто удался, силы революции раскололись. Лишь большевики не обольщались вынужденной царской подачкой и твердо вели линию, выработанную III съездом партии. Из своего заграничного далека Владимир Ильич Ленин указывал, чтобы пролетариат по-прежнему шел к своей исторической цели — окончательному свержению царизма.

На совместном заседании большевистского и меньшевистского комитетов было решено создать Федеративный Совет харьковских комитетов РСДРП. В Харькове изрядная часть рабочих находилась под влиянием меньшевиков. Меньшевики, добившиеся равного представительства в Совете (три на три), как всегда, завели старую волынку о бессмысленности открытой борьбы.

Все же, невзирая на привычную демагогию меньшевиков, большевистская часть Совета вела в Харькове ленинскую линию на вооруженное восстание. На заводах и в железнодорожных мастерских отливались заготовки

ручных гранат — «македонок» и начинялись взрывчатой смесью, ковались металлические пики и кинжалы, починялись старенькие револьверы — чтобы хвататься за власть не голыми руками. За кладбищем на тронутом заморозками лугу перебегали цепи подпоясанных патронташами дружинников, падали на живот и, сдвинув кепку с горячего лба, щурились в винтовочную прорезь, чтобы по команде «Пли!» услышать пустой пока что звон бойка. С луга, с учения, отряды возвращались с песней.

Боевая подготовка рабочих вызывала беспокойство городских властей. Только слепой не видит, какой вскоре ударит взрыв, если не принять коротких энергичных мер. Этот самый Совет — к ногтю, будто его и не было, на заводы — охрану, в рабочие поселки — казаков. И теперь уже не плетей, как прежде, и даже не ружей, а пулеметов, пушек. Нужна твердая рука, в стране, черт возьми, должен быть порядок!

В середине дня, перед самым перерывом, в кузнечном цехе появились гости: какие-то важные господа в сопровождении инженера-бельгийца Таусона. Артем знал: сейчас начнется представление. Цеховой шум стал сразу убывать, рабочие пользовались минутой передышки.

Таусон покивал механику «Егорыча» висячей трубкой и распустил морщины крупного обрюзгшего лица. Механик у себя в кабинке взял рукоятки управления и вытянул шею. Что-то сказав гостям, Таусон попросил их ближе к наковальне, жестом фокусника достал свои золотые часы и, отстегнув цепочку, положил их на самую середину наковальни.

Переживая важность момента, кузнецы в последний раз брякнули молоточками и сбросили поковки, подручные опустили свои страшные кувалды к ноге. Тихо шипели горны. Среди гостей порхнули улыбки, все лица

поднялись к кабинке наверху, где идолом восседал механик Сарычев. Лицо механика бледнело, глаза смотрели в одну точку: на золотые часы, безмятежно тикавшие на исполинской наковальне.

С жутким свистом обрушился сверху молот, однако звука удара не раздалось,— в какой-то миг механик остановил молот многопудовой махины. Жмурясь и не выпуская трубки из зубов, Таусон попробовал вытащить зажатые между молотом и наковальней часы, не смог и предложил сделать это самим гостям... Потом все крутили и вертели целехонькие часы, восхищаясь искусством механика. Сарычеву, велев ему спуститься, жали руку, а Таусон, как бы в назидание остальным рабочим, важно вытащил бумажник и наградил его ассигнацией.

Гости, оживленно переговариваясь, еще маячили в воротах цеха, когда чей-то голос, перекрывая шипенье остывающих в корытах клещей и зубил, крикнул:

— Артельщик прибыл!

Наступил святой час — обед, а заодно и выдача денег. К столу артельщика выстроилась очередь. Засуетилось цеховое начальство — мастера, табельщики, нарядчики. День получки всегда самый беспокойный день на заводе.

Дожидаясь очереди, рабочие закусывали из принесенных узелков и обсуждали фокус с часами. Искусство Сарычева никого не тронуло. Механика считали прихвостнем, подлизой, в цехе это был человек чужой и ненавистный, вроде мастера.

Насадчик бандажей Миронов, человек неимоверной силы, сипел простуженным голосом:

— Он, сучий хвост, со своим фокусом кому хошь без мыла влезет. Сейчас — видели? — артельщик с ним за ручку, деньги — без очереди.

Тимофей Жмаченко, запрокинув голову и сильно двигая оголенным горлом, жадно пил из чайника. Оторвался, пролил себе на грудь.

— А в лавке? — задыхаясь спросил он.— Ты придешь, тебе суют обрезь да болонь, а он придет — ему уже в газетке приготовлено. Одна шайка-лейка!

Старый кузнец Неелов, подбирая из узелка последние крошки, окликнул проходившего мимо Шалая:

— Вань, а Вань, я гляжу, ты с мастером сейчас стоял. Чего он хочет от тебя?

На худом лице Шалая маска спокойствия, лишь горят полуприкрытые глаза.

— Он дождется! Он забыл, шкура, какой нынче год идет!

— Вань, ты его ножиком зарежь! — крикнул смешливый Силуянов и захохотал.

Не останавливаясь, Шалай взглянул на шутника, как на дурачка, и Силуянов сник, спрятался за спины. Ну его, этого Шалая! Свяжешься — не рад будешь...

В углу, где артельщик заставлял расписываться в ведомости и отсчитывал рубли, раздавались громкие голоса.

— Получил — убирайся! — на кого-то кричал артельщик.— В контору захотел?

Трое рабочих, Федоровский, Фирсов и Крикунов, выдрались из очереди, у всех троих недоумение на чумазых лицах.

— Это что же, братцы? — Федоровский глядит то на деньги в своей руке, то на ожидающих очереди рабочих.— «Штраф», говорит. «За что?» — «А стекло разбил».— «Да разве я нарочно? Ведь кусок этот мог мне в глаз попасть!» Так поговори с ним...

— Брось, не докажешь ничего,— вздохнул костлявый, с худыми лопатками, Савельев. Сам он боялся подходить к артельщику: каждый раз сумма штрафа оказывалась неожиданно большой. Дерут за что попало. Закурил — рублевка, опоздал на минуту с перерыва — полтина. По две шкуры дерут с рабочего, бессовестные!

Федоровский разглядел в очереди Артема, жалобно заморгал глазами:

— Парень, ты грамотный, скажи: как, по закону это? Я же не нарочно!

В кузнечном цехе Артем знал еще немногих, был новичком. Все ждали, что он скажет.

— Если с тебя взяли за разбитое стекло — неправильно. Окно надо было давно загородить. Ты, что ли, должен его загораживать? Об этом пускай начальство думает.

— Ага! — обрадовался Федоровский.— Так и я им то же говорю!

Артем сделал ему знак успокоиться:

— Ты не просто говори, а пойди и заяви жалобу.

Обеими руками Федоровский будто что-то кинул в сторону артельщика:

— А ты не слышал? Он говорить со мной не хочет!

Его поддержал степенный Крикунов:

— Мы жаловались. А он: «Жаловаться на наложение штрафов закон не разрешает».

Артем усмехнулся. Пользуясь темнотой, неграмотностью рабочих, заводчики придумали множество увер-ток, чтобы обходить фабричные законы.

— А вы так скажите: «Мы не жалуемся, мы только заявляем». Жалобу они не примут, а заявление обязаны принять.

— Эй, эй! — раздался от стола артельщика хозяйский голос мастера Молостова.— Ты чему там людей учишь? Без году неделя в цехе, а уже головы морочишь? Ишь, грамотей!

Загораживая Артема от мастера, Крикунов шепнул:

— Молчи! А лучше отойди. А то он, зараза, не отвяжется.

Мастер стал пробираться, расталкивая рабочих:

— Пусти... Эй, рот разинул! Чего стал, как дубина?

Артем не послушался совета Крикунова, не ушел. Протолкавшегося мастера встретил распаленный Федоровский. На обеих ладонях он протянул Молостову свои жалкие рубли.

— Это что же получается, Федот Иваныч? Кусок в окно летит — с меня берут. А если бы он мне в глаз попал?

— Запел! — прикрикнул мастер.— Забыл уже, как у ворот стоял? Рад был хоть в котельный, в «глухари». Смотри, вылетишь — настоишься. У ворот, видал, сколько народу на твое место просится?

Тихий Крикунов не выдержал:

— Ты это, Федот Иваныч... не того... Уж нам теперь, значит, и рта не раскрывай? Начальство мы не трогаем. Но про свое-то мы должны узнать?

— Если что — спрашивай, а не хайло дери! — крикнул мастер.— А то чуть что... Мало вам поблажек всяких сделали? И день рабочий меньше стал, и праздников прибавили... Нет, все вам мало!

Из глубины толпы ровным голосом Шалай проговорил:

— А в Москве и в Петербурге люди почему-то работу начинают в двенадцать часов дня.

Мастер вскинул злые острые глаза:

— Это кто сказал? Ты? Ты? Да дурачье вы чертово! Кто это вам наплел? В двенадцать часов дня... придумают же!

— Во всех присутственных местах,— снова раздался тот же ровный голос.

— Так то же в присутственных местах! — вскричал Молостов.— Сравнили! От дурачье!

— А мы не люди, что ли?

— Эй, эй! — и мастер, привстав на цыпочки, стал высматривать дерзкого.— За такие за слова... Знаешь?

— Испужа-ал! — просипел Миронов.— Болтаем тут... Весь перерыв на болтовню ушел.

С нехорошим выражением мастер прицелился в его удаляющуюся спину.

— Федот Иваныч,— снова вылез Крикунов и показал на мнущихся рядом с собой Федоровского и Фирсова.— Ну, стекло разбил — ладно. Но за ночные-то смены надо платить или не надо? Ведь сами знаете, Федот Иваныч, три смены отработали!

Мастер пожал плечами:

— А вам и платят.

— Да где же платят? За две заплатили, а за третью?

— За третью! — передразнил мастер.— А много ты наработал в эту смену? Больше лясы точил!

— Языком болтать он мастер,— ввернул механик Сарычев, аккуратно складывая платок, в котором приносил обед.

— Федот Иваныч, бога побойся! Или это мы виноваты, что работы не было? Ночь-то мы все одно прокапителились! А с утра ведь снова на работу.

— Ну, за простой вам никто платить не будет. Дураков нету.— Мастер повернулся к Сарычеву, подмигнул: — Видал их? Ночь пробалабонили, а денежки подай!

Чувствуя, как убывает настроение рабочих, Артем заметил, что по закону рабочим временем считается все время, проведенное людьми на заводе. Начальство, оставляя рабочих в ночную смену, обязано заблаговременно позаботиться о том, что они будут делать.

— А, это снова ты? — нахмурился мастер.— Это кто же тебе такой закон придумал?

— Правительство. Кто ж еще?

— И что же, там так и написано: платить за безделье?

Нарочно не замечая издевательского тона, Артем спокойно объяснил:

— Там написано: если рабочее время не оплачено, значит, хозяин пользуется нашим трудом бесплатно.

Мастер смерил Артема с головы до ног, потом переглянулся с Сарычевым:

— Ну, мы этих законов не знаем, не слыхали. А век, слава богу, прожили... Да и врешь ты все! — неожиданно добавил он.

Забавляясь замешательством мастера, Артем спокойно гнул свою линию:

— Можно справиться у фабричного инспектора. Он, кстати, подтвердит, что за границей, например, ночные смены вообще запрещены. А у нас не только оставляют людей в ночь, но еще и не платят.

— Ох, шибко грамотный ты, я гляжу, парень! Листовочки, видать, читаешь? А то еще, глядишь, и сам подкидываешь их? А? — Он поизучал лицо Артема, пригрозил: — Смотри, запомню я тебя!

— Зря ты с ним связался,— упрекнул Крикунов, когда мастер с Сарычевым отошли в сторону.— На черта он тебе сдался?

Низенький Силуянов лукаво толкнул Артема в бок:

— А ловко ты ему про правительство-то, про закон-то! Он, поди, и сам не знал.

— Знал,— кивнул Артем.— Что-что, а это он хорошо знает.

Без всякого усилия проталкиваясь сквозь толпу, появился Миронов. Он коротко мотнул Артему головой, приглашая его на два слова. От всей фигуры Миронова веяло несокрушимой мощью, но медное лицо было тревожным, маленькие глазки быстро взглядывали то в одну сторону, то в другую. Он крепко взял Артема за локоть, заставил его пригнуть голову. Они зашептались... Заметив, что по лицу Артема промелькнула тень досады и беспокойства, к ним быстро подошел Шалай:

— Что... Что случилось?

Миронов, не поворачивая к Шалаю чудовищной шеи, засипел:

— В контору человека вызывают. А мне ребята уже сказали: квартальный надзиратель с двумя фараонами, а потом еще какой-то штатский. Заметут!

Быстро соображая, Артем не удержался и глубоко вздохнул. Выследили! Ни в какую контору он, конечно, не пойдет...

— Ванька,— Миронов дернул Шалая за руку,— выведешь его через механический. Понял? Идите сейчас же, чего ждете? А то они сюда заявятся.

Задорно тряхнув чубом, Шалай показал все свои зубы:

— Сюда они не сунутся, не такие уж они дурные. Вон сколько кругом железа! А ну на голову упадет? Пошли, Федор Андреич, шагай за мной.

Уйти, однако, они не успели.

В широкие ворота кузнечного цеха вбежал запыхавшийся рабочий, махнул рукой и зычно прокричал:

— Бросай работу! В механическом парня убило!

Люди оцепенели — и вдруг гурьбой ринулись в распахнутые двери. Сарычев, не добравшись до своей кабинки, замер на ступеньках лестницы. Мастер Молостов растерянно блуждал глазами.

Громадный цех в одну минуту обезлюдел.

Пространство между цехами загромождали горы металлического хлама. Под ногами бегущих гремело брошенное где попало листовое железо.

В механическом цехе у Артема зарябило в глазах от обилия кожаных приводов: сплошная перепутанная сеть. С бешеной скоростью вертелись колеса передач, свист трансмиссий мешался с визгом работающих станков.

Недалеко от входа на куче спиралей стальных и медных стружек лежал рабочий с разбитой головой. Грязный

пол цеха был залит яркой кровью. Вокруг убитого собралась толпа.

— Эх ты, сердешный,— вздохнул, проталкиваясь ближе, Миронов.— Как это его зацепило?

Ему что-то ответили — за свистом приводов и лязгом вхолостую работавших станков не было ничего слышно.

— Да останови там! — покрыл шум цеха чей-то злой голос.

Через минуту станки разом замерли. Под низкой крышей цеха установилась напряженная тишина. Прибегал народ из соседних цехов, люди тянулись на цыпочках, стараясь заглянуть через головы стоявших впереди.

— Ну чего, чего стали? — начал пихать рабочих мастер Крыгин.— Цирк нашли! Расходись. Сам виноват.

— Ты виноват, шкура! — крикнули из задних рядов.

— Мордой тебя в кровь! Смотри, дождешься.

Молодой рабочий Хитяев рванул на груди рубаху и грудью полез на мастера:

— Башки всем поотрывать, кровососам! На, на, пей, гад!

Миронов, соразмеряя свою силу, легонько толкнул его в плечо:

— Постой, не ори. Тут не орать надо.

— Пусти меня! — кричал Хитяев.— Я ему горло вырву!

Единым движением толпа качнулась к мастеру.

— Стой! — заревел, растопыривая руки, Тимофей Жмаченко.— Не надо. Разберемся по порядку.

«Молодец!» — мысленно одобрил Артем. Самосуд над мастером лишь помог бы администрации завода замять убийство рабочего.

Убитым оказался молодой наивный парень Павлушка Машкин, недавно поступивший в цех. Мастер Крыгин приказал ему, не останавливая станка, перепести приводной ремень на другой шкив. Павлушка испугался:

— Остановил бы, дяденька. Ишь как он воет.

От стремительно носившегося ремня в лицо парню задувало ветерком. Здесь растеряется и опытный рабочий.

Мастер рассердился:

— Деревня! «Воет»... Мужик ты, мужиком и остался. В город его понесло! Теперь что — ради тебя весь цех останавливать? Прут вон возьми, дубина, подцепи половчей да и перебрось. Учить вас надо?

Пристыженный Павлушка подобрал с пола тяжелый четырехгранный железный прут и нерешительно приблизился к бешено вращавшемуся шкиву.

Пожилой рабочий у соседнего станка разогнулся и окликнул Павлушку:

— Эй, парень... осторожней!

— Держи как следует, дурак! — крикнул мастер.— Мало каши ел?

С исказившимся лицом Павлушка решительно поддел ремень и рванул его на себя. Все дальнейшее произошло в секунду: гром отброшенного прута, крик несчастного Павлушки. Голову парня захватило под ремень, брызнула кровь...

Жмаченко еще успокаивал толпу рабочих, когда из литейного цеха прибежал отец Павлушки, дядя Андрей. Он с ходу бросился на колени перед распластанным телом сына, дико схватил себя за волосы и вскинул обезумевшее лицо.

Постукивая каблуками, в цех быстро вошел щеголеватый инженер Творожников. Белый воротничок оттенял его румяные, хорошо выбритые щеки. Взгляд инженера скользнул по убитому и старику на коленях.

— Где мастер? — спросил он.

Ответили ему не сразу:

— Сбежал, где же еще?

Раздались голоса:

— Почему ремень не огорожен?

— Хоть бы вилы человеку дали. А то...
— Деньги жалеете, а нашего брата вам не жалко?
— Было бы болото, а лягушки наскачут!
Творожников заносчиво вздернул подбородок:
— Я не могу разговаривать с толпой. Изберите делегатов, пусть придут в контору. Виновные будут наказаны.

Все это он проговорил сухо, отрывисто, повернулся на каблуках и стремительно вышел из цеха.

Неимоверно худой Савельев проводил его взглядом и покачал головой:

— Слыхали? Делегатов ему выбери. А их возьмут да арестуют! Знаем.
— Пусть попробуют! — заявил Шалай.
К Артему подошел Миронов:
— Тебе, по-моему, ходить не стоит. Без тебя найдутся. Ребят мы сейчас пошлем, не оробеют.
Артем сказал:
— Пусть идут и ничего не боятся. Если что — мы их в обиду не дадим.
Дядя Андрей все еще стоял перед лежавшим навзничь сыном. По лицу старика текли слезы.
В присмиревшей толпе слышалось:
— Эх, жалко парня. Женился, ребятенка ждал... Дядя-то Андрей как убивается!
— Будешь убиваться! Один сын был, и тот...
— Баба его еще не знает. Вот радости-то будет!
Делегатов выбрали и проводили в контору. Цех к работе так и не приступал. Рабочие ждали, с чем вернутся делегаты от начальства.

Вечером, перед концом смены, в цех прибежал посыльный из конторы:

— Чего стоите, чего ждете? Идите по домам. Сейчас ночная смена заступать должна.
— Где наши? — крикнули ему.

Посыльный рассмеялся:

— Не бойтесь, никто их не съест. Директора ждут. Директор в управление уехал. Дело-то не шуточное!

Убедили людей не столько слова посыльного, сколько его веселый тон. Судя по всему, с делегатами ничего худого пока не приключилось. Что же, подождем.

И рабочие, собрав и сложив инструменты, отправились к проходной.

Из предосторожности Артема повели с завода кружным путем. Впереди уверенно шагал Шалай. Он знал здесь все входы и выходы. Сопровождать их вызвалось человек пять из боевой дружины.

Быстро темнело. Над территорией завода стояла плотная туча дыма, умирающий закат окрашивал зловещим цветом ее темное подбрюшье.

За последними цехами простиралось унылое осеннее поле. Никакой ограды здесь не было. Шалай насмешливо сказал:

— Там, дураки, ворота охраняют, а здесь хоть весь завод уноси.

Артем увидел мужиков с подводами, возивших от путей железо, глину, кокс. Заметно было, что возчики совсем недавно оторвались от сохи и были неповоротливы, неловки, все их здесь пугало.

Когда спустились с крутой железнодорожной насыпи, Жмаченко проговорил:

— Все думаю о Сарычеве. Часы-то золотые были! Поди-ка, сотню или две стоят. А он... Ловко, черт! Это же уметь надо!

У Жмаченко, работавшего подручным кузнеца, была давнишняя мечта — стать мастером золотые руки. Он всей душой поверил, что революция, о которой говорил рабочим на занятиях кружка Артем, откроет ему путь

к большой учебе, а уж там настанет время, когда люди будут восхищаться каждой вещью, сделанной его искусными руками.

Покуда шли полем, Артем рассказал попутчикам о машинисте паровоза, у которого он когда-то работал помощником. Машинист был удивительным мастером своего дела. Он мог стронуть состав с места, не расплескав чай в стакане, или на спор прижать бандажом паровозного колеса к рельсу яйцо и не раздавить его.

Парни из боевой дружины, не забывая посматривать по сторонам, внимательно слушали. Фабричного человека, заметил Артем, всегда привлекают случаи выдающегося искусства рабочих рук. Сами машины они еще считают сплошной выдумкой начальства, а вот мастерство работающих на них людей — признаком природных способностей своего брата рабочего и втайне этим гордятся. Дескать, была бы жизнь немножечко полегче, можно бы такого навертеть! Но ничего, дождемся.

Начав работать на Харьковском паровозостроительном заводе, Артем с каждым днем убеждался в том, что заводы и фабрики являются крепостями в войне с самодержавием. Пролетариям действительно нечего терять. Вся их надежда была только на будущее, которое следовало добывать в ожесточенной борьбе. К этой борьбе большевики и готовили рабочий класс.

Настороженность, с какою вначале рабочие отнеслись к нему, интеллигенту, бывшему студенту, недавно вернувшемуся из-за границы, быстро прошла, едва они увидели его работающим рядом с ними. Он не подлаживался к ним, просто с самого начала стал жить такой же жизнью, как и все они, выполнять ту же надсадную работу. Так, он знал, поступают все истинные революционеры, с которыми судьба сводила его в первые годы подполья: Бабушкин, Бауман, Лалаянц. Что же касается его интеллигентности, то вскоре он заметил, что она не только не

отталкивает рабочих, а, наоборот, все больше привлекает их к нему, рабочие испытывали гордость, что борьбу с самодержавием ведут не только одни голодные, обездоленные люди.

К студенческой тужурке, обратил внимание Артем, у сегодняшнего рабочего отношение такое — союзник, помощник.

Многие явления заводской жизни, перед которыми рабочие по своему незнанию становились в тупик, получали вдруг простое, ясное истолкование, и человек грамотный, умеющий все это объяснить, растолковать, приобретал в их глазах непререкаемый авторитет. Они и сами всеми силами стали тянуться к знаниям, к грамоте, и для вечерних рабочих кружков уже не хватало опытных пропагандистов.

В конце большого пустынного поля замигали огоньки рабочего поселка. Наверху, в ненастном темном небе, важно и медлительно пророкотал гром, сухие метелки полыни замерли в тревожном ожидании. Раз или два редко и весомо капнуло. Перед тем как разойтись дождю, из глубины ночной степи вдруг подул влажный ровный ветер — словно потянуло холодом мирового пространства.

Пришлось прибавить шагу.

— Осень,— вздохнул Жмаченко и посмотрел вверх, где была сплошная чернота.— Вот летит время!

Больше до самого поселка никто не проронил ни слова.

Вдалеке, над центром города, стояло розовое сияние большого разгорающегося огня. Там начиналась шумная вечерняя жизнь. Здесь же, на окраине, подслеповато мигали окошки бараков и землянок и было тихо — день для рабочих уже умер, чтобы через несколько часов начаться по гудку в сыром рассвете. Впрочем, сон глухой окраины был неспокойным. Время от времени в стороне, над горячими цехами, вдруг взметывались вверх огненные всполо-

хи, насыщая кровавым цветом низко ползущие тучи. Большой завод с многими сотнями рабочих не знал ни минуты роздыха...

Глава третья

Как многие промышленные города юга России, Харьков «сделал свою карьеру» в какие-нибудь сорок последних лет перед началом нового, двадцатого века. Подняться на ноги и обрести свое значение ему помогли металл, уголь и машиностроение. За эти сорок лет население города выросло в четыре раза.

Вокруг холма, у слияния двух речек — Лопани и Харькова, где всего две с половиной сотни лет назад появились первые мазанки беженцев из Заднепровья, а затем выросла небольшая крепость, чтобы в этом месте перехватывать хищных и коварных крымцев, теперь тянулся этажами вверх и расползался вширь окраинами громадный, невпроворот богатый городище. Город слал телеграммы в Лондон, Лодзь, Чикаго и Лион об отгрузке паровозов, сельскохозяйственных машин, чугунного литья, стали; он торговал, ворочая миллионами пудов украинского хлеба, выпускал несколько трескучих и разнообразно настроенных газет, гордился своим театром, где не проходило месяца без столичных гастролеров, завел свой университет, уже давший миру несколько известнейших имен.

Беспрерывно богатея, украшаясь великолепными зданиями банков, контор, компаний, гостиниц и присутственных мест, Харьков пробивался в первые ряды промышленных центров и начинал надменно поглядывать на своего близкого соседа, матерь православных городов — Киев.

Сквозь пестрый поток улиц, перегруженных коляска-

ми с рысаками, помещичьими экипажами и пролетками извозчиков, пугая кряканьем рожка перебегавшую дорогу барышню с коробкою в руке и заставляя повротить шею брюхатого генерала, на котором порывом ветра вдруг заворачивало полу шинели с красной подкладкой, проносились последние новинки бешено начавшегося века — автомобили. В них на упругих кожаных подушках, отражаясь в зеркальных стенках изобретательно украшенных витрин, восседали самоуверенные люди в просторных заграничных пиджаках и котелках, с сигарами в углу рта. Эти люди, перекосив автомобиль набок, грузно сходили у стеклянных подъездов контор и сквозь махающие двери, поигрывая тростью, с одышкой подымались по ковровым лестницам наверх, в залы заседаний, чтобы сообща поломать голову над тем, как забить опасных конкурентов из Америки, Германии и Англии.

Международное соперничество в добывании барышей давно уже перешагнуло всякие границы, даже государственные.

Забивать иностранных конкурентов обычно удавалось самым простым, самым неизобретательным способом — низкими расходами на производство, потому что редко где в мире рабочая сила была так дешева, как в России, — отощавший на своей скудной десятине мужик бросал бесприбыльное голодное хозяйствишко и плелся в город, топтался и ночевал у заводских ворот, косо поглядывая на таких же безземельных горемык, которых русская деревня все больше подбрасывала в города к проходным заводов и фабрик.

Однако, увлекшись дешевизной рабочих рук, хозяева проглядели страшную угрозу, которая до поры до времени бродила, набирая крепость, в окраинных поселках и слободках, отодвинутых подальше с глаз — за Холодную гору с ее тюрьмой и к Сабуровой даче с психиатрической больницей. Там в смрадной тесноте рабочих бараков юти-

лись тысячи и тысячи озлобленного народу, питая своим каторжным трудом великолепие цветущего города с его банками и конторами, театром и университетом, жандармским управлением и генерал-губернатором, полицейскими участками и солдатскими казармами.

В рабочем поясе, охватившем город со всех сторон,— в цехах заводов, коптивших небо бесчисленными трубами, в бараках Ивановки, Габаевки, Песков — немногочисленные пока большевики упорно бились за пролетарскую беспартийную массу, стараясь оторвать ее от звонких, как жестянки, лозунгов меньшевиков и эсеров, пробуждая в ней гордое рабочее самосознание, готовя ее к моменту, когда она, и только она, должна будет взять государственную власть и уничтожить даже самую память о самодержавии, нищете и эксплуатации.

Все чаще в неурочный час раздавался сиплый, басовитый гудок паровозостроительного, его подхватывали соседние заводы, созывая озлобленные толпы изломанных работой людей. С дымных городских окраин в благопристойный центр прорывались сквозь полицейские заслоны устрашающие демонстрации под красным флагом, грозно распевавшие сугубо свои, пролетарские песни: «Смело, товарищи, в ногу!», «Беснуйтесь, тираны!», «Не плачьте над трупами павших борцов». На демонстрантов набрасывалась остервенелая полиция, стараясь первым делом вырвать у них из рук мятежный лоскут кумача, прибитый к палке, затем растаскивала по участкам схваченных и там, в застенках европейски красивого, благоустроенного города, била их с азиатской изощренностью, обрекая на увечья, болезни и смерть.

После того как над арестованными отводили душу в участках, их, кое-как подлечив, чтобы держались на ногах, выставляли на судилищах, и чиновники с сияющими пуговицами, полистывая толстенный свод императорских законов, приговаривали подсудимых к каторжным рабо-

там, а часто и к казни, совершаемой в русских тюрьмах на раннем рассвете, когда над грязными окраинами тоскливо начинали пыть гудки заводов, требуя обитателей бараков на работу.

Но время шло, полиции стало уже не под силу ограждать покой большого города от фабричной беспокойной черни, тогда на помощь ей пришли солдаты регулярной армии. Усатые фельдфебели зорко следили, чтобы между толпой бастующих рабочих и серой шеренгой солдат сохранялось расстояние не меньше длины винтовки с примкнутым штыком.

— Эй, осади назад! — грозно покрикивали усачи и с опаской ждали появления офицеров.

Фельдфебель проходил, тогда молодой рабочий, чрезвычайно бойкий, принимался задирать солдат, пытаясь пробудить в их тупо-служебных глазах хоть искру мысли:

— Скоро по домам пойдете, хватит вам винтовку гладить. Вот возьмем власть — и сразу вашего брата к бабам на деревню.

— Хорошо бы,— осторожно вздыхал кто-то из солдат.

— А! Охота, значит, домой? Тогда помогайте нам. Чего ждете-то? На дядю надеетесь?

Высокий сумрачный солдат, глянув, не идет ли назад фельдфебель, смерил бойкого рабочего взглядом и насмешливо проговорил:

— Дали вот нам по двести штук патронов на вашего брата забастовщика.

Молодой рабочий, будто до смерти испугавшись, вытаращил глаза:

— Ну и... стрелять, значит, в нас будешь?

Гася усмешку, солдат ответил:

— А поглядим куда.

Тот солдатик, что вздыхал по дому, пояснил:

— Мы что? Мы ничего. Офицеры вот.

Его толкнул высокий, чтобы замолчал.

— Вы нам точно скажите,— потребовал он,— просто бастовать будете или до оружия дойдет?

— Да ведь...— растерялся рабочий,— как выйдет.

— Нет,— настаивал высокий,— нам надо знать. А то вы побастуете да по домам, а с нас головы долой.

— Ты лучше вот что,— сообразил рабочий,— я тебе адрес дам. Приходи-ка, как в увольнение пойдешь. Придешь?

— Одному или еще кому можно? — спросил высокий.

— Всех бери, кому охота! А там договоримся.

Так что скоро не стало надежды и на солдат. Тогда против своих окраин город выставил полки казачьей конницы.

Теперь обыватель, встречаясь утречком с соседом, первым делом с тревогой сообщал, что на заводах снова неспокойно. И хоть кое-кто еще пытался с легким сердцем отмахнуться — дескать, а когда на них было спокойно? — душа сжималась. Многих вдруг пронзил ужас внезапного открытия: рабочие окраины, словно по хорошо продуманному плану, обложили город плотно, крепко — не вырваться. Настоящая осада!

Где же спасение?

А между тем волны народного возмущения, прокатываясь по всей стране, стали достигать подножия трона. И тогда царизм, чтобы набраться уверенности и сил для борьбы с «врагом унутренним», решил — с большого, видно, ума! — затеять быструю и обязательно победоносную войнишку, и побежали за Байкал тоскливо ревущие поезда с солдатами, поползла через моря и океаны, заволакивая горизонт тучами копоти, громоздкая эскадра адмирала Рожественского — к ликованию одних только подрядчиков, сильно нагревших руки на бумажных подметках и гнилом шинельном сукне. Напрасными оказались надежды, что победоносная война «сотрет» назревающую революцию. Побить японцев не удалось. Вместо ожидае-

мой победы получился мировой позор: Порт-Артур, Цусима... Вместо поправки своих дел царизм окончательно себя опорочил. Позор японской войны сдернул с глаз пелену даже у самых благонамеренных. Увидели: на дворе двадцатый век, а в родной сторонке все те же урядник с плеткой, квартальный с кулачищем, становой с недоимками, и если подданным вдруг придет в голову спросить царя, когда же конец вековечным мукам, ответ следует нагайкой, пулей, петлей.

Новый век занялся над Россией недоброю кровавою зарей. Русские кости легли в грязь сырых маньчжурских полей, над головами русских моряков сомкнулись холодные волны чужого моря возле острова Цусима. А едва начался пятый год столетия, новое страшное кровопускание народу было устроено уже не на полях войны, а дома, в столице, прямо под окнами царского дворца: войска принялись в упор лупить из винтовок в плотную людскую массу, пришедшую с окраин к своему царю. На весь мир раздался истошный вопль обманутого, забрызганного кровью невинных жертв Гапона: «У нас нет царя!»

Глава четвертая

В большой барачной комнате, куда Артема завели подождать возвращения делегатов от директора завода, жили три рабочие семьи. Каждая занимала угол, отгороженный ситцевой занавеской. Посередине под висячей керосиновой лампой стоял обеденный стол.

Стуча ножом, Тимофей Жмаченко крошил очищенную луковицу. Лицо Тимофея хмуро — только что в коридоре его встретил дядя Андрей и попросил скрыть смерть Павлушки от молодой беременной жены. Свихнулся старик, что ли? На что надеялся? Все равно ведь узнает!

Старый кузнец Неелов нетороплив сворачивал цигар-

ку из крепчайшего табака и говорил, обращаясь к Артему:

— Ломил я всю жизнь, и по трудам моим мне бы дом каменный под железной крышей иметь, хозяйство всякое, а мне, сам видишь, выйти не в чем, ладошкой прикрываюсь. Хочу я тебя, парень, вот о чем спросить. Вот ты учился, за границей жил. Неуж и там человека меряют не по труду, а по рублю?

— Везде, Иван Иваныч. Рабочему человеку и за границей худо.

Старик подумал над его словами.

— Хорошо, еще спрошу. Почему они не понимают, что сытый человек лучше работать будет? Даже лошадь кормят, чтобы быстрей везла!

Жмаченко, махая рукой, чтобы прогнать слезы от едкого лука, сказал:

— Кормить тебя — расходу больше. Им рубль важней.

— Ты погоди,— остановил его старик,— я не тебя спросил.

— Он правильно сказал, Иван Иваныч,— отозвался Артем.— Тратиться на тебя расчета нет. Сам видишь, сколько у ворот завода ждут. К тому же капитал-то большей частью иностранный. Этим лишь бы сорвать побольше.

Тимофей ссыпал лук в большую деревянную чашку и принялся крошить туда же черствую краюшку черного хлеба.

— Вот сами власть возьмем,— весело сказал он старику,— все по-своему переиначим. Ты у нас, дедушка, самым первым будешь.

Закуривая, старый кузнец сердито дернул головой:

— Власть он возьмет! А дальше что? Сам-то ты умеешь только молотом вертеть. Деньги получаешь — крестик ставишь. А паровоз — штука умственная. Придется тем же инженерам в ножки поклониться. «Идите, мол, владейте нами дураками». То на то и выйдет.

Тимофей вмешался снова:

— А ты и учись, пока не поздно. А то сам в кружок не ходишь и парня своего не пускаешь. «Греха не оберешься, арестуют...»

Неелов был человеком себе на уме, и Тимофей его недолюбливал.

Кончив крошить хлеб, Жмаченко налил в чашку горячей воды, посолил и чуть плеснул подсолнечного масла. Получилась мурцовка — каждодневная еда рабочего. Только по праздникам в лавке покупалась селедка и ситный хлеб да пекся пирог с кашей или кислой капустой.

— Федор Андреич, с нами,— пригласил Тимофей, доставая ложку.

Пока одна семья обедала, остальные жильцы выходили в коридор.

Не успели сесть за стол, раздался шум, топот ног, голоса — вернулись делегаты от директора завода. В комнате стало не протолкнуться. Настроение делегатов было боевое.

— Ну что? — принялись они рассказывать.— Отложили до утра. Но директор сказал: «Выдадим семье из больничной кассы». Обещал пятьсот рублей.

— Ну-у! Тогда еще ничего,— сказал старик Неелов.

Тимофей, отложив ложку, молча смотрел на Артема. Неужели дирекция откупится какими-то рублями? Но, с другой стороны, пятьсот рублей — деньги немалые. Могли бы и ничего не дать. В прошлом году в литейном цехе рабочий упал спиной на раскаленный брус и умер в больнице. Осиротевшей семье не дали ни рубля, сказали, что сам виноват.

Вдруг в дальнем конце барака раздался истошный женский крик. Все вздрогнули и догадались: жена несчастного Павлушки. Кто-то все-таки проговорился.

— Эх-ма,— вздохнул Силуянов.— Дождалась.

Шалай ввернул:

— Утром проводила живого, а теперь — пожалте в кассу!

— Федор Андреич,— не вытерпел Жмаченко,— чего молчишь?

Задумавшись, Артем сплел пальцы рук и крепко сжал.

— Больничная касса...— проговорил он, упираясь взглядом в свои руки.— А откуда она взялась на заводе? Разве не из наших же денег? Вспомните — с каждой получки берут. Само начальство туда не вкладывает ни копейки. Что же получается? Убили человека они, а платить должны мы!

— Ловко! — воскликнул Силуянов.— За свои, выходит, грехи, да нашими деньгами?

— То-то они добренькие такие! Пятьсот рублей.

Рабочие возбужденно галдели, обсуждая такое неожиданное и такое простенькое открытие.

— А если в Совет? — предложил Жмаченко.— Должны же разобраться?

Худой Савельев махнул рукой:

— Совет твой... Одна шайка-лейка!

— Тогда куда же? -- спросил кто-то.— К богу, что ли?

Шалай рассмеялся:

— До бога высоко, до царя далеко. За горло надо брать!

— Опять ты за свое! — рассердился старик Неелов.— Нам жить надо, а ты все политику суешь. В тюрьму захотел? Иди сам туда.

Кивком головы Шалай показал старику в ту сторону, откуда доносились причитания жены Павлушки.

— Слышишь? Вот и помалкивай. Политики он испугался! Или, думаешь, наша жизнь подорожала? Эти пятьсот рублей... ты еще находишься, пока их выпросишь. Просто так они их тебе не выложут.

— А вот за это и надо горло драть! — крикнул старый кузнец.— Тут я тебе помощник.

— Мы с тобой будем горло драть, а они будут людей гробить? — тоже вышел из себя Шалай.

Старик, устав, махнул рукой:

— С тобой разве сладишь?

Через два часа привезли гроб с телом Павлушки, освободили комнату, выставили посредине стол. Потянулся народ из других бараков. Уже вертелся вечно пьяный Валет, выгнанный месяц назад с завода. В трезвом виде Валет мужик тихий, даже робкий, но во хмелю становился буен и, затевая драки, день-два проводил в полицейском участке. Вместе с Валетом заявился строгальщик Еремеев, набожный и трезвейший человек, но сегодня вдруг отчего-то тоже пьяный вдребезги. Да что сегодня за день такой! У Еремеева была перевязана голова, он навзрыд плакал и выкрикивал:

— Терпи, народ, пока час пробьет, пока твой стон до господа дойдет. Терпи, холоп, подставляй свой лоб. Терпи, мужик, ты терпеть привык...

В эту ночь рабочие так и не ложились и встретили утренний гудок завода на ногах.

День начался как обычно.

На первый взгляд, работа всех цехов шла своим заведенным порядком. Как всегда, слышался грохот, стук, лязг и скрежет металла, мерный гул сотен станков и машин. Металл, как обычно, ковался, разрубался, резался, распиливался и обтачивался. Однако опытное ухо нет-нет да улавливало в этом привычном множестве звуков нарушения нормального ритма работы. Наметанный глаз мастера вдруг замечал то остановленный без надобности станок, то группу зачем-то собравшихся возбужденных рабочих. Получив замечание, рабочие послушно расходились, но огрызались как волки.

Завернув в кузнечный цех, Шалай пробрался к Кри-

кунову и, здороваясь, протянул ему руку. Из рукава выскользнула тоненькая трубочка скатанных листовок.

— Держи. Здесь для всей смены. А я — к «глухарям».

«Глухарями» на заводе звали чернорабочих котельного цеха. Здесь было меньше огня и чада, но грохот стоял оглушительный. Шалай ловко сновал между рабочими, бегающими с раскаленными гайками и заклепками. Он заглянул в гулкий резервуар котла, просунув голову в узкую горловину. В кромешной темноте он разглядел человека, подставляющего свое тело, как подпорку, под здоровенные удары молотом снаружи. Соединяя железные листы котла, кузнец лупил кувалдой по заклепке, а человек изнутри, грудью навалясь на рукоятку, выполнял роль наковальни. Ноги подручного скользили по гладкому круглому полу, тело приходилось изгибать в самых невероятных позах. Заклепка, по которой снаружи били молотом, должна была не только не выскочить, но даже не сдвинуться с места. За такой брак с «глухаря» высчитывался рубль штрафа. «Глухари» — последний сорт заводских рабочих, получающих за свой нечеловеческий труд копейки.

— Степан! — заорал Шалай во все горло.

Но рабочий внутри котла услышал его, лишь когда кузнец снаружи перестал орудовать своим молотом. Чумазое лицо Степана словно облито, ртом он жадно заглатывал воздух. Поправив ремешок на спутанных волосах, Степан принял из руки Шалая тоненькую трубочку и показал, что все понял.

В обеденный перерыв по всем цехам прокатилось возбуждение: в рабочие ящики кто-то подложил листовки.

— А что с ней делать? — оробел Савельев, обнаружив листовку сверху узелка с обедом.

Шалай фыркнул:

— А вон Федотке Молостову пониже спины паклей!.. Дура, читать умеешь? Ну и читай.

В механическом цехе мастер налетел на рабочих, собравшихся пить чай.

— Опять митинговать?

Он поддел ногой шаткий деревянный столик, опрокинул чайник с кипятком. Рабочие не произнесли ни слова, подобрали с пола кружки, взяли свои узелки и, пересмеиваясь, разошлись. И мастер оробел, замолк, пуще всяких угроз напугала его эта затаенная покорность рабочих.

День прошел в ожидании известий от дирекции. Делегаты сидели в конторе с самого утра. К вечеру пошли слухи, что автомобиль директора завода господина Рицонни видели возле жандармского управления и у подъезда губернского воинского начальника. Получалось, что администрация попросту тянет время, добиваясь вмешательства в конфликт властей и военной силы.

Большевистский комитет постановил прекратить работу обеих смен, дневной и ночной, а на случай появления казаков привести в боевую готовность рабочие дружины.

— Значит, Иван, слушай. Много не говори, а главное — не мудри и не умничай. Вот как обычно говоришь, так и с ними.

— Боязно, Федор Андреич. Народ с работы — злой, голодный. Как их, чертей, проймешь? Слушать не станут.

— Будешь дело говорить — станут. По себе не знаешь? Ты, Ваня, сейчас бей на то, что хозяевам некуда деваться. У них заказ на двадцать паровозов. Заказ срочный. Забастовка их подкосит. Заказчики из них душу вынут штрафами.

— Это ясно. Не помешали бы только. Заметили? Тут где-то этот товарищ Владимир трется. Ну, ботало! — Шалай изо всех сил перекосил чернявое лицо и голосом как можно отвратительней засюсюкал: «Вы теперь свободные граждане свободной России. Ваш долг не узурпа-

ция власти, а борьба, на основе парламентарной свободы, завоеванной народом».

Артем рассмеялся. Шалаю он посоветовал:

— Они свое гнут, а ты — свое. Люди же не дураки, разберутся.

— Пока они разберутся, их на веревочку привяжут. Развесили уши: свобода, манифест! Глаза бы не глядели! Не поверите, Федор Андреич, сегодня ночь не спал. Все думал, как бы позаковыристее их прошибить. Шутка сказать: одно дело вот как с вами, а то — митинг! Тут слова-то какие надо! Их сейчас сотни из всех цехов вывалит. Язык присохнет. А вот вам, не помните, тоже страшно было первый раз?

— А ты думал! Ого! Все слова сразу забыл.

— Только вы не отходите. Если что — подтолкнете, подскажете...

— Слушай, Ваня,— Артем понизил голос,— а что это с тобой за парень ходит? Пришел, стоит, молчит.

— Степа! — тотчас же позвал Шалай и махнул стоявшему в стороне приятелю, чтобы подошел поближе.— Парень, Федор Андреич, хоть куда. Был на подсобных, шлак откидывал. Сейчас в котельном, в «глухарях». В нашем деле — прямо клад. Скажи: умри — умрет. А сильнющий, быка убьет... Степа, ну какого черта жмешься? Раз говорят — иди, значит, иди. На тебя вот поглядеть хотят... Он еще малость не дослышит,— пояснил Шалай.

Плечистый неуклюжий парень от смущения остановился в двух шагах и замялся, не зная, куда девать свои огромные, висевшие без дела руки. Парень был перед Артемом как на ладони: жить в деревне стало невмоготу, и он принес в город на продажу свой единственный товар — руки, не боявшиеся никакой работы. Сколько же пройдет времени, прежде чем завод выварит из него настоящего рабочего — подвижного, нервного, ловкого, которого уже ничего на свете не удивит?

Парень Артему понравился.

— Давно в котельном?

— Да уж с год,— ответил за приятеля Шалай.

Жалея парня, Артем покачал головой: каторжная работа.

— В кружок бы его надо.

— Ходим. Я, Федор Андреич, слово себе положил выковать из Степы человека. Это вы сейчас на него смóтрите. А вы бы поглядели, когда он из деревни явился. Лапти, торба... Телок телком, только что не мычал. А сейчас им хоть по башке лупи, хоть в пушку заряжай. Недавно так на мастера зыркнул, тот сразу взад пятки. Да вы еще увидите, еще услышите о нем!

За разговором Артем поглядывал на заводские ворота. Близился конец смены, сейчас должен зареветь гудок.

За невысокой заводской оградой в беспорядке громоздились почернелые корпуса цехов, торчали в осеннем небе жерла дымившихся кирпичных труб. Выделялся огромными размерами паровозосборочный цех, вытянувшийся на несколько сот саженей. Его венчала полукруглая стеклянная крыша, совершенно черная, с фанерными заплатами. Все строения в ограде были закоптелые, пропитанные сажей и дымом, точно после громадного пожара. В пространстве между цехами валялся старый металлический хлам, полуразрушенные паровые котлы, чугунные плиты, рельсы, горы угля, шлака, перегоревшего железа. Из кузнечного цеха даже сюда, в проулок, доносились тяжкие удары исполина «Егорыча». Время от времени воздух вдруг пронзали странные звуки, как будто за оградой перебрасывали груды листового железа или для чего-то колотили в чугунную доску. Все это мешалось со свистками бегающих паровозов, с лязгом дергающихся вагонов, заволакивалось удушливой черной мглой. Завод работал, гремел и тяжело дышал, обожравшись рудой и углем.

— Где там гудок запропал? — проговорил Артем.— Время.

Шалай, как бы определяя, который час, взглянул на серое небо, на ворота, на сборочный цех.

— Сейчас заревет, никуда не денется... Я, Федор Андреич, хотел вам про кружок про наш сказать. Хреновина какая-то начинает получаться. Вот Степа стоит, не даст соврать. Раньше с нами Савостьянов занимался, наш, заводской — ну просто золото! А как его арестовали, пришел какой-то длинноволосый из города, в очках, все зубы врозь. Вы чем, спрашивает, занимались до меня? Книгу, говорим, читали, рассуждали. А Савостьянов нам харрошую книгу приносил — про Спартака, про восстание. Где вслух прочитает, где сам расскажет. Так у длинноволосого всю рожу повело, будто ему... не знаю что в рот попало! Вы, говорит, сначала должны историю Греции и Рима изучить, а потом уж за такие книжки браться. Иначе, говорит, напрасный труд и трата времени. Ничего не поймете. И морду все назад закидывает, как лошадь, чтобы через очки на нас смотреть. Может, его послать куда подальше, Федор Андреич? А?

— Все бы ты посылал! Чем он с вами занимается?

— Да чем...— Шалай расстроенно махнул рукой.— Про манифест ему, видишь ли, глянется сусолить. Деськать, свободу завоевали, надо теперь в Думу выбирать. А я сидел, сидел, да и спросил. Что это, говорю, нас снова штрафами стали жать? По манифесту вроде бы не положено. Так он такую сухомятку для мозгов развел — слушать тошно. Не будет у нас с ним никакого толку, Федор Андреич. Мне уж и ребята жаловались.

— Гудок! — объявил молчавший до сих пор Степан и показал на засуетившихся охранников-черкесов, выбежавших из караульной будки возле ворот.

Гудок заревел сначала сипло и надсадно, как простуженный, потом прочистился и дал свой настоящий голос,

густой, басовитый, на одной сильной низкой ноте, знаменитый гудок паровозостроительного, по которому вся рабочая окраина узнавала время, а в тревожных случаях выскакивала на улицы. Черкесы из заводской охраны, толкая створки, распахнули ворота и стали по сторонам.

— С чего выступать-то будем, Федор Андреич? — спохватился Шалай.— Под ноги бы надо что-нибудь... Эх, голова садовая! Тары-бары развели, а о деле не подумали.

— Вон ящик у стены, не психуй,— не спуская глаз с ворот, проговорил Артем.

Появились первые рабочие, бегом, чтобы избежать толкучки, спешившие от цехов к воротам. Шалай весь подобрался от волнения. Верный Степан с пустым ящиком в руке не отходил от него ни на шаг.

Артем измерил густеющий поток рабочих и негромко произнес:

— Давай, Ваня.

Побежав вперед, наперерез валившему из ворот народу, Шалай выкинул вверх руку:

— Стой! Не уходи... Все стой!

Его узнали, стали останавливаться. Вокруг первых, кто задержался, будто закипел водоворот. Шалай был на заводе свой, выросший здесь с малых лет. Мальчишкой его привел сюда отец, определил себе в подмогу, чтобы не зря ел хлеб.

Степан поставил ящик и попробовал, сильно ли качается. Шалай легко вскочил и сразу по плечи высунулся из толпы. Его молодое сильное лицо, обожженное огнем свирепых заводских печей, было видно всем, тугие кудри сваливались на глаза, он их откидывал энергичными рывками головы.

Начать — самое трудное, это Артем знал по себе. Но Шалай, видимо действительно не спавший ночь, начал дельно, с самой сути, словно наторевший опытный оратор. Он заявил, что, убив рабочего, администрация и не

думает о расплате. Наоборот, медля с ответом, она выгадывает время, чтобы поострее наточить ножик для рабочего горла. Она втихомолку добивается, чтобы окончательный ответ рабочим сказали казаки своими нагайками. Довольно ждать! Молодцы чернорабочие, они уже подали свой голос. Надо поддержать их и остановить все цеха. Разом! Как когда-то, до манифеста. Завод сейчас выполняет срочный заказ на паровозы — так пускай начальство почешется.

— Деньги-то они, загребущие души, под паровозы загодя забрали,— выкрикивал Шалай, напрягая шейные жилы.— Забрали и уже поделили, в кошельки засунули. Хорошие деньги, между прочим. За скорость, за срочность. А мы им вместо скорости — о! — сложил тугой ядреный кукиш.— Вот вам, господа хорошие! (Кое-где раздался смех: «Уж этот Шалай!») Вам, значит, манифест, господа хозяева, а рабочему народу — опять хомут на шею? Не пойдет! Хотите, скажем, паровозы? Обеспечьте нам семью Павлушки Машкина. Сделайте так, чтобы человек мог на заводе жить, а не подыхать. А нет — работайте сами. А какие из них работники? Винтика не приладят... Значит, что же — штраф платить? Неустойку? Из кармана деньги доставать? Да они скорей повесятся! Правда, они могут вон мастера Федотку нанять да всяких черкесов немаканых. Вы их, дескать, прижмите как следует, а мы вас отблагодарим. Ну те, твари, и рады стараться!

«Эх, малепько в сторону понесло!» — подумал Артем, не забывая зорко поглядывать по сторонам. Манифест манифестом, а охранка терять время даром не привыкла. Поговаривали, что в Харьков подбросили филеров из самого Петербурга. Правда, хватали теперь не в открытую, но — хватали, не переставали. Так исчез Савостьянов, хороший пропагандист, партиец... В конторе, видимо, уже знают о митинге у ворот и звонят куда следует.

В той стороне, где ворота, послышался неясный шум. Артем насторожился: дерутся, что ли? Донеслись голоса: «Ну куда, куда? Или, думаешь, котелок напялил, так можно народ топтать?» — «Пусти! Пусти — тебе говорят!» — «Э, да он, братцы, еще пихается! Дядя Андрей, а ведь он тебе в карман залез. Я видел».— «В какой карман? Чего болтаешь?» — «Братцы, а ну-ка дай ему по котелку. Ишь ведь...» Взметнулся крик и тотчас оборвался. Артем усмехнулся: филер, шпик. Наверное, прятался у черкесов в будке. Молодой, видно, неопытный — надо же, куда, дурак, полез!

Во время заминки Шалай, блестя глазами, наклонился с ящика к Артему:

— Ну как, Федор Андреич? Ничего?

— Молодец. Прекрасно выступил. Слезай.

Вспрыгнув на ящик, Артем смял в кулаке кепку и одним взглядом окинул широкую массу народа. Как всегда в такие минуты, возбуждение острым холодком коснулось сердца и не отпустило до тех пор, пока он не выкрикнул со своего возвышения первого слова:

— Товарищи!

Люди, услышав его голос, затеснились вокруг ящика, сотни лиц с жадностью впились в него немигающими глазами. Появление Артема задержало даже тех, кто после Шалая направился домой. Этот человек зря не вылезет!

Деревянный хлипкий ящик под ногами Артема покачивался и трещал. Артем оперся на плечо Степана. Сейчас, когда весь город, вся страна жила ожиданием больших событий, дело было не в жалких копейках прибавки, на чем настаивали чернорабочие, и даже не в гибели молодого рабочего в механическом цехе. То и другое было поводом развернуть конфликт до общезаводской стачки. Сейчас уже ни для кого не секрет, что власти потихоньку собирают силы, чтобы отомстить за те уступки, которые рабочим удалось вырвать в октябре. Допустить этого

нельзя, надо поднимать народ. Сегодня весь харьковский комитет большевиков отправился на заводы. Братья Бассалыго, Мерцалов, Доброхотов, Кожемякин, братья Галкины орудуют на заводах «Гельферих-Саде», Шиманского, «Герлях и Пульст», даже на канатной фабрике на станции Отрада и в пошивочной мастерской «Тодор». Ну и, разумеется, среди солдат гарнизона...

Глянув туда, где еще трепали дурака сыщика, безрассудно сунувшегося в самую гущу рабочей массы, Артем потребовал:

— Бросьте его, товарищи. Выкиньте его, пусть он пойдет к своим хозяевам и передаст им наше пролетарское слово. А слово наше такое: хватит! Мы не слепые и видим, что это такое — манифест. Пока нам мажут по губам: свобода, свобода! — в город стягиваются войска, казачьи части. А для чего? Это же только глупому не ясно... Так вот· раз с нами воюют, мы отвечаем тем же самым. Мы вооружены, мы готовы к бою. Кровь наша кипит огнем нерастраченных сил. Выпрямим согнутые спины, выйдем из темных подвалов, напомним самодержавию, что наступает наказание для них! Пусть они, палачи, заплачут кровавыми слезами...

— Казаки! — раздался голос.

Толпу качнуло, люди стали оборачиваться. За частоколом плетней и заборчиков подскакивали чубатые головы в лихо заломленных бескозырках. Казаки приближались рысью.

— Товарищи,— надсаживая горло, закричал Артем,— спокойно! Мы не делаем ничего преступного. Манифест объявил о свободе собраний, о свободе слова. У нас самое обыкновенное собрание. Прошу стоять спокойно.

Впереди казачьего строя на красивом сером коне гарцевал казачий офицер.

Тронув Артема за руку, Шалай предупредил:

— Они кинутся.

— Пусть попробуют! — сказал Артем.— А потом — здесь узко, да и лошади на людей не пойдут.

Он спрыгнул с ящика и, кивнув Шалаю, чтобы шел за ним, стал пробираться к офицеру. Пропуская их, рабочие неохотно расступались.

— Федор Андреич,— позвал сзади Шалай,— может, не надо? О чем с ними говорить?

Офицер, картинно уперев руку в бедро, сидел в седле. Сверху вниз он холодно смотрел на подходивших Артема и Шалая.

— Господин офицер, нам непонятно ваше появление,— заявил Артем.— Мы никого не трогаем, в нашем собрании нет ничего противозаконного.

— Прошу разойтись,— небрежно обронил офицер, не снимая руки с бедра.

— А мы не пойдем! Тогда что? — крикнул Шалай, но Артем остановил его.

— Господин офицер, мы собрались, чтобы поговорить о своих делах. Это разрешено, и вы это хорошо знаете.

— Прошу разойтись,— невозмутимо повторил офицер, отчужденно глядя куда-то вдаль.

Снова не выдержал Шалай:

— Заладил: «разойтись», «разойтись»! Как попугай. Федор Андреич, да ну его! Разве это люди? У них лошади больше понимают, чем они.

— Кто вас послал? — спросил Артем.— Вы нарушаете закон. Мы будем жаловаться.

Красавец конь под офицером взмахивал узкой головой и косился на затаившуюся толпу рабочих. Шашка офицера тоненько позвякивала о стремя.

— Прошу разойтись,— без всякого выражения роняли́сь сверху слова.— У меня инструкция. В противном случае буду вынужден применить силу.

— Тогда мы будем вынуждены защищаться,— заявил Артем.

Впервые офицер взглянул на делегатов с интересом.

— Я повторяю...— голос Артема прозвучал с угрозой,— мы не совершаем ничего противозаконного. Но на насилие мы ответим силой!

Энергично обернувшись назад к толпе, Шалай сделал знак кому-то из своих.

На лице офицера появилось скучающее выражение. Он поворотил коня, давая знать, что разговор окончен.

— Здесь узко,— лихорадочно шептал Шалай, когда они возвращались.— Мы их задержим, если что. Пустяки.

Из проулка казачьи ряды стали выбираться к заводским воротам. Вытягивая руку с нагайкой, офицер отдавал приказания. Казаки, задирая лошадям головы, теснили рабочих, отжимали их от заборов. Заржав, одна из лошадей вдруг вскинулась на дыбы, казак с белыми от бешенства глазами наотмашь рубанул нагайкой по головам.

Раздался крик.

В казаков полетели гайки и куски железа.

— Ваня! — позвал Артем.

Тотчас раздался звонкий тенор Шалая:

— Дружинники, вперед! Пер-рвый десяток!..

Несколько человек, выхватывая из-под курток револьверы, кинулись навстречу казакам.

Толпу рабочих стало размывать, люди устремились из тесного проулка к длинным дощатым заборам, за которыми высились поленницы высушенных дров.

Казачий офицер выехал вперед, из-под руки стал всматриваться. Артем различил свисающую с руки офицера нагайку.

Молодой задорный голос громко затянул:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

Кто-то из дружинников, вскочив с земли, пригнулся и побежал вперед. В руке его дымилась самодельная бомба с коротеньким шнуром. Сильно размахнувшись, дружинник запустил бомбу в казаков. Дымя шнуром, бомба завертелась на земле. Казаки, хлестнув коней, бросились в стороны. Ударил взрыв, брызнули осколки вперемешку с землей. Лежавшие в цепи дружинники увидели, что под казаком взвилась лошадь и, болтая копытами, опрокинулась. Бескозырка с казака слетела, покатилась. Со страхом поглядывая в сторону дружинников, казак суетливо выпростал придавленную ногу и побежал, придерживая шашку.

В цепи дружинников кто-то оглушительно свистнул.

По команде офицера казаки соскочили с коней и стали стаскивать через головы винтовки. «Расстреляют издали»,— встревожился Артем.

— Огонь! — раздалась команда Шалая.

Заслон вооруженной рабочей дружины открыл стрельбу залпами. Огонь из револьверов не причинил казакам никакого вреда. На таком расстоянии годились бы винтовки.

— Федор Андреич,— позвал рассудительный Крикунов,— лучше отойти. Ребята сейчас сказали — переулок за складами пустой. Казаков мы задержим. Пускай люди уходят.

— Винтовку... винтовочку бы сейчас хоть одну-разъединственную! — со злостью проговорил Жмаченко, поглядывая на офицера вдалеке.— Ссадил бы я этого павлина! Он бы у меня ткнулся рылом в землю!

Артем схватил пробегавшего Степана за рукав, притянул к себе и, бешено глядя ему в глаза, приказал:

— Передай Шалаю: все! Еще залп и отходим. Поднимайте ребят. Не задерживайтесь!

Сухо треснул нестройный казачий залп. Несколько дружинников упало. Протяжно застонал раненый.

Толпа подалась назад, под напором тел забор затрещал и повалился. В образовавшийся пролом хлынули люди.

Казаки перезарядили винтовки и застыли в ожидании команды.

— Подобрать раненых! — Артем хватал ребят за плечи: — Товарищи, раненых не оставлять!

Дружинники, отстреливаясь, прикрывали отход. В проломе забора дровяного склада пронесли громадного человека. Парень, тащивший раненого, распаленно оборачивался и просил:

— А ну возьми кто другой! У меня еще бомба есть. Я им... в душу... в бога...

Шалай, махнув ему револьвером, приказал уходить.

— Иван,— позвал Артем,— есть убитые?

Дулом револьвера Шалай сдвинул картуз со лба к затылку. Он не переставал следить за казаками.

— Убитых нету, Федор Андреич. Степу здорово зацепило. Кровища хлещет. Надо в Сабурку его, к Тутышкину. А потом спрячем... Ну казачки! Ну защитнички! Показали они нам манифест! Федор Андреич, может, не надо было отходить? Черт с ними, пусть стреляют. Но и мы бы им всыпали горячего!

— Успеешь, успеешь, Ваня. Людей береги.

— Сколько же они, гады, из нас кровь пущать будут?

— А ты запоминай. Потом все припомним.

— Да уж будьте спокойны,— злорадно проговорил Шалай.— Память у нас крепкая!

Хватаясь за толстые концы громадных двухметровых поленьев, Шалай по-кошачьи взобрался на высокую поленницу и, устроившись там, позвал:

— Лезьте сюда, Федор Андреич. Вон они, снохачи проклятые, сматываются. Навоевались.

Разогнав митинг, казаки сели в седла и построились. Преследовать вооруженную дружину в лабиринтах дро-

вяного склада и в кривых переулках рабочей слободы было опасно да и не имело смысла. Обязанности полицейских казаки выполняли вяло, с раздражением.

Через минуту весь отряд казаков прорысил вниз по уличному спуску. На месте происшествия осталась убитая лошадь.

— Сошлись, называется, поговорили,— процедил Шалай, яростно плюнув.— А заметили, Федор Андреич: парни-то наши, а? Хоть бы один струсил! В них из винтовок, а они — как будто век в солдатах. Не-ет, прошло времечко! Теперь на нас за здорово живешь не налетишь. Сами с зубами!

В руке Шалай все еще держал револьвер. Он несколько раз щелкнул курком, разочарованно дунул в ствол и спрятал оружие за пазуху. У него не осталось ни одного патрона.

— Жалко Степу,— проговорил он.— Не вовремя его свалили.

«Не вовремя...» — мысленно повторил Артем. Сегодняшняя стычка с казаками лучше всяких слов доказала, что правительство, протягивая одной рукой царский манифест, другую руку прятало за спину, ибо в ней тайком сжимало кнут. До поры до времени кнута не было видно, но кровь, пролитая рабочими сегодня, многим промоет ослепленные глаза, должна промыть...

— Ну, слезаем? — предложил он Шалаю.

Друг за другом они спрыгнули на землю.

— А знаешь, Федор Андреич,— признался Шалай, как человек, узнавший сегодня самую свою большую радость,— хорошее это дело — темноту прорубать. Я, если хочешь знать, сегодня шел, а ни хрена не верил, что у меня получится. А потом стал говорить и чую: слушают. Слушают, черти, не дышат! Ну а теперь я их... Да я их теперь в мороз купаться уговорю!

— Ну, ну, расхвалился! — пихнул его Артем. Ему бы-

ла приятна откровенная радость парня, приятно глядеть на его возбужденное смуглое лицо.

— А главное, Федор Андреич, для себя, для души сладко. Раньше-то бывало... да что! Ну рыло кому-нибудь начешешь, ну пырнешь кого по пьяной лавочке. Вроде ухарь — боятся тебя все, а на душе все равно погано. Ей-богу, не вру! А сейчас дядя Андрей, отец Павлушки, старик серьезный, каменный старик... он меня раньше только варнаком и звал, другого имени мне не было, а тут: Иван, говорит, Харитоныч, ты, говорит, гляди, шибко вперед не забегай! Видал? По батюшке! И кого? Меня! А я уж, если честно-то сказать, и забыл совсем, что у меня батьку Харитоном звали. А оно... видишь как!

— Ты, Ваня, вот что,— остановил его Артем: — ты меня не провожай. Не маленький, сам дойду.

Шалай смешался.

— А вдруг топтун привяжется? (Топтунами он называл филеров охранки.) Смотрите, Федор Андреич... Но если что — вы мне мигните. Я вам живо его башку дурную притащу!

И ведь притащит! За «студента» (так за глаза Шалай называл Артема) он готов душу заложить.

— Ты это брось,— строго сказал Артем.— Старые замашки забывай.

— Ладно, Федор Андреич, я ему тогда фокус покажу и отпущу. Можно?

— Какой еще фокус? — начал сердиться Артем.

— Да уж найду какой,— загадочно посмеивался парень.— Наш, рабочий фокус. В ваших университетах этому не учили.

— Глупости, я гляжу, в голове у тебя, Иван! Лучше бы взялся патрули проверил. К Сабурке теперь никого не подпускать! Только своих. Может, даже круглые сутки дежурство установить?

— Людям на работу надо,— осторожно напомнил Шалай.

— Знаю. Придется потерпеть. Я думаю, не много ждать осталось. А на Сабурке у нас, сам знаешь, и Совет собирается, и оружие...

— Не беспокойтесь, Федор Андреич. Муха не пролетит.

Они расстались, и Артем направился в самый конец сбегавшей к речке улицы, где краснела ограда земской больницы, а за ней, за деревьями большого облетевшего сада, простиралось унылое поле с узкой щелью ранней осенней зари.

Глава пятая

Под окном раздался пронзительный свист и мальчишеский голос завопил:

— Валет идет! Валет!.. Пьяный!

Доктор Тутышкин прервал разговор и поморщился:

— Опять! Это наказание... Извините, Федор Андреич, я на минутку.

Сердито выставив бородку и запахивая полы халата, он вышел из кабинета. Очки на его лице угрожающе поблескивали.

Отогнув занавеску, Артем выглянул в окно. По садовой аллее, мотаясь из стороны в сторону, угрюмо брел лохматый оборванец. Вокруг него скакали слободские мальчишки и свистели в пальцы. На высоком больничном крыльце фельдшерица Даша Базлова успокаивала плачущую женщину. Загребая ногами палые листья, усыпавшие песчаную аллею, оборванец остановился перед крыльцом и заревел:

— Ма-арья!..

Чтобы не свалиться, он схватился за облетевший куст бузины.

Женщина уткнулась Даше в грудь, заплакала:

— Как напьется — дурной совсем. Никакого спасу. Люди добрые, не связывайтесь с ним, он сейчас себя не помнит.

Даша с крыльца махала на оборванца рукой:

— Ну чего, чего опять приперся? Чего ты здесь не видел? У-у, пьянчужка проклятый! Иди давай откуда пришел.

Пьяный Валет, раскачиваясь вместе с кустом, по-бычьи водил налитыми кровью глазами. Мальчишки в ожидании потехи примолкли. Валет сделал шаг к крыльцу, но едва не упал и снова ухватился за куст.

Опустив занавеску, Артем бросился в дверь.

Доктор Тутышкин с засунутыми в карманы халата руками сбежал по ступенькам в сад. Он строго глянул на мальчишек, затем бесстрашно подошел к пьяному:

— Пошел, пошел отсюда! Выпил — иди спать. Сколько раз тебе говорить?

Подсучивая рукав, Валет неукротимо замотал кудлатой головой и двинулся на доктора:

— Р-раздавлю!..

— Ой, миленькие,— взвизгнула женщина на крыльце,— не связывайтесь с ним! Убьет.

Опешив, доктор Тутышкин попятился, выставил для защиты от пьяного ладонь.

Одним прыжком махнув с крыльца, Артем успел перехватить кулак Валета и ловко, сильно завернул ему руку за спину. Пьяный, едва не падая, выгнулся дугой.

— Ах-х ты...— захрипел он, вырываясь.— Это ты кого? Это ты меня?

Опухшее лицо Валета было страшно. Артем придерживал его, чтобы он не свалился на землю.

— Ой, барин,— взмолилась плачущая Марья,— отступитесь от него, дурака!

Ругаясь, Валет рвался и грозил. От него несло много-

дневным пьяным перегаром. Артем завернул ему руку круче, пьяный оборвал брань и крякнул от боли, глаза его сделались осмысленней.

— Ступай.— Артем отпустил его и подпихнул в спину.— Проспись.

Пока он отряхивался, Валет молча разглядывал свою руку и посматривал на Артема так, словно соображал: стоит ли связываться?

— Иди, иди,— махнул ему доктор.

— Н-ну ладно...— проговорил с угрозою Валет и вдруг с пьяной бесшабашностью заголосил: — Эх, Куропаткин-генерал да от японцев удирал!

Доктор Тутышкин не удержался и захохотал:

— Герой! Вот что с ним станешь делать, Федор Андреич? А трезвый — человек как человек. И работник золото, золотые руки. Так вот же!..

Из-за угла больничного здания выбежал толстенький околоточный надзиратель с шашкой сбоку, но без фуражки. Утирая усы, он на бегу дожевывал.

— Что такое? Почему крик?

Завидев его, Валет дурашливо вытянулся и приставил ладонь к виску:

— Здравь желаем, ваш сият-ство! Давно не видались.

— А, это ты...— Разочарованный околоточный ногтем мизинца ковырнул в зубах.— В участок опять захотел?

Валет, сжимая кулаки, дико сверкнул глазами:

— В участок? Ах-х... ты гнида! В участок? А по усам? Отстань, фараон, не подходи! А то как трону — уши отлетят!

Околоточный, выкатывая глаза, устрашающе задвигал усами:

— Эт-то ты кому, каналья? А если я при исполнении? Ну погоди у меня!

С больничного крыльца на пьяного закричала Марья:

— Разбойник! Чего ты мелешь? Ради бога, Панкрат Семеныч, не слушайте вы его!

— Не рассуждать! — опозоренный околоточный, багровея, топнул сапогом.

Вмешался доктор Тутышкин:

— Панкрат Семеныч, идите кушать и плюньте на него. Мы его сейчас домой отправим. Проспится — человеком станет.

Надзиратель отдувался, как после тяжелой работы.

— Ничего, ничего,— приговаривал Тутышкин.— Мы тут сами, сами...

Во время разговора глаз околоточного нет-нет да царапнет по стоявшему в стороне Артему.

— Дозвольте осведомиться, Петр Петрович...— и околоточный многозначительно повел бровью.— Интересуюсь спросить... как я есть при исполнении. Личность вроде знакомая.

Закрывая Артема спиной, доктор скривился:

— Это наш, Панкрат Семеныч. Свой. Новый техник по водопроводным трубам.

Объяснение как будто удовлетворило полицейского:

— Я ничего, Петр Петрович. Но — служба, сами понимаете. С нашего брата тоже спрашивают. Покорнейше прошу извинить. А уж с Валетом — не обессудьте: придется составить, что положено... Служба-с!

— Вы, Панкрат Семеныч,— с неудовольствием заметил доктор,— с людьми уж чересчур... того... строго.

— А как иначе, Петр Петрович? Иначе нельзя. Народ такой. Сами видите,— и показал в сторону уходившего Валета.

— Все же! Это же вы задержали на прошлой неделе строгальщика Еремеева? Ко мне его жена прибегала.

— Еремеев? — околоточный, напрягая память, захлопал глазами.— Это какой же Еремеев? С бородой?

— Да ну, с какой еще бородой! Человек жалуется, что слышать перестал. У вас ему ухо разбили.

— Ну вот! — Панкрат Семенович с досадой хлопнул себя по ляжкам.— Жалуется! Да он, скотина, на оба уха был уже глухой, когда его ко мне представили. Его у нас никто и пальцем не трогал. Вот ведь народ! Ох и народ! Не слушайте, Петр Петрович, что они плетут. Врут! Они теперь обрадовались, что воля вышла.

— Но человека-то искалечили! — настаивал доктор.

Околоточный усмехнулся:

— Да какое там калечество, бог с вами. Не в оперу же ему, подлецу, ходить! Проживет.

— А если до начальства дойдет? Сейчас не старое время.

— Так теперь что,— не вытерпел околоточный,— без всякого порядка будем жить?

После царского манифеста полиция заметно растерялась: со старыми порядками, вроде, покончено, а какие новые — еще никто не знает!

— Я ничего не говорю,— сбавил тон Панкрат Семенович,— раз манифест, значит, так надо. Воля царская. Но разве в манифесте сказано, чтоб беспорядки учинять? Этого дозволить никто не может.

Когда фигура Валета, лезущего напролом через кусты, скрылась в глубине сада, фельдшерица Даша повела плачущую Марью к себе.

Они прошли мимо дородной кухарки, в гостях у которой сидел околоточный надзиратель.

— Опять твой ерой? — кухарка жалостливо покивала Марье.— Какую волю взял народ, а? Ну разве так можно с начальством говорить? Нет, милые мои, добра не будет. Народ всякий страх потерял. Скоро уж по улице будет боязно пройти.

Марья тихо утирала слезы.

— Ты девчонку от него береги,— наказывала ей кухарка.— Бьет он ее, нет?

— Нет, греха не скажу, девчонку он любит. Когда бы и поучить не мешало, а он — на руки и таскает. И бородой щекочет.

— Хоть это слава богу. Не плачь, не убивайся, вот что я тебе скажу. В участок его надо, подлеца, там ему живо ума прибавят.

— Так ведь трезвый-то... золото. А как попадет — не подступайся!

— Ну и сломит когда-нибудь свою голову дурцую, попомни мои слова!

Помахивая тростью, на пустынной аллее появился человек в черной сюртучной паре и шляпе. Глядя себе под ноги, он шел быстрым озабоченным шагом и о чем-то удрученно размышлял. Погруженный в свои мысли, он так и прошел бы мимо, не заметив стоявших у больничного крыльца людей, если бы на них не наткнулся. От неожиданности он остановился, как бы не веря своим глазам, затем мысли его переключились, он сердито ударил тростью в землю.

— Что такое? Опять митинг? Что здесь происходит, черт побери?

Это был главный врач земской больницы доктор Якоби. С каждым словом повышая голос, он взглядывал на своих сотрудников, словно спрашивал каждого в отдельности. Сгоряча он не узнал околоточного без фуражки.

— Я кого спрашиваю? — все пуще распалялся главный врач. Он перехватил трость так, точно собирался ею бить.— Что за сходка? Кто позволил? Запомните: если вы думаете, что теперь все позволено, то ошибаетесь. О-ши-баетесь! Прошу это иметь в виду, прошу зарубить у себя на носу каждого! Каждого!

Месяц назад самодур Якоби уволил с работы фельдшерицу Дашу Базлову, активного члена Харьковской боль-

шевистской организации. Артему тогда удалось организовать больничных работников на забастовку протеста. Бастовал главным образом обслуживающий персонал. В земской управе, узнав о забастовке, схватились за голову. Надо же! По всей стране газеты взахлеб писали о долгожданной весне, растопившей лед вековечной русской зимы, и вдруг — где? — в земской больнице, как пережиток недавних страшных дней, самая обыкновенная забастовка. В земской управе Якоби был сделан выговор: надо считаться с обстановкой, с обстоятельствами: не то время, чтобы ломить сплеча!

Потихоньку от всех главный врач съездил в жандармское управление и к воинскому начальнику. Напрасно! Везде, где он побывал, царила неуверенность, люди, еще недавно обладавшие всей полнотой власти, жили в эти странные дни после манифеста как на вулкане и ждали дальнейшего развития событий.

По совету земства Якоби вынужден был уступить и восстановил фельдшерицу на работе. Но чего это ему стоило! С тех пор он перестал чувствовать себя хозяином в больнице и жил с неутоленной жаждой мщения. Будет, настанет еще время!

Догадываясь, что «забастовочная зараза» занесена в больницу с близлежащих заводов, Якоби приходил в ярость при виде любого постороннего на территории. А посторонних за больничную ограду проникало с каждым днем все больше и больше. Здесь заседал Федеративный Совет, сюда доставлялось добытое оружие и самодельные бомбы, прибывали связные с заводов и фабрик, а в последние дни, когда обстановка обострилась до предела, на Сабурку все чаще заглядывали представители распропагандированных воинских частей харьковского гарнизона.

Сейчас Якоби возвращался из губернской земской управы. На этот раз он встретил там полное понимание

и сочувствие. Ему посоветовали потерпеть еще немного. Он шел к себе и размышлял: что значит потерпеть? В этом осторожном совете его привлекал некий обнадеживающий намек. Но на что, на что?

Неожиданно натолкнувшись на самый настоящий митинг у крыльца больницы, Якоби забыл наставления об осторожности и взорвался. Да и было от чего!

Не дожидаясь, чем все кончится, Артем поднялся на крыльцо и скрылся в дверях больницы. Главный врач, сжимая трость, замер и зорко, как охотник, проводил его взглядом.

— Этого господина я вижу уже не первый раз. Кто такой? Что он здесь делает? Я спрашиваю!

Какой он получил ответ, Артем не слышал. В широком больничном коридоре навстречу ему, грохоча сапогами, пробежали два дюжих санитара в измятых несвежих халатах. В кабинете Тутышкина Артем плотнее притворил за собою дверь. Под окном раздавался голос главного врача:

— Ну нет, уважаемые, ошибаетесь! Я сумею навести порядок. Я не потерплю... Господин околоточный, почему вы не по форме? Прошу вас, примите соответствующий вид и зайдите ко мне. У меня к вам разговор...

Через минуту в кабинет влетел расстроенный Тутышкин, упал на стул и закрыл лицо руками.

— Низкий человек! — проговорил он в ладони.— Какой негодяй!

Главный врач предупредил его, что на днях в больницу пожалует земское начальство. Зачем? Ну, познакомиться с работой, с условиями, с обстановкой... Доктор Тутышкин был уверен, что Якоби сам настоял на приезде начальства, надеясь под благовидным предлогом расправиться с неугодными сотрудниками.

— Подлый, мстительный субъект! — говорил Петр Петрович, возбужденно расхаживая по кабинету.— После

той забастовки он постоянно ищет повода. Дашу Базлову извел всевозможными придирками. Мне тоже хоть не являйся на работу!

— А земство? — спросил Артем.

— Господи, земство! Это такое болото! «Моя хата с краю». Питание в больнице — хуже некуда. В тюрьме и то кормят лучше. Воровство — как накануне страшного суда. Тянут все, кому не лень.

Неожиданная улыбка на лице Артема остановила его. Артем поспешил ему объяснить:

— Видите, Петр Петрович, на заводах есть хороший обычай: неугодного человека сажают в тачку и вывозят за ворота.

— Вы предлагаете...— растерялся доктор.— Да ну, вы шутите! Кто же у нас этим займется? Женщины-санитарки? Это несерьезно.

— Рабочую силу мы вам всегда найдем,— предложил Артем.

— Ну не знаю, не знаю! — окончательно смешался доктор.— Но учтите, что Якоби в случае чего не постесняется ввести на территорию больницы солдат. О, вы еще его не знаете!

— Успокойтесь. Петр Петрович. Какие солдаты? Рядом завод, не забывайте. Да и сами солдаты сейчас...

Рассудительная речь Артема оказала действие. Тутышкин сел, сильно потер лоб.

— Кстати, о солдатах,— сказал он.— В Москалевских и Змиевских казармах со вчерашнего дня усилены офицерские дежурства. Боевые патроны приказано сдать. Говорят также, что в город прибывает какой-то свежий полк, нераспропагандированный.

— Добавьте еще казаков,— кивнул Артем.— В Донбасс вводится целая казачья дивизия. Защитники престола! Но знаете что, Петр Петрович, этот ваш Панкрат Семенович мне не понравился. У него глаз какой-то...

— Обыкновенный полицейский глаз,— сказал Тутышкин.— Ничего, я ему спирту дам. У нас с ним вполне лояльные отношения. После вашей недавней перестрелки он пришел ко мне и знаете что сказал? «Ах, господин Тутышкин, господин Тутышкин. Смотрите, добалуетесь. Вот как возьмут они топоры да пики и в первую голову не кого-нибудь, а ведь нас с вами порешат!»

— Он что, вынюхивал о раненом?

— Да, видимо. Поэтому вашему богатырю пришлось быстренько сделать перевязку — и сплавить. От греха, знаете...

Артем спросил, тяжелая ли рана, доктор ответил:

— Парень здоровый, но потерял много крови. Поднимется.

Затем Тутышкин стал рассказывать, как директор паровозостроительного господин Рицонни отнесся к последним событиям на заводе. Сначала он, действительно, всячески тянул время, добиваясь от властей решительных мер. Что ему обещали, этого доктор Тутышкин не знал, но Рицонни вдруг разительно переменил тон. Выборных делегатов он вообще отказался принимать. «Пусть обращаются к фабричному инспектору!» По слухам, Рицонни так и заявил ему: «Плевал я на ваших рабочих! У меня заказ. Понимаете — срочный заказ!» По правилам фабричный инспектор может пожаловаться губернатору, полицмейстеру, прокурору (да толку-то!), в крайнем случае у него есть право оштрафовать директора на 50 рублей. Рицонни охотно пошел на штраф. При миллионных оборотах завода — это укус комара, если не еще меньше.

Все-таки стычка с казаками, когда по митингующим рабочим была открыта стрельба боевыми патронами, испугала Рицонни. Боясь за судьбу срочного заказа, директор выразил желание поговорить с представителями бастующих цехов, только потребовал, чтобы на этот раз делегатами выбрали степенных, уважаемых рабочих.

Узнав о том, что делегация уже выбрана, Артем с досадой ударил кулаком по колену:

— Ну что за глупость? Кто это придумал? Зачем? Этой болтовней мы только помогаем им, даем им время. Сейчас надо не разговоры разговаривать, а действовать! А то можно подумать, что революция — это сплошная болтовня!

— Вы считаете,— с недоверием спросил Тутышкин,— что момент настал?

Артем окончательно вышел из себя:

— Они же в нас стреляют! Чего же еще ждать? А главное, сейчас солдаты, армия за нас. Неужели мы заболтаемся и провороним время? Да нас убить за это мало!

— Что же с делегацией? Вас, кстати, выбрали тоже.

Артем перевел дух:

— Знаю я, кто это организует. Подлецы! Заставляют рабочих идти с протянутой рукой!

— Вам я не советую ходить,— сказал Тутышкин.

— Что же — пусть идут одни? Нельзя. Им там наговорят, наобещают...

— Но если вас арестуют в такое время!

Раздумчиво почесав щеку, Артем ворчливо проговорил:

— Так ведь и мне, представьте, нет расчета садиться в тюрьму. Что-нибудь придумаем.

Напоследок они поговорили о закупках глицерина в городских аптеках. Глицерин требовался не только для печатания прокламаций на гектографе, но и для начинки самодельных бомб. Чтобы не вызывать подозрений, глицерин приходилось закупать небольшими партиями в разных аптеках. Корпуса для бомб отливались на заводах в ночную смену. В кузнечном цехе рабочие наладили изготовление металлических пик.

Когда подошло время прощаться, Тутышкин вдруг ударил себя по лбу и вскричал:

— Ах, боже мой, ну что за память! Совсем забыл.

Он быстро выдвинул нижний ящик своего стола.

— Взгляните, пожалуйста, что мне удалось достать.

Из вороха бумаг он вытянул узенький листок, исписанный с обеих сторон.

— Письмо Амфитеатрова в Париж, Жоресу. К сожалению, на французском языке. Вы же понимаете. Вот попробуйте перевести. По-моему, получится превосходная прокламация.

Разбирая неровные строчки письма, Артем поднимал глаза кверху, пытаясь вспомнить значение забытых слов. Письмо Амфитеатрова было посвящено кровавым событиям девятого января в Петербурге.

— Написано с блеском,— оценил Артем.— Особенно в конце. «Мрак, смерть и тюрьма — вот Россия царя Николая Второго».

— Писалось, насколько я понимаю, еще до манифеста,— сказал Тутышкин.

— А что изменилось? Полиция стала потише? Так появились казаки!

Доктор показал на листок в руке Артема:

— Переведете?

— Милый Петр Петрович, вы преувеличиваете мои познания во французском. Сколько я прожил в Париже? Без году неделю. А здесь нужен настоящий переводчик.

— Главное, по-моему, смысл,— настаивал Тутышкин.

— Ладно, посмотрим,— сказал Артем.— Вы правы, прокламация выйдет хоть куда. А то кое на кого от царской милости нашло ослепление и оглупение: все, предел мечтаний!

— Но девятое января повториться уже не может! — возразил Тутышкин.

— Вы думаете? — насмешливо спросил Артем.— Еще как может! Только теперь крыть будут не из ружей, а из пушек.

Задержав Артема, уже взявшегося за ручку двери, доктор переменил разговор:

— А как вы относитесь к тому, что нас осчастливит своим приездом Милюков? Будет читать лекцию. Потом — диспут. Уже объявлено.

Артем помедлил.

— Кажется, это интересно. Говорят, он краснобай, каких не много. Послушать не мешает.

Постучав в дверь, заглянула фельдшерица Даша:

— Петр Петрович, что делать? Он опять стихи кричит. В окно кидается.

Доктор потупился, затеребил бородку.

— Гм... Хорошо, Даша, приготовьте все для укутки. Я сейчас.

Даша ушла, Артем стал прощаться.

— Буйный попался? — спросил он.

— Какой-то поэт, представьте. Из столиц. Именует себя Председателем Земного Шара. Звонил с вокзала в губернскую управу, еще куда-то. Добивался губернатора. Требует, чтобы поэты и художники были объявлены вне наций, государств и обычных законов.

— Малость заучился.— Артем, усмехаясь, покрутил головой.— Ну, прощайте, Петр Петрович. Пойду.

— Насколько я знаю, сегодня у Екатерины Феликсовны день ангела. Очень сожалею, что не могу быть — дежурство. Но прошу вас передать ей мои поздравления.

— Я передам. Спасибо.

— И еще: будьте осторожны, прошу вас. Эти последние аресты... У меня неспокойно па душе.

Смеясь, Артем двумя пальцами изобразил на ладони осторожный, вкрадчивый шаг.

— А я на цыпочках, незаметненько. Как невидимка...

— Желаю удачи!

Подвальный этаж земской больницы представлял собой настоящие катакомбы: замысловатая сеть ходов и коридорчиков, темные углы, закоулки и каморки. В иных местах надо было протискиваться боком, а за угольной ямой, где тяжелый кирпичный свод нависал особенно низко, приходилось пробираться чуть ли не ползком. Света здесь никогда не зажигали, и в первое время, пока Артем не освоился, он всякий раз больно стукался головой.

Земскую больницу, вынесенную на самую окраину города, харьковские обыватели называли Сабуровой дачей. Мысль поселиться здесь подал Артему ординатор психиатрического отделения больницы Петр Петрович Тутышкин. Место и в самом деле оказалось удобным, надежным. Рядом находились корпуса завода «Гельферих-Саде» и рабочий поселок с мазанками и казармами. Соваться сюда полиция обычно избегала. С тех пор как на заводах появились вооруженные дружины, рабочие районы города превратились в своеобразные крепости. Нескольким филерам, притащившимся сюда за «объектом» из города, пришлось потом отлеживаться в больнице — неизвестные крепкие парни молча заломили им руки, отвели в глухое место за речкой, а уж оттуда кричи не кричи — никого не дозовешься.

Бесшумно пробираясь в темноте подземелья, Артем обогнул угольную яму, ловко поднырнул под низкий массивный свод и нашарил дверь в каморку. На полу справа должна была стоять керосиновая лампочка. Он зажег спичку и проверил, есть ли в лампе керосин. Внутри круглой жестянки легонько бултыхнулось... Стекла на лампе не было, фитиль обгорел и пускал длинный язык копоти.

В каморке было темновато, сыро, не хватало воздуха. Огромная уродливая тень металась по стене, переламываясь на потолок. Артем переменил рубашку и надел тужурку. Перед осколком зеркальца он провел рукою по

щеке, пригладил ежик густых волос. Несколько мгновений вглядывался в собственное лицо, как посторонний: крепкие скулы, широко расставленные глаза, светлый пушок усов. От неровного слабого освещения в глазницах лежали глубокие тени, точно свидетельство смертельной усталости.

Артем усмехнулся и покачал головой: хоть в эти дни было совершенно не до сна, никакой усталости он не чувствовал. Наоборот, все время он ощущал прилив необычайных сил, жил ожиданием близких перемен. Все шло к тому!

Сейчас наверху доктор Тутышкин предупредил его, что в солдатских казармах введены строгости. Это был тревожный сигнал. Среди солдат харьковского гарнизона большевики вели активную пропагандистскую работу. Недавно один батальон с оружием и боевыми патронами, без офицеров, построился и под музыку своего оркестра вышел на улицу. Солдаты собирались заявить военному начальству, что они хотят домой. Демонстрацию нижних чинов удалось расстроить, офицеры буквально умолили солдат, наобещав им золотые горы.

Прежде такой поступок солдат был бы расценен как самый настоящий бунт (со всеми страшными последствиями), теперь же власти были довольны тем, что батальон вернулся в казармы и составил оружие в пирамиды.

Царский манифест надломил пружину государственной власти, страна жила в нервной, напряженной обстановке. Словно из-под земли возникло множество всяческих общественных организаций, комитетов, партий, все они требовали признания, представительства (и денег, конечно!), грозя в отместку лишить общественного доверия. Власти барахтались среди этого невиданного обилия и хмурили брови, не зная, как себя вести, словно городовой в горнице. Размахнуться вроде бы неудобно. И они

отводили душу на рабочих. Но тоже не так, как прежде, а тишком, по ночам, действуя как трусливые налетчики.

В каморке было тесно, пламя фитиля угрожающе колебалось от малейшего движения. Артем нагнулся и у самого пола вынул из стены кусок кирпича. В небольшое отверстие свободно просунулась рука. Несмотря на то, что убежище под больницей само по себе являлось местом надежным, Артем из предосторожности оборудовал в своей каморке тайник. Здесь он держал наиболее важные бумаги. В другом укромном хранилище, устроенном в сарае у братьев Галкиных (яма, обложенная досками, сверху слой земли и поленница дров), сберегался основной запас нелегальной литературы, доставляемой из Женевы, кое-что из оружия, пачки патронов и мешочек с типографским шрифтом.

Достав из тайника большой разорванный конверт из плотной бумаги, Артем отряхнул с него кирпичную пыль и присел к чадившей лампочке. Конверт был набит битком. Артем вынул из него несколько листков и придвинулся к самому огню. Это был отчет харьковских большевиков Центральному Комитету партии, находившемуся за границей. По Уставу партии, принятому Третьим съездом, отчеты требовалось посылать не реже одного раза в две недели. Отправлялись они только в зашифрованном виде, поэтому на составление их, как правило, уходило очень много времени. После того как текст был зашифрован, писалось обыкновенное житейское письмо о невинных семейных новостях, а между строчками специальными симпатическими чернилами уже наносился сам отчет. Такие на первый взгляд безобидные обывательские письма шли за границу из России отовсюду — из Нижнего Новгорода, Ярославля, Ростова, Иваново-Вознесенска, Тулы, Екатеринбурга, Красноярска. Они приходили па условленные адреса и в конце концов попадали в руки Владимира Ильича Ленина, связывая его с партийнымп

организациями на родине крепкими невидимыми нитями.

Харьков привлекал постоянное внимание Ленина, с этим был связан перевод сюда Артема для подпольной работы. Первые свои отчеты в начале нынешнего года Артем писал с тяжелой душой. Харьковскую социал-демократическую партийную организацию раздирали внутрипартийные дрязги и склоки.

В марте в Харьков приезжал представитель Заграничного большевистского центра Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Артем набросился на приезжего с расспросами, гость отвечал обстоятельно, неторопливо.

Да, покуда влияние меньшевиков весьма ощутимо. Для неопытной, малообразованной массы рабочих их звонкие лозунги имеют большой соблазн.

И все же, несмотря на торжество противников, большевики должны упрямо и настойчиво проводить ленинскую линию на свержение царизма.

Сейчас, например, злобой дня становилось добывание оружия. Требования вооружить рабочих поступали отовсюду. После 9 января народ потерял веру в царя. Экспроприация оружейных магазинов давала чрезвычайно мало, приходилось закупать оружие за границей.

— Заграничный центр, товарищ Артем, считает необходимым наладить производство массового оружия на местах. Вы знакомы с македонскими бомбами? Прекрасное оружие!

«Македонки» — чугунные шестигранные призмы, начиненные мелинитом. Для запала брался обыкновенный медный патрон, на одну треть заполненный гремучей ртутью. В запал вставлялся коротенький отрезок бикфордова шнура. Это оружие изобрели македонские партизаны в борьбе с турецкими захватчиками. Для изучения производства «македонок» за границу выезжала группа партийных работников, Владимир Ильич Ленин встретил их и связал с представителями македонских патриотов.

Владимир Дмитриевич пробыл в Харькове недолго, но с его помощью большевистской группе удалось провести выборы на очередной партийный съезд по своему плану: от Харьковской организации за границу поехал большевик Авилов (Пал Палыч).

Постепенно выправляя положение в Харьковской организации, Артем вскоре уже мог сообщить, что дела большевистской группы идут в гору. Силу растущего влияния большевиков показала майская демонстрация. Вскоре, в июне, в поддержку восставших на «Потемкине» матросов была проведена всеобщая стачка харьковского пролетариата.

Июньские события в Харькове показали возросшую силу большевистского влияния, и решением ЦК РСДРП большевистской группе «Вперед» были предоставлены права харьковского партийного комитета.

Спрятав конверт с оставшимися бумагами обратно в тайник, Артем достал оттуда паспорт. Документ был фальшивый, но сделан отлично, с ним можно было вполне безопасно появляться в городе (разумеется, если не попадешь па глаза филерам, которые верят приметам, а не документам).

Фитиль лампочки трещал, в каморке сильно пахло керосиновой гарью. На серой кирпичной стене росло длинное пятно копоти. Обеими руками Артем загладил волосы назад, дунул на лампочку и вышел.

Вечер наступил мягкий, тихий, совсем не осенний. Сквозь облетевшие деревья сада ярко светились высокие окна в главном здании больницы. Сад, широкие расчищенные аллеи, уютный свет из старинных красивых окон — на первый взгляд ничто здесь не напоминало дома скорби. К роскошному, на два крыла, подъезду того и гляди подкатит нарядный экипаж, запряженный тысячными рысаками. И лишь внимательный глаз заметит ряд небольших окошек, забранных решетками, а также мрач-

ные приземистые флигели в самой глубине сада, где помещаются палаты буйнопомешанных, морг и прозекторская. Печальное место!

Больничный сад оканчивался низким топким берегом речушки. Здесь вместо кирпичной стены стоял обыкновенный деревянный забор, в котором две доски были освобождены от нижних гвоздей и раздвигались,— укромная калитка на всякий непредвиденный случай. Артем пролез через дыру в заборе, поправил за собою доски и, поднимая ноги, осторожно миновал грязное место, затем пучком сухой осоки вытер сапоги. Началась рабочая слобода Пески, похожая на обыкновенную деревню,— хатки, мазанки, плетни, ленивый собачий брех. Одним боком слобода лепилась к заводу «Гельферих-Саде», коричневые трубы которого беспрестанно грязнили небо густыми клубами дыма.

В самом начале кривой слободской улочки во дворе с поваленным плетнем кипело угарное веселье — свадьба. Через распахнутое окошко можно было разглядеть застолье. Горело несколько ламп, на столе блестели две четверти казенного вина. Рявкала гармошка; посреди комнаты под низким потолком стоял пожилой рабочий и с пьяным остервенением топал ногой в половицу — плясал.

— Сам вышел... сам! — оживились женщины, глазевшие на чужую гульбу. Народ повалил к окошкам.

— Вторую уж дочку выдает, и все за хорошего человека.

— Это какой же он хороший? Что перед мастером-то стелется?

— Народ дурак. Тут солдат в город нагоняют, казаков видимо-невидимо, а они — свадьбу!

— Так теперь что — не жениться?

Пьяный плясун посреди комнаты угрюмо смотрел в пол и все ожесточенней топал ногой. Спина его, окосте-

невшая в поклоне перед станком, не могла разогнуться, большие изработавшиеся руки висели плетьми. Человек привык работать, состарился над станком и не научился веселиться.

От мазанки, где шумела свадьба, Артем перешел через дорогу. На лавочке возле рабочего барака сидело несколько человек, в темноте плавали огоньки цигарок.

— Брата не позвал, а мастера позвал,— выговаривал сухой злой голос.— Вон, в самом переднем углу сидит, рыло!

— И конторщика. Всех собрал.

— То-то я гляжу: выдает нам с ним артельщик деньги — рядом стояли,— у меня опять штрафов рублей на пять, а у него и рубля не набралось.

— А ты думал!

— Зато — свобода! Манифест!

— Манифест для блезиру, не понимаешь? Тебе прочитали, ты и губы распустил. А потихоньку-то, промеж себя, они еще незнамо как распорядились. Может, сказали, топчи их конями, по головам лупи! Казачишек-то видал сколь понагнали?

— Ох, дождутся! Ох, страшно будет, если начнется! Шибко уж много накопилось.— По сипящему голосу Артем узнал насадчика бандажей Миронова.

— Что, папаш, опять майскую кашу будем варить?

— Зачем майскую? Майской они уже попробовали...

— Петь, а Петь,— вкрадчиво позвал молодой укромный голос,— а может, подсидим, когда они со свадьбы по домам пойдут? У меня где-то хар-рошая орясина припасена! Охота мне, слышь, мастера погладить.

— Это вы бросьте, ребята, выкиньте из головы! За фулюганство, знаешь... по головке не погладят. Придумали занятие! Вы на Ваньку Шалая посмотрите. Парня не узнать! А уж был-то оторви да брось. Боязно на глаза было попасть. А теперь? За него бы вам держаться.

Городская улица начиналась от слободы крутым подъемом. Идти приходилось в гору.

На Конной площади темнели казармы. Несколько фонарей горело у подъезда Народного дома, старухи-цветочницы заматывали свои опустевшие корзины. С дребезгом и звонками прокатила через площадь конка, остановилась у деревянного павильона станции. Измученные клячи опустили головы. Из вагончика никто не вышел, и конка, прозвонив, тронулась дальше. В сквере, темном, страшноватом, затренькала гитара, пьяный голос вдруг загорланил на всю площадь: «Разорви тому живот, кто неправдою живет». По ночам, когда из Народного дома расходились последние зрители, здесь было лихое место.

Артема, позднего покупателя, старухи-цветочницы встретили наперебой. Он не торопясь составил букет поздних осенних астр.

До Сумской, центральной, улицы Артем не дошел. Там, где забор отгораживал от переулка два вырытых для какой-то стройки глубоких котлована, он повернул направо и скоро выбрался на Епархиальную. Здесь было оживленней, ярче горели фонари уличного освещения, проносились коляски, гулял праздничный народ. Затянутый в студенческую тужурку, четко постукивая каблуками, Артем миновал громадную витрину оружейного магазина Тарнопольского. Витрина была заколочена фанерным щитом, наверху по краю рамы торчали острые, ножевые осколки стекла. Экспроприация магазина состоялась еще в октябре по решению боевой группы большевистского комитета. Добыть оружие нужно было любой ценой. Молоденький Костя Бассалыго, «военный министр», как его в шутку называли комитетчики, постоянно сокрушался, что для боевых рабочих дружин не хватает даже обыкновенных полицейских «бульдогов», а черная сотня, налетавшая на митинги и собрания рабочих, как правило, отлично вооружена.

У знакомого подъезда на Епархиальной Артем не остановился, а прошел мимо, затем уронил один цветок и, пока поднимал его, незаметно огляделся. Никто его не преследовал. Повернув назад, он дошел до угла и посмотрел туда и сюда по переулку — никого. Следовательно, «хвоста» он за собой не притащил.

На Епархиальной, 73, куда сегодня направлялся Артем, жили мать и дочь Мечниковы. Саму Екатерину Феликсовну Артем ласково называл «дорогой тетей». Дочь ее Шурочка работала в земской управе, а в большевистском комитете исполняла обязанности технического секретаря. Люди передовых убеждений, мать и дочь Мечниковы гордились своим близким родством со знаменитым ученым, покинувшим Россию из-за невыносимых условий и жившим теперь в Париже. У Мечниковых бывали инженеры, врачи, адвокаты, профессора Харьковского университета. Охранка, конечно, должна была наблюдать за домом на Епархиальной, но время от времени Артему, приняв меры предосторожности, приходилось там бывать. К этому его вынуждала прежде всего необходимость встреч с нужными людьми, а кроме того, в гостях у Мечниковых можно было просто отдохнуть — поговорить, развеяться. Сама обстановка здесь располагала к покою, к откровенности. В квартире на Епархиальной было что-то от самой натуры хозяек, от их души — любой человек осваивался здесь быстро, легко и просто. Артем вспоминал ту же самую душевную сердечность и в Париже, в доме знаменитого ученого. Такое расположение к людям, думал он, видимо, уж от самой природы...

Приглашая сегодня Артема в гости, Шурочка настояла, чтобы он, несмотря на занятость, все-таки пришел. Как бы мимоходом она заметила, что вечерком к ним обещала ненадолго заглянуть и Фрося Ивашкевич.

— Она о вас уже спрашивала, Федор Андреич. Я Фросю знаю, она большая скрытница, но в данном слу-

чае... Вы произвели на нее впечатление. Уверяю вас!

Артем смутился, покраснел и обещал быть непременно.

Квартира Мечниковых находилась на втором этаже. По укоренившейся привычке конспиратора Артем поднялся этажом выше, и, остановившись на площадке, прислушался, не станет ли кто подниматься за ним следом. Так он стоял минуту, другую, прижимая букет к груди. В пустом гулком подъезде было тихо. На улице продребезжала извозчичья пролетка, и снова тишина. Теперь можно спуститься и позвонить.

Дверь ему открыла Шурочка, одетая по-домашнему.

— У-у! — восхищенно протянула она, забирая букет.— Какая прелесть! Надо их поставить в воду.

Взглянув на висевшие в прихожей часы, она улыбнулась:

— А вы, как всегда, точны.

— Привычка,— отозвался Артем, незаметно осматриваясь.

— Фроси еще нет, она придет позднее,— предупредила его немой вопрос хозяйка.

Из дальней комнаты послышался голос Екатерины Феликсовны:

— Шурочка, кто там?

— Пришел Федор Андреич, мама!

Заперев дверь, Шурочка взяла гостя под руку и повела его в свою комнату.

— Простите мне маленькую хитрость, но я пригласила вас на час раньше специально. Мы с мамой собираемся вас немного поэксплуатировать. Не возражаете?

— С удовольствием! — слегка поклонился Артем.

Они вошли в светлую, скромно убранную комнату.

— Идемте, идемте,— сказала Шурочка.— Смотрите, вот этот шкаф нужно передвинуть, а точнее, вытащить в прихожую. У нас женское царство. А здесь нужна могу-

чая рука... Не пугайтесь, вы будете работать не один. В помощь вам я позвала дворника Семена.

— Не надо дворника! — вырвалось у Артема.

Шурочка сделала большие удивленные глаза:

— Федор Андреич, ну что за глупости! Я все, все понимаю, но смею вас уверить, что наш Семен абсолютно приличный человек. И к нам с мамой... А самое главное,— добавила она, понизив голос,— он уже давно сидит на кухне.

Артем вздохнул: он очень плохо верил в порядочность дворников.

— Семен, голубчик... прошу вас! — позвала Шурочка в коридоре.

Стуча сапогами, в комнату вперся плечистый, стриженный в скобку бородач и первым делом стрельнул глазом в незнакомого человека. Взглянул — как сфотографировал. Ну, так и есть! Правда, больше дворник своего любопытства ничем не проявлял.

От избытка силы Семен держал локти на отлете. Посапывая, он топтался возле шкафа, примерился — и шкаф затрещал.

— Семен, Семен,— взмолилась Шурочка,— пожалуйста, аккуратней!

— Я слышу треск! — крикнула из гостиной Екатерина Феликсовна.

— Мамочка, но это же неизбежно!..

— Стой, отец! — распорядился Артем.— Так толку не будет. Только дров наломаем.

Отпустив шкаф, дворник набирал в грудь воздуха.

— Зайди-ка, отец, с того боку,— попросил Артем.— Так. А теперь двинь его маленько на меня... Давай, давай, не бойся! Во, во! Шурочка, отойдите, пожалуйста, в сторону. А лучше, знаете, вообще выйдите в коридор. Отец, подхватывай его снизу. Ну, разом! Подняли! Падать не давай, не давай!..

— Шурочка,— с отчаянием позвала Екатерина Феликсовна,— что там происходит?

— Ой, мамочка, несут! Мамочка, наш Федор Андреич как Голиаф!.. А как свободно сразу стало, как светло! — восхищалась Шурочка, осматриваясь в своей опустевшей комнатке.

— А ты, парень...— сказал Артему дворник, отдуваясь,— сила, гляжу, имеется.

Отряхивая руки, Артем промолчал. Шкаф... Подумаешь, шкаф! Попробовал бы покидать уголек на паровозе, когда надо поднять давление атмосфер до десяти, или помахать молотом в кузнечном цехе!

Набычив голову, Семен стоял в коридоре, исподлобья смотрел на молодого человека.

— Ну что, отец? — спросил Артем.— Что скажешь?

Помедлив, дворник буркнул в бороду:

— Приметы шибко схожие, вот что я скажу!

Вздрогнув, Артем переглянулся с Шурочкой. У той вытянулось лицо.

Ни на кого не глядя, дворник проговорил:

— Вот вы собираетесь, чай пьете, начальство ругаете... А почему только рабочих вы жалеете? Наш брат, значит, для вас совсем не человек? А жизня у нас... прямо если сказать... Полиции вон наполовину жалованья прибавили, а нам? Любой квартальный в ухо норовит или в зубы... Хуже, чем над скотиной какой...

Растерявшись от такого неожиданного признания, Артем не нашелся что сказать.

Вздохнув, дворник неловко поклонился и вышел, притворив за собою дверь. Шурочка, опомнившись, побежала запирать за ним. Блестя глазами, она повернулась к Артему:

— Ну? Что я говорила? Разве не прелесть наш Семен?

Все же Артем предпочел бы не попадать лишний раз на заметку. Чем меньше его видят, тем лучше.

— Идемте мыть руки,— сказала Шурочка.

Подавая гостю свежее полотенце, Шурочка негромкой скороговоркой, так, чтобы не слышно было матери, выложила последние новости. Первое: представители Совета сегодня отправляются в городскую думу «пугать», как выразилась Шурочка, «старцев». На этом «пугании» настояли меньшевики, в частности товарищ Владимир. Большевикам удалось лишь добиться, чтобы визит в думу был отложен на неделю. И — вот!

— Почему сегодня? — коротко спросил Артем и нахмурился.

Вместо ответа Шурочка развела руками. От всей затеи сильно попахивало шарлатанством. Заявиться и брякнуть: а ну-ка слазьте, уважаемые, мы сядем на ваше место! Смешно и глупо... Но товарищ Владимир и иже с ним настояли.

— Хорошо. Дальше,— потребовал Артем, вытирая один палец за другим.

Остальные новости касались всеобщей забастовки, которую большевики решили провести на всех заводах города. На паровозостроительном, сказала Шурочка, все развивается нормально: в поддержку чернорабочих и в знак протеста против расстрела казаками митинга у ворот завода забастовали цеха листопрокатный, электрический, листопробойный, кузнечно-механический, крупносортный. Но на «Гельферих-Саде» осечка: меки (так в обиходе между своими звали меньшевиков) всячески суют палки в колеса.

— А подробностей я не знаю,— заключила Шурочка, словно извиняясь за плохие вести.

«Ничего, узнаю у Бассалыго»,— подумал Артем. Встречу с ним, собираясь сегодня в гости, он назначил попозже, в одиннадцать часов.

Закончив деловой разговор, Шурочка с прежним настроением откинула голову и прищурилась на гостя:

— А знаете, мы с мамой на вас обижены... О, он еще делает глаза! А ну-ка сознавайтесь, из-за чего вы в Париже поругались с дядей? Ну-ка, ну-ка! Только откровенно.

От изумления Артем поднял плечи и так застыл:

— С Ильей Ильичом? Поругались? С чего вы взяли?

Словно желая разобраться, верить ему или не верить, Шурочка не сводила с него пристального взгляда. Артем стоял перед ней ошеломленный. Уезжая из Парижа на родину, он провел последний вечер в Севре, в гостеприимном доме Мечникова, где он во все дни своей эмигрантской жизни был довольно частым и желанным гостем. Прощание вышло задушевным, они много говорили о России, о русской молодежи; кстати, поминали и ее вот, Шурочку...

— Советую сознаться! — продолжала нажимать Шурочка, явно наслаждаясь нарастающим изумлением Артема. Она выхватила из кармана фартука узкий белый конверт, повертела им перед лицом гостя и тотчас спрятала обратно. Артем успел разглядеть парижский штемпель.

— Илья Ильич прислал письмо? — догадался он.

— Так сознавайтесь, что у вас с ним произошло? У-у, скрытный какой! И не стыдно вам? Почему вы с нами так неоткровенны?

— Вы меня разыгрываете. Он не может писать ничего дурного. Я вообще уверен, что он давно забыл обо мне. Есть ему время помнить о каком-то недоучившемся студенте!

— Нет, представьте себе, он вас помнит и — вот! — пишет.

— Ума не приложу! Я, разумеется, тронут, но-о...

— Идемте к маме,— потребовала Шурочка.

Возвращая полотенце, Артем вполголоса спросил:

— А что с ней?

— Она сегодня не встает,— сообщила Шурочка.— Пло-

хо спала, плохо чувствует себя. Видимо, возраст, сердце... все вместе.

— Шурочка,— нетерпеливо позвала Екатерина Феликсовна,— о чем вы там шепчетесь?

— Секрет, мамочка!.. Представьте, Федор Андреич, мама у меня стала интересоваться политикой. Ей очень понравилось, когда солдаты ходили с музыкой.

Старшая хозяйка сидела в кресле у окна. Ноги ее были прикрыты темным пледом. В доме не любили ярких красок. Протягивая Артему руку, она приветливо улыбнулась:

— Вы слышали: говорят, у нас в Харькове будет революция? Мне сейчас дворник сказал.

— Мамочка,— воскликнула дочь,— ну что ты говоришь? Тебе кажется, что революция — это какой-то карнавал!

Не слушая ее, Екатерина Феликсовна продолжала:

— Говорят, вчера кого-то застрелили? Дикий ужас!

— Никто никого не застрелил!— рассердилась Шурочка.

— Ну как же? Мне Поддубный рассказал.

— Он ничего не понял, твой Поддубный! Просто казачий офицер ударил старика-еврея.

— Боже, старика-то за что?

Выразительно вздохнув, Шурочка без слов посмотрела на Артема: дескать, видите?

Екатерина Феликсовна попросила Артема сесть.

— Не знаю, сказала ли вам Шурочка, но мы сегодня получили от Ильи Ильича письмо. Он интересуется, что у нас тут происходит. Обычно от него ответа ждали по месяцу, а то и по два. А последний раз... Шурочка, когда от Ильи Ильича было последнее письмо?

— Мамочка, это неважно. Да и Федору Андреичу неинтересно. Ты рассказывай дальше.

— Ну хорошо... А тут он ответил молниеносно. Ему

там кто-то рассказывает, что у нас тут творится, но его это не устраивает. Он посоветовал спросить у вас. Как видите, милый Федор Андреич, он сохранил о вас самую добрую память, хотя и пишет, что в чем-то с вами до сих пор не согласен. Нет, нет, вы сидите, сидите. Что вы вскакиваете? Шурочка, дай нам чаю, детка... Садитесь и рассказывайте. Только уж на этот раз ничего не скрывайте. Мне страшно интересно: что у вас там произошло?

— Тетя, милая,— взмолился Артем,— клянусь вам чем угодно... Что у нас могло произойти? Ну, разговаривали. Ну, кое в чем... вернее, кое на что мы смотрим по-разному. Но это же никакая не ссора, даже не спор. Просто он смотрит так, а я... мы смотрим эдак. И все! — И Артем с предельной честностью посмотрел в ее утомленные, грустные глаза.

Улыбнувшись, Екатерина Феликсовна поманила его ближе.

— Я очень люблю Илью Ильича,— сказала она.— Он чудный, прекрасный человек. Как жаль, что нам удается так редко видеться! Шурочка, сядь, пожалуйста, не бегай, у меня рябит в глазах...

Глава шестая

Путь в Париж для Артема начался не совсем обычно — из Яузского полицейского дома в Москве.

При поступлении в Московское высшее техническое училище Артем дал письменное обязательство не принимать участия в каких бы то ни было уличных демонстрациях. Это была мера предосторожности со стороны начальства. Московское студенчество в ту пору глухо волновалось по поводу расправы властей над студентами Киевского университета: применив так называемые вре-

менные правила для учащихся высших учебных заведений, администрация исключила из списков и отдала в солдаты 183 студента за, как официально сообщалось, «учинение скопом беспорядков».

В один из дней середины февраля 1902 года Артем направлялся в чертежную, когда его остановил второкурсник Шмидт и пригласил на вечернюю сходку.

— Сейчас у нас были коллеги с Моховой,— поглядывая по сторонам, сообщил Шмидт и притянул Артема ближе.— Университетские надеются, что «техники» их поддержат.

Речь шла о демонстрации протеста, которую намечалось провести завтра в центре Москвы.

Маленького, юркого Шмидта в училище знали довольно хорошо. Он принимал участие в социал-демократических кружках, снабжал товарищей кое-какой запрещенной литературой и находился, как считалось, на заметке у инспекции. Однажды Артем видел, как Шмидта остановил в коридоре инспектор и потащил у него из-под шинели какую-то книжку: «Это что у вас?» «Да вам-то что за дело?» — заносчиво ответил Шмидт, вырвал из рук инспектора книгу и убежал.

Сейчас, отпуская Артема, Шмидт еще сказал:

— В нашем единении — залог победы. Мы добьемся отмены этих драконовских временных правил. Подумайте: отдавать в солдаты! Иродово избиение юношества!

Высокопарный тон заставил Артема поморщиться, но он ничего не сказал, а на сходке обещал быть.

Вечером «техники» единодушно решили поддержать товарищей из Московского университета. Сбор демонстрантов намечался на Тверском бульваре у памятника Пушкину.

По молодости лет и неопытности в подобных делах студенты не приняли необходимых мер защиты, и демонстрация закончилась полицейским избиением. (Как во-

дится, не обошлось без провокации, и впоследствии, сидя в камере, Артем ругал себя за поразительную близорукость — от всего поведения Шмидта так и шибало провокаторством!) Разгон студентов и хватание начались, едва демонстранты вступили на Тверской бульвар. Полиция отлично знала зачинщиков, переодетые городовые вылавливали по строгому выбору. Схваченных студентов доставили в Яузский полицейский дом, переписали, рассовали по камерам. День затих, потянулось нудное время ожидания. Арестованные могли пока что утешаться одним: демонстрация пришлась на первый день масленицы, на улицах было полно гуляющих, и уже вечером о «студенческом бунте» толковали не только охотнорядцы, но и вся Москва...

Потом были суд, приговор — все, как положено.

Через несколько месяцев в Воронеж, где отбывал заключение Артем, приехал отец, Андрей Арефьевич. Арест сына свалился на его голову как тяжелое семейное горе. Всю жизнь он мечтал вывести хоть кого-нибудь из детей в «благородные». Однако старший сын Егор учился мало, без охоты и с ранних лет пошел по стопам отца — тоже стал подрядчиком строительных работ. Дочери, Дарья и Надежда, были не в счет. Все честолюбивые надежды старика связывались с младшим сыном... Ученье Феде давалось с малых лет легко. Реальное училище он окончил с круглыми пятерками, лишь по рисованию ему влепили тройку, но в этом был умысел дирекции училища — золотая медаль в выпуске предназначалась совсем другому, не сыну мелкого подрядчика. За отличные успехи Федор Сергеев получил памятный подарок — роскошно изданную книгу «Путешествие цесаревича».

— Эх, учить, учить тебя, Федька, надо,— вздохнул Андрей Арефьевич, бережно рассматривая табель и подарок.— Ну да уж как-нибудь. Дал бы только бог здоровья.

В том году он взял подряд строить монахам обитель, рассчитывал хорошо заработать и поэтому, снаряжая своего младшего в Москву, не пожалел денег на форму, на квартиру и на прожитье в столице. От одной мысли, что сын Федор вернется домой инженером, у Андрея Арефьевича тряслись руки.

И вот разом рухнули все надежды. Вместо аудиторий Высшего технического училища, вместо нарядной фуражки инженера — вонючий каземат Воронежской тюрьмы, навек поломанная судьба с клеймом царского преступника...

Сам Артем, напротив, переносил заключение бодро, без тени уныния. В те годы сидение в тюрьме входило в программу образования революционера. «А знаете,— сказал ему один из заключенных, с замечательным спокойствием и даже уютом отбывавший приговор,— если бы не тюрьмы да не ссылки — и почитать бы некогда. Когда же, сами посудите? Все некогда!»

Впервые попав в тюремную камеру, Артем с удивлением нашел в ней совершенно необычный уклад жизни. Заключенные много читали, вслух размышляли, спорили, играли в шахматы. Здесь были заперты люди, живущие вразрез с желаниями правительства, и этот котел с людьми самых разных темпераментов, убеждений, планов, знаний бурлил не переставая, он втягивал новичка с головой и мало-помалу «варил» из него человека, совершенно непохожего на того, каким он переступил тюремный порог.

В тюрьме Артем почерпнул столько, сколько не узнал бы и за десять лет жизни на воле.

С нелегальной литературой он познакомился еще в реальном училище. Как-то в классе товарищ украдкой сунул ему тощую брошюрку, завернутую в газетный лист, и предупредил, чтобы читал он секретно, не попадаясь взрослым. Называлась брошюрка «Царь-голод». Читалась она залпом, со жгучим интересом. На бумаге черным по

белому говорилось то, о чем в семьях, в разговорах со знакомыми шептались тайком, с оглядкой.

— А еще? — спрашивал Артем, возвращая очередную прочитанную книжку.

— Приходи сегодня к нам. Как стемнеет,— был ответ.

Так Артем стал посещать нелегальный марксистский кружок, в котором занимались несколько рабочих Брянского завода.

В нем произошла большая перемена, и первой это заметила старшая сестра Дарочка. В глазах Артема, в его улыбке исчезла прежняя беспечность, появился настороженный прищур. Дарочка догадывалась, где он бывает и чем занимается, она тревожилась за брата, но суровому отцу ничего не говорила — боялась...

В самый канун экзаменов Артем принял участие в первомайской демонстрации. Рабочие екатеринославских заводов вышли на улицы с красными флагами и с песней «Отречемся от старого мира». Многих из рабочих, шедших в колоннах, Артем знал близко: он бывал у них дома, занимаясь со своими отстающими одноклассниками. Часто случалось, что, засидевшись над учебниками, ребята пропускали час, когда Артему надо было возвращаться домой, и он оставался ночевать... Читая нелегальщину, Артем теперь по-новому видел жизнь изнуренных, надорванных трудом людей. Жизнь рабочего человека на заводах проходила вблизи нестерпимого пламени, в копоти, в постоянной спешке и надсаде,— редко можно было встретить на заводе рабочего старше сорока пяти лет. Здоровье, силы, саму жизнь рабочего забирал не знающий жалости завод.

Среди екатеринославских рабочих, обитателей грязных Чечелевки и Кайдаков, были известны имена Ивана Бабушкина, Григория Петровского, Ивана Лалаянца, здесь по примеру Петербурга был создан свой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В тот день, Первого мая, на демонстрацию рабочих налетели казаки, принялись лупить нагайками направо и налево, затем блеснули шашки. Спасаясь, Артем с трудом вскарабкался на забор и обрушился в бурьян. Домой он прибежал исцарапанным, в порванной одежде. «Где ты был?» — кинулась к нему испуганная Дарочка. «Да так... пустяки»,— ответил он сквозь стиснутые зубы. В нем все дрожало, он до сих пор видел человеческую кровь, видел зверские чубатые рожи под лихо заломленными бескозырками, слышал свист шашек и нагаек. Безоружных людей били...

В Воронежской тюрьме о «Царе-голоде» не поминали — это были азы политграмоты, букварь. Заключенные запросто называли имена Плеханова, Михайловского, Засулич, Рязанова, Мартынова. Народ был в основном начитанный, напичканный цитатами. Большинство, рассуждая о судьбах грядущей русской революции, иронически отзывалось о «марксятах», которые основную роль в борьбе с самодержавием отводили отнюдь не крестьянству и не интеллигенции, а пролетариату.

Приводились убедительные цифры. Добыча угля в стране быстро растет и сейчас составляет около 600 миллионов пудов в год. Количество доменных печей увеличилось более чем в три раза. Соответственно растет и число рабочих... Так что пролетариат отнюдь не выдумка Маркса и марксистов. Пусть имущие классы страны пока что узнают о пролетариате лишь тогда, когда становится известно о разгоне еще одной демонстрации. Но это громадная поднимающаяся сила. Недаром в Горловке недавно состоялось совещание горнопромышленников. Это сугубо деловые люди и зря собираться не станут. Так вот, они приняли решение «спустить пар»: часть фабричных рассчитать и отправить на прежние места жительства.

Как видим, у этих господ уже сейчас болит голова от надвигающихся забот...

Такие споры были большой школой для молодого революционера.

В камерах по рукам открыто ходили номера толстого, легально печатавшегося журнала «Русское богатство». Марксистам же приходилось ограничиваться нелегальной литературой, которая с большими перебоями доставлялась в Россию из Швейцарии. Но убежденность Артема и его единомышленников в правоте своего дела от этого не страдала. В спорах они стояли на том, что пролетариат никогда не согласится с жалкой ролью пособника буржуазии, только он, в союзе с крестьянством, явится могильщиком русского самодержавия!

— Могильщиком! — насмешливо воскликнул вечно ироничный человек, приходивший из соседней камеры.— Так сразу и могильщиком! Ах, как у вас все просто: пришли, увидели, победили. Так только в сказке делается. А настоящая политическая борьба — процесс долгий, многолетний. Надо развить общественную мысль, надо поднять... А, да что с вами говорить! — неожиданно махнул он.— Вы же помешаны на своем Ульянове. Вот еще Пугачев из университета! Да он просто путаник, авантюрист. Чего он добивается?

— Узурпатор! — поддержал его зябкий юноша в начальном градусе чахотки.— Вы посмотрите, что он сделал с «Искрой»! Надо призвать его к порядку самым решительным образом, иначе он оттолкнет от нашего дела всех мыслящих людей!

Доругивались уже на прогулке.

В этот день в камеру, где сидел Артем, передали тайком от надзирателей истрепанный номер «Искры» с передовицей, озаглавленной «С чего начать?». Автором статьи был как раз Ульянов, лидер искровцев, уехавший за границу. Ульянов писал: «Вопрос: «что делать?» за

последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути...» А вскоре среди заключенных пошла книга, которой было суждено сыграть выдающуюся роль в борьбе за боевую революционную марксистскую партию. Называлась она просто и по-деловому: «Что делать?»

— Ну и взвоьются теперь пустомели! — рассмеялся близорукий сосед Артема, часто ставивший своих противников в тупик меткими замечаниями.

В дверях появился надзиратель Клещ и объявил:

— Сергеев, на выход!

За порогом камеры Артем спросил:

— Зачем меня? Не знаешь?

Ответил Клещ не сразу:

— Зачем, зачем. Свидание — отец приехал, вот зачем!

От неожиданности Артем остановился.

— Иди, иди,— толкнул его Клещ.— Обрадовался!

Но нет, Артем совсем не был рад свиданию с отцом. Слишком хорошо зная отцовский нрав, он не ждал от встречи ничего хорошего. Ведь не поймет же ничего!

Шагая впереди надзирателя по длинному тюремному коридору, Артем решил встретить отца с самым непринужденным видом. Надо будет развеселить его рассказом о самом суде над демонстрантами. Как и ожидалось, дело «бунтовщиков-студентов» вышло тощим и бесперспективным, недаром арестованных почти до мая держали в Яузском полицейском доме в камерах для пьяных извозчиков и карманных воров. Но судебная расправа все же готовилась, и в формуляре арестованного Федора Сергеева появилось такое по-полицейски замысловатое обвинение: «...прискучивший всем своим товарищам во время сходок в Техническом училище назойливой пылкостью к беспо-

рядкам, предлагая разгромление инспекции, сожжение предварительных предупреждений уличных демонстраций с флагом и тому подобные бесчинства». (Это прохвост Шмидт донес на Артема после той вечерней сходки, куда его сам и затащил.) Кроме выступления на сходке да участия в демонстрации никаких «преступлений» за ним не числилось. Что и говорить, для серьезного приговора жидковато!

И вдруг арестованные узнали, что за участие в уличных демонстрациях им грозит ни много ни мало, а... Сибирь.

— Не может быть! Пугают.

— Ни один суд не вынесет такого приговора. Это же смешно! В Сибирь... за что, за что?

Так они сидели, дожидаясь суда, и не верили в расправу. Не верили до тех пор, пока не оказались в судебном зале. Разбирательство было коротким: все решилось в считанные минуты. Артему показалось, что приговор суда зависел от того, носил обвиняемый очки или не носил. Шестерым товарищам, всем, кто был в очках, дали ссылку в Сибирь... И смешно и горько!

Развеселить отца, однако, не удалось. Едва он увидел его, потухшего, с согнутой спиной, приготовленный рассказ о дураках чиновниках, считающих студента в очках гораздо опаснее студента без очков, сам собой вылетел из головы. Артему стало невыносимо жаль отца. Но как объяснить ему, как его убедить, что никакой беды не произошло, что царь на троне сам преступник, со всей своей шайкой помощников, и что путь «царского преступника» — единственно правильная дорога для каждого мало-мальски умного человека в николаевской России? Ведь как ни свирепствуют власти, участь царизма решена бесповоротно — пройдет еще какое-то время и все рухнет! А сажая людей в тюрьму, царь всего лишь защищается. А что ему еще делать?

В Воронеже Андрей Арефьевич прожил уже несколько дней. Обивая пороги всяческого начальства, он объяснял преступление сына заблуждением молодости и пагубным влиянием со стороны. Он и свидания добился, обещая склонить непутевого сына к чистосердечному раскаянию.

— Поклонись, голова не отвалится,— убеждал Андрей Арефьевич.— Мне тут по секрету сказали, что тебе прощение может выйти.

«По секрету! Этого они только и ждут!»

Стараясь не обижать отца, Артем отвел все его доводы и от подачи прошения отказался наотрез. Еще чего! Он старался говорить ласково, даже кротко, зная вспыльчивость отца. Но в голове Андрея Арефьевича крепко засела мысль обратить сына на путь раскаяния. Он еще не потерял надежды выучить его на инженера. Начальство наказывает, но оно же и милует!

Когда же из всей мягкой, убедительной речи Артема до него дошло только одно: сын не собирается просить прощения,— он вышел из себя:

— Ну, Федька! Смотри тогда сам. Ох, смотри! Потом близко будет локоть, да не укусишь!

Он еще и строжился, и упрашивал, затем, отчаявшись, заплакал. Надзиратель Клещ, наблюдавший за свиданием, подошел и рявкнул: «В камеру!» Плачущего отца он проводил к выходу. Андрей Арефьевич, шаркая ногами, утирал лицо и жаловался ему:

— И в кого он такой у нас? Сроду не бывало!

— Это язва сейчас такая,— утешал надзиратель.— Кажинный день ловят. Судить не успевают. У нас уж и не знаем, куда девать. По всем камерам сверх комплекта.

Напоследок Артем расслышал жалобный голос отца:

— ...и что за молодежь пошла? Мы-то разве не были молодыми?

Вцепившись в проволочную сетку, перегораживающую комнату для свиданий, Артем смотрел на удалявшегося отца. Андрей Арефьевич всегда держался с гонором, и видеть его плачущим, сломленным было непривычно, тяжело, больно. Отцовские слезы оставили в душе Артема горький осадок. Ах, зря, зря это свидание! Лучше бы он не приезжал!

Молча, с опущенной головой, брел он назад в камеру. Сзади топали сапоги Клеща. В эту минуту Артем еще не знал, что отца он больше не увидит никогда.

В камере кипел спор.

Уперев подбородок в грудь, сжимая кулаки, близорукий с яростью говорил:

— Я отвечу вам словами Чаадаева: «Я не умею любить свое отечество с закрытыми глазами, с поникшим челом, с зажатым ртом. Я полагаю, что родине можно быть полезным только при условии ясного взгляда на вещи».

Ироничный сосед сердито тыкал в его сторону пальцем:

— Вы ведете себя, как чиновник особых поручений! Ставлю вас в известность, что мы за демократизм, да-с! А вас, простите, еще никто не выбирал!

Не обращая внимания на спорящих, Артем хмуро лег на свое место у стены и с головой накрылся тужуркой.

Через месяц все тот же Клещ снова вызвал Артема из камеры и повел его в комнату для свиданий. На этот раз за проволочной сеткой стояла старшая сестра Дарья, Дарочка. Она давно вышла замуж и жила в селе под Екатеринославом.

Едва увидев брата под конвоем, исхудалого, обросшего, Дарочка всплеснула руками и ударилась в слезы. Раздутый как бочка Клещ посмотрел на Артема чрезвы-

чайно выразительно: дескать, видите, молодой человек, что натворили?

— Хорошо, тебя не видит мама,— сказала плачущая Дарочка.— Я попросила папу, чтобы он ничего ей не рассказывал.

Теперь Дарочке казалось, что в несчастьях Артема есть и ее вина — почему она не набралась смелости и не рассказала обо всем отцу? В то время еще что-то можно было бы исправить...

Страдальческий взгляд сестры жадно обшаривал его лицо. Артем сейчас выглядел старше своих лет.

Помня о времени, отпущенном на свидание с заключенным, Дарочка быстро привела лицо в порядок.

— Ладно, больше не буду.

Подперев рукою щеку, она устремила на брата горестный взгляд:

— Бьют вас тут, наверное?

— Еще чего! — удивился Артем.

— Правда? — обрадовалась она.— А кормят как?

— Ничего. Нормально. Видишь — живой.

— А спишь? Или нет?

— Конечно! Еще как! А что тут еще делать?

— На чем спишь-то? Подушки вам дают? Я знаю, ты же любишь повыше.

А сам он уж и забыл об этом. Как-то не до того. Но сестре он сказал:

— У нас самая обыкновенная жизнь. Только вот... стены да у ворот эти дураки стоят.

Поверила она, не поверила?

— Что ты делать собираешься, когда выйдешь? — спросила Дарочка.

Он рассмеялся:

— Дай отсидеть сначала!

— Учиться-то дадут?

— Да должны бы...

Но сам он в этом уверен не был.

— Приезжай ко мне,— сказала Дарочка.— Сначала отдохнешь.

И дальше разговор пошел совсем спокойно. С какой стати семья принялась его оплакивать? Ничего страшного с ним не произошло. Он никого не убил, не ограбил, ну а насчет тюрьмы... мало ли народу сейчас сидит по тюрьмам! Считай, вся страна стала тюрьмой. Во всяком случае, здесь с ним сидят такие люди, перед которыми еще недавно на улице городовые вытягивались и отдавали честь. А к какому-то таинственному заключенному, которого не выводили на общие прогулки, приезжал, как потихоньку рассказывали, даже вице-губернатор.

Слушая его, Дарочка больше не плакала, и это не понравилось Клещу. Свежий человек должен бояться тюрьмы и обязательно плакать.

— Свидание окончено! — сердито объявил он.

Прощаясь, сестра повторила приглашение приехать к ней в деревню.

После тюрьмы поднадзорный Артем поехал к сестре.

В деревню, где она жила с мужем, Артем добрался к вечеру. Спадал зной, с небольшой протоки по деревенской улице тянулись важные раскормленные гуси. Зажиточный дом мужа Дарочки был заметен издали.

Первым делом Артем спросил сестру:

— Где тут у вас пристав?

— А тебе зачем? — удивилась Дарочка.

— Да вот... отметиться надо.

Сестра испугалась, но Артем со смехом успокоил ее:

— Что в этом такого? Ну, приду, покажусь. Он что — укусит меня?

Но настроение у нее было испорчено. Выходит, если уж запачкался, то не отмоешься по гроб жизни!

Мужа Дарочки не оказалось дома — уехал по делам. Брат и сестра проговорили до позднего часа. Сестра рассказала, что монахи обманули отца и не заплатили за подряд. Спасаясь от разорения, отец увез семью в далекий край, в Туркестан. Жалея брата, Дарочка умолчала о том, что отец, вернувшись из Воронежа, на все расспросы домашних о Федоре только махнул рукой. Для него окончательно свихнувшийся сын стал отрезанным ломтем.

Узнав о «волчьем билете», Дарочка расстроилась. Она все время надеялась, что диплом инженера не только покроет «студенческий грех» брата, но помирит его с отцом. Своим практическим женским умом она стала искать выход из положения и подала мысль уехать за границу. А что? Если не дают учиться дома, надо получить образование в людях. Она слышала, что так поступают многие. Пусть он поскользнулся на первых самостоятельных шагах — с кем не бывает? Но вот уедет за границу, получит диплом инженера, вернется и поступит на большой завод, и тогда самый важный пристав будет ему козырять. Ничего еще не потеряно!

За границу? Пощипывая крохотные усики, Артем уставился на сестру. Теперь он стал членом социал-демократической рабочей партии и в Екатеринославе собирался наладить связи со своими людьми. Но положение изменилось: за границей, в Женеве и Париже, находились наиболее видные деятели российской социал-демократии, жившие там эмигрантами. Сюда, в Россию, тайком доставлялись их печатные труды, все то, что называлось одним словом — нелегальщина. Наконец, где-то за границей жил Владимир Ильич Ленин, наладивший издание газеты «Искра». Из Воронежской тюрьмы Артем вышел убежденным искровцем...

Сестра по-своему поняла его раздумья. Она заверила Артема, что получить заграничный паспорт не составит никакого труда: местный пристав относится к ее мужу с

глубочайшим почтением... Язык? Но ведь устраиваются же как-то люди! Устроится и он... Деньги? Кое-что можно заработать репетиторством, кое-что она доложит из своих, ну и не откажет в помощи старший брат Егор. Он, кстати, недалеко отсюда, в селе Федоровке, строит еще по отцовскому подряду церковь.

Через несколько дней Артем поехал в Федоровку, надеясь пожить у брата. Покачиваясь в бричке, он не обращал внимания на слепней и думал о заграничной жизни. Ехать, ехать!.. Дома с каждым годом сгущаются мрачные тени. Любая мысль давится в зародыше, каждый рот заткнут кляпом. И поневоле многие из патриотов выбирают между немотой, тюрьмой и изгнанием...

Брата он дома не застал, тот был на стройке и пришел лишь поздно вечером, обожженный солнцем, весь в пыли, в пропотевшей рубахе.

— Ого, подрос! — сказал он Федору, пошел к колодцу и вылил себе на голову ведро воды.

Потом он жадно ел арбуз с хлебом и, сплевывая семечки на пол, жаловался:

— Все некогда, все сам. Народ сволочь, вор. Чуть не доглядишь — утащут. Сегодня одному чуть голову не проломил...

За всю неделю, что Артем прожил у брата, он так и не решился заговорить с ним о деньгах.

Сначала путь лежал в Швейцарию, в Женеву. Позади остались унылые, еле освещенные вокзалы, надутые жандармы, скудные пустоши Полесья. Ему казалось, что теперь можно перевести дух и проникнуться новой надеждой, новым могуществом, найти прибежище, поддержку, единомышленников.

Удаляясь от России, Артем все больше соприкасался с миром людей, имена которых у него на родине произ-

носились шепотом и только между своими, проверенными и надежными. Там, в России, было опасно одно упоминание о них, в Женеве же они свободно могли появиться на площади Пленпалэ, где пиликали шарманки и кружились карусели народной ярмарки, их можно было видеть выходящими из редакции газеты «Трибюн де Женев», где русские эмигранты были частыми посетителями.

Русская колония в Женеве, как быстро убедился Артем, влачила жалкое существование. Рядовая масса эмигрантов жила отражением того, что происходило «наверху», среди «генералов». А «генералы» с головой погрязли в мелких дрязгах. В Женеве из «генералов» обитал один Плеханов, Засулич и Аксельрод поселились в Цюрихе. Время от времени Плеханов покидал Женеву и наезжал к своим единомышленникам в Цюрих, там они все трое уединялись и подолгу беседовали за плотно закрытой дверью. Предмет их бесед был недоступен и неподсуден рядовому эмигранту, лишь спустя некоторое время в разговорах вдруг начинал упоминаться далекий и туманный Лондон, куда перебралась из Мюнхена редакция «Искры» и откуда к Аксельроду в Цюрих постоянно стали приходить «неприятные» письма. Сочувствуя Аксельроду, беседующие с видом посвященных ругательски ругали некоего Петрова, человека, как уверяли, тяжелейшего характера, который не идет ни на какие уступки даже самому Плеханову. Рассказывали, что Аксельрод и Засулич всеми силами стараются примирить «Женеву с Лондоном», что Плеханов, кажется, уже готов кое в чем уступить, но вот беда: этот самый Петров — ни в какую! Вскоре Артем выяснил, что под фамилией таинственного неуживчивого Петрова скрывается Ленин. «Так, значит, Ленин в Лондоне! Но ведь бывал же он здесь, жил, работал. Кто-то его должен знать...»

Теперь он понимал, что обострение отношений между Лениным и «генералами швейцарской эмиграции» вы-

зывалось отнюдь не тяжелым характером Петрова-Ленина. Дело было гораздо глубже, сложнее — они расходились во взглядах на коренные вопросы в программе пролетарской партии. Собственно, Артем соприкоснулся с этим еще в камере Воронежской тюрьмы.

В Женеве нашлись люди, знавшие Ленина не только по его литературным трудам и политическим статьям, но и по живым, непосредственным беседам с ним, по его выступлениям на враждебных и дружеских собраниях, по его поступкам, отношению к друзьям и врагам. Они рассказывали, какой это ясный, кипучий и удивительно логический ум, сочетавшийся с могучей волей, настойчивостью и последовательностью во всем, что он начинал. Этот человек был пропитан непоколебимой верой в рабочий класс и его историческую миссию. В Ленине отмечали прежде всего политика, горячего и вдохновенного. Для каждого человека, которому удавалось к нему приблизиться, он превращал политику в смысл жизни, в основное дело существования на земле. В личном же плане это был человек на редкость непритязательный, жил он очень скромно, и часто случалось, что весь их обед с Надеждой Константиновной состоял из дешевой колбасы с хлебом... Поговаривали также, что в своих суждениях о людях Ленин всегда прям, наблюдателен и, если возможно, метко ироничен.

«Но что же делать? Ехать в Лондон?..» Пока же было ясно, что оставаться в чистенькой мещанистой Женеве незачем.

Принять решение помог случай.

В небольшом кафе, любимом эмигрантами за подаваемые там пиво и великолепные сосиски с тушеной капустой, Артем свел знакомство с бойким говорливым малым, отрекомендовавшимся парижским студентом Творожниковым. Студент испытывал наслаждение от еды и без умолку трещал, легко перескакивая от одного к другому,

С Артемом он с первых же слов поставил себя так, будто они век знакомы.

Ткнув сосиской в горчицу, Творожников смачно откусил с конца и надолго припал к пивной кружке.

— Уф,— проговорил он, утирая с губ пену.— За что люблю Женеву, так это за пиво. Превосходное! Вы не находите? А все остальное здесь...— и скорчил гримасу.

Мимо окна, у которого стоял их столик, потянулась вереница чинно шествующих девушек, и Творожников оживился. Это в соборе на площади закончилась воскресная торжественная служба. Парижский студент залюбовался бело-розовыми лицами девушек, их ясными безмятежными глазами.

— Простите, я вижу это вас совсем не трогает? — обратился он к своему собеседнику.

Вместо ответа Артем пожал плечами. В первые дни ему тоже доставляло удовольствие смотреть на вереницы идущих с богослужения барышень, но сейчас эти выпоенные на молоке и вскормленные на шоколаде мещаночки, чьи юные головки окружало облако буржуазно-растительной безмятежности и спокойствия, его раздражали.

Творожников, потягивая пиво, стал рассказывать о том, как нынешней весной он также ненадолго приехал в Женеву и стал здесь свидетелем празднования Первого мая. С утра чинные колонны двинулись по городу, гремели оркестры, по крайней мере на четырех языках распевался «Интернационал». Но вот что странно — принаряженные полицейские не бросились разгонять и бить демонстрантов, а, наоборот, вежливо козыряли красным знаменам и вообще вели себя так, словно это большой праздник и для них. На балконах и у открытых окон стояли сытые буржуа и, самодовольно посмеиваясь, махали руками демонстрантам... Артем слушал и покачивал головой.

— Учтите,— продолжал веселый Творожников,— в Женеве сам шеф полиции социал-демократ.

— Чертовы лавочники! — выругался Артем. Он слишком хорошо представлял себе, в какое живое демонстрирование собственного бессилия перед лицом наглого, уверенного в себе и своей безопасности классового врага превратился праздник здешних рабочих.

Творожников предложил спросить еще пива и сосисок, Артем отказался.

— А я, знаете, возьму. Когда-то еще придется попробовать!

За едой он принялся уговаривать Артема бросить надоевшую Женеву и ехать с ним в Париж. Французская столица, убеждал Творожников, издавна считалась идеальным местом для эмигрантов всех мастей. Этот город освящен кровью своих героев и мучеников, ведь именно в нем пылкий и восторженный народ — французы — провозгласили идеи политической свободы.

— Вспомните восемнадцатый век.— Творожников, как восклицательный знак, поднял надкушенную сосиску.— Кто, как не французские идеологи, принялись разрушать в сознании людей ту иерархическую систему, которая затем была сметена революционной бурей? Разве не Дидро обнажил и высмеял пороки современного ему общества, заклеймил деспотизм, разоблачил лицемерные нравы и вместе с тем прославил технические науки, ремесла, физический труд? А Вольтер, ядовитый умница Вольтер! Разве не он выступил в защиту жертв гонений, боролся с заблуждениями, фанатизмом, нетерпимостью и суевериями? Наконец, разве падение Бастилии не стало началом новой эпохи, провозвестником новых освободительных событий?

Вспомнив о сосиске, которую он все еще держал в руке, Творожников оглядел ее, макнул в горчицу и от-

правил в рот. Подбирая капусту, он помогал себе корочкой.

На них уже поглядывали из-за соседних столиков.

За то, чтобы отправиться в Париж, говорил и тамошний состав эмигрантов — не чета женевскому болоту.

— Там сейчас Гоц, Бурцев, Рубанович,— перечислял Творожников, заметно отяжелев от насыщения.— Из рабочедельцев — Кричевский, Мартынов. Из группы «Борьба» Гольдендах, Стеклов, Гуревич... Там жизнь, понимаете — жизнь! А здесь вы самое малое через год станете пустобаем, как ваш уважаемый Дан, или цепным, кидающимся на всех Мартовым. А еще лучше вот — вы женитесь на одной из фарфоровых дочек Плеханова, отпустите брюшко, бородку и с помощью тестя станете владельцем какого-нибудь кефирного заведения, как Павел Борисович Аксельрод. Вот ваше будущее!

— А у Аксельрода свое кефирное заведение? — удивился Артем.

— А вы и не знали? Поздравляю. Да вы почитайте его, послушайте. От него же так и несет боязнью за свое предприятие! Ну вот, вам стало смешно. Кстати, вы хорошо смеетесь. В Париже я вам советую почаще улыбаться, там любят веселый народ. О, Париж... Впрочем, вы все увидите сами. Едем, коллега, едем, откиньте все свои сомнения. Вы мне потом спасибо скажете, что я вас вытянул из этой ямы.

Убедило Артема сообщение Творожникова о парижской Высшей школе общественных наук. Школа называлась русской, ее основал Максим Максимович Ковалевский, уволенный лет пятнадцать назад из Московского университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю». Почетным президентом школы был всемирно известный ученый Илья Ильич Мечников, так же, как и Ковалевский, вынужденный покинуть родину и живший в Париже.

Договорились так: Творожников пока уедет один, Артем отправится через некоторое время. Прощаясь, Творожников заставил его записать свой парижский адрес.

Когда он вышел из вагона на парижском вокзале, накрапывал мелкий холодный дождик. Незнакомый город, огромный и страшноватый, поднимался туманным сиянием за крышами вокзальных строений. Пассажиры и редкие встречающие торопливо рассосались в каких-то проходах и выходах. Оставшись один, Артем подхватил свой саквояжик и спустился на улицу. Дождь зарядил, видимо, надолго. В молочном тумане тонули огни газовых рожков, крыши ближайших домов еле проступали в сгущавшихся сумерках.

Да, Париж со слов Творожникова представлялся Артему совсем не таким. Но настроение настроением, а надо было брать себя в руки и устраиваться, обживать незнакомый город.

Помня наказ Творожникова, он стал выспрашивать дорогу на бульвар Сен-Марсель. Там в небольших отельчиках можно было получить на ночь недорогую комнату. В Париже, видимо, привыкли к иностранцам. Прохожие терпеливо выслушивали молодого человека, коверкавшего французские слова, брали его за плечо и, поворотив, показывали рукой, куда идти. Заявиться к Творожникову ночью Артем не посмел. «Ко мне,— предупредил Творожников при расставании в Женеве,— не всегда, понимаете ли, удобно вечерами...» Артем уже понял, что парижский студент — большой повеса.

Утром от вчерашнего настроения Артема не осталось и следа. Первое, что поразило его, едва он открыл глаза,— солнце, обилие солнца. Он вскочил с постели и подбежал к окну, которое низко над головой переходило в косой, плохо побеленный потолок. Чистые улицы, све-

жая, ласкающая глаз зелень, глубокий синий цвет весеннего неба.

Быстро одевшись, он спустился вниз, остановился на тротуаре и, задрав кверху голову, зажмурился. Лицу было тепло от солнца, в грудь вливался свежий воздух. Хорошо!

Весенний город создавал настроение. Течет нарядная, легко одетая толпа, столики вынесены на тротуар, снуют разбитные продавщицы цветов, у фланирующих мужчин в петлице обязательно фиалка или роза.

Надо бы отыскать Творожникова, но Артем не спешил.

Пробираясь между столиками, за которыми смеющиеся люди, вытянув ноги, подносили к губам узкие длинные стаканы, он терял голову от криков газетчиков, оборонялся своей провинциальной улыбкой от бесцеремонной навязчивости хорошеньких цветочниц и, жмурясь от блистания солнца и всех необычных красок шумного города, думал о том, что здесь, на этих улицах, даже представить невозможно российского крючника, ломовика, не говоря уже о мужике в лаптях. Но Париж отличается не только от холодной грубой России, но даже и от остальной заграницы, которую ему довелось повидать с тех пор, как он уехал с родины. Видимо, недаром сюда стекались вольнодумцы, писатели, художники. Здесь они упивались волнующим прошлым французской столицы, а героическая сень Парижа стимулировала их самые смелые, самые дерзкие мечты.

В Париже все русские эмигранты селились в Латинском квартале. Здесь имелись русские магазины, столовые, прачечные, парикмахерские. Русский человек в Париже мог прожить всю жизнь и не знать ни одного французского слова. В лучшем случае, точно для объяснения с туземцами, он мог заучить несколько фраз. Но вот с работой было трудновато, и Артем по совету Творожникова обратился в Русское общество помощи нуждающимся.

— Коллега, не надо морщиться,— поспешил успокоить его Творожников.— Так поступают все приезжие. Все, без исключения.

Собственно, большой помощи общество оказать не могло — выдавались всего лишь талончики на обед в дешевой эмигрантской столовой.

На первых порах Творожников опекал его, как нянька.

— Коллега,— спросил он его на следующий же день,— как у вас с одеждой? В Париже о человеке судят по имуществу, а о новичке, только устраивающемся на житье,— по одежде. Вы же сразу захотите записаться в библиотеку. Так вот, вас запишут и выдадут книги только при поручительстве вашего домохозяина.

— Но позвольте! — возмутился Артем.— Какое имущество у эмигранта, да к тому же студента?

— Уймите свой пыл. В этом случае можно представить рекомендацию посольства или же, как записано в правилах, «добропорядочного лица, известного администрации». Насколько я понимаю, обращаться в посольство вам не с руки?

Это была первая его попытка вызвать Артема на откровенность.

— Порядочки, однако! — Артем не мог скрыть замешательства.— Бюрократия почище, чем у нас.

Творожников успокоил Артема, сказав, что все русские эмигранты записываются в библиотеку Сент-Женевьев, где правила не столь строги.

— Я вас провожу и представлю,— пообещал он.— Уверен, что все устроится.

От бесконечных одолжений и заботы Артем чувствовал себя неловко. В эти дни они лучше узнали друг друга и с удивлением выяснили, что чуть ли не земляки: Творожников приехал в Париж из Харькова, где старший его брат работал инженером на паровозостроительном заводе.

Творожников, как и обещал, помог с библиотекой, затем повел Артема на улицу Сорбонны — «к Ковалевскому».

Формальности при поступлении в университет были сведены к минимуму. От платы за учебу Артем был освобожден. Вместе с группой молодых людей, приехавших недавно из России, он стал слушать лекции.

Блестящим лектором был сам Ковалевский. Его ранняя работа по общинному землепользованию, говорят, привлекла внимание самого Карла Маркса. Свои лекции Максим Максимович перемежал рассказами о встречах с величайшими людьми Европы, сыпал анекдотами, остротами и часто, очень часто вставлял: «мой друг Карл Маркс»... Ковалевский владел всеми европейскими языками, даже латинским.

— А как он принимает экзамены! — восторгался Творожников.— Студенты его обожают!

Они сидели в «гласьерке» — дешевенькой столовой на улице Гласьер. Был полдень, время аперитива. Творожников голову отвертел, разглядывая пробегавших мидинеток — девушек из контор и магазинов. Девушки не давали ему сосредоточиться.

— Ах, Сергеев,— вздохнул он, как бы извиняясь за свою слабость,— вы что, не из того же теста сделаны, что и все люди? Как вы можете смотреть спокойно? Это же...— и не договорил.— Скажите, у вас есть невеста? Нет? Но, быть может, кто-нибудь... Ну, дама сердца?

Разговор был неприятен Артему, и он, пряча свою застенчивость, грубовато отрубил:

— Давайте лучше о деле!

Удивленный Творожников смотрел на Артема как на человека, который непонятно по каким причинам лишает себя вполне доступных радостей. На этой почве у них даже наступило некоторое охлаждение. Зная, с какою страстью занимается Артем, Творожников при встречах

с ним в университете испытывал что-то похожее на совестливость — оттого, что не может быть аскетом и живет в свое удовольствие, без больших обязанностей.

Творожников был прав, уговорив его оставить скучную Женеву. Осматривая памятные места Парижа, Артем убеждался, что даже пыль этого города будит воспоминания о минувшем.

Кафе «Прокоп» на улице Ансьен-Комеди старо, ему уже более двух веков. За его столиками сидели Лафонтен, Дантон, Марат, Робеспьер, Бальзак и даже молодой Наполеон Бонапарт... В Пале-Рояле помещался штаб революции 1789 года... На площади Конкорд якобинская Франция бросила вызов всем монархиям и отсекла голову своему королю... В квартале Марэ гремели баррикады и звучали задорные песенки уличного мальчишки Гавроша... Ну а позднее сюда, в Париж, переселился молодой Маркс, чтобы продолжать борьбу против ненавистного ему прусского режима. Здесь, в городе французской революции, он наблюдал огромную концентрацию трудящихся масс, вынужденных продавать свою рабочую силу, чтобы жить.

Дни шли за днями, и Артем узнал, что рабочий Париж просыпается рано, очень рано. Еще в темноте к Центральному рынку начинали двигаться громадные колымаги с овощами. В семь часов утра на улицах уже слышится дудка продавца зелени. Сонные консьержи из резиновых шлангов поливают широкие тротуары, отворяются лавчонки, пробуют голоса мальчишки с кипами свежих утренних газет.

Для жилья Артем снял комнатенку у рабочего-кожевника. Хозяин пропадал на работе от зари до зари и приходил домой до смерти усталый. Если жена бывала дома, он затевал с ней негромкий разговор. Артем уже был в состоянии понять, что кожевник ругает «фасонье» (хозяйчика) и «контрмэтра» (мастера). Наблюдая за беспро-

светной жизнью этой французской семьи, Артем недоумевал: почему никому не придет в голову мысль, что неплохо бы кое-что изменить в существующем строе? Ведь это же Париж, город Коммуны! Нет, рассуждали эти измученные люди, бог создал богачей и бедняков, значит, так и надо. Выходит, славное знамя из рук коммунаров выпало и валялось в прахе рухнувших надежд? Да, Париж уже не тот, совсем не тот, что был когда-то. Его революционное прошлое осталось далеко позади. Французский пролетариат ловко провели, замаскировав лживым и напыщенным красноречием грубую действительность эксплуатации и барыша. Нынешний режим французской буржуазной республики стал более усовершенствованным орудием господства.

Наблюдая лошадиную жизнь своего квартирного хозяина, рабочего-кожевника, Артем с тоской вспоминал об оставленной России и думал: «Ну уж нет, у нас человек от такой жизни непременно бы забуянил!»

После лекции студенты отправлялись в кафе на Авеню д'Орлеан, неподалеку от Бельфурского льва, где, поднявшись на второй этаж в небольшой темноватый зал, можно было заплатить лишь за кофе или пиво и сидеть хоть до закрытия. Иногда посещали рабочий театр на улице Гэтэ, где певец Монтегюс выступал с исполнением революционных песен. Но это бывало, если у входа в столовую не белело объявление об очередном диспуте. Тогда к назначенному часу все набивались в зал, рассаживались группами, по принадлежности к партиям,— и начинался бой. Как правило, диспуты проходили с таким ожесточением, словно от этих парижских словесных баталий что-то обязательно изменится там, в далекой России.

За время своей парижской жизни Артем стал свидетелем того, как поднялась звезда Виктора Чернова, лидера недавно организованной партии социалистов-рево-

люционеров (эсеров). Красавец брюнет с сосредоточенным сумрачным лицом, Чернов пользовался бешеным успехом у своих приверженцев, которых в университете Ковалевского было большинство. Эсеры открыто враждовали с искровцами, и Артем внимательно приглядывался к неожиданно объявившимся противникам.

Само название партии, как считал Артем, ни в коей мере не скрывало ее мелкобуржуазной сущности. Не понимая законов капиталистического развития, эсеры проповедовали теорию «героев и толпы» и преимущественное право отводили террористическим методам борьбы с царизмом. Присвоив себе право говорить от имени народа, который в их представлении отождествлялся с крестьянством, эсеры ратовали за «крестьянский социализм», за создание некоего строя мелких производителей. На взгляд Артема, партия эсеров, отрицая гегемонию пролетариата, и теоретически и практически всеми силами противодействовала сплочению рабочих.

— Коллега,— встретил однажды Артема никогда не унывающий Творожников,— я вас не вижу на лекциях уже два дня.

— Немного нездоровилось,— ответил Артем, без всякой охоты пожимая горячую первную руку товарища по учебе.

— У меня есть для вас приятная новость. Идемте сюда, сядем. Я не могу разговаривать на ногах.

Пришлось покориться.

— Нуте-с! — лукаво начал Творожников, закидывая ногу на ногу, и щелкнул портсигаром. Хмурого лица Артема он как будто не замечал.

Вчера, сказал он, на доске объявлений («ну, знаете, справа от входа») появилось небольшое извещение о том, что известный марксист Владимир Ильин, автор выдающегося труда «Развитие капитализма в России», прочтет слушателям университета курс лекций на тему

«Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России».

— Минуточку! — вскричал Артем.— Так это же Ленин!

От его угрюмого настроения не осталось и следа.

Творожников тонко улыбнулся:

— Молодец! — похвалил он.— А я, признаться, сообразил не сразу. Но вы бы видели, как взбунтовались наши уважаемые бомбометатели! (Так он называл эсеров.) Имени Ильина они не хотят и слышать. Теперь-то и они все раскусили. И — что там началось!.. Кто-то из эсдеков не вытерпел и смазал своего оппонента, пардон за выражение, по харе. Тот, естественно, в ответ... Словом, завертелось так, что в нашем дорогом отечестве не обошлось бы без нагаек, здесь же, слава богу, хватило двух ажанов. Но начальство предупреждено, что еще одна такая потасовка — и нашу «альма матер» могут прикрыть. Мы и без того у полиции как бельмо на глазу.

— Ленин приедет из Лондона?

— Да. Их там в Лондоне целое гнездо бунтовщиков. Кропоткин, Чайковский, Ротштейн. К ним льнет даже такой человек, как Милюков.

— А это еще кто такой? — удивился Артем.

— Как? Вы не знаете Милюкова? Ну, батенька... Златоуст! Светлая голова! Европеец с головы до ног!

— Теперь буду знать. А что — в расписании лекции Ленина уже указаны?

— Да, да, успокойтесь. Правда, сам Ленин еще в Лондоне, но программу лекций он уже прислал. Я вижу,— заметил Творожников,— что накопец-то доставил вам удовольствие. Все-таки странный вы человек. Волнуетесь, как перед свиданием... Хотите, я дам вам зеркальце?

— Что за чепуха! — запротестовал Артем, неудержимо заливаясь краской.

Он и в самом деле не мог скрыть своего нетерпения —

так обрадовало его сообщение о ленинских лекциях. Словно для того, чтобы стереть предательскую краску, он сильно потер щеки ладонями. Творожников, элегантный, благоухающий, наблюдал за ним и медленно покачивал ногой. Его начищенный штиблет отбрасывал мелкие солнечные блики.

— Ах, коллега,— проговорил Творожников и жестом откровения положил руку на колено Артему,— смотрю я на вас и, простите, не понимаю. Вы так начитанны, столько знаете, у вас же светлая голова! Но, простите, до чего же вы непрактичны! Вот скажите мне откровенно, как своему человеку, почему, ну почему для вас, грубо говоря, бедные лучше богатых? Душа болит за обиженных и оскорбленных? Так сходите в церковь и подайте на паперти. Но морочить себе голову каким-то там марксизмом! Чушь собачья. Ваш путь совсем, совсем другой! Забудьте вы эти бредни о пролетариате, оставьте болтовню разным там Данам, Мартовым, Плехановым и займитесь настоящим делом. Каким? Ну, для начала станьте инженером. Болтунов в России хватает и без вас, а вот хороших деловых людей нет. Нету! А между тем именно в них будущее нашей бедной России. В них, и ни в ком другом. Я вам сейчас это докажу, как дважды два.

За все время, что они были знакомы, Творожников впервые заговорил с такой подкупающей откровенностью. Артем даже растерялся. У него сложилось убеждение, что Творожников хороший, но пустопорожний малый. А выходило...

— Подождите, не возражайте,— остановил он Артема. Начатый разговор волновал его.— Мне хочется высказаться до конца. Вам ничего не говорит роспись доходов и расходов Российской империи? На содержание светлейших особ императорской фамилии отпущено тринадцать миллионов рублей? Ничего? На тюрьмы, правда, чуть побольше — пятнадцать. Зато уж на суд и прокурор-

ский надзор отвели от души — целых пятьдесят! А сколько, вы думаете, отпустили на городские и начальные школы? Ни за что не догадаетесь! Двенадцать! Да-с! Так что сами видите, в нашей с вами бедной, затурканной России в каждую несчастную школу упирается если не дуло пушки или ружья, то уж наверняка выпученное прокурорское око. И вы зовете эту страну к революции! Вы сознаете, что вы делаете?

Серьезный обвинительный тон собеседника стал забавлять Артема. Вот уж что Творожникову совсем не подходило! Но ведь разговор им, надо полагать, затеян неспроста... Интересно, сам-то он каких придерживается взглядов?

Как бы догадываясь, отчего это губы Артема сложены в едва скрываемую усмешку, Творожников все больше горячился, а между тем сидевший рядом с ним Артем не проронил еще ни слова.

— Я знаю,— говорил Творожников,— вы любите читать. Но почитайте кроме вашего Ульянова того же Страхова, почитайте умнейшего француза Тэна! Вольтера, наконец! Революция, на которой вы все помешались,— это же одно сплошное разрушение. Возьмите Францию, где мы с вами сейчас живем. Она перенесла неслыханные бедствия, безумия и злодеяния во время своей революции. Кто-то из великих французов пишет, что во время революции становятся на голову и начинают думать ногами. Люди становятся ничтожными перед идеями, которые ими управляют. Общество раскалывается на две неравные части. Большинство превращается в орудие идей, а меньшинство злоупотребляет этими самыми идеями и завладевает фактически ничем не ограниченной властью. Это меньшинство теряет меру своим жестокостям и получает простор для всяческих вожделений и неистовств, скрывающихся в человеческой душе. Вот что такое ваша революция!

Ух ты!.. Артем даже откинулся на спинку скамейки. Признаться, не ожидал! Вот тебе и мотылек, порхающий по веселому Парижу в поисках удовольствий!

Творожников, ждавший, что он скажет, обиделся:

— Вы напрасно так оскорбительно усмехаетесь. С вами просто невозможно разговаривать всерьез. Или вы серьезные беседы приберегаете для, так сказать, товарищей по классу?

Артем дружески его унял. Что же касается умниц Вольтера и Тэна, столь любезных сердцу Творожникова, то, право же, нашему, брату, русскому едва ли стоит оборачиваться на пример французов. Ну, прежде всего потому, что при всем блеске ума и стиля в сочинениях и того и другого слишком откровенно проглядывает чисто обывательский страх перед раскатами приближающейся бури. Но главное — русская революция совсем не будет походить на французскую. О нет! В России все будет иначе. Правда, может быть еще страшней, чем во Франции, еще чудовищней. К этому надо быть готовым с самого начала. Революции в белых перчатках не делаются.

— Прекрасно! — проговорил Творожников, больше всего ждавший удобного момента, чтобы заговорить самому.— Но только мне непонятно, зачем весь этот ужас разрушения? Так ли он необходим? Ну, я понимаю озлобление крестьянина на барина, на помещика, у него так и зудят руки пустить «красного петуха». Но вы-то, современный технический человек! Посмотрите на Америку. Неужели ее пример ничего вам не говорит. Так вот, я с вами разговариваю как с будущим инженером: не ломать надо нашу бедную Россию, не жечь — достаточно ее уже и ломали и жгли!.. — а повести промышленным путем. Да, да, только так! Будущее России — в концентрации капитала. У нас гигантские природные ресурсы, у нас огромный резерв рабочей силы. Нам не хватает лишь головы, сметки, деловых людей. Убери ду-

раков-чиновников, спихни этого недоумка царя с его тупыми бюрократами — и перед Россией откроется блистательный путь передовой промышленной державы... Ну вот,— спохватился вдруг Творожников,— опять вы улыбаетесь! Что вам сейчас-то не по душе?

Продолжая улыбаться, Артем задумчиво покачивал головой и смотрел себе под ноги. Как тут станешь спорить? «Гигантские природные ресурсы»... Действительно, гигантские! «Огромный резерв рабочей силы»... Еще бы! Но вот здесь-то и зарыта собака. По замыслу Творожникова, Россия должна стать новой Америкой, где богатство будет создано промышленными рабочими, для которых сейчас так не хватает деловых, предприимчивых людей, способных выжимать из них все соки. И ему, Артему, предлагается забыть о классовой борьбе и стать одним из хозяйчиков промышленности, надеть на шею рабочего человека новое, усовершенствованное ярмо, чтобы он продолжал тащить свою вековую ношу и не смел думать о своем освобождении.

— Как жаль,— убитым тоном сказал Творожников,— что я не могу свести вас с моим братом. О, он бы вам раскрыл глаза на многое и даже, смею надеяться, обратил бы вас в свою веру! С тех пор как я побывал у него в Харькове на паровозостроительном, я совершенно иначе смотрю на жизнь. Кстати сказать, он ведь тоже в свое время баловался... всякой там... политикой. Но какой же русский не балуется этим? Это чисто русская черта — до тридцати лет человек бузит, а потом берется за ум и принимается жить как положено. Хотите пример? Пожалуйста: Достоевский. Еще хотите? Тогда не злоупотребляйте своей мефистофельской усмешкой. Жизнь, дорогой мой, перемалывает и не таких людей, как мы с вами грешные...

Впрочем, расстались они вполне дружески, договорившись, что на первую лекцию Ленина пойдут вместе.

Глава седьмая

По установленным в школе правилам приглашение лекторов, не состоящих в штате профессоров, проводил Совет. Решающее слово на Совете принадлежало «хозяевам школы» — Ковалевскому и Гамбарову, которые, как это все знали, относились к марксизму с неприязнью. Чтобы скрыть само имя Ленина, приглашение было оформлено известному марксисту Ильину, автору вполне легальных книг по аграрному вопросу.

О том, кто скрывается под именем Ильина, быстро пронюхали эсеры и устроили тот скандал, о котором и рассказывал Творожников. Перепуганная дирекция подумывала отменить лекции Ильина, но это значило вызвать в стенах школы уже самый настоящий бунт.

Гамбаров в отчаянии схватился за голову:

— Они погубят, погубят нашу школу!

В день первой лекции Творожников прибежал к назначенному месту встречи с опозданием и, весь распираемый новостями, схватил Артема за руку:

— Помните, коллега, я спрашивал вас об имуществе? Можете успокоиться, такие порядки не только в Париже. В Лондоне они похлеще. Я вчера узнал, как вашему Ленину с женой пришлось ублажать свою квартирную хозяйку. Прежде всего она потребовала, чтобы они повесили на окнах занавески. Так сказать, дань респектабельности. Затем она пришла в ужас, не увидев у жены Ленина обручального кольца. Представляете? Ее уняли, лишь пригрозив судом за диффамацию.

— Ханжа, вот и все,— отозвался Артем, удивляясь про себя неистощимой и обширной информации Творожникова. Казалось, самые разнообразные новости, слухи, сплетни в первую очередь достигают именно его ушей.

Интерес к лекциям Ильина, подогретый студенческими беспорядками, вызвал невиданный наплыв слушате-

лей. Каждому, кто явился сегодня в большую аудиторию, не терпелось увидеть и услышать человека, который всю свою жизнь посвятил будущему преобразованию России.

Необычайное многолюдье не смутило развязного Творожникова. Подталкивая Артема в спину и поминутно здороваясь со знакомыми, он пропихивал его вперед, так что вскоре плотно зажатый Артем был в состоянии разглядеть уровень воды в графине, приготовленном для лектора на невысокой кафедре.

— А вон ваши,— шепнул сзади Творожников, и Артем узнал почти всю группу парижских искровцев, тесно набившихся за двумя столами. Здесь были низенький плотный Розенфельд с женой, Линдов, Джапаридзе, Крохмаль, две подружки — Шеповалова и Рыжкова, еще кто-то. Шеповалова, собираясь конспектировать, приготовила толстую тетрадь и горсть очиненных карандашей, перед Рыжковой лежал альбом для рисования. Она коллекционировала портретные рисунки всех лекторов Русской школы.

Артем ожидал, что за первыми столами займут места преподаватели школы — так было на лекциях того же Чернова,— и был очень удивлен, когда увидел Ковалевского и Гамбарова в глубине зала, будто им не хватило мест впереди. Гамбаров, обеспокоенный нарастающим нетерпением аудитории, водил по распаренному лицу комочком носового платка. Вид у него был несчастный.

— Они присутствуют инкогнито,— пояснил Творожников, приникая к плечу Артема.

Тот изумился:

— Боятся?

Творожников вдруг глубоко, без тени улыбки, заглянул ему в глаза:

— А вы думали!

— Либералы! — фыркнул Артем.

— Ах,— усмехнулся невесело Творожников,— как вы еще плохо знаете людей!

Впереди, перед самой кафедрой, Артем разглядел благообразного, тщательно одетого старичка явно профессорского облика. Сложив руки на коленях, он смотрел прямо перед собой. Рядом с ним сидела молодая женщина, беседовавшая сейчас со своим соседом слева, который повернулся к ней вполоборота, ловко подвернув под кресло ногу. Творожников, знавший здесь всех, пояснил Артему, что благообразный старичок в очках — знаменитейший Илья Ильич Мечников.

— Рядом с ним жена, Ольга Николаевна. Прелестнейшая женщина, умница! Я вас как-нибудь сведу к ним. Не бойтесь, у них открытый дом, нашего брата студиоза там просто обожают. Вот увидите, увидите!

Озабоченно поглядывая по сторонам, Творожников проговорил, что, судя по всему, обстановка перед лекцией грозовая: слишком уж много посторонних. Затем, уже в самое ухо Артему, он сообщил последнюю, глухо пробившуюся новость: поговаривают, будто в связи с лекциями Ленина из Петербурга в Париж спешно командирован чиновник особых поручений при директоре департамента полиции.

— Смотрите, смотрите! — вдруг сам себя прервал Творожников и толкнул Артема в бок.

Раздались жидкие, недружные хлопки. Откуда-то сбоку из невидимой двери перед залом появились двое и направились к кафедре, сдержанно кивая на аплодисменты. Одного из них Артем знал, это был Эфрон, преподаватель. Следовательно, второй... И с этой минуты Артем забыл про толчки, про что-то шепчущего сзади Творожникова. Привстав на цыпочки и весь вытягиваясь вперед, он жадно разглядывал человека, о котором уже столько слышал. Так, значит, это и есть Ленин?

Дождавшись, покуда Эфрон не произнес всего, чтобы

представить лектора, Ленин устроился за кафедрой. Наклонив огромный голый лоб, он первым делом отодвинул графин с водой, затем положил перед собой несколько листов бумаги и обеими руками легкими касаниями пальцев тщательно их подровнял.

В наступившей тишине стало слышно, как кто-то из опоздавших, торопясь, бежит по коридору.

Вскинув голову, Ленин произнес негромко, но с неожиданной энергией:

— Граждане!

На первых порах он словно примеривался к незнакомому помещению и, щуря глаза, вглядывался в далекие ряды, как бы желая удостовериться, достаточно ли хорошо его там слышно.

В самом начале лекции Артем не обратил внимания на мягкую картавость лектора — ему было не до этого. Он смотрел на Ленина во все глаза и не мог отделаться от впечатления, что слишком обманулся, ожидая увидеть совершенно не такого человека. Он, конечно, не представлял себе Ленина былинным богатырем, с плечами в косую сажень, но все-таки — шутка сказать! — замахнуться на сокрушение вековых устоев царской России! Это же он в свои двадцать четыре года уже написал «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в двадцать пять лет на равных встречался с Плехановым. Организовав в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Ленин положил начало политической организации пролетариата, организации, к которой принадлежит и Артем. К нынешнему дню за плечами Ленина были уже пять лет царской тюрьмы и сибирской ссылки, запрещение жить в столицах и университетских городах, эмиграция — и работа, работа, работа.

Ленин был в обычной пиджачной паре с галстуком, не новой, усы и бородка с рыжинкой, неправильной формы

глубоко сидящие глаза. По внешнему виду — типичный русский интеллигент. Не в состоянии справиться с первым своим разочарованием, Артем невольно вспомнил Плеханова, которого ему показали в Женеве. Как он смотрелся! Худой, стройный, в безукоризненном сюртуке, с красивым лицом, которому особую прелесть придавали необычайно блестящие глаза и большое своеобразие — густые, косматые брови. В газетах о Плеханове так и писалось: аристократическая внешность. И действительно, в самой наружности Плеханова, в его произношении, голосе, манерах было что-то коренным образом барское — с ног до головы барин. Помнится, в тот момент Артем не раздражился, чего следовало бы ожидать от человека с пролетарскими убеждениями, а, напротив, испытал некое удовлетворение от его аристократического облика: дескать, вот какие люди с нами! Он тогда еще подумал, что, видимо, и Герцен выглядел таким же.

Другое дело, совсем другое — Ленин. В этом гололобом, невысокого роста, слегка картавящем человеке не было ничего броского, ошеломляющего, ничего, прямо скажем, запоминающегося, кроме, разве, этой самой картавости да еще привычки как-то буднично, по-домашнему крепко потирать лысину между лбом и затылком. Впоследствии Артем не мог восстановить, когда, в какой момент ленинских лекций (а их было четыре) первое разочарование, слишком явное, а потому так и запавшее в память, вдруг исчезло, уступив место совсем иному чувству. Произошло это исподволь, незаметно и, помнится, еще на самой первой лекции, вызвавшей в университете такой невиданный ажиотаж. Он стал ловить себя на том, что раньше, в выступлениях всех прежних ораторов, которых ему доводилось слушать, его вольно или невольно привлекала сама манера говорить и держать себя перед слушателями, приемы красноречия, другими словами, он попадал под обаяние облика и искусства

речи выступавшего, бывал покорен тем, *как* говорится. В частности, так было уже здесь, в Париже, на лекциях самого Максима Максимовича Ковалевского, блестящего, мало кем превзойденного из всего университетского состава профессоров. Слушая же Ленина, Артем скоро забыл о своем первом разочаровании и мало-помалу оказался всецело захвачен тем, *что* говорит с университетской кафедры этот плотный, крепкий, невысокий человек с таким приятным дефектом речи.

Предмет своей лекции — аграрный вопрос — Ленин знал превосходно. Как видно, не любя патетики и даже побаиваясь ее, всячески ее избегая, он неторопливо, но основательно принялся за разбор ложных взглядов эпигонов русского народничества и немецкого реформиста Давида. У Ленина была манера не читать, а словно беседовать с аудиторией. То и дело вскидывая руку, чтобы потереть голое темя, Ленин увлеченно привставал на цыпочки и, возвращаясь к уже высказанной мысли, принимался освещать ее с совершенно неожиданной стороны, углубляя и конкретизируя, причем эта его мысль как бы сама собой вдруг отливалась в итоговый, лозунгом звучащий афоризм. Артем, еще неискушенный в искусстве обращаться с массами, чувствовал в этом навык опытного организатора и пропагандиста представлять слушателям всякую мысль, даже самую сложную, с поразительной простотой, варьировать ее так, чтобы она наконец отчеканилась даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

Глаза Ленина щурились, отражая работу мысли, однако Артему при этом еще казалось, что Ленин с надеждой вглядывается в глубину битком набитого зала, стараясь отыскать в нем своих единомышленников.

Незаметно получилось, что Творожников давно отстал, а Артем протиснулся настолько близко, что стал

видеть выражение ленинских глаз, живую жестикуляцию его неакадемического лица. Ему стало казаться, что Ленин, искавший здесь своих, теперь обращается только к нему, Артему, спрашивает у него, возражает, терпеливо выстраивает перед ним нескончаемый ряд веских, продуманных аргументов.

Как бы подавая на протянутой в зал руке свою главную, основную мысль, Ленин говорил, что теория Маркса о развитии капиталистического способа производства относится к земледелию так же, как и к промышленности. Неумолимый процесс капиталистического развития происходит и в деревне: так называемое торговое земледелие постепенно вытесняет патриархальное натуральное хозяйство. Крестьянство все больше подпадает под губительную власть денег, причем этот процесс происходит не только в Западной Европе, но и у нас в России. Как раз на этой почве идет глубокое расслоение крестьянства: одни богатеют, а другие все больше впадают в нищету и голодают. В России, стране с самой дикой деревней, с самым отсталым землевладением, миллионы крестьян владеют настолько ничтожными наделами, что, как говорится, «негде комару попастись». Крестьянство буквально задыхается от малоземелья. Падают деревенские домашние промыслы, ухудшается рабочий скот (смешно говорить о породистости крестьянского скота, если в запряжку идут коровы!).

— Началось! — довольно громко проговорил кто-то за спиной Артема.

— А крепко! — немедленно и точно в пику этой реплике отозвались со стороны.

— Тс-с...— зашипели сразу несколько человек.

Но тишина была нарушена. Издалека, из самой глубины зала, чей-то возмущенный голос прокричал: «Вы путаете противоречия!» Ленин усмехнулся, словно довольный раздражением противников. В группе искров-

цев вскочил на ноги Джапаридзе и запальчиво крикнул в тот угол, откуда подавались реплики: «Замолчи!» Крохмаль тянул его за полу, обе подружки, Шеповалова и Рыжкова, вертели головами.

Потом Артем увидел, как грузный Гамбаров стал торопливо пробираться по ряду, прося его пропустить. Щеки профессора точно отсырели. Случилось то, чего Гамбаров больше всего боялся: лектор не выдержал до конца сухого, недискуссионного тона. Впрочем, он же предсказывал, что так оно и будет! Гамбаров выбрался из аудитории и исчез. Несколько последующих дней он сказывался больным.

— В современном обществе,— уверенно и громко говорил Ленин, не дожидаясь, пока успокоится волнение зала,— крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни!

Сначала, когда справа, слева, позади вдруг затрещали аплодисменты, Артем стиснул зубы, досадуя, что возникающий шум в зале опять мешает Ленину. Он расслышал сквозь аплодисменты слабый отдаленный возглас: «Позор!» Потом почему-то все оказались на ногах. Впереди молодая женщина, жена Мечникова, кому-то улыбнулась, отвечая на поклон. Одна из подружек-слушательниц, Рыжкова, стояла и прижимала к груди альбом для рисования. Артем, озирающийся по сторонам, наконец понял, что миновало два академических часа, лекция окончена. Ну да, потому и шум, и сутолока. Тогда он стал искать, где Ленин, но того уже не было, на покинутой кафедре поблескивал так и не тронутый графин с водой. Артем прозевал момент, когда Ленин собрал свои листочки, неловко поклонился и исчез.

С радостью думая о том, что впереди еще три дня, три ленинских лекции, Артем стал выбираться из аудито-

рии. Больше всего ему сейчас хотелось остаться одному, и он опасался, как бы у выхода его не поджидал Творожников...

После первой лекции любопытных стало меньше, хотя зал неизменно бывал полон.

На второй день эсеры попытались спровоцировать скандал, однако дружная группа социал-демократов, предупрежденная заранее, быстро навела порядок.

Все три дня в первом ряду чинно появлялся Мечников, усаживался в одно и то же кресло и, сложив руки, весь превращался в слух. Лишь однажды, когда эсеровские горланы принялись осуществлять свою затею, он как и Ленин, повернул голову в ту сторону, где поднялся крик, и очки на его лице блеснули укором.

По мере того как Артем вслушивался в ленинский голос, вглядывался в его неправильное, с азиатчинкой, лицо, материал, излагаемый этим человеком, ради которого из Петербурга в Париж спешно прикатил чиновник российской охранки, все более захватывал его и увлекал. Многое из того, о чем говорил сию минуту Ленин в Париже, было так знакомо Артему по жизни дома, в России, и сейчас вставало настолько близко, живо, будто было пережито им самим, даже выстрадано, и теперь не в состоянии забыться.

В прошлом году, отдыхая после Воронежской тюрьмы у сестры Дарочки, поднадзорный Артем свел несколько интересных знакомств в деревне и однажды поддался уговорам молодого землемера съездить с ним в отдаленную деревеньку, нищую, убогую, где уже второе или третье лето зрел конфликт между «сельским миром» и вышедшим на отруб богатым мужиком Василием Корявиным из-за какого-то клочка земли.

Выехали рано утром, землемер правил запряженной в тарантас лошадью. Дорога шла сначала лесом, ехать

было прохладно. Землемер жаловался, что год нынче с самого начала выдался неудачный. На благовещенье еще стояла санная дорога и каждый день мело, как в январе. По такой холодной весне с севом сильно задержались, и вот яровое не уродилось, травы вышли плохие, не было надежды и на рожь. Впереди виделась жестокая бескормица. Скот мужики начали продавать уже сейчас, но покупателей не находилось, зато цены на сено подскочили. Не иначе придется снова травить коровам солому с крыш.

— Не у всех же так? — спросил Артем.

— Конечно. Разве всех подравняешь!

— Куда же мир-то смотрит?

— Э, мир! — скривился землемер и задергал вожжами.

Разговор пошел о своеобразных законах крестьянского мира, неписаных правилах мужичьей общины, которые управляют всей жизнью деревни. Землемер был начитан, много думал и сейчас толково рассуждал о том, что самоуправление крестьянской общины, которым некоторые у нас так гордятся, дает, в сущности, отрицательные результаты. Уменьшилось количество хлеба в запасных магазинах, непроизводительно расходуются общественные средства. А чего стоят приговоры, которые выносит «мир» отдельным крестьянам! Обычно они выражаются в виде поставок казенного вина в пользу общества.

Дорога поворотила в сторону, подлесок поредел. В полях начинали жать рожь. Желтые полосы ржи чередовались с полосами коричневой, точно от крепкого загара, гречихи. Далеко одна от другой виднелись в поле согнутые женские фигуры.

— Погодите! — попросил Артем, тронув разговорчивого землемера за руку, и раньше, чем тот натянул вожжи, соскочил с тарантаса.

С полосы, ближней от дороги, слышался пронзительный плач ребенка. Невдалеке баба одиноко жала рожь.

На самом солнцепеке в куче тряпья лежал младенец и, посинев от крика, сучил голенькими кривыми ножками.

— Слушайте....— крикнул Артем бабе,— он же надорвется!

Подошел землемер и, сняв шляпу, принялся вытирать платком лоб. Баба воткнула в сноп серп и, устало разогнувшись, зашаркала по стерне разношенными лаптями. Она взяла ребенка, села на межу и расстегнула кофту.

— Что же одна жнешь? — спросил землемер.— Мужко где?

Баба не поднимала головы.

— Мужик дяде Василию отрабатывает.

— Это какой же дядя Василий?

— Тоже мужик,— равнодушно отвечала баба.— А лучше подсобил бы, барин, пятачком али гривенником. Уж больно худо.

Артем сунулся в карман, землемер его удержал.

Ребенок насосался и отвалился от груди. Баба застегнула кофту, укутала младенца в тряпье и положила его на прежнее место.

— Испечется он здесь,— пожалел Артем.

Землемер тем временем прошел по полосе, подобрал четыре снопа и неловко поволок их, держа под мышками и в руках. Артем, оглядываясь на него, сунул бабе какую-то мелочь из кармана и быстро пошел к дожидавшемуся тарантасу.

— Самая нищая семья,— вполголоса сообщил землемер.— Вы зря ей дали. Все равно муж отберет и пропьет.

Они уселись в тарантас и поехали. Землемер выправил вожжи, Артем оглянулся на оставленную в полосе бабу. Ему послышалось, что ребенок снова заплакал.

— Вы сказали, самая нищая...— задумчиво проговорил Артем, с нарастающим ожесточением растирая висок.— А отчего, позвольте вас спросить? Что в хозяйстве нет лошади? Что мужик вместо того, чтобы корпеть на своем крохотном наделе, отрабатывает долг дяде Василию? А этот дядя Василий хват: я представляю, сколько он нахапал земли у таких вот безлошадных. А теперь их же заставляет батрачить па себя!

— Какой же выход? — помолчав, спросил землемер.

Не отвечая, Артем долго ехал с опущенной головой. Он думал об этой некрасивой, вылинявшей бабе, о ее мужике, заливавшем беспросветную нужду и тоску вином, о незнакомом ему дяде Василии, которого землемер хвалил как крепкого хозяйственного мужика и ставил в пример за его оборотливость.

Тогда, отвечая землемеру, Артем вспомнил споры в тюремной камере и долго рассуждал о том, что производительные силы скудных крестьянских наделов истощаются и не возмещаются, земля из года в год не получает того, что от нее берут. Мудрено ли, что такие мизерные урожаи! Но вместе с тем он, показывая пальцем за плечо, туда, где осталась дожинать несчастная баба с зареванным младенцем, сказал, что вот классический пример роста капитализма в деревне и вызванного этим обнищания народа, то есть сказал примерно то же самое, что излагал в настоящую минуту слушателям парижской Русской школы слегка картавящий человек с огромным, прекрасно вылепленным лбом.

— Все на свете имеет две стороны,— раздавался звучный, но небогатый модуляциями голос лектора.— Крестьянин-собственник на Западе сыграл уже свою роль в демократическом движении и отстаивает свое привилегированпое положение по сравнению с пролетариатом. Крестьянин-собственник в России стоит еще накануне решительного и общенародного демократического

движения, которому он не может не сочувствовать. Он еще смотрит больше вперед, чем назад. Он еще гораздо больше борется против, столь сильных еще в России, сословно-крепостнических привилегий, чем отстаивает свое привилегированное положение. В такой исторический момент мы прямо обязаны поддержать крестьянство и попытаться направить его, туманное и темное еще, недовольство против его настоящего врага.

Теперь, когда Ленин заканчивал свой лекционный цикл, формулировки его становились жестче, категоричней, и все же отношение к нему зала было теперь совсем иным, нежели в самый первый день. В какой-то степени это объяснялось тем, что за все дни подобрался определенный состав слушателей, но главным образом — и это было убеждение не одного Артема, а и тех, кто аккуратно каждый день являлся в зал,— расположение слушателей было завоевано железной логикой, глубоким знанием предмета, ясным предвидением того, что неминуемо должно произойти в раздираемой жестокими противоречиями России. Еще не делясь ни с кем своими впечатлениями, Артем не сомневался, что каждый, кто в эти дни впервые слышал Ленина, вынес убеждение: перед ними был человек, для которого делом всей жизни стали знаменитые слова Маркса о том, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Изменить!..

Конечно, в то время Артем еще не мог предположить, каким преобразователем мира явится в не столь уж отдаленном времени этот невысокий, крепко сбитый, еще не всеми признанный, еще только полуразгаданный человек, бросающий сейчас в напряженно слушавший зал заключительные слова своего четырехдневного выступления:

— Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в дерев-

не, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и к созданию основ социалистического общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всех «аграрных вопросах», мы тем самым решительно и бесповоротно отделяем себя от столь многочисленных в России сторонников половинчатых и расплывчатых теорий: «народнической», «этико-социологической», «критической», социал-реформаторской и как их там еще звать!..

Глава восьмая

Творожников, помятый в дверях валившим из аудитории народом, возбужденно бросился к Артему:

— А я вас ищу! Ну, рады? Да уж вижу, вижу... А у меня для вас сюрприз. Знаете, один из ваших сделал конспект первой лекции и показал его Ильину. Он, представьте, этот конспект забрал с собой и выправил. Сам! Так что сейчас этот манускрипт переписывают. Кто, разумеется, хочет... Ну, что вы этого хотите, можете мне не говорить. Обещаю вам достать. И можете меня не благодарить. Не выношу.

Артем, размышляющий, как бы поделикатней отвязаться и уйти, только сейчас понял, что его порою так раздражало в Творожникове. У парижского студента, вообще-то вежливого, обязательного, была неприятная манера хватать собеседника за пуговицу и, разговаривая с ним, заглядывать ему в лицо с такой настойчивостью, словно перед ним был человек тупой, трудно соображающий.

— Ни-ни-ни! — запротестовал Творожников, едва не отрывая Артему пуговицу.— Я вас никуда не отпущу. Сейчас мы с вами, как губернские барышни, тщательно

моем уши и я вас везу представлять. Я уж слово дал!

Речь шла о Мечниковых. Здесь, вот только что, Ольга Николаевна подозвала Творожникова и попеняла ему, что он о них совсем забыл.

— Я думаю,— доверительно сказал Творожников,— старику просто хочется поговорить. Заметили — он не пропустил ни одной лекции! Ваш Ильин, как видно, зацепил его. А старик, я вам доложу, с характером. Что вы! Он с самим Толстым спорил. С самим!

В Севр, где жили Мечниковы, ходил паровичок, а до паровичка молодые люди добрались на омнибусе.

Усаживаясь в вагончике на скамейку, Творожников показал Артему место рядом с собой.

— У Мечниковых, куда мы с вами сейчас едем, с Толстым свои семейные отношения. Дело началось давно, еще старшими братьями Ильи Ильича. Вы что-нибудь о них слышали? (Нет, Артем ничего о них не знал.) О, это же необыкновеннейшие люди! Так, вот слушайте.

Около семнадцати лет назад в печати, как известно, появилась повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича». Тогда мало кто знал, что герой ее Иван Ильич — вполне реальное лицо, старший из братьев Мечниковых, которого Толстой знал лично. Мечников-старший умер от рака желудка, и смерть его произвела на Толстого тягостное впечатление... Следующий из Мечниковых, Лев Ильич,— человек с европейской известностью. Исключенный из Харьковского университета, он поступил волонтером в армию Гарибальди, был сотрудником герценовского «Колокола», о нем очень высоко отзывался сам Плеханов. Так вот Лев Ильич вдруг явился яблоком раздора между Толстым и ныне здравствующим Ильей Ильичом, всемирно известным ученым. Дело в том, что бывший гарибальдиец и сотрудник Герцена ядовито критиковал морально-религиозное учение Толстого, осуждал толстовство за подход к решению социальных вопросов.

— Думаю,— говорил Творожников,— разговор о Толстом у нас сегодня так или иначе все равно возникнет. Имейте все это в виду.

Они вышли из вагончика и огляделись. Домики пригорода утопали в зелени. Солнце садилось далеко в стороне, за узко вытянутыми крышами.

Дорога от станции шла в гору. За все время, пока они шли, им попался всего один человек — мужчина в котелке, ехавший, виляя колесом, на велосипеде. Здесь, в Севре, по сравнению с Парижем, жизнь словно остановилась.

В середине длинного, сложенного из камня забора обозначилась едва приметная деревянная калиточка. Осыпавшаяся с крыши черепица ровной красной кучкой лежала сбоку огромного серого камня, заменявшего скамейку у калитки. Творожников уверенно подергал за ручку звонка и, сказав Артему: «Идемте, не тушуйтесь», повернул громко звякнувшее кольцо.

Хозяева были дома. Молодых людей провели через темную прихожую и длинный коридор. Творожников держался уверенно, как человек, который в доме не первый раз. Указывая Артему на картины, покрывавшие стены как в прихожей, так и в коридоре, он пояснил, что это увлечение хозяйки, Ольги Николаевны.

Вблизи, в домашней обстановке и домашней одежде, знаменитый ученый выглядел коренастым моложавым стариком, спокойным и приветливым, Артем, сраженный сознанием своей незначительности, бережно пожал руку ученого и еле слышно назвал себя.

Илья Ильич Мечников, насколько знал Артем, целиком принадлежал науке. Поклонник Дарвина, ученик Сеченова и Пирогова, сотрудник Пастера, он был биологом-исследователем в самом широком смысле слова. Один из первых русских «охотников из микробами», он открыл

клетки пожирателей бактерий — фагоциты. Ему принадлежала громадная роль в борьбе с самыми страшными в то время инфекционными заболеваниями, а чтобы исследовать развитие брюшного тифа, ученый сам заразил себя этой болезнью. Наконец, человечество было обязано ему исследованиями по борьбе со старостью.

Удивительно ли было заробеть, когда такой человек запросто протягивает тебе мягкую теплую руку и, ласково заглядывая в лицо, раз да другой переспрашивает твое имя, советует чувствовать себя как дома, ведет к креслу и начинает усаживать, вежливо дожидаясь, пока первыми не расположатся гости!

Хвала все-таки Творожникову с его способностью не теряться, без него Артем пропал бы! Взяв со стола какой-то журнал, Творожников вылистал в нем что-то о Толстом и, заведя разговор, настолько заинтересовал хозяина, что тот словно забыл об Артеме, позволил ему таким образом отсидеться в стороне от беседы и немножечко прийти в себя. Но слушал Артем во все уши.

Пошевеливая пальцами в бороде, Илья Ильич говорил и не скрывал своей иронии: Толстой, видите ли, нашел путь к истине и к «царству божьему внутри нас». «Опрощение», «мозольный» труд, возделывание земли каждым человеком. Труд на земле — это закон природы и одновременно закон божественный. Физический труд, считал Толстой, является одним из основных элементов счастья, а научную деятельность признавал важной и нужной только в том случае, если наука служит всем людям, а не привилегированным классам. По Толстому, наука нужна только «истинная», то есть такая, которая обслуживает земледельца. Вся прочая наука (а с нею и искусство) есть занятие бессмысленное. И Толстой делал вывод, что люди науки, посвятившие себя целиком умственному труду, подражают богатым и ищут «оправдания тунеядству».

При последних словах ирония в голосе Ильи Ильича уступила место откровенной обиде. Ученый не мог скрыть, что взгляды Толстого на науку задевали его лично,— в то время он был одним из руководителей Пастеровского института в Париже.

— Лев Николаевич отрицает такие вещи, как эволюционная теория Дарвина, учение о клетке и протоплазме! — волнуясь, Илья Ильич начинал пришепетывать.— Изучение насекомых и глистов он признает праздной и вредной забавой. К тому же это, видите ли, связано с мучениями для насекомых. Но если бы он знал, как страдали французские и итальянские крестьяне от болезни шелковичных червей! А кто их спас от разорения? Пастер. Вот пример, когда ученый, погруженный в микробиологию, трудится именно для пользы народа. Он же лечил и от бешенства, спасая в первую очередь кого?.. Опять же крестьян, которых чаще других кусают бешеные животные.

Развиться беседе дальше помешал приход хозяйки. Все поднялись, Творожников первым подскочил и склонился над протянутой ему рукой. Артем, совсем было обвыкшийся, смутился вновь: неужели здесь принято обязательно целовать руку? Его выручила Ольга Николаевна: само собою вышло так, что они обменялись крепким студенческим рукопожатием. Затем она взяла Артема под руку и обратилась к мужу:

— Илья, я предлагаю перейти в столовую. Чай готов.

— Прекрасно! — откликнулся хозяин, и они с Творожниковым учтиво показали, чтобы Артем под руку с дамой прошли первыми.

За столом Ольга Николаевна не отпускала Артема от себя, усадила рядом и первому протянула ему чашку с чаем.

Сам Мечников чая не пил, для него была приготовлена простокваша в чашке и ломоть ржаного хлеба. Он

ел быстро, как бы стыдясь своего отличия и стараясь поскорее кончить ужин.

Творожников, роясь щипчиками в сахарнице, завел речь о знаменитом вегетарианстве Толстого, хотя в молодости тот был завзятым охотником...

Но Ольга Николаевна тактично пресекла его, громко задав молчавшему до сих пор Артему традиционный вопрос о заграничных впечатлениях. Артем, потягивавший слабый чай, которому не хватало российского огненного пыла, вспомнил молочно-белых женевских барышень, таких выхоленных и раскормленных, таких дородных и спокойных, что не было бы ничего удивительного, если бы они вдруг замычали. Но сказать этого он не решился, боясь показаться грубым, и лишь заметил, что, на его взгляд, самый ход жизни женевских мещан чрезвычайно похож на ход изготовляемых ими часов.

Ответ его понравился всем троим за столом. Творожников, переживавший за неистребимую застенчивость своего товарища, просиял: он заметил, что хозяева одобрительно переглянулись.

Не спрашивая, Ольга Николаевна взяла чашку Артема, налила свежего чаю и пододвинула ему вазочку с печеньем. В ее глазах этот застенчивый, с трудом осваивающийся в незнакомой обстановке юноша никак не походил на человека, живущего не в ладах с русским правительством.

— Катя пишет,— сказала Ольга Николаевна, обращаясь больше к мужу,— у них опять кого-то убили. И где? В театре! Что, это и есть политика?

Выбирая ложечкой остатки простокваши, Илья Ильич ничего не ответил.

— Террор,— вздохнул Творожников.

— Может быть, Шурочку вызвать сюда к нам? — спросила мужа Ольга Николаевна и затем пояснила гостям: — Молодежи сейчас жить в России просто невоз-

можно! А вам, простите...— обратилась она к Артему,— сколько лет?

— Ой, много уже! — совершенно искренно вырвалось у молодого человека.— Двадцать.

Ответ Артема сильно позабавил хозяев. Илья Ильич мелко-мелко замигал, затем не выдержал и рассмеялся.

— Да-а...— вздохнул он, отчего-то вдруг нахмурившись, и принялся скатывать из хлебных крошек шарик. Рано взрослеют нынче молодые люди. Вот еще только пробиваются усы, а уже успел посидеть в тюрьме. Сознают ли они, что такой ранний изъян в биографии может отравить всю жизнь? Кажется, Ольга Николаевна права — надо бы вытащить Шурочку из Харькова. Молодость зачастую безрассудна, а царь шутить не любит. От грехов юношеского увлечения политикой потом не отмоешься вовек!

— Сегодня Ильин,— тихо заговорил он, выложив руки на стол и поворачивая перед собою опустевшую чашку,— сегодня Ильин высказался категорически. Я вначале было... Но нет, потом я все же решил, что он прав. Прав! Царизм действительно ветхое рубище на теле России. Страшно подумать, что за бездарность все эти наши самодержцы! Возьмите любого из последних... Ну, кого?.. Да любого. Любого!

Румянец ударил ему в щеки, он взволнованно поправил очки и весь обратился к своим молодым гостям. Назвав Александра Второго, Илья Ильич желчно усмехнулся. Всей заботой этого божьего помазанника было как можно больше уйти в мирную комфортабельную жизнь, в свою личную любовь, в свои интересы. Царская власть казалась ему проклятием, «риск царственного ремесла» привел его к тому, что он, наподобие своего дяди, был готов отдать Россию любому Аракчееву. Следующий — Александр Третий, «бегемот в эполетах». Подозрительный до болезненности, готовый, как медведь,

навалиться на все, в чем чуял намек на сопротивление. Первый кулак своего царства! Ну, а о Николае Втором нечего и говорить.

— Мы, Мечниковы,— покашливая от смущения, сказал Илья Ильич,— идем вообще-то по военной линии, артиллеристы. Так вот, нынешний наш самодержец находится на том уровне умственного развития, который не дает ему возможности прилично командовать даже ротой. Ро-той! А он, извольте видеть, правит государством! Удивительно мещанская натура, пример полнейшего вырождения монархии в политическом смысле.

После этих горьких, беспросветных слов наступила тягостная пауза.

— Илья Ильич,— вкрадчиво спросил Творожников,— а вы не находите, что между правителями и теми, кем они правят, существует связь? Я хочу сказать: может быть, мы сами виноваты, что нами правят такие, как Романовы?

— Пьяная страна! — вдруг с неожиданной силой проговорила Ольга Николаевна, сморщив гримасой свое красивое лицо.— Пьяная, нищая, убогая!

Внезапная перемена в настроении жены не укрылась от Мечникова, он быстро и внимательно взглянул на нее, но сначала ответил Творожникову:

— Романовых народ не выбирал. Их посадили.

— Так народ их и скинет! — радостно пообещал Творожников, более всего желая вернуть беседе за столом ее прежний характер.

Обращаясь к жене, Илья Ильич сказал:

— Олюша, ты не права: Россия далеко не нищая страна. Пьяная — да,— продолжал Илья Ильич,— убогая — м-может быть, но только не нищая! Нет!

— Илья, ну что ты говоришь? — Ольга Николаевна, точно страдая, поднесла руки к вискам.— Ты просто забыл. Вспомни: в России нет ни одного забора, под кото-

рым не валялся бы пьяный. Ей-богу, иногда кажется, что заборы у нас только для того и существуют!

— Браво! — зааплодировал Творожников и, ловко поймав руку хозяйки, чмокнул ее.— Илья Ильич, а ведь права Ольга Николаевна. Я помню обстоятельную статью в «Русском богатстве». Там даны выкладки: на что тратит свой доход наш фабричный. Вы думаете на что? На водку. Да, да, на нее! Почитайте, очень умная статья. Доказательная. Да разве мы сами этого не видим? «Веселие на Руси есть пити!» Вот и пьют. А чего не пить, позвольте вас спросить? Вот я был в Харькове, там у меня брат на заводе. Посмотрел я на этих фабричных. Боже мой, да по сравнению с крестьянином, с мужиком, фабричный зарабатывает бешеные деньги. Бешеные!

— Да, да,— с оттенком брезгливости покивала Ольга Николаевна.— Эти фабрики! Как фабрика, так обязательно кабак.

— Но причины? — спросил Илья Ильич.— Мы же с вами не пьем.

При этих словах Артем живо глянул на хозяина: вот так же он спорил дома с землемером!

— Мы не пьем, а они пьют! — с какой-то отчаянной смелостью воскликнул Творожников.— Пьют — и все! Треть государственного бюджета России от продажи вина. Вы это знали, Илья Ильич? Пьяный бюджет. Спилась наша Россия, вот что, Илья Ильич.

— Гм...— Мечников пощипывал бородку.— Все же должны быть причины. Не может же человек вдруг взять и напиться!

— Может! — махнул, смеясь, Творожников.— Наш человек все может!

Ольга Николаевна принялась укорять мужа за непонятное упрямство. Ну какие могут быть причины для пьянства. Захотел да и напился, вот и все!.. Творожников, сияя всем лицом, с готовностью кивал каждому ее

слову. Возбужденно вертясь на стуле, он несколько раз задел локтем Артема, и тот с трудом удержался, чтобы не пихнуть его в ответ. На улице он наверняка так бы и поступил... Сегодня Творожников чем-то особенно его раздражал. Неуместной своей веселостью, что ли? Поэтому, когда Ольга Николаевна, обратив внимание на мрачное состояние Артема, попыталась, как хозяйка дома, втянуть его в общий разговор, он первым делом отпустил несколько замечаний именно Творожникову, толковавшему здесь о каких-то баснословных доходах фабричных рабочих. Нашел, видите ли, миллионеров!

— Но я же, так сказать, в сравнении...— попробовал оправдаться Творожников, неприятно пораженный тоном своего товарища.— А насчет фабричных... Я же знаю, видел!

— Да ничего вы не знаете! — невежливо отринул все его оправдания Артем.— И ничего не видели. То есть, может быть, что-нибудь и видели, да... Вопрос к вам: в плавильном цехе были? Нет. А в кузнечном? Тоже нет. В рельсопрокатном? Ну вот, а рассуждаете! Теперь давайте посчитаем вместе.— Очистив перед собою место на столе, Артем черенком чайной ложки стал быстро выводить на скатерти воображаемые цифры.— К вашему сведению, в рельсопрокатном каждый рельс весит двенадцать пудиков. В течение часа прокатчик пропускает через машину до тридцати рельсов... Умножаем. Получается, за час он должен передвинуть и перевернуть до трехсот шестидесяти пудов раскаленного железа. Это всего за час. За день же получается более четырех тысяч пудов. За месяц — до ста тысяч. А за год — даже страшно говорить: миллион двести тысяч пудов! Как, подходящая арифметика? А теперь скажите, сколько получает этот новый миллионер? Смешно — от шестидесяти копеек до рубля в день! А вы говорите... От такого богатства запьешь!

— Но с мужиком-то все равно не сравнить! — из последних сил защищался Творожников.

Ольга Николаевна тронула его за руку и сделала знак молчать.

Артем насмешливо спросил:

— Значит, что же: фабричный пьет от богатства, а мужик — от нищеты? Ловко у вас получается!

— Я же говорил! — оживился Илья Ильич.— Всему должны быть причины. Подожди, Олюша, не мешай.

И он заинтересованно подался к этому необычному молодому человеку.

Дальнейший разговор за столом походил, как потом вспоминал Артем, на занятия рабочего кружка первого года обучения. Он на память привел хозяевам и Творожникову следующие цифры. Труд на заводе ежедневно отнимает у рабочего шесть часов жизни — настолько он тяжел и вреден. Следовательно, за один год рабочий сокращает свою жизнь на три месяца. Сколько же человеческих жизней пожирает за год хотя бы один завод? Страшно сказать: таких жертв не приносилось даже самому́ кровожадному Молоху!

— Как можно жить спокойно, зная это? — с юношеской запальчивостью спросил Артем.— Я, например, не могу!

И бросил ложечку.

Поздно вечером, когда они наконец распрощались с гостеприимными хозяевами и в полной темноте зашагали к станции паровичка, Творожников, поглядывая сбоку на Артема, вдруг закрутил головой и высказал:

— Ну-у, брат... Эк тебя, друг мой, занесло! Даже старика не пощадил!

«При чем здесь старик?» — не понял Артем. Тогда Творожников объяснил, что упрек в том, как можно жить спокойно, да и нервное бросание ложечки — все это Мечниковы приняли на свой счет. Да, да, приняли!

Артем остановился. Лицу сразу стало жарко. В самом деле, как же он не сообразил? Разошелся, раскричался!

— Я, брат, хотел было ну... как-нибудь смягчить, да тебя разве остановишь! Вот уж не ожидал, что ты такой златоуст! Молчал, молчал...

«Ну надо же! — казнил себя Артем, сгорая от стыда.— Нет, придется съездить извиниться. Завтра же поеду!»

В оставшиеся дни Артем приезжал в Севр всегда один, без Творожникова. Хозяева принимали его с неизменной лаской и вниманием. Он с первого дня знакомства пришелся им по душе... В тот раз, когда Артем приехал извиняться, Илья Ильич, словно умоляя, поднял обе руки: помилуйте, какие могут быть обиды!

Но потом он напомнил Артему:

— Вот вы тогда сказали, что Толстой видит свой путь перемен. Но согласитесь, что этот ваш Ильин... Ну что значит — ломать? Я никогда не считал себя сторонником общественных потрясений, хотя всегда был против мракобесия и деспотизма. Я верю в науку. Только ее успехи в состоянии изменить человеческое общество в лучшую сторону. Чем выше развитие науки, тем лучше устроена жизнь общества... Но — что же мы стоим, идемте в столовую. Там как-то лучше говорится-спорится. Вы не замечали?

Ольга Николаевна обычно усаживалась с мужчинами за стол и разливала чай, иногда же оставляла их одних, чтобы не мешать (а может быть, и не скучать, как подумывал Артем). Пока мужчины разговаривали, у нее находилось свое занятие: она или играла на фортепьяно, или же, засучив рукава блузки, лепила, управляясь с глиной сильными, неутомимыми руками скульптора.

Теперь, когда ленинские лекции пробудили в душе Артема острую тоску по родине, он в застольных вечерних беседах со старым ученым чувствовал себя все более уверенно. Да, говорил он, ломать придется основательно, с треском, с кровью. А иначе ничего не сделаешь. Франция? Ну нет, Франция для России никакой не образец. Наоборот, пример Франции говорит как раз о том, что будущему преобразователю этой страны следует быть в своих поступках твердым, как хирургу. О, буржуазия хитра, она крепко запомнила исторический урок Коммуны! Как ловко провела она трудящихся своей страны, усыпив их лживым напыщенным красноречием! Она нашла опору в широких средних слоях населения. Буржуазия развратила этих людей стремлением к всемерному личному обогащению, заразив их заботами о накоплении имущества, мелких банковских вкладов, ренте. И рабочее движение в этой стране, некогда славной своими революционными традициями, ослабло неузнаваемо. Казалось бы, чего не хватает французскому пролетариату, чтобы тряхнуть стариной? А не хватает ясного понимания обстановки, сознания своей силы и своих классовых интересов, воли к победе и в первую очередь, конечно же, своей партии, связанной с массами и проникнутой революционной идеологией.

Илья Ильич, которого подкупала горячая убежденность молодого собеседника, тем не менее не переставал скептически пощипывать свою бородку. Ну хорошо, революция... Но под силу ли какой-то жалкой кучке воинствующих интеллигентов своей крамолой встряхнуть такого гиганта, как Россия, от полуобморочного состояния? Ведь оторопь берет, когда посмотришь на эту бескрайнюю равнину, сплошную пустошь, полную жадных хуторян и корыстолюбивых лавочников, пьяных мастеровых и юродивых богомольцев, чудотворных икон и животворящих крестов!

Артем при этих словах вскакивал. Как жаль, что Илья Ильич не знает сегодняшней России! Наряду с той, прежней Россией, какую старый ученый видел и помнит, уже давно существует Россия совершенно другая, новая. До поры до времени неизвестная широкому миру, она с настойчивостью живого ростка, пробивающего даже мертвую толщу гранита, уже заявила о себе, она существует и набирает с каждым годом силы и скоро, очень скоро заставит считаться с собой самым серьезным образом.

Скоро! Илья Ильич поигрывал ложечкой и дергал плечом. Хорошо, допустим — революция. Но к чему приведет такая встряска? Ведь история уже много раз доказывала, что народные массы необразованны и анархичны, полагаться на них просто гибельно. Получив свободу, они примутся крушить направо и налево, оставляя за собою зарево до самого неба.

— Разумеется,— кивнул Артем,— капитализм не вещь, его на тачке за ворота не вывезешь.

— Я не представляю себе этого вашего капитализма в чистом виде,— сказал Илья Ильич.— Против чего вы боретесь? Конкретно?

Мыслил он по-своему, по-научному, и ход его рассуждения сводился к следующему. Чистой культуры микробов чумы или вибрионов холеры — этих виновников народных бедствий — в природе не существует, их приходится выводить специально. «Приходите ко мне в институт, я вам покажу...» Существует ли, так сказать, «чистая культура» капитализма? Ах, не существует? Тогда как же уничтожить этот самый капитализм, не рискуя затронуть весь организм общества? Ведь в жизни все взаимосвязано. Нельзя бороться с той же чумой, уничтожив, простите, все человечество! Правда, шутники французы говорят, что лучшее средство против перхоти — гильотина. Но это всего лишь шутка...

Ясно было, старик опасался все того же «зарева до самого неба», которое могла после себя оставить революция. Что ж, это было неизбежно. Века копилось, века матерело. Теперь как ни тронь — непременно затрещит!

— А между прочим,— сказал хозяин со вздохом откровенного сожаления,— какое замечательное благо — жизнь! Зачем крушить, ломать? Не проще ли употребить все силы на то, чтобы сделать ее здоровой, красивой и долгой. Да и долгой!

— Но сначала ее надо сделать справедливой,— тихо возразил Артем. О каком продлении жизни может идти речь, если человек живет в таких условиях, каких не выдержит даже самая выносливая скотина? Если бы на завод привести членов общества покровительства животным, они бы возмутились и потребовали... А тут...

Разговор происходил уже не за столом, а у калитки, куда хозяин вежливо провожал своего припозднившегося гостя. Было темно, накрапывал дождик, позади уютно светились окна дачи. Уезжая, Артем обещал приехать завтра. Илья Ильич даже взял с него слово, что он приедет непременно.

Назавтра Артем отправиться в Севр не сумел, он смог выполнить свое обещание лишь через неделю.

Дело в том, что на следующий день в парижской колонии русских эмигрантов начались события, которые захватили его с головой.

Последняя неделя была полностью связана с Лениным.

Успех лекций «известного марксиста Ильина» в Высшей русской школе ожесточил эсеров. Они не могли позволить Ленину вернуться в Лондон победителем. В специально арендованном зале «Альказар» на улице де Шуази был устроен диспут. Целых три дня ленинские противники, сменяя один другого на трибуне, демонстри-

ровали переполненному залу свое красноречие и ненависть.

От диспута у Артема осталось впечатление ожесточенной схватки, только что без крови!

О программе крикливой и решительно настроенной партии эсеров Ленин выступал уже не в первый раз. В октябре и ноябре прошлого года он, приехав из Лондона в Швейцарию, читал рефераты в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе. Его оппонентами тогда были «боевые слоны» эсеровской партии Чернов и Мартынов.

На этот раз в Париже ленинские противники собрали все сколько-нибудь известные имена эмиграции: все тот же Чернов, затем Стеклов, Кричевский, Троцкий.

После лекции в Высшей русской школе у Ленина выдалось несколько свободных дней. Он отдыхал, встречаясь с друзьями и единомышленниками, сидел в Национальной библиотеке, просматривая материалы к реферату. Он знал, что оппоненты народ подкованный, и готовился основательно.

В своей основе программа эсеров была ошибочной и удивительно слепой. Ленин не скрывал своей иронии: уважаемые господа эсеры просмотрели главное в реформе 1861 года — что она расчистила дорогу капитализму, что крепостнически-патриархальный строй в деревне сменился капиталистическим. Бедняки все больше поднимают голову против богатеев, а эсеры, видите ли, проповедуют уравниловку между общинами, скатываясь на пошлую позицию классового мира. Любопытное, между прочим, зрелище: эсеры умудряются сидеть между двух стульев: с одной стороны — оголтелое народничество, с другой — все же какой-никакой, а марксизм. Впрочем, что с них взять: люди без убеждений — партия без принципов!

Слушая в тот вечер Ленина, Артем поймал себя на мысли, что если бы одеть Ленина не в пиджачную тройку с этим дешевеньким галстуком, а в какой-нибудь по-

трепанный армячок, он легко бы затерялся в любой исконно русской толпе, скажем тех же крестьян,— настолько было во всем его облике что-то такое, идущее непосредственно от народных низов, как бы родное им по крови.

Было уже за полночь, когда слово получил первый из оппонентов Стеклов-Невзоров. То ли уже сильна была усталость слушателей, то ли сам оппонент смешался перед логикой и крепостью докладчика, но речь его, занявшая больше часа, произвела впечатление чего-то принужденного, унылого и вялого. «Ленин встал на точку зрения Мартынова»... «Надо дорожить общиной»... «Утопично идти на помощь разоряющемуся крестьянству»... И, наконец, «Осудить программу «Искры»!»

В зале, не стесняясь, поднимались с мест и пробирались к выходу. Было уже половина второго ночи, когда оппонент умолк. Председательствующий тотчас же объявил перерыв до утра.

Утром, к девяти часам, зал снова был битком набит. Чернов, лидер эсеров, с первых слов взял боевой, наступательный тон. Он сразу же обвинил Ленина в незнании того, что Маркс и Энгельс в последнее время коренным образом изменили свои взгляды на крестьянство. «Тупой, неверный, корыстный мужик! — патетически восклицал он, поднимая руки с крахмальными скользкими манжетами.— Сколько раз он, бедный, умирал, а все же нам и сейчас приходится иметь с ним дело...» Чернов был искусным оратором, и эту свою сильную сторону проявил с блеском. Но в зале сегодня сидели люди тоже искушенные, за внешним блеском они сумели разглядеть слабую доказательность оппонента. Впрочем, чутьем оратора Чернов скоро и сам понял это, быстро свернул свое выступление, позволив себе напоследок раздраженное пророчество: если принять программу «Искры», нужно заранее готовиться к блистательному фиаско!

«Как они плохо знают мужика!» — думал Артем, наблюдая, с какой неприязнью оппоненты нападают на докладчика. Цепляются за пустяки. Ради чего вся эта говорильня? Ему даже показалось, что от уничтожительного ответа Ленина этих господ спасает обстановка, трибуна. Не в парижском зале, а в разговоре где-нибудь на лавочке, с глазу на глаз, Ленин ответил бы своим противникам по-деревенски, по-мужичьи — коротко и наповал.

«Нет, надо домой!» — вдруг решил Артем, не переставая аплодировать и поднимаясь вместе со всем залом на ноги.

Илья Ильич, когда Артем появился в Севре, поднял очки на лоб и развел руками:

— Ну что же вы? Мы же договорились!

Мягко вмешалась Ольга Николаевна:

— Илья, сначала следует поздороваться.— И Артему: — А вас мы действительно потеряли. Почему вы так долго не показывались? Это не упрек, а всего лишь любопытство. Илья Ильич так волновался... Главное, мы не знаем, у кого о вас справиться. Этот противный Серж опять куда-то пропал.

Смущенный Артем теребил в руках фуражку и бормотал неуклюжие оправдания.

Говоря о нетерпении, с каким Артема ждали на даче в Севре, Ольга Николаевна нисколько не преувеличивала. Илья Ильич, как это с ним бывало и раньше, увлекся своим молодым собеседником, получая удовольствие от ежевечерних бесед за столом. Ему было интересно говорить с ним, иногда спорить, даже просто выслушивать его горячие, порою еще сумбурные объяснения. В старом ученом, долгие годы прожившем в непримиримой ссоре с царизмом, точно пробуждалась молодость. А может быть, думалось ему теперь, в его душе всегда жила

тревога за свою несчастную родину и какие-то смутные надежды связывались с такими вот молодыми, увлеченными людьми, которых уже столько прошло перед его глазами? Они приезжали с родины, некоторое время крутились в горячке каких-то непонятных ему дел и вдруг исчезали, часто навсегда. Ученый, живший все эти годы лишь слухами из России, думал так: «Рано теперь взрослеют дети. Подрастая, они садятся в тюрьмы, познавая на себе изнанку системы. Впрочем, изнанку ли? Не есть ли тюрьма истинное лицо моей страны?» Его привлекала в этих молодых, прелестных молодостью людях готовность, с какой они шли на жертвы. В этом не было ни бравады, ни игры, это была добровольно и самостоятельно избранная линия жизни, самим собой определенная судьба, и надо было быть чурбаном, чтобы не уважать их за это и в конце концов не задуматься: черт возьми, ведь в чем-то они все же видимо правы!

В последние дни его особенно стало интересовать все, что относилось к покинутой родине, росло желание говорить, обсуждать, спорить, а, как у всякого русского человека, это состояние не давало спокойно жить. Интерес к России заставил его присутствовать на всех ленинских лекциях (о диспуте он попросту не знал). Он вынес восхищенную оценку лектору и, как старый человек, уже переживший пик своей деятельности, почувствовал зависть к чужим масштабам и размаху. Ленин, как убедился Илья Ильич, никого не мог оставить равнодушным. Его можно было ненавидеть, как ненавидели его некоторые крикуны в зале, за ним можно было идти безоглядно — только не оставаться безучастным. И еще — его нельзя было не уважать. И его уважали — и друзья и противники.

Размышляя обо всем, что происходило в последние недели, Илья Ильич вдруг иногда — наедине, в тишине и заброшенном уюте своей дачки в пригороде Пари-

жа — вдруг ощущал аромат своей невозвратно пролетевшей молодости, и тогда ему становилось горько оттого, что молодых лет уж не воротишь никогда. А ведь была юность, были Харьков, Одесса, могло бы быть... Э, да что уж теперь говорить! Он тогда махнул рукой на этот полицейский участок, называемый Россией, с главным квартальным на троне, уехал оттуда навсегда. Он с головой ушел в науку и нашел в ней успокоение. А люди, оказывается, до сих пор не складывали оружия, они не отступали в сторону и шли в атаку во весь рост, падали, исчезали, но не прекращали своего дела. И что же? Дело их медленно, но двигалось. По молодым людям, постоянно наезжавшим из России, старый ученый видел, что обстановка там уж далеко не та, что в его годы. Молодые бойцы уже не представлялись тесной обреченной группкой, они действовали по стройному и далеко рассчитанному плану, в нем, этом плане, были учтены даже временные поражения — это говорило о солидности замысла.

Во многое, правда, сейчас, уже на склоне лет, не верилось, но как хотелось верить! Этой верой поддерживали свое несладкое существование все эмигранты — она давала им силы и смысл жизни на чужбине. Но вот надежды на будущее! Тут у всех было по-разному. Сам он все силы положил на развитие науки и больше ни во что не верил. Такой человек, как Максим Максимович Ковалевский, умница и эрудит, всерьез якшается с масонством. Его клеврет Гамбаров, тот, кажется, готов въехать в Россию в обозе любой армии... Да, как сядешь да подумаешь — несолидно это все...

— Я пришел попрощаться, Илья Ильич. Я уезжаю,— объявил Артем, понимая, как огорчится хозяин, который располагался для долгого сидения, для неторопливого и обстоятельного разговора.

«Ну вот!» — только и можно было прочесть на лице ученого.

Все же уехать из Севра удалось не через несколько минут, как рассчитывал занятый по горло Артем, а значительно позже. Прощание затянулось. Илья Ильич потребовал объяснений.

— Вы что же, бросаете учебу?

Артем невольно улыбнулся — на этот вопрос ему уже пришлось недавно отвечать. Как раз об этом его спросил на днях Ленин.

Илье Ильичу он объяснил свой отъезд самыми общими словами. Он сказал примерно так: дома, в России, как видно, надолго прижилась большая и непоправимая беда, там был непочатый край работы и не хватало людей. Какая уж учеба! Вместе с решением бросить учебу и немедленно вернуться он сделал бесповоротный выбор своего жизненного пути, сознательно примкнул к людям, ушедшим в создание будущего.

— То-то я не пойму,— заметила с улыбкой Ольга Николаевна, задерживая его руку,— вы как-то расцвели.

Он рассмеялся с легким сердцем. Расцвел! Просто стал походить на человека, увидевшего цель и сделавшего выбор. Ему было немного неловко, что он не до конца искренен с хозяевами,— он не мог, не имел права сказать о своей встрече, о разговоре с Лениным.

...Встреча, знакомство, разговор — все вместе — произошли в последний день того самого диспута на улице де Шуазп. Ленин только что вернул Рыжковой альбом для зарисовок, сделав надпись под своим портретом: «В. Ульянов». (Сначала он отнес рисунок вбок и, склонив голову, поизучал.) Артем был ему уже представлен и предупрежден, что Ленин хочет с ним поговорить.

Наконец им удалось остаться одним. Ленин чувствовал себя усталым и слегка горбился.

— Давно вы уже здесь? — спросил он.

Артем ответил, что несколько месяцев.

— Маловато... По-французски объясняетесь?

— Если медленно, то понимаю, Владимир Ильич, но они очень быстро говорят!

Внезапно Ленин спросил:

— Вы в самом деле можете немедленно выехать в Россию? Жалеть не будете, что бросили учебу?

Артем догадался, что начинается главное.

— Доучусь потом, Владимир Ильич.

— Гм... Тянет в Россию, да? — И сам себе ответил: — Ну еще бы! Всех нас тянет. Чужбина быстро надоедает.

Он заговорил о юге России, о Донбассе.

— У нас там существуют группы, но этого недостаточно. Нужны молодые энергичные люди.

И он взглянул на Артема так, словно на глаз примерял его для предстоящей работы.

Обязанности Артема на первых порах будут скромными: рабочие кружки, налаживание связей, борьба за правильное направление пробуждающегося сознания рабочих. Чтобы вести систематическую борьбу против правительства, необходимо довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до совершенства.

Из Парижа Артем уезжал с радостью. Ему опротивели эмигрантские дрязги, свара. Последние дни в Париже проходили в суматохе устройства предотъездных дел: нужно было встретиться с необходимыми людьми, получить явки и пароли, договориться об адресах для связи с Заграничным партийным центром. Так что в Севр на дачу он прикатил, урвав буквально несколько часов. Так было некогда!

Илья Ильич, понимая нетерпение Артема и не пытаясь его удерживать, но оттягивая минуту расставания, потащился с ним по улочке вниз, к станции, как бы для прогулки перед сном. Прощание, таким образом, вышло неожиданно грустным. Бьющий через край энтузиазм молодого человека будил невеселые мысли. «Как все они

захвачены своей работой! Какая вера! Выходит, в чем-то они разбираются и понимают лучше, глубже, видят дальше... Новые времена, новые люди!»

Они спускались по сырой провинциальной улочке вниз к станции паровичка и разговаривали, верней, горячо говорил один Артем, а старый ученый, задумчиво щупая палочкой землю, лишь подавал вопросительные реплики. Интерес Ильи Ильича к разговору напоследок был беспредельно искренним. Способный на самопожертвование в науке, он уважал преданность любому делу, а сейчас пользовался случаем получить из первых рук доказательства правоты людей, которые в своей вере в непреодолимую силу пролетариата ставят на карту собственную жизнь!

Разговаривая, Артем ни на минуту не забывал о том, что рядом с ним идет человек, уже поживший на белом свете и кое-что изменивший в нем. Сам же он только собирался в нем менять, и менять многое, очень многое. Это и придавало силу его речи. Артем говорил, что за сорок лет, прошедших после «освобождения» крестьян, число фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих в России выросло в несколько раз. Причем важной особенностью российского пролетариата является его необычайно высокая концентрация: около половины рабочих сосредоточено только на крупных предприятиях. А это значит, что такую массу пролетарского народа легче сплотить и организовать, привить ему классовое самосознание, поднять его на борьбу. Этот класс, которому нечего терять, кроме своих цепей, породила сама история России, мрачная, трагическая, наделив его качествами превосходного революционера, способного на любой героизм.

— Так что же,— спросил Илья Ильич, остановившись, когда впереди показался низенький павильон станции,— выходит, надежда все же есть?

— Еще бы! — бодро ответил Артем.— Как раз надеждой-то Россия сейчас и сильна!

Оглянувшись на павильон, Артем увидел, что появился какой-то человек с фонарем в руке и замаячили фигуры поздних пассажиров. Илья Ильич молчал. Артем подумал, что вот он уезжает, возвращается домой, а старый, истосковавшийся по родине человек остается на опостылевшей чужбине, и ему стало неловко своего счастья. Артем едва сдержался, чтобы не обнять своего провожающего: хотелось поблагодарить за все хорошее, что принесли ему поездки в Севр.

Наклонившись близко-близко, точно боясь, что их могут услышать, Артем сказал:

— Помните, Илья Ильич, мы говорили о науке? Ваша цель благородна, чего там! Но ведь секрет в том, что я... что все мы думаем сейчас еще об одном Мечникове, который бы сделал жизнь совсем другой, не такой... Вы меня понимаете?

Раздался тонкий свист паровичка, Артем махнул рукой и, крикнув: «До свидания!», побежал.

Глава девятая

Вот так, беседуя с Екатериной Феликсовной, ворошил он свое прошлое и был, признаться, приятно удивлен, что в Париже, в Севре, оказывается, осталась о нем память, а ведь времени, что ни говори, прошло достаточно.

Пока Артем рассказывал, Шурочка вставала и уходила, снова возвращалась — на ней сегодня лежали все утомительные обязанности по кухне. Екатерина Феликсовна изредка давала ей коротенькие указания и снова нетерпеливо устремляла взгляд на гостя, заставляла его рассказывать. О Париже она могла слушать часами, и по сию пору Париж помнился ей прекрасным городом, где остался кусочек ее навсегда прошедшей молодости, и

Артем, понимая эту слабость, говорил не столько о своих посещениях дачи в Севре, сколько о самом городе.

Разговор пришлось прекратить, когда появились первые приглашенные. Затем звонки в дверь стали раздаваться поминутно. Екатерина Феликсовна с любезной улыбкой протягивала руку, выслушивала банальности и благодарила, кое-кого знакомила между собой и все время следила, чтобы не иссякала общая беседа. Раз или два появлялась захлопотавшаяся Шурочка и избавляла мать от вороха цветов.

Усевшись так, чтобы наблюдать, Артем удивлялся человеческой пестроте сегодняшнего вечера: «Ну тетя, назвала гостей!» Чиновник казенной палаты с принужденной вежливостью отвечал на вопросы шустрого доцента ветеринарного института, а двое университетских, пересмеиваясь, говорили что-то о незнакомом горбуне в очень длинном, неуклюже сидевшем пиджаке; горбун расхаживал по гостиной, мотая руками за спиной поперек своего движения, и, задирая голову, вглядывался в лицо каждого, с кем его знакомили, с такою пристальностью, что становилось не по себе.

Мелькали и знакомые лица. Товарищ Владимир, о котором ему говорил Шалай, заявился вместе с эсером Забелиным. Поздравив хозяйку, вручив очередной букет, пришедшие издали обменялись с Артемом непримиримыми взглядами и тотчас отошли к человеку в форме служащего путей сообщения. Затем к ним присоединился мешковато одетый господин с мелким озабоченным лицом — служащий земской управы Затонский. Раз или два Артем видел его в больнице. Сабурова дача находилась в ведении губернской земской управы.

Поглядывая на часы, Артем ожидал Фросю. В последнее время им приходилось видеться только здесь, у Мечниковых. Сегодня ему не удастся задержаться. В одиннадцать часов он договорился встретиться с Дмитрием

Бассалыго, а затем надо еще успеть к Галкиным, где, видимо, придется и заночевать. Тащиться на Сабурку в поздний час вряд ли стоит. Да там и спать-то останется каких-нибудь три-четыре часа!

В гостиной стоял ровный слитный гул. Стараниями старшей хозяйки каждый был пристроен к собеседнику и не скучал.

— Вся энергия правительства расходуется на меры строгости,— вдруг во всеуслышание проговорил путеец, веско глядя на смутившегося Забелина. Товарищ Владимир, осклабясь, с лукавым видом наклонился к путейцу и, что-то возражая, покачивал перед его лицом указательным пальцем.

В это время брякнул еще один звонок и в прихожей раздались восклицания, затем звук поцелуя. Узнав голос Фроси, Артем в нетерпении вскочил.

В прошлый раз, прощаясь с ним, Фрося предупредила, что хочет познакомить его со своей подругой Ниной. «А избежать нельзя?» — напрямик спросил он. Фрося обиделась. «Она очень хочет. Я ей рассказала о вас...» Он сразу же отметил: ага, подруги говорили о нем! Фрося, сообразив, что проговорилась, покраснела. Смущение сделало ее простенькое лицо особенно милым. «Почему вы так нелюдимы?» — спросила она с упреком, не поднимая глаз и теребя перчатку. Что ей было ответить? Она ошибалась. Впечатление нелюдима он производил лишь в обществе, где им приходилось встречаться. Среди своих же, на заводах, он был совсем другим. Но объяснять он ничего не стал, только скупо обронил: «Это не моя вина».

Подруга Фроси сразу выказала повадки светской дамы, уверенной в себе и мало задумывающейся над своими словами.

— Значит, вы и есть тот господин из Парижа? Очень приятно. Скажите, Федор Андреич, это из Парижа такое

искусство кружить девушкам головы? Моя Фрося только о вас и говорит.

— Нина! — несчастным голосом воскликнула та, заливаясь краской.

— О, не буду, не буду! У-у, да ты у нас еще совсем ребенок!

Смеялась она немного в нос.

В том, кто верховодит у подруг, сомнений не было. «Зачем ей понадобилось привести ее сюда?»

— Федор Андреич,— деловито обратилась к нему Нина,— шутки в сторону. У нас в управе решили собрать деньги, чтобы помочь бастующим рабочим. Ну, знаете, по подписному листу — кто сколько может... Кому нам передать их?

«Ага, вот в чем дело!»

— За помощь спасибо,— ответил он, более всего желая сбить этот неприятный ему покровительственный тон.— Но угодно будет вам и... вашим жертвователям, если мы употребим эти деньги на оружие?

Слова его привели Нину в полную растерянность.

— Да-а?.. Как вы странно... А хлеб? Разве они не голодают?

— Голодают они всегда. Сейчас речь идет не о голоде. Им нужна помощь, а не милостыня.

— Право же...— бормотала Нина, оглядываясь в поисках поддержки.— Ну, хорошо, я спрошу.

И она, сердито взяв Фросю за руку, увела ее с собой.

Шумно ввалился адвокат Поддубный, давний друг хозяек, свой человек в семье. В городе он знал всех, бывал всюду и везде и, как пес репьями, обрастал самыми разнообразными слухами, которые затем гнали его по городу, по знакомым, не давая ни минуты покоя. Вот и теперь его распирало от новостей, и он принялся выкладывать их, задыхаясь от возбуждения. Здесь было все: и приезд известного либерала Милюкова, и какие-то

необычайные события в городской думе, о которых он, отправляясь сюда, не успел ничего толком разузнать, и готовящаяся в городском театре постановка пьесы Чирикова «Евреи». («Скандал, а не премьера. Уже сейчас билетов не достать!»)

С Поддубным Артем познакомился здесь же, у Мечниковых. Всклокоченный, весь какой-то встрепанный, адвокат не упускал случая, чтобы при каждой встрече так или иначе уколоть его. Артему иногда казалось, что в адвокате говорит самая обычная зависть к большевикам, к их растущему влиянию на заводах города. Теперь, после царского манифеста, взбалмошный и честолюбивый адвокат стал все чаще попадаться на глаза Артему. Как и прежде, Поддубный разглагольствовал о том, что нет нужды действовать сломя голову, а, пользуясь парламентарными свободами, следует подобрать человека, который смог бы повести обновленную Россию на тугих и резвых вожжах. Старая песня! Артем уже не отзывался на его наскоки — надоело.

Адвокат, считая себя человеком хитрым, проницательным, до сих пор не мог понять, в чем, собственно, секрет славы этого юноши, сумевшего за столь короткое время завоевать такой авторитет, такое влияние? Он слышал, что на заседаниях недавно созданного Федеративного Совета перед ним пасуют даже люди опытные, с устоявшейся репутацией. Поддубному хотелось убедиться, что слухи о способностях этого мальчишки, несомненно, преувеличены теми, кто правдами и неправдами пробрался в Совет и занял там места, явно ими не заслуженные, оттерев истинных борцов, тех, кому положено там заседать. «Настоящие люди всегда в тени»,— думал он с горечью уязвленного самолюбия.

Облегчив себя от жгучих новостей, адвокат слазил в бумажник, расправил сложенный листок и сделал созывающий жест:

— Жанр несколько вольный, так что, пардон, мадам, но-о... Вот взгляните.

Рисунок изображал Николая Второго со спущенными штанами. Обеими руками царь держит рубашку. С одной стороны к нему сунулся угодливый Победоносцев: «Позвольте, ваше величество, я подержу сорочку?» — «Оставь, я сам самодержец!» А с другой стороны маленький японец в очках нещадно хлещет царя розгой.

— Фу! — смутилась Екатерина Феликсовна и оттолкнула руку адвоката.— Вечно вы... Лучше скажите, почему вы не привели Георгия Петровича? Вы же обещали!

Поддубный фатовато поклонился:

— Они будут позднее. У них там какие-то...— замысловатый жест рукой: — дела, дела, дела!

Речь шла об инженере Творожникове с паровозостроительного. Его здесь знали многие; прежде он у Мечниковых бывал запросто, но с некоторых пор стал заезжать все реже, ссылаясь на занятость.

Екатерина Феликсовна сообщила во всеуслышание:

— Георгий Петрович получил большое повышение. Двадцать тысяч жалованья!

— Сорят, сорят деньгами господа буржуи! — не удержался Поддубный.— Что двадцать тысяч! Изволили слышать о Рябушинских? Ну еще бы! Так вот, Рябушинские совсем сбесились с жиру. На свой завод они пригласили некоего Бондарева, инженера. И сколько, вы думаете, они отвалили ему жалованья? Сорок тысяч! Да еще по сто рублей премиальных отваливают. Как, ничего? А для сравнения возьмите хотя бы такого, как адмирал Рожественский. Всего восемь тысяч в год! А ведь какая тяжесть на плечах! Совсем буржуи совесть потеряли. Государство в государстве!

— Ой уж этот ваш Рожественский! — скривился человек в форме путейца.— Ему бубнового туза на спину надо, а не восемь тысяч.

— Во-во-во! — вскричал Поддубный, набрасываясь на путейца.— И вы тоже? Поздравляю! С красным флагом захотелось походить? «Эй, дубинушка, ухнем»? Стыдитесь. Мыслящий человек, а пляшете под чужую дудку.

— Переста-аньте! — барским тоном осадил его чиновник казенной палаты.

— Действительно! — ввернул Затонский.

Низенький горбун вглядывался в Поддубного, по-птичьи склонив голову набок.

Перепалка собравшихся мало трогала Артема. Единомышленники в главном, эти люди позволяли себе отстаивать оттенки своих мнений с такой яростью, которая постороннему показалась бы враждой. Но они никогда не были врагами и, как думалось Артему, не станут. Игра взрослых людей, позволяющая им чувствовать себя активными участниками политической борьбы.

Со своего места Екатерина Феликсовна улыбнулась тихо сидевшему Артему и глазами показала в угол, где подруги, Нина и Фрося, о чем-то сердито спорили. Фрося, защищаясь, прижимала к груди руки. В чем она провинилась?

Кивком головы Екатерина Феликсовна подозвала Артема к себе. Он поднялся, подошел.

— Что, милая тетя?

Она сделала знак нагнуться ближе:

— Не правда ли, Фрося красивая девушка?

Артем вспыхнул, выпрямился:

— Тетя, я не готов к ответу!

Екатерина Феликсовна рассмеялась и дружески сжала ему руку.

Выскользнув из гостиной, Артем пошел на кухню. Шурочка ему обрадовалась.

— Скучаете? Перетирайте чашки. Вот вам полотенце. Только чашку не сломайте!

Они заговорили о Гапоне. Все чаще стали пробиваться

слухи о связи Гапона с охранкой. Поверить в это было страшно: неужели провокаторство достигло такого размаха? После расстрела рабочих 9 января Гапон скрылся за границу. Первый, к кому он направился, был Плеханов. Гапон объявил, что присоединяется к социал-демократии. Он вел переговоры с Аксельродом, с представителями Бунда, являлся и к Ленину. Что, если всеми шагами сбежавшего священника руководит охранка?

Шурочка перевела разговор на харьковские дела. Она подозревала, что последние аресты связаны с провокаторством. Кто-то проник в организацию и выдает. Но кто? Они помолчали, каждый удрученно думая об одном и том же. Неведение — худший вид бессилия. А враг знает все твои планы, караулит каждый шаг и умело наносит удары, особенно болезненные сейчас, когда на карту поставлено так много. Черт возьми, узнать бы, кто предатель!

Оставаться у Мечниковых дольше Артему не хотелось, но Шурочка его попросила:

— Федор Андреич, потерпите, пожалуйста, немного. Мне нужна Фрося, без нее я не справлюсь. Вы же видите!

Артем вздохнул и покорился. Он прикинул, как бы не опоздать на встречу с Бассалыго. Дмитрий всегда точен и не ждет ни одной минуты.

— Федор Андреич, ваши кухонные обязанности кончились,— объявила Шурочка.— Идите, пожалуйста, к гостям. И повеселее, ради бога! Сегодня же мамин день.

В гостиной ораторствовал давешний горбун. Приминая длинным затылком топорщившийся ворот пиджака, он легко и складно говорил:

— ...но что будешь делать, когда многие, совершенно не понявшие принципы учения известного на Западе экономиста Маркса и не зная, что к чему, прилагают эти, уже полуотжившие методы как следует еще не изложен-

ной доктрины к нам, к России, имеющей свою особую историю, свой быт, нравы, обычаи, вообще все свое, оригинальное, отнюдь не похожее на западное бытие, идущей совершенно иным, чем на Западе, своеобразным, своим историческим, особенным путем развития...

Ровное настроение, вернувшееся к Артему в разговоре с Шурочкой, сразу исчезло. Ох уж эти болтуны! Страх перед размахом надвигающихся событий заставлял робких и растерянных людей искать любого призрачного утешения. Всем им очень хотелось перемен, но — «культурненько, как в Европе». А народ, поднявшийся с оружием в руках, внушал ужас.

События последних лет разламывали жизнь страны глубоко, сверху донизу. Этот разлом, как замечал Артем, зияющею трещиной прошелся и в среде рабочих. Конечно, жаль одурманенных людей, но это — результат отсеивания. Отсеиваются нерешительные, слабые, зато оставшиеся — чистый алмаз. Так, человек за человеком, создавалось ядро его армии — «артемовские гвардейцы», как называли их на заводах Харькова. Каждый из них не задумается отдать всего себя в борьбе. Это давало уверенность в том, что дела, о котором с ним говорил в Париже Ленин, не погубят ни временный перевес идейных противников, ни постоянные аресты опытных, надежнейших товарищей. Горстка людей, остающихся на свободе, вырастает в несметную рать закаленных бойцов.

Гости все чаще с вожделением поглядывали на двери в столовую, и Артем пожалел Шурочку: ей, бедной, сейчас придется угождать всей этой проголодавшейся ораве.

Переход в столовую и выбор мест за столом сопровождались сдержанным нетерпением: голоса звучали громко, возбужденно. Низенький горбун вел Нину и, заглядывая снизу вверх в ее лицо, строго говорил:

— Нельзя путать подстрекателей с вождями. Вождей у нас нет, мы еще не доросли...

В жужжании голосов пробивался неугомонный теноришко адвоката Поддубного:

— Когда я говорил с Львом Николаевичем, я так и заявил ему: «Широкие массы проникнуты женским началом. Им понятны только категорические «да» или «нет»».

Хвастливый адвокат сел на своего любимого конька: он до сих пор не мог забыть, как при проезде больного Толстого в Крым ему на вокзале в Харькове удалось проникнуть вместе с другими в вагон к писателю и удостоиться рукопожатия.

Загремели стулья, кто-то плотоядно крякнул и крепко потер ладони. Засмеялись...

— Да-а, господа...

И снова ровно загудели голоса, перебиваемые звяканьем посуды, громкой просьбой передать солонку или соусник.

— Стабильно одно чувство — ненависть.

— Народ, знаете ли, подчиняется силе и мало помнит о чувстве долга. Ох мало!

— Вы, батенька, позвольте вам заметить, плохо знаете христианство. Да-с, плохо! Мы мученики революции. Мы, мы-с! Потом вы все поймете. Все! Время, батенька, всех нас расставит по местам.

— Хе-хе-хе... Народом-то вы клянетесь, а человека любите?

— Интеллигенцию, значит, в приказчики, а сами — ломать? Ловко!

Адвокат Поддубный поместился как раз напротив Артема, через стол. Поддевая кончиком ножа из солонки, он толкнул локтем своего соседа — товарища Владимира и с хитрым видом указал на молча жующего Артема:

— А господа большевики — слышали? — опять устроили бой с казаками у заводских ворот!

— Кр-рови жаждут! — со смехом подхватил тот, задиристо зыркая из-под бровей.

Адвокат, приноравливаясь есть, рассмеялся и погрозил Артему зажатым в кулаке ножом:

— Статью сто первую не забывайте, статью сто первую! Из «Уголовного уложения». Оч-чень советую заучить!

Помощь Артему пришла с совершенно неожиданной стороны. Путейский, передавая кому-то соусник, глянул на адвоката строго, важно и осведомился:

— А вы, простите, что же: собираетесь делать революцию в рамках царских законов?

«Ай молодец!» Артем, тихо ликуя, опустил глаза в тарелку.

На Поддубного было жалко смотреть.

— Н-ну... знаете ли! Не обязательно же тыкать друг друга ножами, правда? Мы не дикари, чтобы поджаривать своих противников.

Выручил его резкий продолжительный звонок в прихожей. Все, замолкнув, разом повернули головы.

— Это он! — значительно произнесла Екатерина Феликсовна.

Творожников вошел безукоризненно одетый, прямой, стройный, с холодным взглядом через легкие крылышки очков. Его сопровождал никому не знакомый человек, уже в годах, с длинным голым теменем и волосами за ушами. «Леонид Семеныч»,— коротко представил его инженер. Тот молча, как японец, улыбнулся, показав чрезмерное количество золотых зубов.

Артем видел инженера только в цехе, мельком, близко он разглядывал его впервые. Он был уверен, что Творожников не обратил на него внимания в толпе рабочих. «Похож»,— подумал Артем, вспомнив беспутного парижского студента.

Нервно разворачивая салфетку, инженер оглядел напряженное застолье и с легким оттенком иронии объявил:

— Поздравляю вас, господа, сегодня социалисты разо-

гнали городскую думу. Так что живем без думы, не думая,— скаламбурил он.

Не прожевав, с оттопыренными щеками, ошеломленные гости поглядели один на другого и снова уставились на инженера.

— Еще хотите? — спросил он.— Пожалуйста. Вот Леонид Семеныч только что от генерал-губернатора. Федеративный Совет из солидарности с забастовщиками пригрозил прекратить подачу воды и отключить электричество. По-видимому, мы будем свидетелями новых смутных лет на Руси.

На красивое выхоленное лицо Творожникова набежала тучка. Он на мгновение прикрыл глаза, потом встряхнул головой и принялся за еду.

— М-да-а...— раздался мрачный голос.— Дожили!

Творожников принадлежал к той новой категории русских людей, которых породило бурное развитие промышленности. Служба на предприятиях со смешанным капиталом позволила им повидать широкий мир — Рур, Манчестер... Но настоящим идолом для них была Америка. На самодержавие они смотрели брезгливо, как на допотопный дедушкин сундук, который стоит в самых дверях и мешает на каждом шагу. По их мнению, власть в стране должна принадлежать деловым людям, и тогда они сермяжную, деревянную Россию сделают каменной, машинной... Одетые с иголочки, они с грехом пополам объясняются с инженерами-бельгийцами, но со своими рабочими цедят слова сквозь зубы, норовя обходиться с ними вообще без слов, одними жестами... Да, в вылощенном инженере многое напоминало его брата, парижского студента, только этот ждал от жизни уже не одних удовольствий, а положения, денег, власти.

— Наше правительство,— говорил Творожников, умело орудуя ножом и вилкой,— преступники. Все, без исключения! Задачу политиков, вашу задачу,— инженер вилкой

указал на ерзавшего адвоката,— я сформулировал бы так: докажите всему миру, что царизм — это преступно. Приличный человек не свяжется с преступником. А царь, пусть будет вам известно, ищет сейчас поддержки за границей. Ему нужны деньги, займы, он нищ, он банкрот. Он понадеялся на войну с Японией и теперь просто попрошайка: ждет, где подадут. Он слеп, он мещанин, он не видит, не хочет видеть у себя людей, которые могут выручить страну, вывести ее на путь расцвета. Это обреченный человек.

Насыщаясь, он говорил и говорил, и можно было подумать, что пища, глотаемая им так торопливо, нужна ему, чтобы порождать необходимые слова.

Неожиданная перемена произошла с Ниной. Она сидела за столом, не прикасаясь ни к чему, и, как гимназистка, не спускала с инженера глаз. Творожников за все время равнодушно взглянул на нее всего один раз и больше будто не замечал.

За чаем адвокат Поддубный снова вспомнил о некоем инженере Бондареве, которого Рябушинские наняли на свой завод за неслыханное жалованье. Творожников и Леонид Семеныч переглянулись между собой.

— Бондарев? — переспросил Творожников, неторопливо сдирая с конфеты хрустящую бумажку.— Инженер Бондарев, к вашему сведению, светлейшая голова. Братья Рябушинские поступили мудро, пригласив его. Да, даже за такие деньги! Подумаешь, сорок тысяч! Это человек будущего. Какое может быть сравнение с Рожественским? Тупой осел, позор России! Его надо судить и расстрелять со всеми, кто его послал. А Бондарев... Вот вы увидите! Вы знаете, что Америка уже покупает наши паровозы? И это только начало. Если мы докажем нашу дееспособность, нас завалят заказами. Со всего мира! По разгону, по размаху мы уже сейчас бьем Америку. А известно ли вам, что у нас самая длинная железнодорож-

ная сеть в мире? Так помогите же нам, дайте нам воздуху!

Шурочка и Фрося, устав подавать на стол, налили себе чаю и сели послушать. К Фросе наклонилась Нина, а Шурочка вдруг произнесла, перебив Творожникова:

— Вот вы говорите... Но в Англии рабочий день в полтора раза меньше нашего, однако зарабатывает их фабричный почему-то в четыре раза больше!

Прежде чем ответить, Творожников поизучал вазочки с вареньями и выбрал вишневое.

— А потому, милая Шурочка, что рабочий у нас некультурен, нищ, питается одной картошкой с чаем и оттого еле работает. К машине надо привыкать поколениями, как к крахмальному воротничку и носовому платку. И некоторым господам я дал бы деловой совет: не надо мутить рабочих, им нет никакого дела до революции. Им нужны деньги и хлеб, больше денег и хлеба. Поверьте, я сам не хочу, чтобы рабочие у меня жили голодными и еле стояли у станка. И я им помогу — помогу экономически. Зачем вы им суете нож и толкаете в спину: иди, зарежь его, эксплуататора! Кто же ему даст работу и накормит, кроме меня? Кто? Эти господа хорошо знают, что́ надо разрушать, но мало думают над тем, что́ создать взамен.

Это был камень в огород большевиков. Артем, сдвинув брови, водил ложечкой по краю блюдца. Отмалчиваться дальше было неловко.

— Вы ошибаетесь,— заметил он, ощущая на себе всю тяжесть общего внимания, которое так неожиданно перевел на него Творожников.— У нас есть что предложить взамен. Революция не только разрушает, но и создает. В этом ее сила. Как инженер, вы должны бы знать, что прежде чем строить, надо расчистить место.

Раньше Артем знал за собою одну слабость: начиная спорить, он терял над собой контроль и горячился, о чем

потом сожалел, считая, что человеку знающему и убежденному в своей правоте подобает быть сдержанным, а в идеале — ледяным, сокрушающим своих противников исключительно мыслью, логикой. Теперь сказался опыт, и он владел собою полностью, и только когда говорил о тех, кто сидит наверху, видит все мерзости русской жизни и оправдывает их, даже защищает, отрабатывая тем самым казенные деньги, выжатые из народа,— в этих случаях его, еще случалось, заносило.

Сейчас он не мог справиться со своей досадой, потому что все же оказался втянутым в этот никчемный, пустопорожний спор. Слишком хорошо он знал этих вылощенных, легко болтающих господ — за их внешним блеском скрывалась удручающая душевная пустота и неприметность, они ничем не интересовались, кроме своей прибыли, о таких метко сказал Козьма Прутков: специалист подобен флюсу.

И они толкуют об устройстве общества, планируют будущее России!

Лысый Леонид Семеныч, отяжелев от насыщения, мутно взглядывал на Артема и, пошевеливая челюстями, слушал так, будто пробовал его горячие слова на вкус.

— Бросьте вы эти еврейские сказки! — брякнул он и засопел, чтобы не сказать лишнего при дамах.— Придумали же — классовая борьба! А вот я, я...— ударил себя в грудь, потом ткнул в сторону Творожникова,— а вот он... вот оба мы какого класса? А, молчите? А я вот, хоть и эксплуататор, а буду строить у вас в городе трамвай. Людям сразу жить легче станет! А вот он,— снова жест в сторону Творожникова,— предложил правлению завода дать денег на образование рабочих. Так что вы им суете ножик и топор, а мы — ученье, специальность, хлеб.

Багровый, он гневно высвобождал шею от ставшего тесным ворота сорочки.

За столом одобрительно зашумели. Путеец с лукавым

видом показал Поддубному на лысого: дескать, вот с кого пример-то взять не грех, вот где ума палата!

Внезапно раздался резкий голос низенького горбуна:

— Только при чем здесь еврейские сказки?

Леонид Семеныч все еще ворочал шеей.

— А при том! — буркнул он и, отдуваясь, замолчал.

Загремел стул, обиженный горбун поднялся и объявил, что он в таком случае уходит, вынужден уйти.

— Я с вами! — объявил Забелин, засверкав глазами. Он истомился в молчании и теперь был рад случаю произвести шум.

Обиженных кинулись успокаивать. Поднялась кутерьма. Скандал удалось замять Шурочке. Гневная, с пылающим лицом, она звонко обратилась к горбуну:

— Неужели вам звание еврея выше звания гражданина? Стыдитесь!

На Леонида Семеныча, уткнувшегося подбородком в грудь, она избегала смотреть. Гости, чувствуя неловкость, стали рассаживаться вновь. Забелин что-то бурчал, недовольный тем, что большой ссоры не получилось.

От праздничного настроения за столом не осталось и следа. Сильнее всех ощутила это сама хозяйка, Екатерина Феликсовна. «Хоть бы ради сегодняшнего дня!» — с досадой подумала она. Ей стало жаль приготовлений, хлопот, стало обидно за Шурочку. В последнее время судьба взрослой дочери почему-то вообще не выходила у ней из головы. «Чем увлекается Шурочка? Ох, не занятие это для молодой девушки!» Екатерине Феликсовне было удивительно, когда дочь вместо романов стала приносить домой запрещенную литературу. Однажды ей на глаза попалась тоненькая брошюрка «Как держать себя на допросах».

— Позволь,— испугалась Екатерина Феликсовна,— а это тебе зачем?

Шурочка растерялась:

— Господи, мамочка... ну мало ли?..

С тревогой написала тогда Екатерина Феликсовна в Париж, написала тайком от дочери, спрашивая совета, и вот теперь все чаще сожалела: «Может быть, все-таки надо было настоять, услать ее к Илье и Оле?»

Сегодня, сейчас, когда разговор за торжественным столом перешел в скандал и перебил праздничное настроение гостей, Екатерина Феликсовна вдруг поймала себя на том, что, думая о дочери, она смотрит на приглашенных мужчин с точки зрения их возможностей составить счастье девушки. Но нет, ни один из них, за исключением разве Творожникова, не походил на человека, с кем Шурочка, по ее материнским представлениям, была бы счастлива. И ей вдруг показалось так неуютно на своем празднике.

Неожиданно электрическая лампочка в абажуре над столом мигнула, дала несколько робких вспышек и погасла.

В кромешной тьме Екатерина Феликсовна произнесла:

— Господи, это еще что такое?

Голос Поддубного радостно доложил:

— На улице света тоже нет!

— Началось! — раздался крепкий голос Творожникова.— Все-таки они сделали, не побоялись... Вот вам! Пока мы тут с вами... а они действуют! Где наше правительство? У кого власть? Царь дурак, тряпка. Любой квартальный на его месте принес бы больше пользы.

Пока Шурочка ходила на кухню за свечами, все сгрудились у смутно белевшего окна. Затонский растерянно говорил:

— Ну, хорошо. Рабочим нужно захватить заводы и фабрики, мужикам — землю, но интеллигенции-то что?

— Как это что? Власть! — сытым купеческим голосом ответил в темноте Леонид Семеныч: чувствовалось, он ковыряется в зубах.— Власти им охота. «Дескать, вот по-

ставьте нас — и увидите». Но только боже избави! Пусть лучше языками болтают.

Появилась Шурочка со свечой, прикрывая слабенькое пламя розовой ладошкой.

Артем тронул Фросю за руку и спросил:

— Вам интересно здесь?

— Хотите уйти? Я сейчас предупрежу Шурочку.

— Не надо,— остановил он ее.— Уйдем по-английски, не прощаясь. Здесь это поймут.

В прихожей, боясь удариться о шкаф, Артем пробирался с вытянутой вперед рукой и вел за собою девушку. В комнате, откуда они незаметно вышли, гудели голоса.

— У них это задумано! — гневно говорил Творожников, более надеясь на силу голоса, нежели на смысл своих слов.— Извольте вот: завтра к директору завода направляется депутация забастовщиков. Безобразие! Рабочий должен работать — вот его обязанность... Организм должен функционировать нормально. Иначе...

Тихонько чертыхнувшись, Артем наконец справился с запором на двери, и они выскочили из помещения.

Глава десятая

На улице возле подъезда толпились жильцы, обсуждая происшествие. Посреди возвышался дворник в тулупе и шапке. По обеим сторонам улицы не горел ни один фонарь. В окнах домов кое-где теплился слабый свет. Дворник, скрестив на животе бараньи рукава, приметил две выскользнувшие из подъезда фигуры. Артем и Фрося сразу перешли на другую сторону.

От сегодняшнего вечера у Артема осталось тягостное впечатление. «Плохой из меня гость»,— подумал он, вспомнив багрового Леонида Семеныча и разочарование

на лице самой Екатерины Феликсовны. О празднике, закончившемся так невесело, напоминало и молчание Фроси, идущей рядом.

Со дня знакомства с Фросей прошло уже несколько месяцев, но — странное дело! — за все это время они как следует ни разу не поговорили. Артем догадывался, что девушка сочувствует «бедному народу», но сознает ли она, что мелкими подачками, как это сделала сегодня Нина, в таком деле не поможешь? Ее, как видно, раздражает, что ему постоянно некогда. Но как объяснить, как доказать, что для людей его профессии не существует личной жизни, вернее, вся его личная жизнь — в деле!

— Почему вам так не нравится Творожников? — спросила девушка, не выдержав молчания.

Артем удивился: кажется, он ничем не выдал своей неприязни к вылощенному инженеру... Ответил он уклончиво:

— Достаточно, что он нравится вашей подруге Нине.

— О, это влюбленность тайная! — оживилась Фрося.— Мне ее так жалко... А вообще она очень самостоятельная. Правда, правда! Сразу после гимназии Нина сказала родителям, что хочет жить одна. Она много читает, выписывает две газеты... А скажите, пожалуйста, в тюрьме очень страшно? Мы сегодня с Ниной шли и вдруг заговорили... Я, например, сразу представила, как меня хватают и ведут. Бр-р!

Вместо ответа Артем пожал плечами. Наивные расспросы! Для них, партийцев, арест и тюрьма были всего лишь неизбежными следствиями профессии, досадной неудачей, от которой нет возможности застраховаться. Да и смешно страховаться: на войне от пули не страхуются! Но вот страшно ли? Может быть, только в первый раз. Да и то... Он вспомнил, как на Тверском бульваре налетели переодетые городовые, заломили руки. Больно было, а — страшно ли? Потом участок, камера. Тоже ничего

страшного. Ну а потом... Видимо, он просто не успел испугаться.

На часах было начало одиннадцатого. Если, не задерживаясь, проводить Фросю домой, то времени, чтобы успеть к Бассалыго, останется в самый обрез. Сколько же он пробыл у «тети»? Часа три, не больше, а кажется — вечность. Разговоры, разговоры... А пока он сидел в гостях, товарищи действовали. (Ощущение было такое, будто соскочил с бешено идущего поезда, а теперь наверстывает.) Интересно все же, что произошло в городской думе? И как там у солдат? За солдат, как за силу, бились и большевики и меньшевики. Но, пожалуй, самую сильную конкуренцию большевистской агитации в казармах составляли эсеры, «мужичья партия», как они себя именовали, а солдат — тот же мужик, только в шинели.

— Почему вы все время оглядываетесь? — удивилась Фрося и тоже посмотрела назад.

Вопрос девушки вывел Артема из задумчивости. «Оглядываетесь»? Это у него машинально. Привычка следить, не тащится ли «хвост».

Он еще раз обернулся и вдруг крепко взял девушку за локоть, заставив ее ускорить шаг.

— Простите,— деловито проговорил он, склоняясь к ней,— но я сейчас должен исчезнуть.

Она изумилась:

— А что случилось? В чем дело?

Но объяснять было уже некогда.

Едва они вышли из подъезда на Епархиальной, Артем всем своим существом подпольщика мгновенно ощутил погоню. Это было уже много раз испытанное ощущение, обмануться он не мог. И точно — теперь он засек филера.

Растерянная Фрося, не попадая в такт его широким и стремительным шагам, почти бежала. Прикидывая, сколько еще осталось до ближайшего угла, Артем отпустил руку девушки.

— Не останавливайтесь, хорошо? И — не оглядывайтесь. Вы просто гуляете... Я вам потом все объясню... Ну, побежал!

За углом в переулке он громко закричал:

— Извозчик!

Подобрав юбку, чтобы перейти улицу, Фрося отшатнулась: мимо промчался лихач на резиновых шинах. В пролетке стоял человек в рабочей кепке и колотил кучера в шею: «Скорей! Скорей, морда!» Кучер нахлестывал лошадь вожжами.

Заметив скачущего следом лихача, Артем привстал, и, дождавшись перекрестка, сказал извозчику свернуть направо. В одиночку филер с ним не справится, да и не рискнет, будет искать городового. На встречу с Димой Бассалыго пришлось махнуть рукой. Оторваться бы... После Петинской улицы начался рабочий район. Здесь не было проходных дворов, как в центре города, одни заборы да собаки на цепи, зато где-то уже близко первые патрули дружинников.

— Держи! — Артем сунул извозчику деньги и на ходу соскочил.

Несколько метров он пробежал по инерции, стараясь не упасть. Из-за поворота вылетел лихач. «Э, черт, заметил!» Артем ткнулся в калитку — заперто. Во дворе, гремя цепью, зашелся хриплым лаем пес. Не оглядываясь, Артем побежал вдоль забора.

Возле складов с сырыми кожами навстречу ему из темноты показались двое. Патруль! Теперь можно было перевести дух.

— Федор Андреич? — раздался тихий удивленный голос Шалая.

Не задерживаясь, Артем прошел мимо и, щелкнув пальцами, показал себе за спину. Шалай тотчас схватил своего напарника за руку и дернул его назад.

Наткнувшись на патруль, филер растерялся. В инструкции подобный случай не был предусмотрен. Обычно, если наблюдаемый входил в помещение и оставался там довольно долго, филеру предписывалось изображать обывателя, прогуливающегося после обеда. Иногда, чтобы не вызвать подозрения, следовало сесть на скамейку и притвориться пьяным. Не в стельку, конечно, а так, навеселе... Но ночью, на окраине, в пустынном месте!

Две безмолвные страшноватые тени загораживали филеру дорогу. Он, покачиваясь, попытался их обойти, но жилистый чернявый парень близко заглянул ему в лицо под кепку.

— Что, брат, клюкнул малость? Заблудился? Гляди, разденут. Давай-ка мы тебя проводим. Идем, чего стал? Нам по дороге.

— Мне-то... вообще-то...— заплетающимся языком забормотал «заблудившийся», не зная, как отвязаться от провожатых.— Мне тут направо...

Как раз туда за угол унырнул «объект», которого он так цепко «вел» от самой Епархиальной.

Чернявый парень крепко обнял филера за плечи. Рука у него была чугунная.

— Направо пропадешь. Ты меня слушай! Сюда пошли. А направо и дороги нету.

Второй патрульный безмолвно стоял рядом.

— Вот что,— заявил чернявый,— домой успеешь. Жинка уже спит... Кто тебя ждет? Я тебе лучше фокус покажу.

— К-какой фокус? — все еще изображая пьяного, отталкивался филер.— П-пусти...

— Фокус, брат, такой, что все отдай — мало! Американский. Сколько лет берег, никому не показывал, но тебе — так и быть.

— Не-не желаю!..— мотал головой филер. На душе у

него становилось тошно. Кажется, он влопался в историю. Так, за здорово живешь, эти двое его не отпустят. «Пугнуть их? Да ну, испу́гаешь!» Беспокоил филера второй парень, молча не сводивший с него глаз: по всему видно, что только и ждет, когда пустить в ход кулаки!

Чернявый, удерживая филера, огорчился:

— Вот человек, а? Ему хочешь лучше сделать, а он?.. Еще пихается... Дурак, узнаешь фокус — дома покажешь, жинка ругать не будет. Тебе же добра хочу! Вот выбери у себя одну волосинку, всего одну! Жалко, что ли? И я тебе ее так выдерну, что не почуешь. Ну то есть даже глазом не моргнешь!

— Одну? — переспросил филер, покачиваясь как можно натуральней, и стащил с головы кепку.— Ладно... Стой, не лапай. Сам выберу... На! — из пряди на лбу он отделил один волос и подставил голову.

— Одну... одну-разъединственную,— приговаривал Шалай, двумя пальцами зажимая волос.— Больше зачем? Больше больно будет... Ну, смотри!

Коротко размахнувшись, он вдруг со страшной силой ахнул филера в ухо. Тот отлетел к забору и глухо стукнулся головой о доски. Оглушенный филер с трудом приподнялся на локтях:

— С-сволочь!.. Да я тебя...

Чернявый, теперь уже явно издеваясь, всплеснул руками и обратился к своему молчавшему напарнику:

— Нет, ты смотри, что за человек! Еще ругается... Вот народ, а? Бери давай его да пошли. Бери, бери, за речку понесем. Там поговорим.

— Вы что, мерзавцы?! — заверещал филер, когда его подняли и понесли.— Да вы с ума сошли... Ребята, это наказуется, лучше отпустите меня... Братцы, я вам на косушку дам...

Мост через речушку патрульные миновали бегом. Филер, задыхаясь, отбивался из последних сил. Шалай, удержи-

вая его за ноги, ругался и грозил оторвать ему башку.

— Карау-ул! — раздался вопль. Кое-где лениво отозвались собаки...

Избавившись от филера, Артем стал соображать, как побыстрее добраться к Галкиным.

Галкиных было три брата. Жили они с родителями в небольшом домишке. Артем бывал у них редко, заметив недовольство старика Галкина, отца. Зная, чем занимаются сыновья, старик боялся полиции, жандармов, и этот постоянный страх перед обыском и арестом отравлял жизнь всей семьи. Артем старался заглядывать туда пореже. Каждый раз его появление словно увеличивало опасность над головами братьев.

Галкины еще не спали, все трое сидели вокруг лампы за столом.

— О, кто пришел-то! — обрадовался Анатолий, старший.

Артема заставили раздеться, потащили к столу. Он рассказал, как избавился от «хвоста».

— Где прицепился? — спросил Анатолий.

— С самой Епархиальной.

— Кому его сбросил?

— Шалаю.

Анатолий рассмеялся:

— Ну, этот его научит!

Из горницы выглянул отец, подошел к занавешенному окну и прислушался, затем так же молча подвернул фитиль в лампе и убрался к себе. Все время, пока старик находился в комнате, братья не произносили ни слова. Едва за ним закрылась дверь, Анатолий выразительно вздохнул и снова прибавил света в лампе. Всем троим было неловко.

— Город-то,— Анатолий кивнул на окно,— обратил внимание? Без света!

— Знаю, видал,— обронил Артем.

— Сейчас, перед тобой, Костя Бассалыго забегал. Говорит, на электростанцию от губернатора чиновник прикатывал. На автомобиле! Стал на рабочих орать. Но там ребята, знаешь — во! Ты, говорят, мотай отсюда, ты, говорят, нам распоряжение Совета принеси, а не своего губернатора!

Артем спросил, что произошло в городской думе. Все трое сразу оживились.

— Это вот Володька был, он расскажет.— Анатолий приобнял за плечи младшего брата, сидевшего за столом в отцовской тужурке. В обеих руках Владимир держал кружку с чаем и, грея пальцы, с наслаждением вдыхал горячий пар.

— Заболел? — спросил Артем.

Владимир поежился:

— Морозит немного, но ерунда. Пройдет.

Анатолий заботливо пощупал ему лоб.

— С этой думой смех и грех,— улыбнулся Владимир.— Пришли, мы чинно-благородно. Чтобы кто-нибудь себе чего позволил — ни-ни! Ну, сначала Пал Палыч начал говорить: так, мол, и так... сами же понимать должны! Ждать нам не с руки. И что ты думаешь, Федор Андреич? Я всего ожидал. Думал, ругань будет, может, и до драки дойдет. Ничего подобного! Хоть бы пикнул кто! Тихо-тихо все поднялись и друг за дружкой уплелись. Нам даже как-то не по себе... Ушли они, а мы стоим и ничего понять не можем. Что же получается-то? Власть, выходит, вся сбежала, а кто остался? Никого! Садись и правь!

«Вот так может случиться, что вся власть в городе — наша!» — подумал Артем. Вслух он сказал:

— Брать надо, и будем брать! Хватит болтовни.

Средний из братьев, Виктор, рассудительно заметил:

— Может, они просто с вами связываться не стали, а за казаками побежали? Похватали бы вас там, как дураков, и головы поотрывали!

Артем, указывая, что Виктор говорит дело, спросил младшего из братьев:

— Ну, ушли они, а вы?

Тот развел руками:

— А что — мы? Постояли-постояли да и тоже пошли. Но вот что я заметил: туда шли — на нас косились, а идем оттуда — чуть не кланяются. И я тогда подумал: а что — приятно властью быть! Ну, думаю, сяду я когда-нибудь на это место, уж я вам покажу.

Парень сейчас дурачился, но если бы в тот момент представителей Совета, оставшихся в думе, поддерживали с улицы вооруженные рабочие и солдаты, кто смог бы помешать рабочим? Да, по существу, никто. Даже казаки! Но в том-то и дело, что поддержать некому. Сила, сила нужна!

— Ладно,— сказал Артем.— Что там у нас с солдатами?

О настроении солдат стал рассказывать Анатолий. Он сегодня встречался с представителями полков, сумел пробраться в казармы. В Богодуховском полку после недавнего выступления батальона офицеры прячутся, а солдаты смотрят дерзко. «Первым делом,— говорят,— всех генералов — к стенке. Хватит, поиздевались они над нашим братом». А один в казарме так сказал: «Я кто был раньше? Шомпол при ружье. А теперь — не-ет! Мы тоже кое-что видим и понимаем. Не дураки совсем...»

Фельдфебель Шихов, часто бывавший у подпольщиков на Сабуровой даче, высказал откровенное сожаление: «Эх, дурость наша! Надо было не одному батальону, а всем полком браться. Весь-то полк не уговорили бы!» Словом, Богодуховский, Старобельский и Лебединский полки целиком — за выступление. Готовы хоть сейчас!

В Луцком полку настроения похуже — там распропагандирована только часть солдат.

— И это дело,— сказал Артем.— Будем вооружать рабочих. Оружия у нас достаточно.

— А решение Совета? — спросил Анатолий.

— Проведем! А будут против — наплевать. Обойдемся без них.

Спокойный Виктор поддержал Артема:

— Они, конечно, повякают сколько можно, а потом согласятся. Одним-то им какой расчет оставаться?

Владимир, поеживаясь под тужуркой от озноба, дохлебывал из кружки чай. На его взгляд, забастовка, начавшаяся на паровозостроительном заводе, не нашла достаточной поддержки в городе. Меньшевистские деятели бросили на предприятия все свои лучшие силы, стараясь удержать рабочих от выступления. Сбиваемые с толку, многие мнутся, словно на распутье. На заводе «Гельферих-Саде» забастовала только часть цехов, остальные их не поддержали. Правда, там удалось добиться сбора средств в помощь бастующим. Сейчас появилась возможность выдавать каждому забастовщику по рублю в день. Примерно так же обстояли дела на заводах Шиманского, Аполчина, Берлизова, Мельгозе, Шпильберга и К°... А меньшевики, теряя прежнее влияние на крупных заводах, теперь стараются не упустить из рук мелкие предприятия, такие, как паровая мельница Анатры, кафельный завод Беркенгейма, мастерские Лейтнера, Лифшица, фарфоро-фаянсовая фабрика на станции Буда, типографии городских газет «Южный край», «Юг», «Жизнь России».

Слышно было, кто-то стукнул в сенцах дверью. Это не спал старик Галкин.

— Федор Андреич,— застенчиво позвал Владимир,— а мы тебе подарок припасли. Постой, отец успет — покажем. Во подарок!

Он принес кружку свежего чая и, жмуря глаза, двумя зубами откусил от крохотного кусочка сахара. Сахар он сосал, выпячивая по-ребячьи губы.

— Эх, мать честная! — вскричал Анатолий.— Ты же голодный, Федор Андреич. Или нет? Да ну, какое там... С утра, поди, ничего не ел?

— Да как тебе сказать? — замялся Артем.— Не с утра, конечно, но... Правда, в гостях был.

— Ну хозяева! Тары-бары развели, а... Только у нас, знаешь, не очень. Щи, кажется, вчерашние. Ничего?

— Чего же лучше! В хороших ресторанах, знаешь, щи специально выдерживают. Так и называются: щи суточные.

Внезапно все насторожились: с улицы послышался громкий режущий свист. Владимир быстро привстал и дунул на лампу. Стало темно.

— Вроде бы наши...— неуверенно проговорил Анатолий.— Витя, выйди, глянь.

Ожидание тянулось невыносимо. Все молчали. Но вот в сенях хлопнула дверь, Виктор вернулся.

— Наши,— сообщил он с облегчением.— Шалай... Со шпиком, говорит, все в порядке, но все равно советует уходить. Что-то ему не нравится. Суета, говорит, какая-то вокруг.

— Тогда надо уходить. Шалай знает.

Все трое провели Артема через темные сени. «Сюда, Федор Андреич»,— раздался голос Шалая. Пошли тропинкой к забору. Было свежо, сыро, но небо усыпано звездами — завтра будет ясный день. Братья Галкины попрощались и остались у себя в ограде. Шалай повел Артема огородами, ловко перемахивая через низкие плетни. В ногах путалась валявшаяся на перекопанных грядках картофельная ботва.

В заводском поселке Шалай остановился возле длинного темного барака с продавленной крышей, с минуту

постоял, вглядываясь в неровный ряд тускло мерцавших окошек. Света нигде не было. Две или три двери стояли настежь и держались на одной петле. Двери здесь никогда не запирались.

— Идемте, Федор Андреич,— негромко проговорил Шалай.

В барачном коридоре вошедших встретил застарелый кислый запах. Доски под ногами скрипели, в одном месте Шалай чертыхнулся, угодив в провалину в трухлявом полу. Он велел Артему подождать и скрылся. Артем остался один в полной темноте.

Шалаю пришлось заглянуть в несколько каморок. Наконец он зажег спичку и махнул рукой: «Сюда».

Теплый и влажный смрад ударил в лицо с порога. В смутном свете от низкого окошка Артем разглядел комнату, сплошь заставленную лежанками. В ушах свербило от надсадного крика ребенка. Босая женщина, подтыкая растрепанные волосы, засветила лампу без стекла. Артем узнал Марью, служившую больничной сиделкой на Сабуровой даче.

На лежанках в рваном тряпье тяжело храпели люди. Ни свет лампы, ни крик ребенка никого не разбудил. Под лежанками валялась грязная одежда, виднелось деревянное корыто, стояло несколько корзинок с луком и картошкой. Огромный стол, выдвинутый к самому порогу, уставлен чашками, чугунками, закидан картофельной кожурой.

Углы комнаты были отгорожены ситцевыми занавесками — там жили семейные. По столу и облупившимся стенам сновали лакированные тараканы.

С громадной печи свешивалась голова старухи.

— Это кто пришел-то? — допытывалась она уже в который раз.

— Лежи, не твое дело,— махнула на нее Марья.

— Маш,— позвал Шалай,— а твой где?

— В участке ночует. Ну его! — хриплым от сна голосом ответила Марья, натягивая кофточку.

Она вытащила из-под стола табуретку и пригласила Артема:

— Проходите, разувайтесь, пусть ноги-то отдохнут! А сапоги давайте... И портянки давайте, я их посушу.

Стянув сапоги, Артем с удовольствием ощутил холодный пол и пошевелил пальцами до смерти усталых ног.

Портянки Марья бросила старухе на печь.

— Ну-ка, Матвеевна, под себя подстели, что ли...

Грудной ребенок заверещал так пронзительно, что на лежанках зашевелились.

— Да цыц ты, пропасти на тебе нету! — закричала женщина с растрепанной головой. Она еще не очнулась от сна.

Мало-помалу народ стал подниматься, искать сапоги, одежду, вяло переругиваться. Это собиралась на работу ночная смена.

Шалай, нагнувшись к Артему, сказал:

— Сейчас уйдут, потише станет. Марья вам постелет.

Кричавшему ребенку женщина сунула в рот тряпочку с нажеванным хлебом, он на мгновение затих, но тут же заверещал с новой силой.

— Ну и черт с тобой! — без всякого выражения проговорила она.— Матвеевна, поглядывай тут, если что... Я побегу.

— Беги, беги,— отозвалась с печи старуха.— Я догляжу.

Шалай пошел на улицу — глянуть, что там.

Марья поставила на стол чугунок с картошкой, солонку с крупной серой солью. Картошка была еще теплой. Кожуру Артем складывал аккуратной кучкой, очищенную картошку макал в солонку и, не выказывая жадности, медленно жевал. Два или три раза он сунулся головой в стол: глаза слипались от усталости.

Из-под головы спящей девочки Марья выдернула свернутую кацавейку и стала стелить на полу, у самого стола.

— Сейчас, сейчас...— приговаривала она, быстро управляясь. Потом увидела, что Артем полез из-за стола.— Да вы ешьте, ешьте, не оставляйте! Уж чего-чего, а картошки-то... Осень, самый урожай сейчас.

Отяжелев от тепла и еды, Артем через силу улыбнулся:

— Во Франции, знаете, как говорят? Кто спит, тот обедает.

— И у нас,— сказала Марья.— Чтобы ребятишки не ревели с голоду, пораньше их уторкаешь, они и спят.

Не разбирая, что там ему настлали, Артем заснул, едва закрыл глаза. Шалай, вернувшись с улицы, увидел, что Марья стоит над спящим и покачивает головой:

— Молоденький какой, а на что идет! Ловят, все одно как зверя. А поймают если?

— Не поймают,— позевывая, возразил Шалай.— Мы-то на что?

Марья вздохнула:

— Тоже, поди-ка, и отец с матерью есть. Вот радости-то им будет, когда узнают, что сынка в тюрьме гноят!

Раззевавшись так, что выступили слезы, Шалай замотал головой:

— Заладила: тюрьма, тюрьма! Другого разговора, что ли, нету? Ладно, гаси свет, пошел я. Завтра забегу.

Напоследок он глянул на Артема, спавшего с поджатыми коленями и кулаком под головой.

— Намаялся... Маш, ты его завтра не буди, пусть выспится.

— Мне что? Пускай спит. Ты вон его уйми,— и показала в угол, где не переставая кричал ребенок.

Шалай послушал, почесал затылок:

— И чего, скажи, орет? Наказанье какое-то!

Сквозь сон Артем отчетливо различал громкие близкие голоса, но пробудиться, открыть глаза было выше всяких сил.

А в уши так и лез чей-то назойливый скрипучий голос со слезой:

— Самовар-то чей? Нет, ты скажи — чей он?.. А что я вижу? Чаю заварили да сами весь и выхлестали. Разорвало бы вас!

— Там и тебе осталось,— хрипел спокойный голос.— Не скули, надоело.

— Разведенный-то кому охота? Сама его пей!

— Не барыня, выпьешь. А не хочешь — не надо. Другие выпьют.

Перебранка заставляла Артема засовывать голову под несуществующую подушку. В детстве, дома, он так и делал, чтобы продлить утренний сон. Но здесь от ругани не было никакого спасенья. Разговор шел прямо над его головой. И он сразу все вспомнил...

Было уже светло, и барак, где он ночевал, давно проснулся. В коридоре за дверью гулко топали, где-то однообразно гремело железо рукомойника.

Близко возле своего лица Артем увидел две пары бедно и неряшливо обутых ног. Сидевшие за столом работницы схлебывали с блюдец горячий чай и лениво переругивались со старухой на печи.

— И щепки все сожгли! Я собирала, собирала... Для вас я напасла, что ли?

— Еще соберешь,— отозвалась хриплая работница, наливая из помятого самовара в чашку.

— Да цыц вы, дьяволы! — гаркнула на них изможденная костлявая женщина, выглянув из-за занавески.— Как с цепи сорвались!

Работницы, смеясь, вылезли из-за стола и, едва не наступая на Артема, вышли в дверь. «Через меня шагали, пока я тут...» — подумал он.

Сапоги стояли рядом, сверху брошены просохшие портянки. Посапывая со сна, Артем стал обуваться.

В каморку из коридора вошла Марья:

— Разбудили вас? У нас тут базар с самого утра — не приведи господь. Мертвого подымут.

Тело Артема саднило, точно от уколов иголкой. Украдкой почесываясь, он не мог понять, что с ним такое, пока не заметил на рукаве клопа. Потом разглядел пятна па стене, на грязной занавеске.

— Я пошла,— объявила Марья, завязывая шаль.— Вам там чай остался. Хлеба только мало. Я уж девчонку не бужу, пусть спит.

От чая Артем отказался.

— Попейте,— сказала Марья.— Чай горячий, свежий.

В коридоре у рукомойника с лоханью Артем умылся, крепко вытер лицо подолом рубахи. Он был доволен, что удалось как следует выспаться. Когда-то еще придется!

В конце коридора кто-то ударом ноги сильно распахнул дверь, показался еле одетый Жмаченко с рукой на перевязи.

— Ты чего это, Тимофей? — окликнул Артем.— Руку сжег?

— Да сжег не сжег, а что-то как вступило — вот сюда, аж до самого плеча, до шеи самой. И руку поднять — боль, и дыхнуть не могу.

— Чего же так надсаживаться? Полегче надо.

— Да ведь как? Перво — и лавке задолжали, потом — из деревни письмишко пришло, подсобить просят. А тут заказ срочный, заработать можно. Суток двое мы без роздыху. Иду с работы и сплю. Шел, шел да в столб — тресь! Проснулся. А квартальный: «Пьян, каналья?» А какой я пьяный?.. Ладно стоять-то, Федор Андреич, к нам пожалуйте. Тут ваш знакомый лежит.

Знакомым оказался Степан, постоянный напарник Ша-

лая, раненный в стычке с казаками. Парень сидел на топчане, застланном стеганым деревенским одеялом из цветных лоскутков. Грудь Степана забинтована, он упирался руками в край лежанки и тяжело дышал.

— Опять поднялся? — напустился на него Тимофей.

— Сил никаких нет лежать,— пожаловался Степан.— Посижу. Может, полегче станет.

Тогда, перед митингом, Артем как следует не разглядел его. Рубаха туго облегала плечи парня. Тело у Степана было еще деревенское, с избытком, завод не успел его высосать. Но лицо уже отмечено несмываемой печатью: прокаленное, с потрескавшейся кожей, с опухшими, как бы слегка подслеповатыми глазами от постоянного соседства с огнем и раскаленным металлом.

Тимофей пожаловался Артему:

— Шалай его мутит. Придет, наговорит, наговорит — этому и не лежится! А тут еще история вчера. Шум ночью не слыхали? Ну, значит, спали. Дочку замуж один отдавал, другими словами — свадьба. Ну, мастера позвал, Федотку Молостова. И вот идет Федотка из гостей, а темень — глаз коли! А кто-то кы-ык треснет его колом по спине! Если бы в голову — каюк. А так он лег и только часа через два очухался. Хорошо, Валет в участке ночевал, а то бы на него подумали.

Лицо Степана сморщилось от боли:

— Не вовремя я свалился. Вчера девчонка у Валета, капелюшная еще такая, а что говорит! Гляжу — плачет. «Ты чего?» А она: «Казаки, говорит, нас всех решат, конями стопчут!»

Огромный, как кувалда, кулак Тимофея сжался:

— Это она бабья наслушалась. Дались им казаки! Всех не решат!

— А мы тут, Федор Андреич, с этой делегацией вчера шумели... Ну, которой к директору идти. «Нечего,— говорю,— с ними разговаривать. Это они нам рот замазы-

вают, пока боятся». Так поди поговори! Федор Андреич, неужели и ты с ними пойдешь?

— А что, убудет меня? — пошутил Артем.

— Да ведь хитрят они, собаки, тянут чего-то. Будь их сила, разве они так с нами говорили бы? А то мы их не знаем!

— Сходим, поговорим,— сказал Артем, прощаясь.— Давайте выздоравливайте поскорей.

Одеваясь, Артем нашел свою тужурку на ребятишках, спавших на широкой лежанке возле окошка. Долговязая белобрысая девчонка разметалась, дышала открытым ртом. Рядом с ней из-под тужурки торчали голые ножонки грудного ребенка. Будить детишек было жалко.

— Бабушка,— негромко позвал Артем,— чем их укрыть? Мне уходить надо.

— Бери, бери... Ничего им не поделается. Все одно сейчас Валет придет. Он тут всех подымет.

Осторожно подняв куртку, Артем увидел безмятежное личико младенца, слабо сжатые кулачки. По груди ребенка полз клоп. Смахнув клопа, Артем ощутил пальцами неприятный холодок и приложил к тельцу ребенка руку.

— Бабушка,— крикнул он,— он же мертвый!

— И-и...— затянула старуха,— значит, отошел. То-то и затих, сердешный. А уж орал-то! Ну да вот мать с работы прибежит, приберет.

Шаря ногой приступку, она полезла с печки.

— Отмучился. Зима придет, всех приберет. За лето народят их, а за зиму всех перетаскают на могилки.

Она пихнула спящую девчонку:

— Стешка... Ну, дрыхнет! Хватит вылеживаться. Ишь, барыня! Вот как возьму за косы...

Девчонка поднялась и с закрытыми глазами ушла за дверь. Мертвый младенец лежал с краю топчана, сжав слабые кулачки.

— Там тебе чай оставили,— сказала старуха Артему,

передвигая по каморке негнущиеся ноги.— Не будешь, что ли? Тогда я допью, пока эти халды не явились. Выпью, разогрею душеньку...

На улице стояло ясное, с заморозком утро. Артем никак не мог забыть безмятежного личика мертвого ребенка. Потом он вздохнул и крепко зажмурился. День прошлый остался позади, начался новый день.

Глава одиннадцатая

Коричневое, с нездоровыми морщинами, лицо господина Рицонни, директора Харьковского паровозостроительного завода, болезненно дергалось, изгиб длинных бледных губ выражал страдание и отвращение. Он сорванным голосом кричал на подчиненных и, сверкая желтоватыми белками глаз, держался за правый бок. Проклятая печень! Проклятая страна! О, стадо дураков! Хотя бы один умный человек рядом!.. Рицонни поминутно хватал стакан с лечебной водой, отхлебывал и морщился, едва сдерживая себя, чтобы не запустить стаканом в трусливую физиономию служащего, всей своей фигурой изображавшего рабскую готовность кинуться исполнять любое приказание. Исполнять? Спрашивается, что можно поручить такому болвану? Принести другую бутылку?

Знающий, толковый инженер, Рицонни умел и любил управлять заводом. Сознание, что промышленность — становой хребет современного государства, выработало у него твердый, властный взгляд и хозяйский тон с каждым, у кого была необходимость к нему обращаться. Если бы не печень, все было бы прекрасно! Но сегодня к болезненному приступу прибавилась целая гора неприятностей по заводу. Собственно, главные неприятности начались еще вчера, когда ему позвонили домой и, оторвав от гостей, панически доложили, что по решению какого-то

Федеративного Совета будет прекращена подача электричества. О, что потом было! Он чуть не разбил телефонный аппарат, названивая всем, кто обладал в губернии хоть каплей власти. Ловкие чиновничьи увертки тех, к кому он обращался, привели его в бешенство, и он прокричал в раскаленную трубку, что каждый, черт возьми, должен сознавать свои обязанности, пускай уважаемые господа подумают над тем, чтобы он и его завод могли работать спокойно! Мало того, что ему пришлось пойти на уступки чернорабочим и самому улаживать дурацкую историю с расстрелом митинга, мало того, что он, как это по-русски говорится, из кожи лезет, чтобы не допустить всеобщей забастовки, так теперь еще всплыл какой-то Федеративный Совет. Интересно, за что уважаемые господа получают жалованье? Увольте, он, Рицонни, не может брать на себя полностью их функции, да и не хочет. У него — сто чертей! — на руках завод и срочный — слышите? — срочный заказ на паровозы!..

Ночью он приехал на завод и первое зло сорвал на дрыхнувших охранниках-черкесах. Стало вроде бы легче... Потом он убедился, что мартеновский цех работает, следовательно, «козла» в печах, как надо было опасаться, рабочие не допустили. «Это по-хозяйски»,— про себя одобрил он. Потом, видимо, сказались утомление, болезнь, неуют чужой страны, и он вдруг с сожалением подумал, что дернуло же его принять приглашение и бросить спокойное — правда, не столь доходное — место в Бельгии.

За годы, что Рицонни провел в России, он многое понял и во многом разочаровался. Прежде, как инженер, он знал одно — машины. О рабочих он почти не думал. Рабочие существовали, как основной капитал предприятия, куда его позвали служить, для него они были не больше чем навечно установленные трубы или кирпичи в стенах цехов. В России он узнал первое разочарование... Началось с каких-то странных бумажек, подбрасываемых в

бараки и в цеха. Потом эти хождения по улицам с песнями и флагами!.. Как инженер он почувствовал свою беспомощность. Не машины подводили и вызывали паралич завода — люди! Их невозможно было исправить, невозможно заменить, с ними надо было разговаривать. Но он же инженер, а не болтун! И Рицонни не заметил, как здесь, в России, он потерял свою всегдашнюю уверенность в завтрашнем дне.

Жизнь в России все же кое-чему его научила. Уступка чернорабочим была как раз от этой науки. Но если бы кто-нибудь знал, чего ему стоило убедить господ из правления завода! Он долго доказывал, что лучше потерять копейки, чем сотни и тысячи. Он, кажется, переступил грань вежливости, втолковывая им, что бешеная колониальная выгода, которую они получают за свой капитал в России, должна в конце концов вынудить их раскошелиться на необходимые расходы. Чтобы беспрерывно получать, надо что-то и отдавать, иначе можно потерять все. Он уже и без того изобрел систему подачек из штрафного фонда, то есть, по существу, задабривает рабочих подачками из тех средств, которые отнимаются у них же посредством штрафов. Кое-кого удается задабривать, выделяя обрезки досок для строительства хибарок, дрова для отопления. А недавно он хотел пойти еще дальше: изготовить свое чучело — да, чучело директора завода! — и поставить его у ворот. Пусть любой рабочий, если есть охота, поколотит это чучело. Поколотит — и успокоится... И пусть господа не улыбаются, здесь нет ничего смешного. Времена сейчас такие, что думать надо не о машинах, а о людях. В них все трудности, только в них. С машинами проще. К примеру, исполинский паровой молот в кузнечном цехе он думает заменить электрическим. Старый ненужный молот бросят в печь и переплавят на что-нибудь другое. Но с рабочими так не поступишь. О нет, избавь вас бог от этого! Слышали, в Петербурге глупое правительство не нашло

ничего умнее, как объявить локаут и выбросить на улицу сразу сто тысяч рабочих. Неужели трудно догадаться, что если каждый из них возьмет в руки по камню... А ведь не камни они берут — в казаков стреляли из револьверов и бросали бомбы. Ах как нужен сейчас умный, твердый человек! Кто, кто сможет вернуть славные спокойные времена, когда рабочий продавал себя и оставался доволен своей сделкой?

Брезгливым жестом Рицонни приказал служащему заменить бутылку с лечебной водой и, откинувшись в кресле, с невыразимой мукой приспустил коричневые веки. Сейчас ему предстояло *разговаривать* — вчера он согласился встретиться с представителями бастующих рабочих. Видит бог, он пошел на это, чтобы спасти срочный заказ. Гигантская неустойка ударит по карману господ из правления завода.

Вчера, после напряженного разговора с вице-губернатором, Рицонни вызвал фабричного инспектора. Зачем? Теперь он понимал, что это было следствием паники с его стороны, поисками возможности отвертеться от встречи с забастовщиками. И действительно, фабричный инспектор ничем не помог ему, а настроение испортил еще больше: взял и выложил сногсшибательную новость. Оказывается, Петербургский Совет, едва народившись на белый свет, с первых же своих шагов обнародовал воззвание, обращенное — к кому бы вы думали? — ко всем правительствам земного шара! Совет предупреждал эти правительства, что денежные займы, которые получает за границей русский царь, народная власть России не признает и, естественно, платить по ним не будет. Инспектор сообщил это Рицонни с похохатыванием, однако директору, ломавшему голову над тем, как уберечь завод от забастовки, было не до смеха. «Вот попробуй не поговори с такими!»

Перед тем как пригласить в свой кабинет представителей бастующих, Рицонни распорядился вызвать инже-

нера Творожникова. Этот деятельный, правда, не по-европейски замороженный в манерах человек был единственным из всего окружения, кто действовал на директора успокаивающим образом.

Делегацию выборщиков сначала выдержали на крыльце конторы. Представительный швейцар, завидя рабочих, насупился, выставил бороду и пальцем велел им остановиться.

— Позовут,— негромко обронил он.

На взгляд Артема, делегацию манежили специально. Здесь, в конторе, куда не было доступа даже мастерам, решимости у рабочих должно убавиться. Да и как не убавиться? Господин Рицонни не боится самого губернатора, а городовые, завидев его автомобиль, опускают руки и вытягиваются.

Покуда тянулось ожидание, старик Андрей Машкин рассказывал, сколько ему, похоронив Павлушку, пришлось обить порогов. Ответ везде один: парень погиб по собственному недосмотру, администрация завода никакой ответственности не несет. Снисходя к беде семьи, потерявшей кормильца, больничная касса из пятисот рублей, обещанных директором, выдала сто.

— Жульство одно кругом... господи боже, сколько кругом жульства! — Старик качал сухонькой головой.— Советовали мне в суд подать, я к человеку одному ходил. Куда там! Мастер — к инженеру, инженер — к директору, директор — к губернатору. Концов не сыщешь!

— Неуж и губернатор берет? — наивно вытаращил светленькие глазки смирный старик Неелов.

— Нет, отталкивает! — сердито буркнул Машкин.

Выборщики поглядывали на окна второго этажа и потаенно вздыхали. Артем, с самого начала не веривший в успех затеи с делегацией, думал о том, что если уж выби-

рать, так надо было выбирать рабочих помоложе. У стариков робость перед начальством в самой крови.

На крыльцо выглянул служащий в пиджачной тройке, строго оглядел всю группу, точно пересчитал, и мотнул головой. Бородатый швейцар так выразительно глянул на ноги рабочих, что они враз зашаркали подошвами, счищая с сапог несуществующую грязь.

Когда поднимались на второй этаж, Машкин шепотом сказал Артему:

— Федор Андреич, ты уж... это самое... давай за всех. С нас какой спрос? Я и слова все позабыл.

На крутой лестнице Артем поддержал старика под локоть:

— Павлушку своего, дядя Андрей, тоже забыл?

В приемной их встретил другой служащий.

— Выборные? Отлично. Подождите.

И он скрылся за массивной кожаной дверью с россыпью блестящих кнопок.

В просторной, залитой светом комнате чувствовалось напряжение, какое бывает, когда начальство за той дверью. Служащие имели дисциплинированный вид, показывали выправку и скромное сознание своего места.

Стремительным шагом, не дав разглядеть себя как следует, через приемную мелькнул Творожников. С одним из служащих он на ходу обменялся условным взглядом. Служащий кивнул так, что Творожников понял: директор на месте и настроен мрачно. Перед тем как скрыться за страшноватой директорской дверью, инженер мельком глянул на рабочих, с удивлением споткнулся на знакомом лице Артема и машинально не удержался от кивка.

Служащий, ходивший в кабинет докладывать, возник на пороге и, не закрывая двери, отступил в сторону. Переталкиваясь, рабочие стеснительно вступили в огромный кабинет директора.

По-приказчичьи упираясь обеими руками в стол, Рицонни исподлобья изучал входивших. В окне за его спиной сияло солнце, на директора было больно смотреть. Сбоку стола на специальной подставке красовалась модель новенького паровоза. На стене висел какой-то круглый прибор с длинными стрелками под стеклом.

Творожников с бесстрастным видом наблюдал, как расстанавливаются перед директорским столом рабочие. Знакомая Артему фигура вылощенного инженера выражала много всего сразу: непреклонность к низшим и почтение к высшим, озабоченность делами сверх головы и в то же время особого рода достоинство, не только свое, но и достоинство учреждения, которому сто́ишь немалых денег. У Артема мелькнула мысль, что инженеру и директору перед лицом рабочих следовало бы стать плечом к плечу.

Стремясь как можно поскорее закончить дело, Рицонни одним движением откинул полу пиджака и выудил за цепочку часы, глянул на них и снова спрятал в тесный жилетный карман. Привычные, отработанные движения помогали директору маскировать свое состояние. Страдая от того, что исключительные обстоятельства побуждают его к этим унизительным переговорам, Рицонни коротко объявил: по главному пункту требования забастовщиков правление завода ответило удовлетворительно, суточная ставка чернорабочим повышается до рубля.

— Но, господа... правление надеется, что рабочие покроют свою задолженность и не допустят больше беспорядков. Забастовка забастовкой, а дело делом.

Он словно выговаривал рабочим за неразумные, но тем не менее прощенные начальством поступки. Старики покаянно переминались с ноги на ногу.

Артем отметил ловкий ход директора: Рицонни сразу пошел в наступление, поставив делегатов в позицию просителей, дожидающихся милостей начальства.

— Вы ошибаетесь, господин директор,— громко заявил

он.— Повышение суточной ставки отнюдь не главное требование рабочих. Мы требуем обеспечить нам человеческие условия работы и существования. Нас удивляет, что случай, когда погиб рабочий, остался без ответа. В любом цивилизованном государстве виновные в убийстве приговариваются к каторге. Вы же отделались сотней рублей, да и те взяли из кармана самих же рабочих...

«Этот парень не рабочий,— подумал директор, мутно поглядывая на Артема нездоровыми глазами.— Слишком грамотная речь...»

— Я помню тот случай,— кивнул Рицонни.— О нем знает правление завода. Дело передано в больничную кассу. Больничная касса не подчиняется администрации. Это внутреннее дело рабочих. В ваши дела я вмешиваться не могу.

«Так можно спорить без конца»,— подумал Артем.

Заметив его движение, директор поднял руку, прося выслушать до конца.

— Насчет главного требования... Забастовку, насколько я помню, начали чернорабочие. И я хорошо помню их главное требование. Мы его удовлетворили. Дальнейшие беспорядки на заводе недопустимы. Я снова напоминаю делегатам, что забастовка вызвала задолженность завода перед заказчиками.

— Не смешивайте долг дирекции и долг рабочих,— заметил Артем, глядя в желтые глаза Рицонни.— Рабочие ничего не должны заказчикам. Задолженность, о которой вы говорите, возникла не по вине рабочих. Это вина дирекции.

Коричневые мешочки на лице директора задрожали, но он быстро справился с собой, отхлебнул воды и медленно поставил стакан на место. Снова уперев в стол обе руки, Рицонни поднял плечи и как бы утопил в них голову.

— Безобразничать можно на улице, на заводе надо

работать. Вы не студенты, вы рабочие. У вас дети, жены. Подумайте о них. Мы, со своей стороны, идем вам навстречу. Хочу довести до сведения господ выборных, что правление выделило двадцать тысяч рублей на организацию технического училища. Это даст возможность учиться вам и вашим детям. Со временем некоторые из вас могут стать даже инженерами.

Он взглянул вбок на Творожникова, как бы демонстрируя его в качестве примера.

Снова раздался голос Артема:

— За заботу спасибо. Но не лучше сделать так: пусть правление передаст эти двадцать тысяч самим рабочим? Они сами решат, как с ними поступить. Зачем вам вмешиваться в их дела?

Рицонни с неприязнью вздернул подбородок. Без сомнения, этот дерзкий молодой человек, стоявший впереди группы, был у выборных за коновода.

— Почему молчат остальные? — спросил директор и указал на старика Машкина: — Почему молчите вы? Я знаю русские обычаи. Сначала должны говорить пожилые люди, а молодые должны слушать и учиться.

— Мы что же...— вздохнул дядя Андрей, выдерживая взгляд директора.— Ясное дело, милостыню нам просить не с руки. Век работаешь — да идти с протянутой ладошкой? Человеки же, не побирушки! А деньги... Знамо дело, у мира они сохранней будут. Копейки зря не пропадет. Свой глаз — алмаз.

Пока Рицонни с усилием вникал в сбивчивую речь рабочего, Артем торжествующе опустил блеснувшие глаза. Молодец старик!

— Жаль,— мрачно изрек директор.— Приходится признать, среди вас дурное влияние. Пропаганда. Я знаю, хороший русский рабочий любит свою родину. Вас мутят студенты и евреи.

— В нас стреляют...— голос Артема зазвенел,— в нас

стреляют русские же люди! Вы знаете, что среди ваших рабочих имеются раненые?

— Почему казаки не стреляют в меня, в него? — насмешливо спросил Рицонни и показал на Творожникова.

Глаза Артема и Творожникова встретились. Инженер сказал:

— Зачинщиками были не казаки. На них напали. Мы выяснили.

— Они напали на митинг! — настаивал Артем.— Право рабочих на собрания подтверждено царским манифестом.

— На здоровье! — усмехнулся Творожников.— Но почему вы не допускаете мысли, что казаки явились охранять ваш митинг от эксцессов? Это их обязанность. Так заведено в каждом цивилизованном государстве.

— Но мы же говорили с офицером! — загорячился Артем.

Творожников остановил его жестом руки:

— Офицер мог быть не прав, не спорю, его действия можно обжаловать. Общественные конфликты надо решать не бомбами, как это вы привыкли, а конкретными запросами в парламенте. Дискуссиями. Хватит дикости, учитесь жить по-европейски.

Рицонни, выставив животик над столом, слушал и кивал с довольным видом.

— Молодой человек,— отечески попенял он Артему,— вы плохо кончите. Зачем вы смущаете людей? Эти люди,— он указал на делегатов,— хотят спокойно жить и работать. На что вы их толкаете?

— Чтобы они могли спокойно жить и работать, им нужны права не на бумаге, а на деле! Мы этого и добиваемся.

Как бы давая время остыть горячим, одним духом выпаленным словам Артема, директор выдержал небольшую паузу.

— Эти вопросы я решать не уполномочен,— заявил он и снова проделал манипуляцию с часами.— Какие претензии у вас лично ко мне?

На этот раз директор обращался непосредственно к Артему.

— Господин Рицонни, вы не допускаете мысли, что рабочие должны участвовать в управлении заводом? Тогда такие случаи, как недавняя смерть рабочего в механическом цехе...

У директора подскочили брови:

— О нет! — Он даже поднял руку, словно защищаясь.— Завод — слишком сложное производство. Это совсем не то, что ходить с флагами по улице. Как это могло прийти вам в голову? Я же говорю — среди вас вредное влияние. Я догадываюсь: Германия, да? Маркс! Я не ошибаюсь?

— Ошибиться трудно,— сказал Артем.— Но почему вас пугает германское влияние? В Германии рабочий человек живет намного лучше, чем в России. Вы это должны знать... Кстати, на те деньги, на двадцать тысяч, мы могли бы сделать так: послать нескольких наших рабочих в Германию. Посмотреть, сравнить. Поучиться.

— Это идея,— согласился директор и с одобрением показал Творожникову в сторону Артема.— Я согласен послать рабочих для знакомства с производством. В Германии хорошее производство. Но нужно разрешение правления. Я обещаю запросить и сообщу вам.

Рицонни был рад возможности закончить разговор. Поняв желание директора, Творожников сделал шаг к двери, намереваясь выпроводить делегацию, однако Артем остановил его:

— Но ведь двадцать тысяч... они же в вашей власти! — сказал он директору.

Теряя терпение, Рицонни глубоко потянул в себя воздух:

— Я не говорил — нам выдали двадцать тысяч. Я говорил — нам выделили. У меня в кармане этих денег нет.

— Важно,— стоял на своем Артем,— что правление вынесло решение. Вопрос в том, как с большей пользой их употребить. Разве у нас не об этом разговор?

— Нет, нет! — категорически запротестовал директор.— Никакого самоуправства. Обещаю вам — о том, чтобы послать рабочих в Германию, я буду ходатайствовать. Это все!

— Где гарантия,— ввернул Творожников,— что эти деньги будут израсходованы по назначению? Кто ответит перед правлением? С кого спрос? Двадцать тысяч — деньги немалые.

Не отвечая сразу, Артем холодно смотрел в благополучное лицо инженера.

— А вы, что же, заранее предполагаете кражу?

— Ну, этого, допустим, я не говорил,— смутился Творожников, потеряв свой неприступный вид.— Хотя, по сути дела... Сами судите! У нас сейчас срочный заказ на двадцать три паровоза, а вы, извольте видеть, нисколько не стесняетесь наносить нам удары в спину. Как же это называется у порядочных людей? Это больше чем кража.

— Словечки-то... Удар в спину! — усмехнулся Артем.— Не забывайте, что ни я, ни один из рабочих не состоим концессионерами завода. Маленькая разница, как видите!

— Ах вот вы как ставите вопрос!

— А как еще прикажете?

Рицонни, быстро взглядывая то на одного, то на другого, не мог понять, о чем они говорят. Но раздражение Артема он уловил и по-французски скороговоркой предостерег инженера:

— Finissez, donc! Ne reveillez pas le chat qui dort! *

Загородив собой Творожникова, директор дружелюбно объявил всей группе выборных:

— Обо всем, что вы просите, я поставлю в известность правление. Уверен, вам пойдут навстречу. Мы всегда идем навстречу... Хочу просить вас об одном. Вы хорошие рабочие, поэтому занимайтесь своим делом и не слушайте тех, кто вас смущает. Эти люди не хотят вам добра. Я все сказал.— И Рицонни, довольный собой, стал обходить делегатов, пожимая каждому руку.

Когда очередь дошла до Артема, тот задержал директорскую руку и, будто по секрету, сказал ему:

— Je peux vous donner le même conseil à propos le chat qui dort **.

Не отнимая своей руки, Рицонни с ошеломленным видом уставился на молодого человека. Потом сквозь нездоровый цвет лица на его щеках проступила краска. Артем с улыбкой поклонился и первым направился из кабинета.

Натягивая кепки, рабочие с облегчением покинули контору.

— Федор Андреич,— почтительно обратился старик Неелов,— это ты по-каковски с ним лопотал-то?

— Да так... Не по-нашему...— Артем сейчас думал о том, что представители воинских частей уже, наверное, ждут его на Сабуровой даче.

— А о чем? — допытывался Неелов.— Я гляжу, его как в лоб хватили!

— Да так... Хотел я, видишь, уговорить, чтобы тебя каким-нибудь начальником назначили.

---

* — Прекратите же! Не будите кошку, которая спит! (Пословица, соответствующая русским: «не дразни гусей» или же «не буди лиха, пока лихо спит».)

** — Могу вам дать тот же совет по поводу спящей кошки. (Франц.)

Старик захохотал:
— Не хочет?
— Пока нет. Но подожди, захочет.

Глава двенадцатая

Лекция Милюкова, о приезде которого в Харьков было столько разговоров, состоялась в зале губернской земской управы.

Билет на лекцию Артему передала фельдшерица Даша Базлова. Доктор Тутышкин сдержал свое обещание и билеты достал.

— Петр Петрович просил его не ждать,— сказала Даша.— Он придет позднее.

На лекцию Артем отправился с Дмитрием Бассалыго. Студент Технологического института, Дмитрий начал революционную деятельность с организации кружков среди учащейся молодежи. Это он свел Артема с ординатором Сабурки Тутышкиным. Знакомство произошло на квартире врача Мерцалова, где в первые дни собирались большевики... Сейчас оба брата, Дмитрий и Константин, возглавляли боевые дружины «артемовских гвардейцев». Решительные, смелые, беззаветно преданные делу парни чрезвычайно нравились Артему. Как правило, если затевалась какая-нибудь особенно рискованная операция, он обращался к ним.

Освещенный подъезд земской управы кишел людьми. Одна за другой подкатывали коляски. Важно проплывали строгие, чопорные цилиндры и скрывались между высоких колонн. Раздавался звон шпор. Дамы нетерпеливо спешили к гардеробу, заранее высвобождая из мехов голые надушенные плечи. Гардеробщики таскали вороха одежды.

Артем и Бассалыго, принаряженные как приказчики, благополучно миновали контролеров. Дмитрий незаметно поглядывал по сторонам.

— Представляешь,— спросил он,— сколько здесь сегодня филеров?

— Но я надеюсь, что и наши есть? — заметил Артем.

— Еще бы!

По просторному фойе по кругу неторопливо двигался поток гуляющих.

Отправляясь на лекцию, Артем с помощью Дмитрия неузнаваемо изменил свою внешность. Накладная бородка неприятно стягивала кожу на лице, Артем поминутно трогал ее.

С заложенными за спину руками Дмитрий наклонялся вбок и негромко называл Артему «отцов города», явившихся послушать Милюкова. Он украдкой указал на нескольких думцев, так испугавшихся недавно представителей Федеративного Совета. Потом Артем увидел доктора Якоби, главного врача Сабурки. Само собой, Якоби не узнал в щеголеватом приказчике больничного техника по водопроводным трубам.

— Ого... сам! — проговорил Дмитрий, указывая на полковника Рыковского, начальника губернского жандармского управления. Здесь же был его помощник — подполковник Нордберг, а также товарищ прокурора окружного суда Науменко.

Эсера Забелина и товарища Владимира друзья увидели в окружении преподавателей университета и ветеринарного института. Никто из группы даже не взглянул на двух гуляющих приказчиков. О Забелине Артем подумал: «Этот сегодня что-нибудь обязательно выкинет!» Забелин был известен в городе как отчаянный скандалист.

Мелкими шажками просеменил толстенький генерал в просторном мундире, в мотающихся сзади штанах с лампасами. Поверх ворота мундира в седом редком волосе краснела полнокровная кабанья шея.

Генерала безукоризненно приветствовал молоденький офицер, гуляющий с миловидной барышней. В офицере

Артем узнал Костю Бассалыго. Его спутница не удержалась и скосила на «приказчиков» веселые глаза. Это была Даша Базлова.

Всякий раз, проходя мимо беседующих преподавателей, Артем слышал обрывки разговоров:

— Религиозный радикализм апеллирует к внутреннему существу человека...

— Поскольку безрелигиозный материализм вовсе отметает проблему воспитания, неизбежен политический импрессионизм!

— ...метафизическая абсолютизация ценности разрушения...

Невольно вспомнилась только что виденная сцена у подъезда земской управы. У извозчика сломалось колесо, он застрял в самом неподходящем месте, и квартальный надзиратель, наливаясь кровью и сжимая кулаки, орал на него:

— Я кому сказал, морда? Я к-кому говорю, дубина? Ты что, не русский?

— Никак нет,— лепетал испуганный извозчик, моргая свежеподбитым глазом,— мы самарские...

Эсер Забелин уже сейчас, еще до начала лекции и объявленного диспута, нервно терзал свои растрепанные волосы и визгливо перебивал беседующих:

— Правительство довольствуется уличным энтузиазмом, но он обманчив, ибо толпа переменчива в своих настроениях!

В толпе гуляющих на него оглядывались, порхали усмешки.

Время было идти в зал и занимать места. Кресло рядом пустовало — доктор Тутышкин безнадежно опаздывал.

В самую последнюю минуту, по-гвардейски позвякивая шпорами, в первые ряды быстро прошел Костя Бассалыго со своей барышней. Впереди через два ряда под-

нялся Анатолий Галкин, он кого-то настойчиво высматривал среди сидящих, но вот увидел «приказчиков» и успокоенно опустился на свое место.

Появление Милюкова вызвало ровный шум рукоплесканий. Лектор с барственным достоинством пронес белоснежную голову, сдержанно кивая красноватым лицом. Он не позволял себе ни одного лишнего жеста. «Англичанин»,— шепнул сбоку Дмитрий.

Приват-доцент, историк, Милюков начал свою лекцию с краткого изложения предыстории нынешних событий. И лишь «раскатившись» таким образом, перешел к злобе дня, причем сделал это так, будто нарочно подзадоривал своих будущих оппонентов, упрекая всех собравшихся в зале в ненормальности сегодняшнего российского политического быта.

— Русская интеллигенция, проникнутая хорошими чувствами, обладающая добрым сердцем, не в достаточной, однако, степени владеет трезвым пониманием нашей суровой действительности. Общество у нас остается фантазером, свои грезы и мечты принимая за действительность, и эту последнюю оно облекает в краски своих золотых грез и мечтаний. Ей кажется все так легко осуществимым!

От первых камешков лектора в напряженный омут зала стали расходиться несмелые круги ропота, но несколько голосов, зашикав, погасили возникший было шум.

— Когда русский мыслящий человек,— продолжал Милюков, слегка откидывая назад свою белую породистую голову,— оглядывается кругом себя, он видит безнадежность своих порывов: он не видит сил вокруг себя, которые бы обещали скорое наступление лучшего будущего, он вынужден сидеть у моря и ждать погоды с тоскою и болью в сердце, сопутствующими этому сидению у моря сложа руки.

Закаленный в диспутах боец, Милюков умело подни-

мал градус возбуждения слушателей. На фоне ровного гудения зала его бесстрастный, но отнюдь не бесцветный голос обретал особенную силу обличения.

— Сидение у моря не остается бесследным. Оно парализует волю человека, отучает его от активной работы, и вместо дела у нас являются на сцену слова. Это — особая болезнь, развивающаяся в нашей удушливой атмосфере. Она принимает разные формы в разных слоях нашего общества. Одни беспрерывно кутят, другие вечно пьют, третьи просто молча уходят из жизни...

— А ничего старик-то, а? — спросил Дмитрий.

На молодых людей зверем обернулся чиновник в очках, его глаза сквозь толстые стекла показались Артему чудовищными.

— ...Мы, русские люди, к великому сожалению, пока еще неопытные, незрелые зодчие общественной жизни... Россия всегда верила тому, кто кричит, а не тому, кто безмолвствует... Наше правительство не опирается ни на одно нравственное начало. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности, к чувству приличий нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но нисколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы разрушаем храмы, конфискуем имущество, систематически разоряем то, что не конфискуем, ссылаем десятки тысяч людей, позволяем бранить именно проявление человеческого чувства, душим, вместо того чтобы управлять. Мы — смесь Тохтамышей с герцогами Альба... Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европе... И мы еще толкуем о величии России!

В заключение лектор с горечью признал, что русское общество нуждается в скором и решительном лечении. Роль докторов он отводил неким людям, которые знали выходы из самых безнадежных положений, имели муже-

ство с надеждою смотреть вперед, умели опытной рукой держать тяжелое кормило власти.

Белоснежный платочек, которым Милюков утомленно тампонировал свой лоб, сливался с его ранней яркой сединой, и Артему издали казалось, что этот платочек лектор достает и прячет там же, в белой седине на голове.

Оппоненты набросились на Милюкова с остервенением. Чувствовалась обида провинциалов. Низенький горбун, которого Артем видел на именинах Екатерины Феликсовны, обиженно вещал, едва высовываясь из-за трибуны:

— Пора перестать русской интеллигенции изображать из себя мудрого пескаря, который думает, что стоит сказать о справедливости, как последняя сейчас и водворится сама собой!

Но вот на сцену выскочил всклокоченный Забелин, и сразу запахло скандалом. Забелина хорошо знали, «на него» даже ходили — послушать, посмотреть, и он оправдывал свою репутацию скандалиста. Выступления Забелина всегда были как острая приправа к надоевшему пресному блюду.

— Каждое общество,— со сдержанной яростью провозгласил Забелин,— заслуживает своих гениев. Но! Гения надо заслужить.— И он погрозил залу пальцем.— Прежде чем говорить о нем, надо спросить себя: достойны ли мы иметь гения? Вы,— вдруг ткнул он пальцем в зал,— косная масса под новыми сюртуками! Вы — трусость, душевная прострация и та человеческая пыль, от которой тошнит! Если придет в Россию гений, то какое отчаянное, потрясающее проклятие он швырнет в лицо России и вам, ее проворовавшимся и оголтелым отцам!

Последние слова Забелин уже кричал, надсаживая горло. Шум зала не давал ему говорить.

— Вот пусти такого в гостиную! — расслышал Артем удивленный женский голос позади себя.

Прежде чем покинуть сцену, Забелин с отвращением прокричал:

— Будьте прокляты вы, русские интеллигенты! Черт меня дернул родиться в России!

Во всем бушующем зале, пожалуй, один Милюков сохранял на лице любезную невозмутимую улыбку. Он-то видел и не такое!

После забелинской «приправы» диспут потерял всякую остроту. Когда какой-то слабогрудый, бледный господин, сильно смущающийся и оттого без конца пристегивающий «так сказать», забубнил со сцены об антисанитарии рабочих бараков и необходимости проветривать комнаты, а также делать гимнастику и учиться правильно дышать, Дмитрий Бассалыго во весь голос спросил:

— Он что — издевается?

Артем вдруг легко поднялся с места и поднял руку:

— Прошу слова!

Он пошел вперед, не дожидаясь разрешения. Сбоку, справа и слева на него смотрели с интересом, с недоумением, он запомнил блеск погон, очков и лысин, теплый и душистый воздух, согретый женскими плечами.

— Пожалуйте сюда,— пригласил его председательствующий на сцену.

— Ничего, я отсюда.

Глаза всего зала уперлись Артему в грудь. Но он не ощущал враждебности — скорей всего, потому, что знал: здесь полно и своих.

— Господин Милюков,— негромко начал он, трогая свою фальшивую бородку,— говорил завуалированно, однако понять его можно. Даже вы, хозяева жизни,— а здесь собрались одни хозяева, в чьих руках промышленность, торговля, железные дороги и все такое прочее,— даже вы недовольны вашим главным хозяином — царем! Недовольны самодержавием. Даже вы понимаете, что дальше так продолжаться не может. Что же говорить тогда о настоя-

щем народе, о тех, кто воюет с этим самодержавием с давних лет? Уважаемый лектор сказал, кажется, так: наши государи — деспоты больше по привычке, нежели по желанию или расчету. Получается, значит, что царь на троне — этакий, знаете ли, петербургский хулиган! Ловко. Выходит, вам хочется его поправить, толкнуть под руку, даже напугать, чтобы он вам что-нибудь выделил. Но народ не считает так! Народу уже хватит кусочков, его уже не накормишь грошевыми подачками. Если вам хочется куска с царского стола — пожалуйста. Но не расписывайтесь за весь народ! И не надейтесь на него, не зовите его с собой, не улещайте. Мы знаем вашу натуру, узнали. Вы хотите взять силу народа и огреть ею самодержавие, напугать его, вырвать у него то, что вам нужно, а потом навести свой порядок. Не рассчитывайте на дураков! Народ все видит, все понимает и на вашу приманку не клюнет. Времена политических дураков прошли. Рабочие не будут помогать вам добиваться власти. У них свои задачи, и вы об этом знаете. Вот они: сначала — долой самодержавие, а потом — долой и вас! Хозяином фабрик и заводов должен быть тот, кто их строит, кто на них работает...

Гул, словно подземный, возник в глубине зала, покатился к сцене, где все также безмятежно восседал Милюков.

— Минуточку! — потребовал Артем, поднимая руку. Он не опустил руки до тех пор, пока ему не дали говорить.— Думаете, у нас не хватит сил? Хватит. Вы еще должны помнить май, вы убедились в этом в июне. Об октябре я уже не говорю. Да минуточку же! — крикнул он, сердясь на то, что ему опять мешают.— Мы настроены бороться до конца. Недавно мы прекратили подачу электричества. Если потребуется, мы остановим всю промышленность, торговлю, железные дороги. Мы заставим вас уважать нашу силу. И вы скоро ее почувствуете... Да

здравствует революция! Да здравствует вооруженное восстание! Вся власть рабочим и крестьянам!

Схватив Артема за руку, Анатолий Галкин тащил его за собой:

— В курилку! Быстро!

В пустом помещении курительной комнаты их шаги звонко раздавались на кафельном полу.

— Ну вот...— Анатолий задыхался.— Раздевайся! Побыстрей, пожалуйста.

Послышался звяк шпор, и в комнату вошел «офицер» Костя Бассалыго, за ним — Даша Базлова в шляпке с откинутой вуалькой. «Офицер» стал быстро расстегивать ремни, скинул сапоги, потащил через голову гимнастерку.

— Где Шалай? — спросил Артем.

— Он с ребятами снаружи,— сказала Даша.— У подъезда.

— Ага...— Артем, принимая от Кости Бассалыго одежду офицера, поежился. — Дашенька... Неловко!

— Глупости! — напустилась на него Даша.— Я медик. Не теряйте времени!

— Ну хоть отвернитесь!

Одеванием Артема руководил Бассалыго.

— Бороду сними,— напомнил Анатолий Галкин.

Артем надел военную фуражку, Даша протянула ему зеркальце.

Прыгая на одной ноге, Костя Бассалыго с усилием натягивал сапог Артема.

— Перчатку надень на левую,— заметил он собравшемуся идти Артему.— Правую — в руке.

Опустив вуальку, Даша Базлова присоединилась к «офицеру».

В гардеробной, куда вышли «офицер» и барышня, было битком народу. Два господина, наклонив головы, точно собираясь бодаться, ожесточенно спорили.

— А я вам говорю: для состязания с Европой нужны европейские средства. Но поскольку нежелание правительства указать потоку правильное русло...

— Ба-атенька, для настоящего цезаризма нужен Цезарь!

Румяный породистый мужчина в дорогой шубе надел цилиндр слегка набекрень, ударил двумя пальцами по полям и рукою снизу вверх раздвоил свою душистую бородку. Застегивая перчатку, он как бы в примирение двух нервых с непонятным восхищением сказал:

— Да-с, умница Ларошфуко: «В океане самолюбий всегда можно открыть новые острова!»

— Пардон, господа,— обратился к спорящим мужчинам «офицер» и, заставив их посторониться, провел свою даму. Душистый господин, поглаживая бородку, проводил Дашу взглядом знатока.

Проталкиваясь в подъезде, «офицер» игриво заглядывал барышне под вуалетку и, не стесняясь, что его слышат, громко говорил:

— Ах, теперь вы раскаиваетесь? Но я же предупреждал вас — ничего интересного... У нас еще не все потеряно, мы успеем в «Аркадию»! Чудный оркестр, танцы...

Он небрежно козырнул на приветствие жандармского офицера и увлек свою спутницу к стоянке извозчиков.

Глава тринадцатая

— Как, Степа, живой еще? Сиди, сиди, я постою... Большой ты, Степа, шибко. Чего в тебя не попасть? Стреляй с закрытыми глазами. Дурак попадет.

Радуясь приходу Шалая, бледный, исхудалый после ранения Степан подвинулся на лавочке, давая приятелю место рядом.

— Нет, нет,— отказался Шалай,— некогда мне расси-

живать. Ну, бегаешь уже, говорят? Вроде видели тебя вчера на Петинской.

— Тебя искал, Ваня, разговор есть один. А ты не приходишь и не приходишь.

— Тут, брат, такие дела были — не поверишь. Ладно уж, сяду, поговорим... Соскучился я по тебе, брат, и шибко жалел, что тебя вчера с нами не было. Даже Федор Андреич о тебе справлялся. «Жалко, говорит, Степана у нас подстрелили. Без него как без рук».

— Врешь, поди? — несмело улыбнулся Степан.

— С какой стати! Сам слышал!

Степан верил Шалаю и не верил. Но хотелось верить! Сжимая и разжимая кулак, он уныло разглядывал свою руку. Ранение сильно его обессилило — казачья пуля попала ему в грудь, он потерял много крови.

— Степа, ты на Сабурке докторшу Марию Львовну знал? Да должен знать! Ее все знают... Так что ты думаешь? Этот фараон Якоби ее взял и уволил! Придрался, знаешь, то, сё. А Дашку Базлову — ну эту-то ты знаешь, видел! — в прачечную перевел. К Тутышкину без конца вяжется... Ну, мы терпели, терпели да и сказали: хватит!

— Опять забастовку? — спросил Степан, хорошо помнивший ту, первую, в защиту уволенной Даши Базловой.

Вчерашние события на Сабуровой даче, как рассказывал Шалай, развивались так. Главный врач Якоби на самом деле изводил придирками ординатора Тутышкина, фельдшерицу Базлову вдруг перевел приказом в прачки, а добрую докторшу Марию Львовну из-за какого-то пустяка уволил совсем. Причем на этот раз Якоби поступил хитрее: он добился на все одобрения губернской земской управы.

— Это неспроста,— с тревогой сказал Тутышкин Артему.

— Надо собрать весь персонал,— распорядился Артем.— Весь! Не только врачей.

— Санитаров? — спросил Тутышкин.

— Даже с кухни! Прикажите открыть конференц-зал. Вы объявите собрание, а потом дадите слово мне.

В конференц-зале главный врач Якоби обычно проводил торжественные встречи, вечера. Санитарам, сиделкам, рабочим вход туда был закрыт.

Обслуживающий персонал больницы собрался в коридоре второго этажа, но входить в зал робел.

— Ну, что вы? — обратился Артем к группе санитарок, стеснительно жавшихся в коридоре второго этажа.— Смелее надо!

Он распахнул обе половины высоких дубовых дверей, зажег в зале свет:

— Проходите, занимайте места. Никто вас не укусит.

Немолодая санитарка вдруг отчаянно махнула рукой:

— Пошли, бабы! Голову не снимут.

Всему собранию работников больницы Артем заявил:

— От имени Федеративного Совета я отменяю все унизительные распоряжения главного врача. Даже одобренные земской управой! Больше того, виновные в издевательстве над трудящимися понесут суровое наказание.

Сверху со сцены он увидел быстро пробирающегося вперед врача Ферхмана. Встревоженный Ферхман нес какое-то известие. Артем подошел к краю сцены и наклонился, они быстро поговорили.

— Ага! — сказал Артем.— Сейчас.

Он объявил собранию, что в больницу, узнав о новой забастовке, спешно прибыл представитель земства Затонский.

— Товарищи, оставайтесь на своих местах. Мы скоро вернемся.

В сопровождении Тутышкина и Ферхмана он отправился в кабинет главного врача на первом этаже.

— Господин Затонский,— говорил, волнуясь, Якоби,— я был у губернатора. Его превосходительство возмущен. Это переходит все границы. Мне обещали помощь.

Избегая смотреть в искательные глаза главного врача, Затонский морщился, как от боли:

— Помощь, помощь... Чем, смею вас спросить? Полиция сама нуждается в помощи. Вы знаете, что наряды казаков по городу приказано пускать лишь по трое? Это вам ни о чем не говорит?

— Но у себя в больнице...— вскипел Якоби и не договорил: в кабинет без стука вошли трое делегатов.

Затонский, принужденно улыбаясь, встал из-за стола, Якоби гневно отошел к окну и отвернулся.

Разговор делегатов с представителем земства был недолгим.

— Управа знает все ваши требования, господа. Я уполномочен заявить, что врач — как ее там?..— восстанавливается на работе.

— А фельдшерица Базлова? — спросил Тутышкин.

— Тоже, тоже. Все распоряжения отменены.

— Благодарим вас,— Тутышкин поклонился.

— Вы удовлетворены, господа? В таком случае соблаговолите доложить об этом там,— Затонский ткнул большим пальцем вверх.

— У нас еще не все,— сказал Артем.— Вы знаете, дороговизна в городе растет. У работников больницы семьи, дети. Жалованье их отстает от роста цен.

— Довольно, я вас понял. Я доложу. Думаю, что земство не останется глухим. Что еще?

— Еще? Еще мы требуем убрать главного врача больницы. Он груб, нетерпим с работниками. Все возмущены.

Изо всей силы Якоби треснул ладонью по столу:

— Что-о! Хамы! Вон отсюда! Я вам покажу!..

В ожидании ответа на свои слова Артем спокойно глядел на Затонского. Воплей главного врача он будто не

слышал. Представитель земства, полузакрыв глаза, сжал пальцами виски и покачал головой.

— В таком случае,— объявил Артем,— забастовка продолжается.

Трое делегатов повернулись уходить, Затонский их задержал.

— Мне жаль,— сказал он больным голосом,— но я должен предупредить, что в этом случае земство вынуждено принять меры. Да будет вам известно, нам обещали санитаров из военного госпиталя и медицинских сестер.

— Хорошо,— кивнул Артем,— мы доложим собранию. Но не забывайте, что у нас в распоряжении вооруженная рабочая дружина.

И делегаты вышли.

Через полчаса собрание постановило: первое — удалить Якоби из больницы силой, второе — избрать комиссию, которой передать все управление больницей.

Главный врач в это время вместе с Затонским находился на кухне, где шла раздача обеда. Артем, Тутышкин, Ферхман в сопровождении Шалая и двух дружинников, вызванных с завода, спустились вниз. Гремели металлические чашки, сваливаемые ворохами в мойку. Повар, красный от пылающей плиты, не переставая орудовал громадным черпаком.

— Господин Якоби,— обратился Артем,— минуточку... По решению коллектива вы отстранены от должности. Прошу вас покинуть территорию больницы.

Главный врач остолбенел. У повара, застывшего возле плиты, из черпака полилось на пол.

— А в полицию, мерзавцы, не хотите? — сдавленным шепотом произнес Якоби и вдруг затопал ногами: — Вон отсюда! Вон!

— Ввиду неподчинения,— официальным тоном констатировал Артем,— мы вынуждены применить силу.

Он предоставил действовать Шалаю и дружинникам.

Свое дело Шалай знал хорошо. Он попросил Затонского посторониться, чтобы дать подъехать дружиннику с тачкой, на которой кухонные рабочие возили овощи, картофель и очистки.

— Добром не хочет — поможем,— проговорил он.

Вдвоем с дружинником они легко подняли тучного Якоби и опрокинули его в грязную тачку. Хватая воздух открытым ртом, главный врач был близок к обмороку. Затонский даже зажмурился от ужаса. В кухне прекратилось всякое движение.

Шалай поправил задравшиеся ноги главного врача и скомандовал:

— Трогай!

Ногами вперед Якоби повезли к воротам больницы. Шалай шагал рядом с тачкой и нажимал ему на плечо.

— Открывай! — заорал он издали охраннику.— Чего рот раззявил?

Перепуганный охранник обеими руками ударил в створки ворот.

— Вываливай его к чертовой бабушке!

Дружинник ловким отработанным движением опрокинул тачку в канаву. Якоби, брякнувшись на землю, приподнялся, потом снова лег на бок.

— Затворяй! — разрешил Шалай охраннику.— Но смотри у меня: если пустишь его еще раз — во! — показал кулак.— Гони в шею. Понял?

Обязанности главного врача больницы принял Ферхман. Были созданы три комиссии: хозяйственная, ревизионная, административная. На другой день, принимая Ферхмана в земской управе, Затонский одобрил все решения больничного собрания и на прощание сказал:

— Откровенно говоря, мы с этим Якоби замучились. Уж очень груб!.. Ну, счастливой вам работы, до свидания.

Рассказав об этом происшествии своему раненому другу, Шалай добавил:

— Такие вот дела, брат Степа. Сейчас и в Александровской больнице сделали по-нашему, и в Николаевской. А скоро и во всем городе так будет. Хватит ждать. В Петербурге уже рабочее правительство, слыхал? Ну как же! И в Москве, говорят... Ты давай поправляйся поскорей. Мы тут на днях с солдатами объединимся, кой-кого за шиворот возьмем. А что? Ты вот пролежал, не знаешь. Солдаты, брат, сейчас целиком за нас. Им только мигни — враз весь город разнесут!

Слушая товарища, Степан завидовал: такие дела творятся, а он лежит! Так все самое главное пролежишь.

— Ты вот что, Вань. Поговорить с тобой хотел. Вчера даже искать пошел... Ты Хитяева знаешь?

— Из механического? Это не он, когда Павлушку Машкина убило, хотел мастеру горло вырвать?

— Он самый.

Первые подозрения у Степана появились еще на похоронах Павлушки. Полиция тогда провожала гроб до самого кладбища. Хитяев несколько раз спрашивал Степана:

— А что же никто не выступит, не скажет этим кровососам? Артем ваш знаменитый. Хоть глянуть бы на него! Боится, видать?

Хитяеву ответил старик Неелов:

— А чего тут говорить? И без слов понятно все. Голова есть — сам соображай.

Хитяев даже расстроился, что похороны прошли тихо, без стычки с полицией.

А несколько дней назад Стешка, девчонка Марьи и вечно пьяного Валета, прибежала от Хитяевых в слезах и пожаловалась, что ее прибила Хитяиха.

— Сама виновата,— сказала ей Марья.— Сколько раз говорила: не ходи к ним, играй дома! Ну, не вой, а то еще поддам.

Жалея девчонку, Степан привлек ее к себе, стал уте-

пать. Стешка перестала плакать и рассказала, что произошло. С двумя хитяевскими ребятишками она играла у них в хибарке, дома не было ни матери ни отца. Мальчишка сильно толкнул ее, и она ударилась бы головой, если бы не успела схватиться за край грязного лоскутного одеяла, которым была прикрыта кровать. Под верхним затасканным одеялом оказалось еще одно — новенькое, из малинового атласа. Красота была такая, что девочка замерла от восхищения. Хитяевские ребятишки испугались и кинулись поправлять постель.

— Ты что, дурная? — зашипел на Стешку мальчишка.— Ну́ мамка увидит... вот задаст!

Со двора вошла Хитяиха с ворохом выхлопанных тряпок и сразу все бросила из рук.

— Ах вы... пропасти на вас нету! Кто это сделал? Ты?

Она вцепилась Стешке в волосы и принялась таскать...

Сначала Степан не мог понять: эдакая злоба на ребенка! Позднее ему вдруг стукнуло в голову: а с какой стати так скрывать обнову? Не ворованная же! Правда, Хитяиха да и сам Хитяев все время жалуются на дороговизну, на прожорливость ребятишек,— еле сводят концы с концами. Да и на избушку издержались, сами строили. Но тогда откуда вдруг обнова, да еще такая? На рабочие копейки атласного одеяла не построишь. Позавчера Степана встретил сам Хитяев и потянул в гости — под тем предлогом, что тот еще не был у него на новоселье. По дороге выспрашивал о житье-бытье, жалел: заработок «глухарей» ничтожный, а работа хуже каторжной... В гостях у Хитяева подозрение Степана настолько укрепилось, что он наутро отправился искать Шалая.

Сейчас Шалай, встревоженный его рассказом, принялся задавать вопросы:

— Угощение было?

— А как же! Водки поставил. Селедку.

— Смотри ты! С чего бы? Ну а еще что?

— Говорил по-разному. Заработать, говорит, можно.

— Так, так... А где — не сказал?

— Об этом разговору не было. Сказал только, что зачем же быть лошадью, когда извозчиком стать можно?

— Ага... Может, выспрашивал о чем?

— В этом и дело, Вань! «Хочу, говорит, с товарищем Артемом повидаться, да — как? Очень он, говорит, до нашего брата, до рабочих, добрый человек. Ты бы, говорит, узнал, как его найти, а потом мне сказал. А я бы тебе, говорит, за труды пятерку дал. Не помешает ведь?»

— Ага, ага... Ладно, Степа. Ты пока молчи об этом. Завтра я к тебе забегу, еще поговорим.

— Так ты думаешь?..— спросил Степан и не договорил: язык не поворачивался назвать своего же брата, рабочего человека, провокатором.

Шалай вздохнул:

— Ничего я тебе, Степа, покамест не скажу. Но знай: эти, в мундирах, не такие страшные, их сразу видно. А вот если заведется промеж нас самих сволочь в косоворотке с поясочком да будет с нами на собрания ходить, а потом к жандарму втихомолку бегать — этот хуже змеи всякой, хуже бешеной собаки! Этот тяпнет так, что на всю жизнь запомнишь.

Сообщение Шалая вызвало у Артема тяжелые раздумья. Вместе с Шалаем стали вспоминать, как в прошлом месяце заболевшего Артема поместили у одного из товарищей на Журавлевке. Ночью совершенно неожиданно нагрянули жандармы, обыск — хорошо, что больного заблаговременно перенесли на руках в Павловку. Кто же сообщил жандармам? Ясно, это свой... Или совсем недавно, когда Артема отвели ночевать на Оренбургскую улицу к Юнюкову. Гость устроился спать в сарае, а хозяину было не до сна. Поздно ночью он услышал лай собак и выскочил. Видит: через забор лезет толстый полицейский. Юнюков метнулся в сарай. Артем спал не раздеваясь,

лишь снял сапоги. С помощью хозяина он вылез из сарая босиком, обулся лишь за забором, на Старобельской улице... И в том и в этом случае ищеек кто-то наводил на след.

Нераскрытый провокатор в организации грозил непоправимыми последствиями именно сейчас, в решающие дни. На вечер 22 ноября Артем назначил заседание Федеративного Совета вместе с представителями воинских частей, а утром 23 ноября предполагалось устроить совместную демонстрацию полков харьковского гарнизона и всех рабочих дружин города. Так сказать, боевой смотр сил...

— Слушай, Степа, тебе задание. Надо увидеться с Хитяевым и затащить его к Галкиным в сарай. Но сделай это похитрее, чтобы он ни о чем не догадался. Сможешь?

Степан задумался:

— Попробую. Он же в кружок ходит. Ну и я приду. Там увидимся.

— Он просил тебя связать его с товарищем Артемом. Намекни ему, что есть возможность. Прямо не говори, не надо, а так — намеком...

На занятие кружка Степан немного опоздал. Народу было мало. «Всех разогнал, черт волосатый!» — выругал он пропагандиста.

Тимофей Жмаченко, все еще с рукой на перевязи, сердито спорил с пропагандистом.

— Ты, ваше благородие,— говорил он,— так толкуй, чтобы тебя теленок понял. А что ты перед нами свою ученость выставляешь? Мы свою темноту и без тебя знаем.

После занятия, когда стали расходиться, Хитяев незаметно оказался рядом со Степаном.

— Зайдем,— предложил он,— я бутылку возьму.

Степан отказался, сославшись на дела. Хитяев его не отпустил и стал подзадоривать, надеясь вытянуть из простоватого парня, что у него за такие неотложные дела.

Ловкими расспросами ему быстро удалось добиться своего; сначала Степан проговорился о гектографе, потом принялся жаловаться, как трудно и опасно стало добывать для гектографа желатин и глицерин. Особенно глицерин: купить его можно только в аптеках, аптекари же, заметив тебя раз да другой, непременно донесут в полицию. А за гектограф да листовочки — каторга.

— Может, помочь тебе? — предложил Хитяев.— Давай я возьму.

— Потом,— сказал Степан.— Мне сейчас надо чемодан один тащить по адресу. Тяжеленный, дьявол! Не поможешь?

— Какой разговор! Пошли... А ты про Артема мне не узнал? Я же просил.

— Так чемодан как раз к нему и понесем.

— Ух ты... вот здорово! Поговорю заодно.

С большими предосторожностями, через огороды, Степан с Хитяевым пробрались к галкинскому сараю. Несколько минут Степан прислушивался — тихо кругом.

И они один за другим скользнули в слабо скрипнувшие ворота.

В сарае кто-то был, в темноте не разобрать. Вспыхнула спичка, зажгли фонарь. Когда свет набрал силу, Хитяев разглядел несколько человек. Шалай сразу стал в дверях, скрестил на груди руки.

— Вы что это? — Хитяев испуганно попятился.— Что вам надо?

Шалай толкнул его в спину:

— Садись. Поговорим.

Лица людей, стоявших перед Хитяевым, не обещали ничего хорошего. Он знал здесь всех, кроме одного — приземистого, с лысоватым лбом и широко расставленными глазами, но и его, кажется, видел где-то на заводе.

Подойдя близко сзади, Шалай запустил Хитяеву в карманы руки.

— Дай-ка пошарю на всякий случай.
— Не дам! — вырвался тот.
Шалай придержал его:
— Ну-ну... не дури.
Он вынул у него из кармана две ассигнации по двадцать пять рублей.
— Ого! Заработал?
Хитяев вдруг резко повернулся и, пробивая себе путь к двери, ударил Шалая головой в живот. Качнувшись, Шалай успел поддать ему в лицо коленом. Хитяев с воем опрокинулся на спину. Все вскочили.
— Степа... выйди! — приказал бледный Шалай.
Со света темнота ночи показалась Степану такой густой, хоть режь. С протянутой рукой он сделал несколько шагов и остановился. Сзади, в сарае, раздался тонкий звериный вопль, кричавшему быстро зажали рот. Потом все стихло. Наконец, свет в сарае погас, скрипнула дверь, показались неясные фигуры. От сознания того, что там произошло, Степана затрясло. Больше всего он боялся, что к нему как ни в чем не бывало подойдет сейчас Шалай и что-нибудь скажет. Степан с отвращением, с ужасом смотрел на своего друга.
— Уйди, корова! — вдруг закричал ему Шалай, неистово сжимая кулаки.— Уйди, а то... Нас они жалеют? Они, небось, не затрясутся, когда тебе удавку накинут. Ты ногами задрыгаешь, а они шампанское будут хлестать... А этот... сколько людей из-за него пропало — знаешь? Ну так и не трясись!.. Какого черта?..

Глава четырнадцатая

От табачного дыма резало глаза. Чахлый фитилек керосиновой лампы, обмирая, давал больше копоти, чем света,— не хватало воздуха. Пошел двенадцатый час ночи...
Несмотря на то, что присутствие солдат сообщало засе-

данию Федеративного Совета военную лаконичность и четкость, времени ушло порядочно. Много отняла перебранка с представителями меков (это сокращенное название меньшевиков все больше входило в обиход). В конце концов они разобиделись, демонстративно поднялись и покинули заседание. «С богом! — не вытерпел Костя Бассалыго.— Воздух чище будет». Расселись посвободнее. Рабочие щедро размотали перед солдатами кисеты с крепким самосадом. Еще не освоившись, солдаты стеснительно прятали самокрутки в кулаки, выдували дым в сторону... Теперь, когда в помещении остались только свои, дела пошли быстрее.

Фельдфебель Шихов из Старобельского полка — грудь навыкате, руки по швам, точно перед полковым командиром,— сорванным на плацу голосом доложил, что солдатский комитет ручается за три полка: Старобельский, Лебединский и Богодуховский. Эти не подведут. Солдаты в них настроены решительно, только дай сигнал! Офицеры не сунутся мешать — побоятся. В Луцком полку комитет рассчитывает лишь на часть солдат,— кое-кто еще «не доспел», слишком еще сильно влияние офицеров. Но Шихов уверял, что против демонстрантов завтра не выступит ни один солдат. Это точно.

— Был у нас с ними разговор,— замялся фельдфебель, подбивая ребром ладони свои пышные усы.— Вот и Карасев к ним ходил. На своего брата они штык не поднимут.

«Три полка...— мысленно прикинул Артем.— Да пусть еще половина из Луцкого... Ну, не половина, пусть чуть поменьше. Все равно — сила!»

По примеру Шихова коротко, без лишних слов доложили о готовности руководители заводских дружин. На всякий случай назначили заведующего снабжением (склад оружия и боеприпасов помещался здесь же, на Сабурке). Потом пошли мелочи: надо было договориться, как действовать, если вдруг завтра против демонстрантов высту-

пят отряды черной сотни или же что-нибудь спровоцирует полиция. И последнее. Сигнал к выступлению — гудок паровозостроительного. Место общего сбора — Конная площадь.

Зашумели, поднялись, но расходиться не хотелось. Всеми владело приподнятое настроение. Такого события, как завтра — совместное выступление солдат и вооруженных заводских дружин,— Харьков еще не видел. Единство армии и пролетариата!

Солдаты освоились, пошли задушевные разговоры. Карасев, плотненький солдатик с гладко выстриженной головой, рассказывал о собаке унтере. Даст солдату копейку и велит сбегать в лавку, купить фунт колбасы с хлебом да еще принести две копейки сдачи. И что делать — бежишь!

Шалай, значительно подняв черный палец, наставлял хмурого солдата с болезненным лицом и слабыми плечами:

— Вся эта шушера, начальство всякое, друг дружку величают как? Господа, ваше благородие, превосходительство... Так? У нас этого нет и не будет. Мы друг дружку зовем просто и почетно: товарищ. «Эй, товарищ!» Вот и все. Это значит, ты свой, наш. Никаких тебе господ и благородий.

Внезапно в гулком подземном коридоре послышались бегущие шаги, потом кто-то громко выругался, ударившись в темноте головой о кирпичный свод. В дверь заглянул солдат в сбитой набок фуражке. Увидев тучу дыма и множество людей, солдат опешил.

— А, это наш, Махалкин,— узнал его фельдфебель Шихов.— Иди сюда, Махалкин. Чего тебе?

Солдат и фельдфебель пошептались. Шихов в задумчивости тронул ус. Поманив Артема, он сказал, что в город спешно прибыл и сейчас размещается в казармах свежий пехотный полк.

— Чуют,— кивнул Артем.— Чуют и готовятся. Ну что же, и мы готовы. Товарищи, времени осталось мало. Кто сможет — отдохните. В пять часов будет гудок. До скорой встречи, товарищи!

Ночь уже перевалила за половину. Было сыро, безветренно, с голых веток ронялись редкие полновесные капли. Артем запрокинул голову и с наслаждением потянул в себя свежий воздух. «Сегодня!» — вдруг подумалось ему. Да, сегодняшняя демонстрация покажет многое... Где-то хрипло закричал петух, ему откликнулся другой, третий, пролаяла собака. Вспомнилась первая ночь после возвращения из Парижа. Необычайно жутким показался ему тогда российский вой собак и далекий человеческий вопль — кого-то, видимо, грабили поздним временем. «В Европе такая ночь невозможна...» На свежем воздухе после прокуренного помещения отдыхала голова. Сегодня Шурочка с лукавым видом передала ему привет от Фроси. Он вспомнил, сколько они уже не виделись, и почувствовал себя неловко. Ему казалось, что именины Екатерины Феликсовны были совсем недавно, а прошло уже полторы недели. Как летит время! Вот и сейчас — пошел четвертый час, надо отправляться на завод. Ложиться уже некогда.

Гудок паровозостроительного завода заревел ровно в пять. Фельдфебель Шихов распахнул двери казармы.

— Подъем! — привычно рявкнул он.— Кончай ночевать!

В тусклом свете ночников тенями заметались солдаты. К низкому реву паровозостроительного прибавил тонкий голос «Гельферих-Саде», тут же откликнулись другие заводы. Сегодня они по призыву «батька» завели свою песню на час раньше урочного времени.

— Р-разобрать оружие! — скомандовал Шихов.— Стройся!

С бледным растерянным лицом к солдатам выбежал командир полка полковник Гоштовт:

— Братцы, что вы делаете? Это же бунт!

Шихов отметил, что, несмотря на ранний час, полковой командир одет по всей форме, свежевыбрит, при оружии. «Знал, видно, стерва. Готовился. Но кто ему сказал?»

Гудки над городом выли не переставая. В голову солдатской колонны прошел полковой оркестр. Полковник Гоштовт отчаянно прокричал:

— Себе и мне вы жизнь ломаете, братцы! Одумайтесь, пока не поздно!

Шихов расправил усы, набрал в грудь воздуха:

— На пле-чо! Пр-равое плечо впере-ед... марш!

Грянул оркестр, дрогнула земля под солдатскими ногами, закачались тусклые ряды штыков. Полк в полном составе выступил на улицу.

Обойдя полкового командира, словно столб, Шихов пятился и зычно покрикивал:

— Ногу... ногу дай! Не слышу!

Полковая колонна длинно изгибалась, сворачивая в переулок к Конной площади, как вдруг сбоку ударил еще один оркестр. Солдаты завертели головами и узнали: свои. Это направлялся к указанному месту сбора Лебединский полк.

— Молодцы, не подвели! Ну, а теперь держись!

Маленький Махалкин, замыкавший колонну, самозабвенно лупил подошвами в землю, рука назад — до самого отказа.

В рассветных сумерках на Конной площади колыхались флаги, шевелилась плотная людская масса.

— Ур-ра-а солдатам! — прокатилось по площади.

— Спасибо, братцы!

Фельдфебель Шихов, скомандовав полку: «Смирно!», четким шагом подошел к Артему и, бросив руку

под козырек, доложил о прибытии, как было приказано. Артем стоял в своей неизменной кепке, в кожаной тужурке, подпоясанный ремнем маузера. Коробку с маузером ему вручил сегодня на заводе Анатолий Галкин. «Помнишь, подарок обещали? Получай!» Оружие ощутимо тянуло поясницу, но эта тяжесть была приятна Артему. «Неужели начинается?» — мелькнула мысль. Наступили дни, о которых мечталось долгие годы.

Слитный шум запруженной площади вдруг разорвал винтовочный выстрел. После минутного замешательства Шихов доложил, что выстрел случайный: один из солдат не поставил винтовку на предохранитель.

— Патроны боевые? — тихо спросил Артем.

Фельдфебель козырнул:

— Так точно. Как приказано.

Несколько рабочих подняли Артема на руки. Сверху он окинул взглядом широкое море человеческих голов:

— Товарищи! Солдаты и рабочие! Народу, взявшему в руки оружие, ничего не страшно. Так покажем же нашим врагам наше несокрушимое единство, нашу волю и желание биться за свое счастье до конца. Да здравствует вооруженное восстание! Долой самодержавие!

Нестройный крик рабочих дружин: «Ура-ра!..» — заглушил мощный рев солдат, державших этот возглас более минуты — ритуально, с перекатами, как на дивизионном смотру.

В конце площади из-за поворота показалась первая утренняя конка и тут же остановилась — не проехать.

— Какие будут приказания? — осведомился Шихов.

— В путь! — отдал приказ Артем.— Идем через Молочную на Москалевку, а там — через Газовый мост.

— Осмелюсь доложить,— заметил служака фельдфебель,— тесно будет. Три полка полного состава да остальные...

— Тогда двумя колоннами. Можно еще через Контор-

скую на Екатеринославскую. Оркестры, пожалуйста, вперед, в самую голову.

— Слушаюсь!

Первые лучи неяркого предзимнего солнца зазолотили высокий крест на соборе, окрасили малиновым цветом окна верхних этажей. Военные оркестры гремели не переставая. За солдатскими колоннами, так же по-солдатски чеканя шаг, выступали боевые рабочие дружины. Артем держал руку на коробке с маузером. Во главе заводских дружин, сегодня впервые по-войсковому сведенных вместе, шагали Бушуев, Скороход, Кабаненко, Рассохацкий. У Шалая, державшегося на два шага сзади Артема, в обоих оттопыренных карманах лежали бомбы. Степан, бледный после ранения, нес большой плакат на палке: «Просим полицию не вмешиваться. Порядок охраняют сами граждане».

Миновав мост через речку Лопань, колонны повернули направо, вдоль Университетской горки. Возле Успенского собора группа богомолок, в лаптях, с котомками за плечами, смотрела на шествие и слезливо качала головами:

— Така сила народу, а ни батюшки, ни святой иконы...

— Идить, идить, дурни, на смерть!

На богомолок сердито закричал старик в суконном картузе:

— Та замовчить ви, сороки. Через вас нічого не разберешь.

— А що тут розбираты? — заметил тучный человек с непокрытой головой.— Мала куча, дайте ще.

На подходе к Павловской площади движение замедлилось.

— Что там такое?

— Солдаты.

Придерживая маузер, Артем побежал вперед.

Шихов, Бассалыго, Галкин совещались между собой. На площади стояли ряды войск. Несколько пуле-

тов с лежавшими за щитками расчетами перегораживали улицу.

— Луцкий полк, сволочи,— сказал Шихов.— А там вон недавние, новые... И наш Гоштовт уже здесь. Успел!

Две массы войск застыли одна против другой. Решение надо было принимать мгновенно. Артем твердым шагом вышел вперед. Толстый полковник Гоштовт поднял руку в перчатке.

— Назад! Предупреждаю, что дам команду открыть огонь.

К пулеметчикам, лежавшим на земле, приблизились Шалай и несколько дружинников. Картузы набекрень, в зубах цигарки.

— Ребята, мужики! Неуж послушаетесь этого борова и будете стрелять в своего брата? Эх вы!..

— Назад! — полковник Гоштовт топнул ногой.

Шалай выхватил из кармана бомбу:

— А ну стой! А то живо — в клочья!

Пулеметчики, переглянувшись, послушно отпустили рукоятки. У полковника Гоштовта выпучились глаза.

— Что вам нужно? — выдавил он.

— Нам необходимо,— отчеканил Артем,— закончить демонстрацию. Мы никому не угрожаем. Мы только требуем пропустить нас через площадь.

Несколько мгновений полковник смотрел на бомбы в руках Шалая и дружинников.

— Пропустить! — распорядился он и, опустив плечи, поплелся в сторону.

— Продолжайте движение! — отдал приказ Артем.

Зычный голос Шихова затянул:

— По-олк, слуша-ай...

Когда голова колонны свернула с Павловской площади на Николаевскую, фельдфебель Шихов нашел Артема и с тревогой сказал:

— Их пулеметы у нас сзади. Нехорошо.

«Ошибка»,— сразу же отметил Артем. Он подозвал Шалая и приказал ему взять дружинников и захватить пулеметы. Шалай исчез, но скоро вернулся и сконфуженно доложил, что выполнить приказ нет никакой возможности. «Очухались они»,— стеснительно объяснил он, скобля затылок. «Учиться, ох сколько еще учиться надо!» — подумал Артем.

Последний раз задержал демонстрацию начальник гарнизона генерал Нечаев. Он растопырил руки и закричал солдатам:

— Братцы, остановитесь! Послушайте старика... Что вам требуется?

Переговоры с генералом вел Артем. Он объяснил, что солдаты прежде всего требуют демобилизации.

— Братцы, вот истинный крест... Вот в присутствии господ большевиков обещаю: демобилизую. С сегодняшнего дня! Вы мне верите?

— Слову генерала приходится верить,— сказал Артем.— Но мы вас предупреждаем: чтобы ни один солдат не понес наказания за участие в демонстрации.

— Слово офицера!

С Николаевской колонны демонстрантов свернули на Московскую улицу, затем к мосту через речку Харьков. Кое-где, блеснув стеклами, захлопнулись окна. Старый чиновник в пальто внакидку гневно плюнул с балкона вниз. К нему выскочил мужчина в жилетке и, ругаясь, утащил его в комнаты. Балконная дверь закрылась.

На мосту через речку Харьков состоялся последний митинг.

— Товарищи! — обратился Артем.— Мы живем в исторические дни. Трещит ненавистный строй, шатается трон. Все надежды угнетателей спастись от народного гнева сейчас только на вас, на солдат. Но интересы рабочих и солдат неразрывны. И вот, когда каждый солдат поймет это, царский строй рухнет, как гнилое дерево без

подпорки... Не стойте на пути народа к счастью, революционные солдаты! Поворачивайте свои ружья против угнетателей! Да здравствует революция!

Вечером, вернувшись с демонстрации, в бараке долго куролесил пьяный Валет. Он буйно плакал, бил себя кулаками в грудь и к каждому приставал с расспросами, почему он пьет и не дает житья своей семье. Связываться с пьяным никто не хотел, ему советовали лечь и проспаться. Тогда Валет страшно скрежетал зубами и вздымал кверху руки:

— Ты работай как хошь — от нужды не уйдешь, а как век доживешь — как собака помрешь! — На него нашел пьяный стих.

Маленькая Стешка ходила за ним как привязанная, дергала его сзади за рубаху и тоненьким голоском тянула:

— Тять, а тять, пошли домой, мамка зовет.

Но Валет увидел беседующих стариков и решительно устремился к ним. Угомонить его, пока не затихнет весь барак, было невозможно.

— Иди, иди с богом,— замахал на него смирный старик Неелов.— Опять в участок попадешь.

По вечерам старики собирались, будто в деревне на завалинке, и охотней всего разговаривали о близкой смерти, рассуждая о том свете, как о хорошей, хлебной губернии. Сегодня разговор шел о таком событии, как демонстрация. Со стариками сидели и молодые — как шли с демонстрации, так и застряли.

— Что же вы, парни,— спросил Андрей Машкин,— походили с ружьями, попугали народ — и все?

Шалай рассмеялся:

— Тебе, дядя Андрей, обязательно стрелять надо! Подожди маленько.

— Ну, не стрелять, а-а... зачем же тогда все затевать-то было?

— Увидишь потом!

Но, возражая старику, Шалай подумывал и сам, что закон драки простой: если уж замахнулся — бей. Доведется ли еще раз собрать такую силу? Успокаивал он себя тем, что Федор Андреич лучше знает, как вести дело. Значит, еще не время бить...

Удивлял сегодня Шалая закадычный друг Степан. Парня так и подмывало влезть в разговор. Несколько раз он пытался что-то рассказать, но тут же замолкал и, словно удивляясь своей смелости, тряс головой. Шалай даже присматриваться начал: не выпил ли, случаем?

Но объяснить свое теперешнее состояние едва ли смог бы и сам Степан. Во всяком случае ему казалось, что после сегодняшних событий он выздоровел от казачьей пули окончательно.

Прочности в жизни — вот чего ему всегда хотелось. Работы он не боялся и ломил, не жалея спины. Надеялся — рано или поздно начальство должно заметить его старательность... К заводской жизни Степан привыкал медленно, будто рос сызнова. Все прошлое требовалось накрепко забыть. В деревне было просто: там человек живет землей, хозяйством. Пройдет дождичек под налив — мужик на зиму с хлебом. Отелится корова — значит, будет мужик еще с молоком и с мясом. А в городе все иначе. Казалось бы, железо — штука прочная, а прочности в своей судьбе человек не чувствовал. Машины быстро высасывали людей, безжалостно превращая их в утиль. Выработался человек — и помирай. Порой Степану казалось, что машина в городе страшнее деревенского боженьки. Тому хоть можно поставить свечку, а этих как задобрить?

— Силы у тебя, Степа, на две лошади хватит,— ска-

зал ему как-то Шалай.— А с головой неладно. Да и ненависть где твоя? Куда ты ее прячешь?

Эту слабость Степан за собою знал — не злой он человек. Еще дома, в деревне, когда уже не стало отца, мать погладила его по голове и заплакала:

— И малого тебя все ребятишки забижали, а вырастешь — даже цыплята заклюют. Характер-то почему не копишь?

«Накопить характер» Степану помог Шалай. Он сначала так сказал:

— Запомни, Степа: злость — это у них на нас. А у нас — не-ет! У нас ненависть. Понял? Это крепче!

Вместе с Шалаем он стал ходить на занятия рабочего кружка — собирались вечерами в подвале Сабуровой дачи. Здесь Степан увидел много знакомых и незнакомых. Неграмотный рабочий человек тянулся в кружок с жадностью и трепетом. На первых порах голова Степана трудно принимала отвлеченные слова и понятия: «классовая борьба», «прибавочная стоимость»... Но Савостьянов, пропагандист, терпеливо и умело раскрывал людям глаза, он словно брал рабочего за руку и подводил к окну, к свету: гляди! Постепенно пошло дело и у Степана. Он теперь на многое вокруг научился смотреть ясно, твердо. И все же именно сегодняшний день был особенный. Серые колонны солдат со штыками, по-солдатски слитные отряды дружинников — каждый в открытую нес свое оружие,— испуг властей... День был из ряда вон! Сегодня Степан впервые ощутил, что он совсем не одинок и уж никак не обречен, как это ему казалось прежде. Это чувство уверенности было ему знакомо по деревне: есть у тебя старший брат — никто не тронет, побоится. А здесь вон какой мир стоял за ним — попробуй тронь! Ему захотелось рассказать об этом всем, рассказать с радостью, как о счастливой неожиданной находке, но как было найти подходящие слова?

Разговору рабочих продолжал мешать Валет, никак не хотевший уходить домой.

— Братцы,— клялся он.— Теперь в рот больше не возьму. Не верите? А вот увидите... В политики уйду, нашего околоточного на куски изрежу.

Кончилось тем, что Шалай со Степаном, к радости маленькой Стешки, взяли его за руки и силой увели в каморку, заставили лечь. Валет едва коснулся головой подушки — захрапел. Шалай постоял над ним, хмыкнул:

— Политик! Слыхал, Степа? Панкрата Семеныча резать хочет.

Неожиданно смутившись, Степан заскреб затылок:

— А ты знаешь, Вань, что я сам давно политик?

Шалай удивился:

— Это с какой стороны?

— В деревне меня так дразнили. Промашка, понимаешь, одна вышла.

— Так-так... Ну, ну!

— Шел я, понимаешь, и думать ни о чем не думал. Вдруг урядник — пьяный, на ногах еле стоит. «Стой! — орет.— Иди сюда». Подхожу. «Ты,— говорит,— свистел?» — «Да я,— говорю,— и не умею совсем!» — «Врешь!» И — в ухо. Ну, привели меня, обыскали, посадили. Ночь целую сидел. А ночью в это время у нашего фельдшера — хороший был мужик — обыск сделали. У фельдшера и у учителя. Из города приезжали. Арестовали даже кого-то... Ну, утром берут меня, ведут. Смотрю, сидит в очках, весь чистенький, не наш. Без матюков, безо всякого, рукой показывает: «Прошу садиться». Ну, думаю, пропал. Сел я и сам себя не помню. Тот меня спрашивает, а я дурак дураком. Потом только разобрались. Вместо того, у фельдшера-то кого арестовали, урядник спьяну меня представил. Этот, в очках, ажник ногами на урядника затопал! Ну а тому, понимаешь, обида. Вывел он меня да ка-ак даст, да еще пинком. «Путаешься

тут»,— говорит. Я и побежал домой. Бегу, а мать уже с веревкой у ворот стоит. Да-вай меня хлестать! Стегает, а сама плачет. «Мне,— говорит,— соседи уши прожужжали, что ты с политиками сидишь. Кто теперь,— говорит,— за тебя, за дурака, замуж-то пойдет?»

— И все? — спросил Шалай.

— А чего же еще? Все.

Шалай крякнул, прикрыл рукой усмешку.

— Н-ну ладно, политик. Это все так. Со мной сегодня Федор Андреич говорил. Парень ты уже грамотный, знаешь много, пора о себе по-настоящему подумать.

— А я и думаю, Вань! Сегодня, например...

— Погоди. Федор Андреич про партию имел в виду. Ты как, согласный? Это, брат, знаешь какое дело! Тут все, что есть, все отдай.

Этого, признаться, Степан не ожидал. От волнения у него пресекся голос:

— Вань, да уж я, кажись...

— Знаю, знаю, Степа. И Федор Андреич то же говорил.

Глава пятнадцатая

Дородный мужчина в сапогах и с цепью через брюхо держал листок далеко от глаз и, встряхивая намасленными волосами, громко, с вызовом, читал:

— «Собирайтесь, русские люди, под знамя священного союза народной самоохраны за веру Христову, за царя, за отечество... Собирайтесь в столицах, в городах, по деревням, по селам, по станицам, аулам и обширным степям во имя любви против крови. Замыслили недруги порядка, враги хитрые и коварные, погубить святую Русь, водрузить знамя красное на святой Руси, кровью царя-освободителя обагренное. Помоги же ты, святой Георгий-

победоносец! На русском щите образ твой: змея лютого поражаешь ты!..»

Разодетая публика, запрудившая театральное фойе, слушала страшные слова толстяка с нескрываемой тревогой. Злосчастная, наделавшая столько шуму постановка пьесы Е. Чирикова «Евреи», по мере того как приближался день премьеры, не переставала будоражить город и грозила немыслимым скандалом. А тут еще газеты будто взбесились: в Москве вооруженное восстание, на улицах баррикады, войска бьют из пушек. Глухо поговаривают, что и в Харькове вот-вот должно начаться. Так что к спектаклю в театре город заранее готовился как к сражению. Билетов на премьеру было не достать уже за месяц. И вот — баррикада того и гляди возникнет не на улице, а в зрительном зале!

Воззвание «Союза русского народа», прочитанное толстяком перед третьим звонком, прозвучало грозным предостережением. Уже несколько дней ходили слухи, будто черная сотня сорвет спектакль и устроит в городе погром. Наиболее благоразумные из публики стали прикидывать: а не лучше ли, не дожидаясь, сразу же уехать домой?

Представление началось при гробовом молчании затаившегося зала. Потом послышались свистки и шиканье. Нервная публика поминутно вертела головами, совсем забыв смотреть на сцену. Актеры играли, как обреченные. К подъезду театра подваливали подкрепления полиции.

Перед последним актом, когда напряжение достигло взрывной силы, на сцену поднялся директор театра. На фоне бархатного занавеса он задумчиво склонил голову, как бы скорбя по поводу того, что жестокие времена не обошли и театр. Речь его была проникнута христианским миролюбием. Он сказал о значении пьесы, о замысле автора, осторожно коснулся того, что в просвещенном

обществе негоже возвышение одних за счет унижения других. В целом же он, бедный, чуял, что вечер добром не кончится, и уговаривал присутствующих помнить, где они находятся, и вести себя соответственно месту.

Предчувствия не обманули ни директора, ни зрителей, оставшихся досиживать в душноватом, бурею грозившем зале. Еще не смолкло пошаркивание лакированных директорских штиблет, еще не дрогнул занавес, как вдруг с галерки на весь затихший зал раздался звучный сильный голос:

— Товарищи! Мы объявляем войну царским палачам, угнетателям народов... Близок час расплаты!

Затем послышался легкий шорох — и сверху на задранные головы публики полетели белые листки. В поднявшейся сумятице кто-то догадался дать свет, зал уже стоял на ногах, листовки, раскачиваясь в воздухе, плавно опускались на лысины, на погоны, на голые плечи женщин. Последнюю пачку чья-то сильная рука уже из озорства запустила прямо в люстру, ворох листовок шрапнельным взрывом распушился под потолком и забелял все пространство над головами...

Зрители, выбравшись из давки в дверях театра, увидели такие же листки, наклеенные на колоннах, на столбах, даже на свеженькой афише. Успели уж и тут!

— Господа!.. Спокойствие!.. — сдержанно рокотали жандармские офицеры, пытаясь навести порядок в паническом разъезде. Показное их спокойствие обмануть никого не могло: публика, кляня себя за любопытство, спешила по домам, чтобы поскорее запереться на все замки, засовы и цепочки. Судя по всему, пришло что-то странное. По крайней мере, такого в Харькове еще не бывало.

В квартире доктора Тутышкина этой ночью не ложились спать. Из театра вернулись около двенадцати. За-

жгли повсюду свет, на скорую руку накрыли стол. Но остывал чай в чашках, стояли нетронутыми холодные закуски, сухарики, печенье. Было не до еды, кусок не шел в горло. Чувствовалось волевое напряжение людей, впервые собравшихся на большой открытый бой. Замахивались-то на что! «Владыкой мира будет труд». Старый мир сейчас доживал последние минуты, еще немного, и его, как ветхую клячу, возьмут за узду и свернут прочь с дороги. От такого у кого хочешь закружится голова!

План выступления, утвержденный на заседании Совета, был таков. Главным центром восстания намечался завод «Гельферих-Саде», вот уже двенадцать дней парализованный забастовкой. Туда собираются боевые дружины и воинские части. Другой пункт сбора — городской вокзал. Рабочим паровозостроительного дано указание выйти утром на работу, но иметь при себе оружие и к работе не приступать — ждать условного сигнала... В одно и то же время двумя колоннами восставшие направляются к Соборной площади, чтобы захватить университет и поскорее прикрыть его баррикадами. В здании университета разместятся органы революционной власти. Затем надо быстро захватить телеграф, банк, канцелярию губернатора, прервать всякую связь города с внешним миром.

Вроде бы удалось продумать все до мелочей. Шалай со своими дружинниками должен к рассвету очистить весь заводской район от полицейских постов. Для перевязки раненых создана медицинская дружина. Организованы питательные пункты, указано закрыть все винные лавки, пивные и трактиры, по булочникам приказано печь хлеб, а лавочникам — торговать.

— Еще — сигары,— украдкой подсказал Шалай, сидевший на полу возле стола.

Сигары требовались для дружинников, чтобы прижигать самодельные бомбы. Важная, между прочим, ме-

лочь — в бою сигара куда надежней спичек и папиросок.

— Будут тебе сигары,— подмигнул Шалаю Костя Бассалыго.— Уж постараюсь!

Сейчас, после всего, что произошло в театре, Артем с трудом сдерживал волнение и заставлял себя сидеть, а не расхаживать широким нетерпеливым шагом по нарядной, залитой поздним ночным светом докторской квартире. Он украдкой взглядывал на большие часы в углу, на бесшумно ходивший туда-сюда медный маятник и стискивал зубы: время хоть и медленно, но убывало. Оставалось совсем немного!

Дмитрий Бассалыго внимательно взглянул в лицо Артема:

— У тебя глаза как у сумасшедшего. Ты здоров?

Доктор Тутышкин подошел, положил ему на лоб теплую ладонь.

— Э, батенька! А ну-ка покажите язык... Так, так, у вас же температура!

— Да, кажется, есть немного,— согласился Артем, зябко повел плечами.— Вот не вовремя-то!

Доктор стал рыться в аптечке, Артем откинул голову и закрыл глаза — на свет было больно глядеть. Недомогание он почувствовал еще третьего дня. Сейчас, когда до начала восстания остались считанные часы, он, утомленный нечеловеческим напряжением, позволил себе чуточку расслабиться, и тотчас знакомый острый холодок близкой опасности коснулся его сердца. Так было в эти дни уже не раз. «Неужели демонстрация 23 ноября была пиком революционного подъема? Сколько собралось тогда сил, какое было настроение! Но начни бы мы в тот день, нас в одиночку быстро бы разбили... А что сейчас? Генерал Нечаев спешно провел частичную демобилизацию солдат, уехал Карасев, уехал фельдфебель Шихов...» Тайные, невысказанные сомнения принимались донимать его, едва выдавалась свободная, ничем не занятая мину-

та. «Нет,— гнал он их от себя,— начни мы тогда, мы только зря пролили бы кровь. Один в поле не воин. Другое дело сейчас».

Мелодично, мягко часы пробили два раза. Массивный маятник за стеклом продолжал свою вечную бесшумную работу.

Авилов возбужденно потер руки и крякнул, как с мороза:

— Ах, товарищи, завтра я буду уже не Пал Палычем, а самим собой: Борисом сыном Васильевым... И ты, Артем, тоже.

Хозяйка квартиры, жена доктора Тутышкина, глубоко вздохнула:

— Дорогой Артем, а что будет, если вдруг... ну, если вдруг мы... если нам не удастся...

Она не договаривала, боясь произнести страшное слово: поражение.

Ее вопрос вызвал долгое напряженное молчание. Все, кто были в комнате, смотрели на Артема, бледного, осунувшегося, с воспаленными глазами.

— Все равно! — он стукнул кулаком по подлокотнику кресла и поднялся.— Если даже... то все равно наше поражение пойдет нам на пользу, мы научимся драться еще лучше. Если мы завтра не победим... то есть уже сегодня, то обязательно победим в следующий раз. В этом я не сомневаюсь! А сейчас, товарищи, предлагаю выходить. Идемте, нас ждут.

Хозяйка, подняв руки, подошла к Тутышкину, поцеловала его в лоб. На мгновение она, не справившись с собой, задержала руку мужа. Но доктор, проговорив несколько укоризненно: «Ну, ну...», высвободился и бросился догонять своих товарищей.

Очищать район от полицейских — снимать посты — дружинники отправлялись парами. Шалай проверил свой

маузер и спрятал под тужурку. Степана он предупредил, что «бульдог» у него при выстреле сильно дергает вверх.

— Если что — руку держи тверже.

Вдвоем они вышли на тихую ночную улицу и, руки в карманах, направились к перекрестку. Там под фонарем, освещавшим только собственный столб, томился городовой. Продрогнув, городовой прохаживался и по-извозчичьи крепко бил ладонь о ладонь. Наступало самое собачье время — перед рассветом.

Двое рабочих парней, торопливо шагавших в морозном тумане, не вызвали у городового никакого подозрения. Увидев их, направляющихся в его сторону, он остановился. Может, спросить чего хотят...

— А ну снимай «селедку»,— тихо приказал один, наставляя маузер. Другой, огромного роста, на голову выше, сразу же зашел городовому за спину. В растерянности городовой разинул усатый рот, потом схватился за свисток. Тот, за спиной, молча сорвал свисток вместе со шнурком.

— Не дури, дядя,— сказал Шалай.— Сказано тебе — «селедку». Степа, помоги ему. Так, теперь кобуру. Давай ее сюда.

Полицейскую шашку Степан, наступив на нее ногой, сломал и бросил в сторону.

— Сынки...— забормотал городовой,— не погубите...

— Мотай отсюда! — приказал Шалай.— Бегом. Чтоб глаза мои тебя не видели!

Снять посты в районе удалось быстро и бесшумно, без единого выстрела. Только в одном месте заверещал было свисток, но городового стукнули рукояткой по голове, и все затихло.

В сгустившейся морозной мгле послышались оживленные шаги целой группы людей. Разглядеть, кто это идет, было невозможно.

— Степа...— позвал Шалай, спрятался на всякий случай за фонарный столб и взял маузер на изготовку.

Из тумана показались мутные силуэты человеческих фигур. Люди быстро шли и о чем-то переговаривались. Шалай, не опуская маузера, вслушался в голоса.

— Отставить, Степа! — крикнул он и вышел из-за столба. Это были свои: Артем, Авилов, братья Бассалыго, Тутышкин, кто-то еще.

Дальше пошли вместе. Артем сделал Шалаю выговор за ненужное озорство: вовсе не обязательно было запускать пачкой листовок в театральную люстру!

Шалай, посмеиваясь, спросил:

— А разве плохо получилось?

— А разбил бы? Что за хулиганство!

Недалеко от завода Тимофей Жмаченко, присоединившийся к группе по дороге, остановился и стал разглядывать верхушку телеграфного столба. Снизу смутно чернели ниточки проводов. Жмаченко скинул тужурку, сунул в карман напильник и с неожиданной ловкостью для своего большого тела полез на столб.

Несколько проводов, треньknув, упали на землю. Обхватив столб ногами, Жмаченко соскользнул вниз.

Возле проходной завода группе пришлось разъединиться. Вперед пошли Шалай, Степан и Жмаченко. Но к самой двери караульной будки подошел один Шалай.

На стук в дверь изнутри откликнулся охранник.

— Отворяй,— крикнул Иван.— Телеграмма. Расписаться надо.

Ничего не ожидавшего охранника Шалай пихнул в грудь, подбежали Степан и Жмаченко. Охранник схватил телефонную трубку. Ему никто не мешал.

— Звони, звони,— кивнул Шалай.

Артем распорядился:

— Иван, поставь свою охрану. Назначь пароль. Посторонних — никого.

Скоро стали подходить рабочие с винтовками, с самодельными пиками. Бомбы они носили в мешочках у пояса. Даша Базлова пришла с больничными санитарками — медицинская дружина. Марья, из барака, несла через плечо две большие сумки с бинтами, ватой, йодом. Доктор Тутышкин, не теряя времени, увел санитарок искать помещение для перевязочного пункта.

Во дворе завода разожгли несколько костров. Рабочие, повесив винтовки на плечо, тянули к огню руки. К утру подмораживало, туман редел, стала видна длинная унылая труба.

Небольшая заминка случилась у ворот завода, которые охраняли сами рабочие. Снаружи постучали, крикнули: «Эй, отпирай скорей!» Охрана встревожилась. От костра к воротам побежало несколько человек. Оказывается, прибыло два воза винтовок. Возы въехали во двор. Рабочим, кто пришел с голыми руками, тут же раздавали оружие и сразу показывали, как с ним управляться.

Штаб восстания поместился в теплой караульной будке. Авилов, привалившись к стенке, не то задумался, не то задремал. Артем украдкой от остальных поглядывал в темное окошко и прислушивался: до сих пор почему-то не было солдат.

Заглянул в будку Костя Бассалыго и пальцем поманил Артема.

— Солдаты-то, а? — спросил он.— Может, случилось что?

Все сроки, назначенные для прибытия воинских частей, миновали.

— Надо послать связных,— сказал Артем.

— Послал уже двоих. Нету.

— Пошли еще! — Артем начал терять терпение.

Через минуту Бассалыго доложил: Шалай послал своего Степана, самого надежного, наказав ему первым делом наведаться в Москалевские казармы.

Степан вернулся меньше чем через час и принес неутешительные вести.

У ворот Москалевских казарм он издали увидел группу офицеров и остановился. По плану вход должны были охранять специально назначенные солдаты-дневальные. Ничего пока не понимая, Степан завернул за угол казармы. Здесь он нашел двух дружинников, раньше него посланных для связи.

— Вы куда пропали? Вас же ждут!

— А ты глянь,— посоветовал один.

Вдвоем они подсадили Степана, и он заглянул через высокий забор. На широком плацу стояла толпа безоружных солдат. Их охраняли караульные с винтовками. Было много офицеров, Степан разглядел нескольких попов в парадном одеянии. Утренний ветерок трепал длинные поповские волосы.

Разбитной каптенармус, покрикивая, раздавал водку, наделяя каждого пряником на закуску.

Все было ясно. Степан спрыгнул на землю.

— Продали, гады! А в других казармах?

Картина везде была одна и та же. В Святодуховских казармах ночью из винтовок кто-то потихоньку вынул затворы. В соседнем полку удалось арестовать офицеров, но сигнала к выступлению солдаты так и не дождались... Словом, начальство, кем-то предупрежденное заранее, приняло меры, и ни один солдат не вышел из казарм.

Ошеломленный предательством, никак не ожидавший, что в такой решительный момент рабочие останутся без поддержки воинских частей, Артем теперь думал о том, чтобы не дать подняться панике.

— Я отправляюсь к паровозникам,— объявил он.— Ждите нас. Выступаем все равно. Ничего не отменяется.

Его выпустили на улицу и снова заперли крепкие заводские ворота. Потянулось время ожидания.

В зыбком свете позднего декабрьского рассвета на площади перед заводом замаячили конные фигуры. Наблюдатели узнали казачий разъезд. Верховые из предосторожности держались в отдалении.

— Разведчики,— прохрипел Миронов, кашляя от простуды. Он сегодня с группой дружинников находился в оцеплении театра — на случай ожидаемого погрома — и оттуда, по пути сняв полицейский пост, заявился на «Гельферих-Саде». Он считал, что должен быть там, где развернутся главные события.

Жмаченко сказал:

— И чего ждем? Бросились бы — смяли.

— С пиками-то? — остудил его Миронов.— Они пушки выкатывают.

— Врешь!

— А во-он, не видишь? Ты думаешь, это что у них? Сейчас как начнут садить!

Теперь не было сомнения, что кто-то выдал не только день и час восстания, но и место сбора главных сил, и власти приготовились. Все улицы перед заводом блокировались войсками. На заводские ворота наведены жерла двух орудий. Казаки видны уже отчетливо, раннее солнышко взблескивает на рукоятках шашек.

Казаков Шалай помнил с самых детских лет. Прежде они появлялись в заводском поселке не так часто, верхами дежурили на перекрестках и от нечего делать весело похабничали с проходившими работницами. Позднее казаки осатанели, глаза их стали белыми от злобы. Но тогда рабочие уже не пугались их и смело встречали градом гаек, болтов и камней. А там и бомбы появились, и наганы. Жаль, что казачьи карабины были дальнобойней револьверов...

Шалай увидел — к воротам завода направляется офицер с белым флажком на шашке. Несколько рабочих, стуча сапогами, вскарабкались на забор.

— Поговорить захотел, ваше благородие? — ухмыляясь, спросил Шалай.—Лезь к нам сюда.

Надменно глядя поверх высунувшихся голов рабочих, офицер казенным голосом потребовал капитуляции и сдачи всего оружия.

Шалай присвистнул от удивления: полчаса!

— Быстрый какой... Мы жизнь готовились, а он — полчаса! Приперло, выходит.

В это время тревожно заревел знакомый каждому рабочему басовитый гудок паровозостроительного. Шалай обрадовался:

— О, «батько» загудел! Сейчас наши подойдут. Теперь не пропадем.

Он бегал по двору, бойко отдавая распоряжения, но смутное предчувствие беды его не покидало. Влипли, черт побери! Теперь, когда завод плотно окружен войсками, добить их — дело времени. Все надежды были на паровозников, но ведь те, что осадили, не дураки — они не пропустят Артема с рабочими на помощь. Значит, примем бой. Жаль, что против пушек ничего не сделаешь ни бомбой, ни винтовкой. Вон они, нацелились в упор. Бить начнут без всякой жалости, крови не побоятся. Так расправляйся, чтобы помнили и дети рабочих. «Ладно,— сказал себе Шалай,— в следующий раз умнее будем. А сейчас людей бы сохранить...»

Большой отряд рабочих паровозостроительного завода попытался пробиться к осажденным товарищам, напав на солдат с тыла. Впереди очень кстати оказался небольшой бугор, скрывший движение отряда. Велев своим лечь, Артем на локтях пополз по свежевыпавшему снегу. На бугре он вгляделся в редкую цепь солдат, приготовившихся к штурму заводских ворот. Глаза резало, во рту было сухо. Артем хватанул ртом снега и приложил ко лбу холодную сталь маузера.

— Кто тут? — он оглянулся и узнал лежавшего по-

зади Валета.— А, это ты... Ползи назад, скажи Крикунову, пусть возьмет ребят и ударит сбоку. Главное — бомбами! Пусть подползут поближе. А мы потом — отсюда. Давай быстрей!

Отослав Валета, он стал высматривать, что происходит за воротами завода. Самое непоправимое произойдет, если люди поддадутся страху. Без поддержки солдат дело сильно осложнилось. К тому же с самого начала рабочие оказались в роли обороняющихся. Предательство спутало весь план восстания.

Остужая пылавшую голову, Артем брал снег горстями и прикладывал ко лбу. Надо же так не вовремя расхвораться! Он смотрел на крепкие железные ворота завода, на высокий забор, за которым ждали помощи рабочие, и думал: «Если разобраться, там сейчас единственное место на земном шаре, где рабочие взяли власть в свои руки. И вот по ним готовятся крыть из пушек...» Мысли путались, жар сменялся ознобом, всеми силами Артем боролся с желанием опустить голову и закрыть глаза.

Небольшой отряд Крикунова блестяще выполнил задание Артема. Дружинники незаметно подползли к солдатам и забросали их самодельными бомбами. Не давая противнику опомниться, рабочие вскочили на ноги и с криком «Ура!», стреляя из револьверов, бросились в атаку.

Напуганные, не ожидавшие такого сильного и внезапного нападения, солдаты стали пятиться, не ввязываясь в ближний бой. «Молодец Крикунов!» Привстав с земли, Артем выжидал момент, чтобы дать сигнал к прорыву. Еще немного, и путь на «Гельферих-Саде» будет свободен.

Вдруг раздались слитные залпы винтовок, затем протарахтел пулемет. Это с Конной площади встретили атакующих казаки.

Извиваясь на снегу, к Артему подполз Крикунов. Шапку он потерял, с виска капала кровь, лицо было в грязи.

— Ни черта не выйдет! — кричал он, показывая наганом в сторону солдат.— Бьют из винтовок, не подпускают. Бомбу не кинешь.

— Пускай! — ответил Артем.— Оттянем их на себя.

— Оттянешь! — со злостью проговорил Крикунов, рукавом стирая кровь и грязь.—Одиннадцать рот одних драгун — не шутка! На Николаевской шесть рот пехоты и несколько сотен казаков. Да четыре роты бьют наших на вокзале. Железнодорожники, говорят, схватились врукопашную.

— Что предлагаешь?

— Баррикаду надо. Я посылал ребят разведать. На Конном базаре свалены мешки с солью. Никакая пуля не возьмет!

— Хорошо, отходим. Передай своим.

Осажденные на заводском дворе слышали бой паровозников с солдатами. Характерный звук рвущихся бомб давал надежду, что соседи пробьются на выручку. Потом стали грохать залпы, застучали пулеметы. «Не пробились!» Полчаса, отпущенные ультиматумом, давно прошли. Кое-кто с тревогой поглядывал на артиллеристов, копошившихся возле своих пушек.

— Ну, будет пыли, если саданет! — нервно посмеивался Силуянов, не переставая наблюдать за приготовлениями артиллеристов.

Его успокаивал солидный Жмаченко:

— Помирать торопишься? Ну, вдарит раза два. Ворота у нас крепкие.

— А если штыками кинутся?

— Пускай лезут!

Пробегая через двор, Шалай махал рукой и звал всех, кто с бомбами, на второй этаж склада.

— Степан, а вы закапывайтесь в сугробы у забора. Если полезут — залпом, как учились. Понял?

Второй этаж склада готовой продукции возвышался над заводским забором. Отсюда хорошо просматривалась вся площадь, забитая войсками.

— Вышибай окна! — скомандовал Шалай.— Закуривай!

Поплыл душистый аромат дорогих сигар.

Шалай выставил в ряд несколько бомб, проверил фитили и, закурив сигару, сощурился:

— Давайте лезьте, гады!

На площади проиграл рожок горниста, и тотчас, словно в ответ ему, откликнулся тонкий гудок завода «Гельферих-Саде». Гудок выл не переставая. Запыхавшийся Силуянов, взбежав на второй этаж, доложил Шалаю:

— Я его ремнем привязал. Пускай ревет.

Из жерла орудия вырвалась длинная огненная полоса, послышался глухо тупой удар. «Началось!» — Силуянов пощупал кирпичную стену, в которую угодил снаряд.

— Крепко клали. Будто знали, что будем тут сидеть.

Орудия теперь били с равными томительными перерывами. В промежутках между уханьем слышно было, как трещали пулеметы и рассыпались ружейные залпы. Пули, как из решета, стучали по крыше, гремело железо.

Артиллеристы на площади проворно суетились возле пушек.

— Ах, солдаты, солдатики...— прохрипел Миронов, высовываясь из укрытия. Бомбой бы до них достать!

Густо сыпалась штукатурка, со звоном вылетали стекла. Пули впивались в кирпичи. В черный провал стены, разбитой снарядом, была видна обугленная балка, ветер подхватывал дым, искры. Занялось пламя и красновато заметалось из стороны в сторону.

На втором этаже появился мальчуган в громадных сапогах с ведром воды.

— Я пить принес!

На его чумазой рожице не было ни тени страха.

— А ну давай отсюда! — крикнул на него Шалай.

От удара снаряда стена лопнула сверху донизу, затрещала крыша. В клубах пыли и дыма замелькали фигуры бегущих людей. Потом пыль рассеялась, на грязном потолке заиграло отражение зарева.

— Который час? — спросил, не оборачиваясь, Шалай.

Сиплый голос Миронова ответил, что, должно быть, около четырех.

— А темно-то!

— Зима,— сказал Миронов.— Да и дым.

Растерянный Силуянов показывал пальцем на дырку в штукатурке.

— Только я высунулся,— лепетал он,— а она... прямо возле виска! Ей-богу.

Шалай огляделся: с одной стороны колыхался пожар, с другой не переставая трещали выстрелы. Он приказал оставшимся людям спускаться вниз.

— Ихний денек вышел, ничего не поделаешь.

На заводском дворе зияла огромная воронкообразная яма. Вокруг — кровавые пятна, черные обрывки не то одежды, не то человеческих тел. Ворота были сорваны и отлетели в сторону. На горе угля лежало несколько убитых дружинников.

От горящих зданий склада и соседнего цеха багровело небо, кроваво озарялись дома на Петинской улице.

Кто-то из рабочих, заругавшись, бросил на землю самодельную железную пику. Толку-то с нее!

Вглядываясь в площадь, где серым строем стояли спешенные казаки и целились из карабинов, Шалай не заметил, как подбежал Костя Бассалыго.

— Что, командир,— задыхаясь спросил Костя,— убитых много?

— Хватает.

— А раненых? Раненых надо выносить!

Шалая пошатывало: от крепкой сигары у него кружилась голова. Он выругался: казаки не идут на штурм, а предпочитают стрелять издали.

— Иван,— сказал Бассалыго,— мы тут советовались. Будем отходить. Я постараюсь затянуть переговоры, а вы уходите через малярный цех к угольному складу. Ты дорогу знаешь, веди людей.

В проломе стены склада замахал белый флажок. Стрельба с площади стала стихать. Из ворот завода вышел Бассалыго, прошел метров пятьдесят и остановился, дожидаясь парламентера с другой стороны. К нему направился офицер с двумя казаками. Казаки держали карабины на изготовку.

Переговоры заняли минуты три. Офицер снова предложил капитулировать и сдать оружие. Бассалыго заявил:

— А что делать с заводом? У нас заминированы все цеха.

— Немедленно разминировать!

— Но на это надо время.

— Сколько? Час? Два?

Стараясь выгадать время, чтобы спасти раненых от расправы, Костя Бассалыго потребовал два часа.

— Хорошо, приступайте,— кивнул офицер и вместе с казаками отправился обратно.

Артем со своей дружиной удерживал баррикаду на Конном базаре. По звукам несмолкающего боя он догадывался, что́ происходит у засевших на «Гельферих-Саде». Лишь когда весь огонь обрушился на баррикаду, Артем понял, что с осажденными покончено, и дал своим команду отходить. Путь для отступления был один —

к винным складам, а оттуда на Заиковку. Дружинники отходили, боясь словом, жестом, выражением лица выразить страх, панику от ожидания расправы.

...В ранних сумерках декабрьского дня город наконец затих. Лишь время от времени раздавался одинокий выстрел и пуля сочно впивалась в забор. Это обозленные городовые, осмелев, принялись охотиться за случайными прохожими.

Последний выстрел прогремел уже в совершенной темноте ночи — словно точка в конце трудного, полного стольких испытаний дня.

Спящих предстояло будить, и как можно скорее, но фельдшерица Базлова по привычке осторожно приоткрыла дверь палаты и, бесшумно ступая на мягких войлочных подошвах, вошла в темное, душноватое помещение. На одной из кроватей тотчас дернулся и вскинул голову человек — с такой чуткостью обычно спит раненый, обложенный настырными охотниками зверь.

Из двери на крашеные половицы падал косой клин света. За окном бушевала вьюга,— на стекле наружных рам лепило пласты мокрого снега.

— Федор Андреич...— Даша старалась говорить ровно, не выдавая паники,— полиция.

Рывком сев на кровати, Артем зажмурился, затем, окончательно придя в себя, сильно тряхнул головой.

— Будите людей,— сказал он.

— Я не сплю,— отозвался в темноте Шалай, продолжая лежать с закрытыми глазами.

На двух других кроватях не шевелились. Анатолий Галкин спал на боку, с поджатыми коленями. У Степана свешивалась до полу рука, ноги в сапогах торчали сквозь прутья спинки. Комитетчики спали не разувшись.

Издалека послышался настойчивый стук в наружные

двери. Колотили чем-то железным. Потом стали яростно бить ногами.

Даша Базлова свалила на пол охапку больничных халатов.

— Переоденьтесь.

Грохот ломившейся полиции переполошил больницу. Наверху, в палатах буйнопомешанных, раздался вопль, стук.

Быстро проходя по коридору, доктор Тутышкин отдавал коротенькие приказания: двери не открывать, никого не пускать.

— Петр Петрович,— с отчаянием воскликнул чей-то голос,— они же разнесут!

— Ничего страшного. Успокойтесь.

Заглянув в палату, Тутышкин одобрительно оглядел переодевшихся в халаты комитетчиков, но Артему заявил:

— А вы — снимите. Снимите, снимите! Бесполезно. Вас они хорошо знают в лицо.

В растерянности Даша Базлова проговорила:

— Что же делать?

Изо всех сил засовывая руки в карманы халата, доктор Тутышкин старался не выказывать тревоги.

— Даша, отведите Федора Андреича к буйным... Да-да! Разденьте, сделайте «укутку». Все как обычно. Только, пожалуйста, поскорее. А вы, товарищи, идемте со мной.

Гуськом, точно больничные служители, комитетчики направились за озабоченным доктором.

Фельдшерица повела Артема наверх. Внизу в дверь методично бухали тяжелые удары. Голос санитара прокричал:

— Без разрешения доктора открывать не имею права!

В небольшой коридорчик выходили запертые двери нескольких палат. Поколебавшись, Даша хотела открыть сначала одну, затем перешла к другой.

— Здесь вам спокойней будет.

Крохотное оконце еле освещало узкую палату. На койке, привинченной к полу, лежал спеленатый человек. Едва открылась дверь, человек выгнулся дугой и, напрягая сорванный голос, принялся вопить:

О, пожарно-косичный,
Темнохвостый кур!
И мужчины страдязя,
И бой юнязя.
Хоробров буй, буй!

Вторая койка с железными продольными полосами стояла пустой.

— Он... настоящий? — посматривая на вопившего, спросил Артем.

— Что — настоящий? — не поняла Даша, перебирая какие-то белые тряпки.

— Ну... больной?

— Ой, ну о чем вы, Федор Андреич! — рассердилась Даша.— Конечно, настоящий. Раздевайтесь скорей. Время же!

Прежде, чем отдать свою одежду, Артем достал из кармана фальшивые усики и попросил Дашу помочь их наклеить. Спеленатый холодными влажными простынями по рукам и ногам, он был еще привязан к койке широкими крепкими полотенцами. Теперь у него, как и у вопившего стихи соседа, из белых свивальников торчала одна голова.

Заперев палату, Даша убежала вниз, где рассвирепевшая полиция продолжала ломать двери. Доктор Тутышкин молча взглянул на фельдшерицу, она так же безмолвно кивнула: все в порядке...

Полиция ворвалась в больницу не раньше, чем приехал спешно вызванный представитель земства и приказал открыть дверь. Багровый, с нахлестанным ветром ли-

цом, Панкрат Семенович ударил Тутышкина в грудь. Полицейские, роняя с фуражек пласты снега, разбежались по коридорам. Вошел чистенький жандармский офицер — видимо, дожидался в закрытом экипаже.

— Вы арестованы,— объявил он Тутышкину и приказал его увести.

Сосед Артема лежал тихо, лишь изредка постанывал. Но вот на лестнице послышались шаги множества ног, раздался ровный голос фельдшерицы Даши Базловой:

— Здесь, господа, у нас буйно помешанные. Входить не советую.

Спеленатый поэт снова выгнулся дугой и хрипло заорал, что он полено и требует сунуть его в печь...

В суматохе осады и обыска больничный персонал пропустил час завтрака. Фельдшерица Базлова отыскала представителя земства и попросила разрешения кормить больных. Тот удивился:

— Ну разумеется! Само собой.

Для больных во флигеле приготовили кипящий самовар и бачок с едой. Самовар на вытянутых руках нес Степан, бачок поставил себе на голову Шалай. Анатолий Галкин шел за ними с веником и половой щеткой.

Полицейский в дверях загородил дорогу:

— Куда прешь? Назад!

— Что за безобразие! — возмутилась Даша.— Господин пристав, нам нужно кормить больных. Я буду жаловаться.

Решительно вмешался представитель земства.

— Ладно, пропусти,— кивнул полицейскому Панкрат Семеныч.

Пихая впереди себя кипящий самовар, Степан двинулся в дверь. Полицейский отскочил.

— Ну ты!..— рявкнул он на Степана.

Шалай, готовясь выйти под падавший снег, накрылся халатом с головой и спрятал бачок.

— А этот? — спросил полицейский, указывая на Галкина с веником и щеткой.

— С нами, с нами,— сказал из-под халата Шалай.— Убирать.

Даше Базловой передали, что ее вызывают в контору. «Зачем бы?» Страха не было, она отправилась спокойно. В конторе ее встретил давешний жандармский офицер. На столе лежало старенькое пальтишко Артема, тут же были паспорт и какие-то бумажки, обнаруженные в карманах: «Нашли!» Сердце Даши сжалось.

— Где Артем? — спросил офицер, пристально глядя в глаза фельдшерицы.

Даша быстро справилась с собой:

— Какой Артем? Я не знаю никакого Артема!

Кивком головы офицер указал на пальто и документы.

— Он здесь, мы это знаем. Не отягощайте своей вины. Мы все равно его найдем.

Вместо ответа Даша пожала плечами.

— Ну хорошо,— бесстрастно произнес офицер.— Вон отсюда!

В больнице начался повальный обыск. В отделении буйно помешанных случилось происшествие: на Панкрата Семеныча в первой же палате кинулся больной и, пока его оттаскивали санитары, расцарапал околоточному лицо. Пристав части, отправив пострадавшего домой, возглавил обыск сам, но вынужден был тут же отказаться: кто-то из больных плюнул ему в лицо.

Через некоторое время в палату, где находились Артем и свихнувшийся поэт, вошла Даша. Она развязала на Артеме полотенца и свивальники и кинула на койку длинный больничный халат.

— Скорее одевайтесь. Мы сейчас выводим больных на прогулку.

Коридор первого этажа запрудила толпа людей в серых халатах. Больные ежились, засовывали руки в рукава.

Артем, чувствуя поднимающийся жар, мелко трясся от озноба,— он никак не мог согреться. У него ввалились щеки, вылезла трехдневная щетина. Последнее время он не знал и часу отдыха. За его голову была обещана большая награда, полиция и охранка шли по пятам.

Санитары, гремя ключами, выводили больных и пытались придать толпе какое-то подобие строя. Пристав части важно пропускал больных мимо себя, словно считая их. Кутаясь в халаты, люди с овечьей торопливостью устремлялись к двери, молча толкались, отпихивая друг дружку, и сбегали по ступеням в голый сад, засыпанный свежим снегом. У пристава брезгливо кривились губы.

В какое-то мгновение сердце Артема екнуло, но пристав только скользнул по нему взглядом. Дикий вид больного ничем не привлек его цепкого глаза.

«Все!» — с облегчением вздохнул Артем, оказавшись в знакомом саду. Кажется, он даже согрелся. Во всяком случае озноб вдруг непонятным образом пропал...

После провала восстания наступили трудные дни. Многие товарищи были убиты, попали за решетку. Первая попытка свалить царизм закончилась неудачей, но впереди ожидались новые бои, и следовало уйти от полного разгрома, сохранить на будущее как можно больше сил.

Торжество властей, творящих суд и расправу над «бунтовщиками», злорадство меньшевиков — в такой тяжелой обстановке большевикам пришлось вести подготовку к очередному съезду партии. Артем, вожак харьковского пролетариата, получил мандат на съезд. Уезжать из Харькова пришлось тайком. Ночью он пешком отправился на станцию Основа, чтобы, избежав полицейского наблюдения на городских вокзалах, сесть там на поезд. На первых порах он решил немного отсидеться,

вылечиться от мучившей его все эти дни простуды. Затем предстоял далекий и сложный путь: сначала в Петербург, а уже оттуда за границу, в Швецию, где должен был состояться Четвертый съезд партии.

Глава шестнадцатая

Адрес единственной петербургской явки для делегатов заграничного съезда партии Артем держал в памяти.

Смешавшись с толпой пассажиров, он проверил, нет ли за ним «хвоста», быстро миновал высокие залы столичного вокзала и вышел на Невский. В глаза бросился тип в клетчатом пальто, с торчавшими усиками и бегающими глазами. Филер. Кого он тут вынюхивает? Слава богу, не его... Артем поспешил уйти от такого опасного места, как вокзал.

Два мужика с большой пилой, замотанной тряпками, стояли посреди тротуара и глазели на громадную витрину, в которой были выставлены золотой калач и кружка пива. Ротозеев-мужиков обошел суровый мужчина в черном цилиндре, державший в руке железный венок с крашеными листьями. На углу Литейного и Владимирского блистала, привлекая взгляды прохожих, витрина модного ресторана Палкина. Толкались щеголи во фраках, наблюдая, как повар в белом колпаке выставляет блюдо с гигантским осетром. Во рту осетр держал пучок зелени.

Петербург имел сытый, самодовольный вид. Так ведет себя человек, счастливо переживший грозное, опасное время. Отбив атаку возмущенного народа, имущие власть спешили вознаградить себя за недавние страхи и во весь размах наслаждались жизнью. Артем подумал, что в радостях царской столицы откровенно сквозило торжество врага, пляшущего на мокром пепле залитого кровью костра.

Отправляясь на съезд, Артем оставил Харьковскую организацию в тяжелом положении. Разгром был полным. За решеткой Тутышкин, Даша, Шалай, Степан, Галкин... Кажется, даже Шурочка, об этом Артем знал понаслышке. Дома, спасаясь от преследования и помимо этого занятый подготовкой к съезду, он просто не имел времени наведаться к Мечниковым. Шалая со Степаном, писали ему, схватили на улице, Галкина взяли на проваленной явочной квартире. Артем опасался за Шалая — по суду парня явно ждет петля. Степану — тому каторга. Галкину и Шурочке, пожалуй, удастся отделаться ссылкой...

На горбатом мостике через Фонтанку, с бронзовыми, ставшими на дыбы конями, Артема отвлекла от мыслей потешная сценка. Хлыщеватый молодой человек, взяв наотмашь котелок, с поклоном обратился к раздутому городовому:

— Господин городовой, здесь можно с тросточкой гулять?

Толстая как бочка фигура поворотилась:

— А почему нельзя?

— Так ведь тут царь живет! — льстиво воскликнул хлыщ.

Мясистое лицо городового побагровело:

— А ну проходи... д-дубина!

Посмеиваясь, Артем быстро зашагал дальше. Галереи Гостиного двора были полны народа, светлые крылья Казанского собора покоем обнимали небольшую уютную площадь. На крыше здания компании «Зингер» блестел макет земного шара.

На явке, где следовало зарегистрироваться и получить дальнейшие инструкции, Артем встретил старого знакомого Крохмаля. Два с лишним года назад они оба слушали лекции в парижском университете Ковалевского. Крохмаль обрадовался:

— О, вот неожиданность-то! Вы откуда сейчас?

— Из Харькова.

— Да? Гм...— Крохмаль сразу поскучнел.— Что же, большевик?

— Конечно.

— Так, так... Позвольте ваш мандат.

Он стал сух и деловит, как чиновник. Мандат Артема он повертел перед глазами и отложил в сторону.

— Видите ли, я вынужден вас огорчить. По положению, как вы знаете, каждый делегат должен иметь триста голосов. У вас же, я вижу, всего сто пятьдесят...

— Что же,— не выдержал Артем,— я самозванец, выходит?

Крохмаль иронически поклонился:

— Уж как вам угодно! Но от Харьковской организации уже прибыли товарищи.

— Кто такие? Кто их послал? Покажите-ка мне их мандаты!

Встав, Крохмаль надменно произнес:

— Командовать вы можете у себя. Здесь вы обязаны подчиняться дисциплине.

Справившись с растерянностью, Артем спросил:

— Хорошо... но Ленин здесь?

— А уж это вы выясняйте сами. Честь имею!

Артем вскипел:

— На кой черт тогда мне дали этот адрес?

Пожав плечами, Крохмаль неохотно назвал еще один адрес — там, как выяснилось, регистрировались приезжающие делегаты-большевики. Здесь же обосновалась штаб-квартира меньшевиков.

Выскочив из помещения, Артем перевел дух. «Ну и ну... Война, выходит, уже пошла!» Еще дома, в Харькове, едва начались выборы делегатов, борьба большевиков и меньшевиков достигла степени ожесточения. Разгром восстания оказался на руку меньшевикам: крепости

большевиков были разбиты, многие партийные работники попали за решетку или вынуждены скрываться.

На новой явке Артем с первых же шагов попал в атмосферу дружеской сердечности. Встретил его Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Артем оттаял и рассказал, что с ним произошло на меньшевистской явке.

Бонч-Бруевич рассмеялся:

— Еще бы! У-у, они съедят!

Он отправил Артема в Технологический институт, в «Техноложку», наказав быть осторожным («шпиков в Питере тьма-тьмущая!»). Владимир Дмитриевич успокоил Артема, сказав, что Ленин здесь и скоро встретится с делегатами.

— Вот приходите завтра.

Наутро Артем заявился пораньше, но оказалось, что Ленин уже здесь и беседует с делегатами.

— Идемте,— пригласил Владимир Дмитриевич и повел Артема внутренними переходами и коридорчиками на третий этаж.

В небольшой комнатке с убогой канцелярской мебелью сидели человек двенадцать. Ленин мельком взглянул на опоздавшего, кивнул на его приветствие и, как показалось Артему, на мгновение сощурил глаз, видимо припоминая, где они могли видеться. Через несколько минут Ленин, не прерывая разговора с делегатами, сам отыскал взглядом сидевшего в уголке Артема и улыбнулся. Вспомнил!

Разговор шел о настроении рабочих после разгрома декабрьского восстания. Невысокий, плотно сбитый парень с открытым курносым лицом рассказывал подробности боев с войсками в Горловке. Слушали его затаив дыхание. Поводом для горловского восстания послужил расстрел драгунами митинга бастующих рабочих машиностроительного завода. Чтобы ответить на произвол

властей, в Горловку съехались боевые дружины близлежащих заводов и шахт, всего около четырех тысяч. Вооруженные рабочие повели наступление на драгунские казармы. После ожесточенного двухчасового боя драгуны прорвались в степь, соединились там с казаками и налетели на станцию. Силы сражающихся были неравны. Войскам удалось захватить штаб восставших. Рабочие потеряли более двухсот человек убитыми, около трехсот попали в плен. Какая-то часть осажденных пробилась к стоявшему на путях поезду, и машинист сумел вырваться из Горловки.

— Увез? — спросил кто-то из слушателей.

Курносый парень почесал висок:

— Увезти-то увез, да сам попался.

— Судили?

— Да ну — судили! Повесили. Есть им когда судами заниматься!

Но руководителей горловских рабочих, попавших в плен к карателям, ждет показательная судебная расправа. Рассказчик назвал их имена: литейщик Ткаченко-Петренко, слесари Ващеев и Бабыч, электротехник Щербаков, фельдшер Зубарев-Кузнецов.

Курносый рассказчик, наклоняя ежик головы, смотрел на внимательно слушавшего Ленина и, волнуясь, говорил так, будто выступал на митинге:

— Революция, мы это поняли, Владимир Ильич, не пустая говорильня, а тяжелое и смертельно опасное дело. Но она — кровное дело рабочих, и долг революционеров — быть в первых рядах рабочего класса, а не путаться у них в ногах!

Он сел и некоторое время, все еще под впечатлением настроения, не мог найти, куда девать свои руки. Ленин быстро писал в блокноте, пристроив его на колене.

— А кадеты-то, а? — насмешливо произнес кто-то.— Уговаривают мужиков не платить налогов!

— Мужик, он хитрый. Он подождал-подождал, видит — не дождаться, и сам стал брать земельку!

Ленин, не дописав до конца, вскинул карандаш:

— Вот это настоящее революционное дело. И мы должны помочь крестьянину, быть с ним заодно.

— Владимир Ильич,— уверенно, даже чуточку хвастаясь, отозвался высокий и худой, потиравший свои расставленные коленки,— мы с мужиком — душа в душу!

Бросив писать, но не закрывая блокнота, Ленин повернулся и снова отыскал Артема, наставил на него карандаш. Артем поднялся, Ленин стал спрашивать о работе Харьковского Федеративного Совета: на принципах ли равноправия произошло это вынужденное слияние, сильно ли мешали в преддекабрьские дни меньшевики? Затем, оставляя на листке блокнота какие-то пометки, он перешел к заводским делам. Вопросы его были быстрыми, короткими. Что производит завод? Сколько? Цена? Кто директор? Кто члены правления? Инженеры? Сколько зарабатывают рабочие разных категорий? Бытовые условия? Условия труда в цехах? Чей капитал — русский или иностранный? Какое оборудование — новое или изношенное?

— Некоторые считают,— пояснил он, обращаясь ко всем,— что раз иностранный капитал, так обязательно первоклассная техника. Не так! Иностранцы смотрят на Россию как на колонию. И не стыдятся ставить изношенное оборудование. Капитал не знает стыда. Было бы выгодно!

О прибылях завода, как и вообще обо всей финансовой стороне дела, Артем ничего путного сказать не мог. Ленин посоветовал заглянуть в отчет заводской бухгалтерии министерству финансов.

— Найти его просто. Но имейте в виду — у них двойная бухгалтерия. Они и отчеты готовят в двух видах: один — для членов правления, другой — для мини-

стерства. Бухгалтерская ловкость рук — большое искусство! За это платят немалые деньги.

Мало-помалу разговор перешел к предстоящему съезду. Собственно, борьба с меньшевиками началась еще на местах, при выборах делегатов. Сейчас она все больше набирает силу — борьба за влияние, за большинство голосов, за решения, которые будут приняты и утверждены для всех членов партии. Оказалось, что Крохмаль, встречавший делегатов, грубо обошелся не с одним только Артемом. Все, кому пришлось обратиться на меньшевистскую явку, выскакивали оттуда с возмущением: вот так «товарищи»!

Горячась, Артем стал рассказывать, как проходили выборы. Прежде всего, меньшевики категорически отказались заменить в комитетах арестованных большевиков новыми товарищами. Следовательно, никакого равенства не было и в помине. И свое большинство меки использовали без зазрения совести.

— Допустим, собрание. Так что вы думаете? Нас извещают всего за час, за два до начала. Кто же, спрашивается, успеет? «Ну, говорят, нас это не касается. Вы были извещены».— Курносый рабочий, рассказывавший о горловском восстании, энергично закивал: «И у нас то же самое!» Ободренный Артем продолжал: — Я знаю точно: на паровозостроительном в выборах принимало участие меньше половины членов партии. И так везде... Или вдруг придумали пристегнуть к нашей организации Белгород. Зачем? С какой стати? А вот с какой: заводов там нет, шахт тоже, одни лавки. Естественно, наших там тоже нет. Вот они так и царствуют... Мне, правда, предложили поехать в Белгород, но я отказался. Еще чего! Это же лавочка! Жулье они, Владимир Ильич, и больше ничего. Так мне и товарищи сказали.

С треском вырвав из блокнота лист, Ленин протянул его Артему:

— Вам нужно обязательно рассказать об этом на съезде. Вот, взгляните, я тут набросал. Сумеете вы эти тезисы развернуть в виде доклада?

— Постараюсь, Владимир Ильич... Да чего там, сумею, конечно!

— Ну и прекрасно... Учтите, товарищи, с недавних пор жандармы получили специальное распоряжение изучать разногласия большевиков с меньшевиками и эсерами, чтобы быть, так сказать, в курсе дел. А то арестовывают не того, кого надо!.. А революция продолжается. Нам, в интересах дела, нужно объединение всех сил. Но мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке!

— Владимир Ильич, а не лучше вообще сорвать такой съезд? — предложил высокий и худой, все так же озабоченно потирая свои колени.— Толку-то с него!

— Ни в коем случае! — запротестовал Ленин и, прижав локтем блокнот, стал загибать пальцы, перечисляя выгоды съезда даже при таком составе депутатов. Ну, во-первых, слияния хотят сами рабочие. Во-вторых, борьба на съезде обнажит весь оппортунизм меньшевиков. И, наконец, съезд позволит отрегулировать отношения с национальными организациями социал-демократов — латышской, польской, еврейской.

— Борьба на съезде предстоит упорная, и к этому надо быть готовым,— говорил Ленин.— Мы, как всегда, будем бороться за революционную программу, за революционный характер всех решений. А товарищи, видимо, заметили, что меньшевики катятся все дальше вправо. Только слепой не видит, что они, по существу, начисто отказываются от революционной борьбы. Уже отказались!..

Отправкой делегатов из Петербурга в Стокгольм занимались Надежда Константиновна Крупская и Елена Дмитриевна Стасова. Деньги, явки, заграничные паспорта, маршруты движения — все это было подготовлено заранее.

Артем получил документ на имя Артамонова, туриста. Ему предстояло сесть вечером в поезд на Финляндском вокзале, постараться не привлекать к себе внимания. В финском порту Або съехавшиеся порознь делегаты соберутся на борту парохода.

Первую остановку поезд сделал на границе, в Белоострове. Заграничных паспортов никто не проверял, поскольку Финляндия входила в состав Российской империи. По вагонам медленно прошли жандармы, вглядываясь в лица пассажиров.

В купе появился проводник и принялся стелить постели.

Утром за окном глазам Артема представился совсем другой пейзаж. Равнину сменили скалы с соснами и елями на самых вершинах. Сияло весеннее солнце, поезд проносился мимо чистеньких, уютных мыз.

На первой же финской станции пассажиры устремились в буфет. Столы были уставлены всевозможными холодными закусками. Здешние порядки удивили Артема: затратив всего одну марку (около сорока копеек), можно было съесть сколько захочешь.

Входя в состав России, Финляндия, однако, имела свои законы и органы управления, а самое главное — она имела открытую границу на запад.

В порту Або мягкий ветер с моря нес редкий дождик. Мокрый борт пароходика блестел, как лакированный. Рабочие подметали пирс и сходни — только что закончилась погрузка скаковых лошадей.

Вечером в открытом море пассажиры столпились на верхней палубе, любуясь медленным розовым закатом.

Артем узнал здесь многих, кто был на беседе с Лениным. Все они приоделись и выглядели людьми среднего достатка. Курносый парень, запомнившийся Артему своим рассказом о горловском восстании, оказался рабочим из Луганска Ворошиловым. Они разговорились, Ворошилов с семи лет работал на шахте, выбирал из отвалов колчедан, получая по 10 копеек в день. А до этого они с сестренкой ходили под окнами, просили милостыню. Сейчас он работал крановщиком в чугунолитейном цехе.

— Близко что-то идем,— сказал Артем, поглядывая на изрезанные шхерами берега. Ровное маслянистое море лениво облизывало мокрые коричневые скалы, облитые предвечерним солнцем.

— Из-за лошадей,— ответил Ворошилов.— Боятся, что укачает. У берега спокойней.

Шумливая группа пассажиров обращала на себя внимание одинаковыми пальто и шляпами одного фасона.

— Как из приюта,— улыбнулся Ворошилов, показывая на них глазами.

— Кто такие? — спросил Артем.

— Не видишь? Наши.

Чернобородый человечек с бойкими глазами выговаривал флегматичному молодому человеку студенческого облика:

— ...мужичок — частник, да! Поэтому он хочет иметь землю в своей собственности. Он скорее за «черный передел».

— В том-то и состоит задача,— защищался флегматичный студент,— не подыгрывать ему, а воспитывать. Зачем же потакать?

Это уже задолго до открытия съезда начали ломаться копья по поводу аграрной программы партии. На крестьянство как огромный неиспользованный резерв народной силы заставило обратить внимание недавнее поражение

декабрьского восстания. С кем выступит крестьянство, на чьей оно будет стороне?

— Товарищи,— предложил кто-то из группы,— идемте в кают-компанию. Там удобнее.

— Как? — ужаснулся чернобородый.— Опять закусывать?

— Никаких закусок. Выпьем чаю. Я видел там самовар.

— А, это другое дело. Чаю — хорошо.

В кают-компании во главе общего стола возвышался громадный самовар с несколькими кранами. Чернобородый, не зная языка, пальцем указал буфетчику на самовар. Тот улыбнулся и жестом предложил выбрать: из какого крана? Заказчик удивился: какая разница? — и, продолжая высказываться, невнимательно принял налитую чашку, отхлебнул — и вдруг поперхнулся, глаза его остановились.

— Это же... водка! — проговорил он наконец.

Грохнул смех. Каждый брал из его рук чашку, побалтывал, нюхал и разводил руками: да, настоящая водка. Вот конфуз!

Буфетчик, вначале ничего не понимавший, в конце концов присоединился к общему веселью. Спорщики, пользуясь тем, что времени вволю, вновь сцепились в словесной перепалке.

Бойкий говорун с черной бородкой намеревался привлечь крестьянство конфискацией помещичьих земель. Он выдвигал идею так называемой муниципализации земли,— передачи помещичьих земель в ведение органов местной власти. Это был Маслов, один из меньшевистских докладчиков на съезде по аграрному вопросу.

— Плохо эти господа знают мужика,— тихо сказал Ворошилов.— Нашли чем его подманить! Ты дай ему землю в руки, вот тогда он будет твой!

Неожиданно раздался треск, пассажиров бросило на

стену. Свет сразу же погас. В полной темноте панический голос произнес:

— Мина!

Наверху завыла сирена, трапы загудели от ног бегущих матросов. С кормы парохода ударила крохотная пушечка.

Постепенно обстановка прояснилась: пароходик наскочил на камень.

— Чертовы лошади! — выругался Ворошилов.

У пароходика обозначился крен. Пассажирам раздали спасательные пояса.

Флегматичный студент мыкался на палубе и спрашивал, почему нельзя спустить шлюпки. Капитан-финн, с трудом выговаривая русские слова, объяснил, что он вызвал помощь, нужно ждать рассвета.

Шустрый Маслов появился на палубе, натянув на себя сразу два спасательных пояса. Он пытался балагурить:

— Если я утону, со мной на дно уйдет аграрная программа партии. Тогда Ленин легко проведет свою национализацию.

Ворошилов не выдержал и брякнул:

— Тогда для партии выгодно, чтобы вы утонули!

— Ну, смотря для какой партии! — натянуто рассмеялся Маслов.

Черный кавказец, державший спасательный пояс под мышкой, произнес без тени улыбки:

— На пароходе меньшевиков вдвое больше, чем большевиков. Большевикам прямая выгода.

Крен парохода увеличивался. Кто-то сходил вниз и принес известие, что вода заливает каюты. Пушечка на корме не переставая бухала в безответную темноту моря. Скорей бы утро!

Кавказец, посмотрев на унылые лица пассажиров, вдруг улыбнулся, показав обилие превосходнейших зубов.

Он стал рассказывать о горце, который впервые в жизни спустился в город, взял на вокзале билет на поезд и зашел в буфет. Поезд пришел, постоял сколько положено, раздались звонки. Горец сидит и спокойно потягивает вино. «Что ты сидишь? — кричит ему буфетчик.— Поезд уходит!» «Ва, зачем кричишь? Билет же у меня в кармане!»

Посмеялись. Над морем посерело, стали видны недалекие скалистые берега.

— А ну принесет военный корабль? — тихонько сказал Артему Ворошилов.— Любой задумается: и чего, скажут, так много русских?

Действительно, полиции представился счастливый случай одним ударом прихлопнуть сразу половину съезда.

Когда рассвело, с палубы разглядели судно, спешившее на помощь. Опасения не оправдались: это был небольшой ледокол.

На прощание капитан пострадавшего пароходика на своем неуклюжем русском языке поблагодарил пассажиров за спокойное поведение. Он еще добавил:

— Сразу видно, что революционеры. Буржуазная публика обязательно подняла бы панику.

Делегаты были и польщены, и обескуражены: вот так конспирация!

Стокгольм показался Артему чем-то похожим на Петербург: расположен на островах, обилие каналов, мостов... От порта к площади Густава Адольфа вела нарядная улице Шеппсбрунн. Старинный парк Хага уже оделся весенней зеленью. Автомобилей в Стокгольме не было видно. Аккуратно работала городская конка, слишком непохожая на российскую: лошади в Швеции были холеные, хорошо откормленные.

— Заметил? — спросил Ворошилов.— Лошадей здесь не бьют. А у нас-то...

Встречать и размещать делегатов должен был товарищ по кличке Дяденька. К удивлению Артема и Ворошилова, Дяденькой оказалась женщина, Лидия Михайловна Книпович, отлично владевшая шведским языком.

На каждого иностранца в Швеции заводилось полицейское дело. Делегаты съезда указывали, что они прибыли на две-три недели как туристы, после чего едут дальше. Все они назвались вымышленными именами. Поселились делегаты небольшими группами в гостиницах «Франкфурт», «Континенталь», «Виктория», «Бристоль», «Синяя лента».

Несколько дней, оставшихся до открытия съезда, делегаты бродили по городу. На весну в Швеции приходится праздник учащихся. Тысячи юношей и девушек сдают в школах экзамены и с нетерпением надевают заранее купленную студенческую фуражку с белым верхом и черным околышем. Пусть осенью не многие из них попадут в высшие учебные заведения, все равно целое лето молодые люди носят студенческие фуражки — как символ своего перехода во взрослое состояние.

Безделье томило делегатов, и Артем не удивился, когда почувствовал, что очарование заграницы быстро исчезает. Ему это было знакомо по Парижу. Оказалось, то же самое испытывает и Ворошилов.

— Не у себя, так не у себя, правда?— признался Клим.— Здесь где-то еще один наш парень есть, из Иваново-Вознесенска. Давайте уж вместе.

Так в их компании появился третий — Михаил Фрунзе, молчаливый, вечно сосредоточенный, старающийся не вылезать вперед.

— Ты не гляди, что он все время молчком,— сказал Клим,— парень решительный.

— Рабочий? — спросил Артем.

— Ваш брат, студент. Учился в Петербурге, в Политехническом. Там и в партию вступил.

— Сидел?

— А как же! — удивился Ворошилов.

Теперь они всюду появлялись неразлучной троицей. Часто друзья спускались в маленькое кафе под мостом, где подавались очень вкусные вафли с вареньем и шоколад. Сидя за крохотным столиком, касаясь друг друга коленями, они подолгу рассуждали о том, что шведские газеты почему-то ни словом не обмолвились о грозных российских событиях декабря прошлого года. Впрочем, в самой Швеции, несмотря на внешнее благополучие, было не совсем спокойно. До сих пор еще доходят отзвуки гигантской забастовки металлистов, продолжавшейся более полугода, захватившей армию и флот, много беспокойств доставляет соседняя Норвегия, попавшая в зависимость от Швеции при Наполеоне и сейчас требующая национальной самостоятельности.

Но основные разговоры были о приближающемся съезде. Ленина друзья видели лишь мельком — Владимир Ильич был сверх нормы загружен делами. Через своих удалось узнать, что он очень удручен численным превосходством меньшевиков, однако, как передавали, пригрозил «вытащить меков на полную откровенность».

Ворошилов разузнал, что на съезд ждут Плеханова.

— Меки обязательно его притащат. Что вы! Они хотят сейчас нас растоптать и ноги вытереть.

— Да ну! — возразил Фрунзе, осторожно трогая свои небольшие усики.

— А вот посмотришь, посмотришь! — загорячился Ворошилов.— О, я эту братию знаю.

— А Ленин? — спросил Артем.

— Вот потому-то они и тащат Плеханова! — воскликнул Клим.— Его ведь звали и на Третий съезд. А знаешь, что он ответил? «Вы, говорит, хотите посту-

пить со мной, как у Тургенева: «Иди сюда, черт леший, тебя тятька высечь хочет!» Вот и вы меня хотите сечь»... Но сюда он обязательно приедет.

Фрунзе хмыкнул:

— Пусть едет. Против Ленина он ржавый гвоздь.

Словом, уже сейчас было ясно, что съезд никому не обещает спокойной жизни.

Ленин был прав, предсказывая ожесточенную борьбу на съезде.

Фракционная рознь проявилась с первого же дня. Страсти разгорались не только при обсуждении принципиальных разногласий, но даже по самым случайным поводам.

Накануне съезда обе фракции обещали беспрекословно подчиниться воле большинства, поэтому уже сейчас стороны принялись люто резаться: кто кого?

Только оказавшись в зале, Артем и его друзья убедились, насколько меньшевики не теряли зря времени. Пользуясь тем, что большевики понесли колоссальный урон после восстания, они, наперед запасаясь голосами, всеми правдами и неправдами протаскивали на съезд своих. Перекос в представительстве получился чудовищный. Тифлисская делегация предстала на съезде такой же многочисленной, как и Петербургская, и состояла сплошь из меньшевиков, за исключением одного Сталина, приехавшего под фамилией Ивановича. Крестьяне Гурии, где не сыщешь ни одной фабричной трубы, прислали на съезд столько же делегатов, сколько и рабочие Баку с его промыслами, нефтеперегонными заводами и флотом. Многие крупные пролетарские центры не были представлены вовсе.

Невольно получилось, что тон на съезде стала задавать Тифлисская делегация, выступавшая по всем вопро-

сам единой организованной группой. День ото дня эти делегаты становились все настойчивей, крикливей.

Михаил Фрунзе, обычно скупой на слова, не выдержал и показал своим на шумно жестикулирующих южан:

— Восточные-то люди что делают, а? Так и рвутся к власти!

В бюро съезда большинством голосов прошли Плеханов, Ленин, Дан. Затем бой разгорелся при выборах мандатной комиссии. Но настоящая буря началась, когда меньшевики принялись валить своих противников, аннулируя мандаты большевистских делегатов.

Пробный выстрел был сделан по представителю Петербургской студенческой организации Моloденкову — мандатная комиссия вдруг признала его мандат недействительным. И, наконец, взорвалась мина, которую «завел» еще в Петербурге Крохмаль: мандатная комиссия не признала полномочий Артема.

Потребовав слова, Артем выступил с разоблачением предвыборных махинаций меньшевиков, развернув тезисы, набросанные Лениным, в гневную обличительную речь.

С места вскочил лидер Тифлисской делегации Костров (Жордания) и крикнул, что дело с харьковским мандатом все равно темное. Акимский (Гольдман) без обиняков потребовал считать решение комиссии окончательным... Унимая шум, председательствующий Дан поднял обе руки. Степан Шаумян, отвечая Кострову, заявил, что ничего темного в истории с мандатом харьковского большевика он не видит. Если уж быть откровенным, то... Но тут Дан поспешил выручить Кострова. Он сказал, что оратор — кавказец и, недостаточно хорошо зная русский язык, выразился не совсем удачно. Не поняв дружеской подсказки, Костров рьяно запротестовал, настаивая на том, что дело именно темное.

Сильно подлило масла в огонь решительное заявление Акимского, что он, как член мандатной комиссии, больше не утвердит ни одного большевистского мандата. Шум вспыхнул с новой силой. Голоса Дана не стало слышно. Артем заметил, что харьковский делегат от меньшевиков товарищ Владимир хитро поблескивает очками и лишь время от времени вскидывает вверх худую руку, требуя занести в протокол ту или иную реплику из общего шума в зале.

Скандал кончился тем, что прежняя мандатная комиссия вынуждена была сложить свои полномочия и съезд срочно приступил к выборам новой. Небывалый случай.

Но история с мандатами вдруг всплыла совершенно неожиданно. Уже отшумели первые страсти, уже торжественно появились на четвертом заседании съезда Плеханов с Аксельродом и председательствующий в тот день Ленин приветствовал их как родоначальников русской социал-демократии, уже миновали споры по наиболее острым проблемам (например, аграрной), как в адрес съезда поступило письмо тифлисских рабочих с жалобой на махинации меньшевиков с добыванием мандатов. Подозрительная многочисленность Тифлисской делегации получила пусть и запоздалое, но объяснение: оказывается, Костров и его компания просто-напросто включили в списки голосующих вымышленных людей.

— Ну? — живо обратился Клим к своим друзьям, сидевшим сбоку.— Видите, на что идут? Жулье!

Фрунзе, поглаживая усики, мрачно усмехнулся.

— Золоторотцы! — не мог успокоиться Ворошилов.— Ни совести, ни чести, ничего. Хоть плюй в глаза!

Но даже эта явная афера не убавила задиристости меньшевиков. Пользуясь численным превосходством, они упрямо проводили свою тактическую линию.

По одному из самых главных вопросов съезда, аграрному, делегаты заслушали несколько докладов.

Первым на трибуну поднялся Ленин.

Вновь, после долгого перерыва услышав Ленина-оратора, Артем подумал, что рулевым такого огромного и тяжелого корабля, каким является крестьянская Россия, сможет стать лишь политик, обладающий небывалой зоркостью взгляда. Такой человек должен смотреть на вещи и судить предельно трезво, здраво, не замазывая противоречий, не открещиваясь от собственных ошибок, которые, в общем-то неминуемы для каждого, кто станет действовать, а не только рассуждать.

С давних пор крестьяне ждут ответа на вопрос о земле. Ответ этот, как правильно указывает Ленин, прост и ясен: для того, чтобы получить землю, крестьяне должны сами взять ее у помещиков, а в своей борьбе они должны выступить в тесном союзе с пролетариатом — единственным классом, который их поддерживает. Следовательно, незачем строить игрушечных моделей либерализации местной реформы, как это делает Маслов со своей муниципализацией. Демократические земства! Смешно, какая у них самостоятельность! В лужении умывальников? Не больше! Давайте же смотреть на вещи ясными глазами. Если революция победит, она не остановится на этой самой муниципализации, если же не победит, то из муниципализации выйдет новое объегоривание крестьян по типу реформы 1861 года. Следовательно, проблему нужно решать кардинально: долой Треповых и Дубасовых, долой самодержавие, да здравствует самодержавие народа!

Маслов, получивший слово для доклада от меньшевиков, решительно не походил на того бойкого, острого на язык спорщика, каким он показался Артему на пароходе. Нудно и утомительно бубнил он о своей идее муниципализации, доказывая, что крестьянские земли

должны так и остаться собственностью их владельцев, помещичьи же, церковные и монастырские необходимо передать земствам, но только не прежним, старорежимным, а современным, демократическим, которые будут сдавать их в аренду. Голос Маслова звучал невнятно, из зала несколько раз крикнули: «Громче!» Докладчик смешался еще больше. Алексинский, большевик, уже явно издеваясь, демонстративно пересел в первый ряд, послушал, приставив к уху ладонь, и во всеуслышание объявил: «Ни черта не поймешь!» На Алексинского осуждающе посмотрел Ленин и чуть заметно покачал головой, Плеханов, сердясь, двигал своими породистыми бровями и громким шепотом суфлировал докладчику.

С грехом пополам Маслов наконец закончил свое выступление. Впечатление у всех осталось откровенно унылое. Затмить Ленина докладчику не удалось. Тогда меньшевики поспешили ввести в бой свою «тяжелую артиллерию».

Плеханов, наглухо застегнутый в сюртук, вещал тоном проповедника. Его коробили выкрики Алексинского, но он сдерживал себя, делая вид, что голоса́ из зала нисколько его не задевают. Плеханов всеми силами защищал Маслова и под конец обрушился на Ленина, обвиняя его в эсеровщине и народовольчестве.

«Надо же так отстать, так не знать теперешней России!» — думал Артем, набрасывая записку в президиум съезда с просьбой дать слово.

Когда впереди за столом председательствующий назвал Артамонова, Артем не сразу понял, что это относится к нему: не было времени привыкнуть к новой фамилии. «Тебя!» — подтолкнул его Фрунзе.

Того волнения, какое он испытывал, поднявшись на трибуну в первый раз, теперь не было и в помине. Помня едкий сарказм Ленина по поводу масловских надежд на демократизацию местных органов управления, Артем,

словно бы продолжая ленинскую мысль, сначала обрушился на предельно расплывчатую формулировку Маслова: «демократическое государство».

— Не какое-то демократическое государство, а республика, демократическая республика, полностью обеспечивающая самодержавие народа.

Он с особенным нажимом произнес эти два слова: самодержавие народа. Они принадлежали Ленину.

Слева, где сидели большевистские делегаты, послышались аплодисменты. Плеханов выразительно поднял брови: «Чудовищно!» Товарищ Владимир, прижившийся в среде своих единомышленников, что-то горячо объяснял соседу, показывая на Артема пальцем.

Что же касается самой масловской идеи муниципализации, продолжал Артем, то она неминуемо выльется в очередную наполеоновщину, только на российский лад. Без полной демократизации центральной государственной власти обязательно всплывет какая-нибудь «сильная личность», и масловские муниципалитеты поспешат поддержать ее в борьбе против боевых отрядов рабочего класса. «Сильная личность» сделает в России то же самое, что совершил когда-то Наполеон во Франции: из всех завоеваний народной революции она сохранит лишь те, которые выгодны буржуазии. Следовательно, рабочему классу не нужно забывать, что его хотят использовать лишь как временное орудие.

Речь Артема, его решительная поправка к понятию «демократическое государство» вызвала новую волну ожесточения. Плеханов, ставший необычно нервным, выступал так, словно ему нанесли личное оскорбление. Умиротворила его процедура голосования, выявившая явное превосходство меньшевиков.

Вообще, чем дальше продолжал свою работу съезд, тем все яснее становилось, что значение он будет иметь не столько своими резолюциями и решениями, сколько

теми речами, которые на нем произносятся, той расчисткой позиций и выяснением взглядов, которые представляют важность сами по себе.

...Это было удивительное ощущение, сродни тому, какое испытываешь в большой, пускай и трудно живущей семье: ощущение, что ты, прежде всего, не один и, во-вторых, что есть человек, который держит всех домочадцев под своим крылом, оберегает их, наставляет, заботится о них,— словом, родитель, отец. Такое состояние Артем стал испытывать после знакомства с Лениным в Париже, оно не оставляло его во все дни опасной, изнурительной работы в пролетарских центрах Украины, но с особой силой ощущалось здесь, в Стокгольме, где он впервые испытал подчиненную, сыновнюю радость повседневного общения с Лениным, радость не только разговоров, встреч, но и своей посильной помощи ему в его колоссальном, нечеловечески напряженном труде.

Для Артема и его друзей дни работы съезда были днями близкого узнавания этого удивительного, ни на кого не похожего человека, вечно озабоченного, постоянно занятого множеством всяческих, впрочем все равно важнейших для их общих дел, мелочей.

Вот он, бочком примостившись на случайном стуле, деловито что-то строчит в своем блокноте, положив его на колено, строчит, но не перестает слушать, что говорит с трибуны его раздосадованный, пышущий негодованием оппонент. Идет обсуждение еще одного крайне важного для обеих сторон вопроса: оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата. Время от времени Ленин поднимает бровь в сторону оратора, усмехается и крутит головой: дескать, ну и болтает!

На трибуну он поднимается быстрой пробежкой позарез занятого человека, пролистывая на ходу испещрен-

ные записями страницы. Манера ленинского выступления сразу напоминает Артему ту давнюю парижскую неделю. Рука вытянута вперед и немного вверх, ладонь, которой он, как бы взвесив каждое слово своих противников, отсеивает все их соблазнительные фразы. Ленинская мысль, ленинское слово, ленинское убеждение создавали у Артема впечатление слитности, законченности — ничего лишнего, никаких украшательств.

Фрунзе, день ото дня все больше терявший свою сдержанность, однажды заметил, что по времени Ильич говорит меньше других ораторов, но вот по впечатлению — гораздо больше: «Густо говорит!»

Зато как росла ненависть к Ленину его противников! Ни один из них не стеснялся ее показывать. Чем убедительней были ленинские речи, тем озлобленней кричали они с мест. Крохмаль как-то не выдержал и голосом торговки на привозе совсем уже неприлично завопил:

— Не учите нас, мы вам не гимназисты!

Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, злобы гулял по залу, когда говорил Ленин.

— Уместно задуматься,— вдруг спросил с трибуны Ленин,— за что буржуазия хвалит Плеханова?

Вопрос прозвучал неожиданно, зал словно онемел.

После короткой паузы сам Плеханов нервно повел плечом и бросил реплику:

— Я думаю, за тактику!

Ленин засмеялся и помахал в воздухе рукой, как бы отвергая неловкие оправдания: не морочьте мне голову!

— За притупление противоречий между революционным народом и самодержавием в эпоху революции буржуазно-демократической. Плеханова хвалят за признание главной формой борьбы — борьбы «парламентской», за осуждение октябрьско-декабрьской борьбы и особенно вооруженного восстания.

И пальцем как бы поставил точку.

И вообще, несмотря на меньшевистское засилье, у друзей крепло впечатление, что каждый день съезд придает им новые и новые силы, делает их бодрее, увереннней. Вся большевистская часть делегатов хотя и сознавала свое поражение по основным вопросам, настраивалась с каждым днем все строже и решительней. Фрунзе был прав — таково было влияние Ленина...

При оценке политического момента меньшевики полиняли окончательно, причем полиняли буквально на глазах.

Луначарский, как обычно живой и остроумный, сравнивал меньшевиков с входившими в моду импрессионистами. Меньшевики показали себя людьми настроения, минуты. Поднимается волна народного движения, идет октябрь — ноябрь 1905 года — и они более большевики, чем сами большевики, они уже поскакали от демократической диктатуры к диктатуре социалистической. Но вот сошел прилив, понизилось настроение, подняли голову кадеты — и меньшевики торопятся приспособиться, бегут вприпрыжку за кадетами, пренебрежительно машут рукой на октябрьско-декабрьские формы борьбы.

Ярославский так уточнил позицию меньшевиков, раскаявшихся в своих революционных увлечениях:

— Наше различие в том, что мы за вооруженное восстание, а вы — за невооруженное!

Словом, уже тогда на меньшевизме, потерявшем веру в революционные возможности русского народа, начали выступать чумными пятнами те самые цвета предательства, в которые потом оделось его ликвидаторское крыло, постепенно заразившее своим крайним оппортунизмом всю меньшевистскую партию.

Пока же съезд завершался по задуманному ими плану. Артему и его друзьям передали слова Ленина, сожалев-

шего о том, что первый же после восстания съезд ничем не поддержал рабочий класс: он проявил полную растерянность и, увильнув от прямого ответа, не решился прямо сказать пролетариату, было ли ошибкой или шагом вперед декабрьское восстание... Все эти вопросы предстоит решить следующему съезду. А поскольку вопросы чрезвычайно важны, то подготовку к нему нужно начинать уже сейчас.

Артем и его друзья, все трое, испытывали одинаковое ощущение: не выполненного до конца дела. И хоть съезд еще продолжался, надежд что-то поправить, изменить не было.

Надежда Константиновна Крупская подозвала неразлучных друзей и, близоруко заглядывая каждому в глаза, сказала:

— Товарищи, прошу вас сесть рядом с Алексинским и удерживать его. Он стал несносен! Просто неловко. Ну чего он так кидается на Плеханова?

Крупская, со своим спокойным, уравновешенным характером, с мягкими, по-домашнему уютными манерами, выполняла роль партийной мамаши. Сама она вряд ли была старше своих товарищей по партии, но с ней считались все без исключения, с готовностью принимая ее дружеские, как всегда продуманные, дельные советы.

Заканчивался перерыв, делегаты торопились в зал, на свои места. Троица пересела несколькими рядами ближе и поместилась возле Алексинского. Места рядом с ним постоянно пустовали — неспокойный был человек.

Алексинский был журналистом, пишущим хлестко, ядовито на любую тему, а главное — с невероятной быстротой — незаменимое качество газетчика. С первой же встречи с Алексинским у Артема возникло непреодолимое чувство физического отвращения. Ему было неловко — все-таки товарищ по партии! — но подавить в себе неприязнь к этому человеку он был не в состоянии.

Алексинского чем-то постоянно раздражал Плеханов. Спасаться от его грубых нападок Плеханову помогал аристократизм. Но в последние дни щека Плеханова стала заметно дергаться. Ленин, жалея своего бывшего учителя, попытался хоть в какой-то мере оградить его болезненное самолюбие, и Крупская попросила молодых рабочих делегатов придержать воинственный пыл Алексинского.

После перерыва продолжалось обсуждение вопроса о восстании. Ленин отделал Плеханова за его, приблизительно говоря, мягкотелые формулировки, в частности за то, что в резолюции съезда предлагалось указать в качестве задачи пролетариата не «вырвать власть», а всего лишь «вырвать права». Ленин говорил с убийственным сарказмом. Подумать только, какая невероятная путаница вносится в сознание масс этой оппортунистической формулировкой! Такое величие средства — восстание, и такая скромность цели — вырвать права! Плеханов понял свой просчет и попытался с достоинством отступить. Поднявшись на трибуну, он с вялой усмешкой снял свою формулировку, сказав, что разница, в общем-то, всего лишь стилистическая.

— Ренегат! Иудушка! — завопил Алексинский, вскакивая с места и порываясь броситься вперед.

Артем с одной стороны и Ворошилов с другой схватили его за пиджак и заставили сесть.

— Ты чего сатанеешь-то? — спросил простецки Клим.

— Так ведь он...— горячился Алексинский и грозил кулаком оратору.

На него сбоку глянул Фрунзе:

— Сядь. Дай послушать.

На Плеханова было жалко глядеть.

— Что, вы этого Алексинского сырым мясом кормите для злобы? — удерживая нервный тик лица, спрашивал

Плеханов тем же днем у Ленина, стоявшего в окружении делегатов.

Всем стало неловко. Плеханов из всех сил старался не выглядеть несчастным человеком, но теперь Артема уже не завораживала его респектабельность. Внешне Плеханов оставался тем же: застегнутый на все пуговицы, он изрекал фразы, как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и паузы между словами. По-прежнему искусно развешивал он в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и, если кто-нибудь на скамьях большевиков начинал перешептываться с товарищем, он делал паузу и вонзал в виновника свой взгляд, точно гвоздь. За внешней безупречной оболочкой Артем разглядел, что этот человек боится соперничества и никого не признает рядом с собой. Говорить с ним как с равным нельзя,— своими манерами он как бы ставил непреодолимую грань между собой и другими членами партии: «Вы — ученики и слушатели, и только!» Вышестояние одного лица над другим он считал само собой разумеющимся. В себе самом он всегда знал и ценил блеск остроумия и высокую образованность. От своих талантов он получал личное удовольствие, личное удовлетворение — так наслаждается актер, когда ему удается превосходно сыграть.

Фрунзе как-то метко заметил, что Плеханов вызывает почтение, но не симпатию. Артем и Ворошилов согласились, Ворошилов добавил:

— А вообще-то политика не самая сильная сторона в нем.

Интересно было наблюдать Плеханова и Ленина вместе, рядом. Ленин видел враждебность Плеханова, понимал ее природу и оттого, быть может, не всегда бывал с ним прям и резок, а если Плеханов попадал в смешное положение, всячески старался его щадить. Так было, когда Плеханов вдруг обрушился на большевиков, обвиняя

их в конспирациях, в бланкизме, а Луначарский, по своему обыкновению ядовито ироничный, отвечая ему, заметил, что уважаемый метр, вероятно, имеет представление о практике активной подготовки и активного руководства революцией из оперетки «Дочь мадам Анго».

Удар Луначарского был очень точным, а оттого болезненным до крайности: задевалась все более растущая оторванность Плеханова от жизни нынешней России.

Фрунзе толкнул Артема локтем и заставил его посмотреть в третий ряд, где сидел Ленин. Скрываясь от Плеханова, Ленин согнулся, спрятав голову, лысина его покраснела, плечи тряслись в беззвучном смехе...

Кажется, именно с этого случая Плеханов сделался еще надменней, еще суше, а многие стали замечать частое и непроизвольное подергивание его щеки.

— Так все время кучкой? — спросил Ленин, остановив друзей.— Это хорошо. Была у нас «Могучая кучка» композиторов. Они сказали новое слово в искусстве. А рабочий класс — это уже могучая организация. И нам предстоит сказать новое слово в революционной борьбе, построить новую жизнь.

В течение нескольких последних дней им не приходилось встречаться и разговаривать с Ильичем. Артем нашел, что Ленин выглядит так, будто неделю работал в ночную смену. Только теперь, к концу съезда, Артем понял, какую нагрузку несет Ленин на своих плечах, как дорого дается ему терпеливое отношение к враждебным выпадам противников, к непрекращающимся дрязгам. Любой другой давным-давно нашел бы повод расплеваться с теми, кто мешает и тормозит все дело, но Ленин еще в Петербурге забраковал самую мысль сорвать съезд, а следовательно, согласиться с расколом партии. И уже здесь, когда съезд все больше поворачивал в сторону,

Ильич не прекращал своих усилий в борьбе за слитность и единство партийных рядов. С головой ушедший в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по кирпичику складывал эту партию, был связан с нею тысячью кровных нитей и, как хороший хозяин, не мог пройти мимо того, что хоть в какой-то мере годилось для стройки.

Увидев неразлучную троицу молодых рабочих парней, Ленин был рад отдохнуть со своими, пусть на час забыть о межфракционной склоке, о мерзком политиканстве Дана, о прорицаниях Аксельрода. Он с удовольствием смотрел в молодые энергичные лица рабочих парней и переживал то состояние, когда, как говорится, незачем держать душу за крылья. Неприхотливый, чуждый привычке к вину и табаку, занятый с утра до вечера сложной тяжелой работой, он отдыхал именно в такие вот минуты.

Фрунзе он сказал, что в Питере им поговорить так и не удалось.

— Товарищ Арсений, очень интересно, как это вам в разгар забастовки удалось создать рабочий университет?

На скуластом лице Фрунзе выступил румянец смущения.

— Громко сказано, Владимир Ильич. Просто не хватало агитаторов, а время было горячее. В Совете мы договорились, что после заседаний будем оставлять людей и заниматься с ними.

— Это где-то, говорят, на реке? — спросил Ленин.

— Да, на Талке.

— Много подготовили?

— Двести человек.

Расспросив, какие работы изучались в «университете», что за споры возникали, привлекались ли к занятиям

женщины и молодежь, Владимир Ильич поманил к себе всех троих:

— А неплохой пример показали ивановововознесенцы? Подумайте об этом, товарищи. Если мы сумеем вооружить рабочих пониманием задач революции, мы победим наверняка, и притом с наименьшими потерями!

Разговаривая с Лениным, не приходилось тянуться на носках — стараться говорить о высоких материях, изрекать непременно что-нибудь из ряда вон выходящее. Тихо беседуя, они двигались по кругу. Ворошилов, оказавшийся сбоку, немного забегал вперед, чтобы лучше слышать... Дружескую, доверительную атмосферу создавала сама манера разговора Ильича. Со своими он не задумывался над словами. О ком-то он отозвался: «рохля», «безрукий растяпа», а упоминание об Алексинском заставило его поморщиться. Потом оказалось, что все трое одинаково обратили внимание на потертый пиджачок Ленина со следами штопки руками «мамаши» Крупской. Заработки Ленина за границей были невелики: гонорар за издаваемые работы и чтение рефератов. В пору сугубого безденежья Надежде Константиновне приходилось давать уроки или надписывать конверты для рассылки реклам различных фирм.

Проходя мимо большой группы делегатов, все четверо расслышали металлический голос Плеханова:

— Молодой человек, заметьте и запомните следующее: товарищ министра — министру товарищ, но министр товарищу министра отнюдь не товарищ!

Кого он так отчитывал?

Как выяснилось, один из молодых делегатов, испытывая глубочайшее уважение к Плеханову, обрадовался представившейся возможности поговорить и принялся донимать его вопросами. Но, на свою беду, молодой человек по привычке обращался к нему так: товарищ Плеханов, товарищ Плеханов. И тот не выдержал...

В группе плехановцев заметили интерес Ленина и его спутников. Ленин немедленно увлек своих дальше, вполголоса сказав:

— Осчастливим их своим отсутствием!

Когда они удалились на достаточное расстояние, Фрунзе вдруг спросил:

— Владимир Ильич, вы как-то сказали о Плеханове: физическая сила ума. Что это такое? Я не пойму.

— Гм...— Ленин на мгновение сжал губы.— А вот вы можете сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу? Войдет, например, товарищ Артем, вы посмотрите на него и скажете: сильный физически. Так и у Плеханова ум. Вы только взглянете на него и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила.

Он упомянул о большой работе группы «Освобождение труда», которой руководил Плеханов. Именно эта группа перевела с немецкого и распространила в России «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Фридриха Энгельса. Она нанесла первый удар по идеологии народничества.

Расставшись с Лениным, друзья прошлись в молчании, затем Фрунзе, задумчиво прижав нос пальцем, вдруг проговорил:

— У нас нет самолюбивых людей. Это здорово. Мы будем работать дружно. Ка́к умеет говорить Ильич, руководить людьми!

— Без всякого апломба,— добавил Ворошилов.

Громкий голос в дверях зала пригласил делегатов занимать места.

Вторая половина повестки дня работы съезда оказалась скомканной — весь порох был расстрелян при обсуждении основных вопросов.

Меньшевики бурно торжествовали: в Центральный Комитет прошло лишь три большевика, в редакции центрального органа партии оказались одни меньшевики.

Федор Дан, диктатор меньшевиков, не скрывая злорадства, подытожил: «С большевиками теперь покончено, они побарахтаются еще несколько месяцев и совсем расплывутся в партии».

В эти дни, когда противник не стесняясь праздновал свою победу, а большевистские делегаты с трудом скрывали ни с чем не сравнимое уныние, Артем узнал Ленина с новой стороны. Ленин не закрывал глаза на поражение, однако утверждал, что, во-первых, съезд все же признал непосредственной задачей рабочего движения вырвать власть из рук самодержавного правительства, во-вторых же, наконец произошло объединение с национальными социал-демократическими партиями, следовательно, теперь весь пролетариат России выступает под единым знаменем РСДРП. Ну и не надо забывать, что в области аграрной съезд тоже сделал шаг вперед, согласившись с несколькими поправками большевиков. И добавлял: «Не хныкайте, мы все равно победим!»

В эти унылые дни, когда недавняя жизнерадостность большевистских делегатов сменилась усталостью и апатией, Ленин, наоборот, являл собой сгусток энергии. Поражение словно придало ему новые силы. Закончившийся съезд стал для него уже одним из этапов борьбы. Все мысли Ленина были устремлены вперед.

Вечером все трое отправились в парк. Шли молча, разговаривать не хотелось. Чистенькие, посыпанные песочком аллеи, яркая ухоженная земля, ровный блеск озер с причудливо нагроможденными глыбами камня —

все это парикмахерское великолепие заключенной в городе природы казалось сегодня ненастоящим, надоевшим.

— Удивительно,— сказал Ворошилов,— совсем здесь нет полыни.

Артем невольно потянул всей грудью воздух — на родине полынью пахли шахтерские украинские степи, там и сям помеченные черными пирамидами терриконов. А сейчас весна — самый запах!

В оранжевом сарайчике стрелкового тира какой-то человек навалился на прилавок и, сдвинув на затылок котелок, целился в оскаленного тигра. Хозяин заведения, попыхивая дешевенькой сигарой, ждал выстрела. Человек в котелке нажал на спусковой крючок, раздался звяк, и тигр, замотав лапами, исчез, словно провалился. Хозяин одобрительно кивнул и, щурясь от дыма, быстро перезарядил ружье. Снова принимаясь целиться, человек в котелке вдруг оглянулся и, удивившись, положил ружье: это был Ленин. Почистив локти, он застегнул пиджак, и они вышли.

— С вами говорили уральские товарищи? — обратился он к Артему.— Что, зовут к себе? Как вы смотрите на их предложение?

К такому разговору Артем не был подготовлен. Кажется, третьего дня во время перерыва к нему обратилась Клавдия Тимофеевна Новгородцева, жена Свердлова. Она жаловалась на общую беду: нехватку организаторов. Мало-мальски способные люди арестованы, урон, как она выразилась, страшенный, и зачастую начинать работу приходится с нуля. А Урал — это примерно половина горнорабочих России.

— Поверьте мне,— сказал Ленин,— разных теоретиков и всяких заграничных литераторов у нас в избытке. Практиков, русских практиков — вот чего нам не хватает!

Из Стокгольма Артем отправился в Харьков, по пена-

долго, потому что вопрос с переездом на Урал был, по существу, решен.

Он только что пересек страну с юга на север и обратно, теперь путь лежал на восток, за Волгу, где даже опытный путешественник терял голову от гигантских пространств России. Новые, невиданные края открывались его глазам, и все-таки сколько же вокруг было знакомого! Он видел: в нескольких верстах от больших многолюдных городов начиналась древняя беспросветная глушь — разбойничьи леса, непроезжие дороги, гнилые посады, облупившиеся старинные соборы, лошаденки с присохшим к шерсти навозом, пьяные побоища, невеселые свадьбы и оживленные, похожие на гульбища поминки, погосты с поваленными крестами, овцы в избах, сопливые дети, суровые монастыри, юродивые на паперти, засыпанные трухой базары с поросячьим визгом и матерной бранью, гниль, нищета, воровство. И по всему этому российскому простору свистел ветер в голых сучьях и слышался подспудный плач. Плакали безропотно, беспросветно, как будто ниоткуда нельзя было ждать радости. За дорогу Артем наслушался всяких разговоров, пьяных и трезвых, робких и отчаянных, покорных и полных злобы. Было в них одно общее — надежда на «облегчение жизни».

Да, Россия, его родина, была тяжело больна, и, чтобы спасти ее, следовало не тянуть с лечением. Он ехал и думал о том, что в душе каждого революционера должен быть воздвигнут невидимый алтарь служения великому народному делу: устроить жизнь всех людей так, чтобы раз и навсегда покончить с грязью, нуждой, надсадой. В этом отношении работа революционера сейчас стране гораздо нужнее — архинужнее, как выразился в разговоре с ним Ленин,— профессии врача, педагога, инженера. Надо сначала решить в России главное, а остальное — потом...

— Товарищи, расходимся по двое. Во дворе много не следить — на снегу все видно. Лампу можно погасить.

Кто-то попросил:

— Постойте, не гасите. Дайте одеться.

В поднявшейся суматохе к Артему продвинулся представитель ЦК Леон Гольдман (товарищ Аким):

— Уже поздно, я здесь никого не знаю... Надеюсь, меня проводят?

— А как вы сюда шли? Один? — спросил Артем.

— По адресу. Ориентируюсь я прилично.

— Это наше упущение,— сказал Артем.— Одному вам добираться не следовало.

Он подразумевал, что в Перми за всеми приезжими ведется усиленная слежка, что сам он в последнее время не проводит в одном месте более десяти — двенадцати часов. А товарищ Аким со своим начальственным гонором с такой небрежностью относится к «технике безопасности», как будто и жандармы тоже обязаны испытывать к нему почтение! Вполне мог притащить за собой «хвост», выдать одну из самых надежных явок и погубить весь комитет.

Кажется, Гольдман догадался, чего не договорил Артем, и воскликнул:

— Уж не собираетесь ли вы меня учить?

Сегодняшнее заседание слишком утомило Артема, продолжать взаимные упреки не хотелось. Он сухо оборвал неприятный разговор:

— Успокойтесь, один вы не отправитесь. Пойдете вместе со мной.

— Вы очень любезны,— не скрывая иронии, Гольдман сделал легкий поклон.

«Присылают же!» — с растущим раздражением подумал Артем, избегая смотреть на приехавшего.

Но результатами сегодняшнего заседания комитета он был доволен: гость уезжал ни с чем.

Уроки подготовки к IV съезду не прошли для ленинцев даром. На V съезд партии Уральская организация посылала 22 делегата-большевика. Узнав о результатах выборов на Урале, меньшевистский ЦК забил тревогу и прислал с ревизией своего деятельного работника Леона Гольдмана. Артем хорошо помнил этого человека по Стокгольму — именно Гольдман затеял всю провокационную историю с его мандатом.

Прежняя взаимная вражда осталась, приехавшему это помогало на каждом шагу подчеркивать свое начальственное положение. Но командирская спесь с Гольдмана быстро слетела. За прошедшее время воды утекло достаточно, времена меньшевистского торжества кончились, и прошлое, как считал Артем, уже не повторится. Сегодняшнее заседание Пермского комитета убедительно доказало ревизору, что большевики на Урале твердо удерживают положение в своих руках. У Леона Гольдмана были все основания чувствовать себя обиженным.

Погасив лампу, участники заседания постепенно расходились. Артем и приехавший гость вышли последними. К середине ночи сильно подморозило, под ногами громко скрипел снег. На тусклом уральском небе еле пробивались редкие звезды.

Артем остановился в позе усталого человека и, запрокинув голову, глубоко вдохнул крепкий морозный воздух. Он соображал, где бы устроить приехавшего на ночлег. Ночевать обоим в одном месте было опасно.

— Руки вверх! — раздался вдруг сзади окрик.

От испуга гость опустился на снег и тонким голосом закричал:

— Карау-у-ул!

Это было смешно, но помогло Артему выиграть несколько мгновений. Первым движением было избавиться

от протоколов только что закончившегося заседания. Он разжал кулак и, пятясь, будто от испуга, наступил на тонкие листки бумаги. Нога ушла глубоко в снег. Теперь едва ли найдут.

— Подойдите сюда,— скомандовали ему.— Почему не поднимаете руки?

Полицейские действовали быстро — видно было, что налет на конспиративную квартиру планировался загодя. «Опять провокатор?» — с горечью подумал Артем. А может быть, это гость по неосмотрительности притащил «хвост»? Приехавший стоял понурив голову. Ему было стыдно своей паники, своего обывательского крика «караул!».

Четверо полицейских держали арестованных за руки, двое навели на них револьверы. Сопротивляться, убегать бессмысленно. Артем считал удачей, что избавился от протоколов...

В полицейском участке Артем увидел всех комитетчиков: избежать засады никому не удалось.

Во дворе участка ждали конвойные казаки. Забавляясь, они принялись теснить задержанных конями. «Да прекратите же!» — отчаянно крикнул Гольдман. Один из казаков замахнулся на него плетью, но не ударил.

— И чего церемониться? — крикнул он другим конвойным.— Взяли бы в нагайки, помнили бы дольше и в тюрьме казенный хлеб не жрали бы!

Звякая шашками о стремена, конвой повел арестованных по безлюдной спящей улице. Стояла поздняя ночь. От сугробов и снежных шапок на крышах домишек исходило сияние. Фыркали казачьи лошади, проваливаясь в снег...

В тюрьме арестованных обыскали еще раз и стали рассовывать по камерам. Соседом Артему достался Гольдман. Зная угнетающий тюремный быт, он предпочел бы в товарищи по заключению кого-нибудь другого.

Едва дверь камеры закрылась, Гольдман нервно оборотился к своему сокамернику и, не скрывая ярости, досады, гнева, поднял вровень с разлохмаченной головой сухонькие, в истерике стиснутые кулаки. С громкой бранью он обрушился на уральцев, по вине которых он, член Центрального Комитета, оказался за решеткой.

— Мальчишки! Играете в революцию, подставляете ноги серьезным людям. На кой тогда черт, позвольте вас спросить, господа большевики в Стокгольме клялись выполнять все решения съезда?

Артем отвечал спокойно. Он понимал, что вспышка Гольдмана вызвана нервным потрясением от неожиданного ареста. Иной человек, перепугавшись, способен и не на такое.

— Хорошенькое дело! — кричал Гольдман, наступая на Артема.— Вы объявили свое право на критику... Зачем же вы тогда объединялись?

В дверь камеры из коридора постучал надзиратель:

— Шуметь запрещено!

Гольдман втянул голову в плечи и зашипел, как актер, играющий злодеев:

— Ваш Ленин доведет вас до петли... да! Одумайтесь, пока не поздно!

Присматривая себе место, где улечься, Артем заметил:

— Французы говорят: люди бранятся, когда нет хороших аргументов!

— Французы! — завопил Гольдман, забыв об осторожности.— И вы туда же... Из грязи в князи! Вы, большевики, научились прежде болтать, а потом уже думать!

— Да хватит вам! — начал сердиться Артем.— Тоже мне революционеры! Собиратели крох с барского стола, вот вы кто! Клянетесь рабочим, а чем занимаетесь? Ждете подачек от буржуазии.

— А вы!.. вы!..— Гольдман задыхался.

Загремел засов, в дверях появился усатый надзиратель в длинной шинели, за ним стояли еще двое.

— Уберите меня от этого господина! — кинулся к ним Гольдман.— Иначе я убью его!

Надзиратели попятились.

Он выскочил в коридор, надзиратели посовещались и заперли камеру, оставив Артема одного.

«Уф! — Артем, приходя в себя, потряс головой.— Ну люди!»

Он зевнул и, припоминая порядочно забытый тюремный быт, стал укладываться. Ему показалось, что строгости в местной тюрьме не слишком большие. «Это хорошо». Затем пошли мысли о том, что могут ему вменить в вину следователи, то есть как раз самое главное, о чем сразу начинает думать арестованный. «Протоколов нет,— соображал Артем.— Самого меня здесь мало кто знает... Начнется волынка с установлением личности... Сегодняшнее заседание? Просто гулянка. Остаются донесения филеров — слишком недостаточно для суда... Что ж, будем бороться!»

До Артема на Урале работал товарищ Андрей — Яков Михайлович Свердлов, арестованный полгода спустя после разгрома Декабрьского вооруженного восстания.

Расправа с восставшими рабочими нанесла Уральской организации огромный ущерб. И все же Артем принял на руки значительную часть свердловского «наследства». В Екатеринбурге действовала нелегальная школа партийных агитаторов и пропагандистов, не прекращала своей деятельности боевая организация с единым штабом уральских боевых дружин. Произвол властей не слишком заметно сказался на согласованности действий трех крупнейших партийных организаций Урала — Екатеринбургской, Уфимской и Пермской.

Артем появился на Урале в начале августа. Вскоре ему

удалось провести областную партийную конференцию. После конференции Артем, кооптированный в состав областного бюро, отправился в объезд всех рабочих центров Урала.

Передвигаться приходилось большей частью пешком под видом безработного. Оборванный, обросший, с краюшкой хлеба в кармане, он обошел весь огромный край, побывав в Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске, Сосьве, Ижевске, Алапаевке, Уфе и Мотовилихе.

Стояла скудная уральская осень, дождливые, слякотные дни изредка озарялись проблесками низкого, негреющего солнца. Над болотной топью клубился туман, заволакивая горизонт, обозначенный грядой темно-зеленого леса. Поражали заросли шиповника, буйно растущего на вырубках вблизи заводских поселков: знаменитые уральские леса, как убедился Артем, подвергались беспощадному истреблению, их пожирала металлургия, оставляя на месте недавних таежных дебрей разоренные, утыканные пнями пустоши.

Умирающее солнце, рано прячась в развале мрачных туч, зажигало мириады алмазных брызг на полотнищах паутины, крепкой, черт ее побери, как дратва. От усталости болело все тело, горели оцарапанные шиповником ладони.

Быстро спускавшаяся ночь озарялась отсветами недалеких северных сияний, уже полыхавших за Полярным кругом. В иные минуты на небе проступали очертания причудливых облаков, разрисованных, словно инеем на окне. Раньше, на юге, Артем и не догадывался, насколько разноцветной может быть обыкновенная глухая ночь.

Так, любуясь необыкновенной игрой никогда не виданных красок, можно было в безмолвии шагать часами. Но вот в широкие полосы на небе вторгался посторонний цвет — с земли. Это полыхали домны, выбрасывая красно-

черные венцы огня. Артем приободрялся: близко был поселок, а значит, и жилье.

Урал, главный хребет России, произвел на Артема неизгладимое впечатление. Это был край, поражавший всякого свежего человека. От Урала, как от некоего центра, во все стороны простирались необозримые пространства разнообразных, по-своему замечательных земель: Сибирь, Алтай, Заволжье, казахские степи и Башкирия.

Древнейшие горы на земле, Урал был словно начинен металлом. Недаром его издавна считали кузницей России. Уральские горнопромышленники кичились тем, что в течение двухсот последних лет вся Россия пахала и жала, ковала, копала и рубила изделиями его заводов. Она носила на груди кресты из уральской меди, ездила на уральских осях, стреляла из ружей уральской стали, пекла блины на уральских сковородках, бренчала в карманах уральскими пятаками.

Однако эти горнопромышленники не задумывались, что господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя.

Знакомясь с жизнью этого старейшего промышленного края, Артем вспоминал, как восторженно расхваливал ему в Париже юный Творожников высокую степень концентрации российского капитала. Да, промышленный «пирог» России был твердо поделен небольшой кучкой могущественных воротил. Фон Мекк владел железными дорогами, Манташев — нефтью, Мальцов — пароходами, Морозов — текстилем. Кузница России — Урал был родовой вотчиной Демидовых, купивших себе за границей титул князей Сан-Донато.

В Мотовилихе Артем осматривал огромную пушку, отлитую рабочими казенных заводов. Этот монстр был выставлен на обозрение как свидетельство мастерства русских оружейников. В музее Демидовых хранились всевозможные поделки из железа, ошеломлявшие зрителей:

рельсы, завязанные узлом, веревки, свитые из чугуна, тончайшая вязь кружев из стали. Уральское железо славилось своей вязкостью и мягкостью, изделия Урала шли и до сих пор идут на экспорт в Америку и Англию. Каждый просвещенный человек знал имена изобретателя паровой машины Ползунова, изобретателя радиотелефона Попова, изобретателя велосипеда Артамонова, изобретателя «сухопутного парохода» Черепанова. Это черепановский паровоз еще за четыре года до царскосельского впервые пробежал трехкилометровый рельсовый путь от Медного рудника до Выйского завода.

Богатый край, талантливый народ... Тем удивительнее было видеть, что сам рабочий человек, чьими руками ковалась промышленная слава Урала, влачит голодное, убогое существование. Такой нищеты, как здесь, Артем еще не видел. Его поразило, что даже по сравнению с рабочими юга России пролетарий Урала «стоит» вдвое, втрое дешевле. Выходит, вот откуда бралось баснословное богатство князей Сан-Донато!

О владельцах Урала Артем составил впечатление, постояв перед галереей портретов знаменитых заводчиков. Впечатляющее зрелище! Основателем дела был простой тульский кузнец Никита, худой лобастый мужик с пронзительными пугачевскими глазами и сильными жилистыми руками рабочего. Но уже сын его, Акинфий, выглядел вельможей, затянутый жирком, с усиками под Петра Великого. Портреты остальных Демидовых красноречиво свидетельствовали, как под влиянием богатства и праздности талантливый род сошел на нет, патологически выродился в полуидиотов (правда, княжеского звания).

Но если бы Демидовы погубили только самих себя!

В погоне за сиюминутным барышом потомки тульского кузнеца стали тормозом в прогрессе всей промышленности Урала. Скупясь на затраты, они привыкли затыкать прорехи в технике за счет дешевого рабского труда и на-

бирали на свои заводы обнищавших башкир, татар, вогулов, остяков, даже вербовали и везли целые партии китайцев. Еще великий Менделеев был удручен допотопностью демидовских заводов и бил тревогу. Однако князья Сан-Донато, уже совсем не знавшие русского языка, жившие все время за границей, и в ус не дули. Из далекой России от француза-управляющего приходили отчеты, непрерывно текли деньги. Так, думалось им, будет века.

Записки Менделеева помнились Артему еще по первым месяцам учебы в институте в Москве. Тревога русского ученого была тогда близка революционно настроенным студентам. Сейчас Артем своими глазами увидел то, о чем читал. Время ничего не переменило на Урале, голос Менделеева так и не был услышан. Демидовские заводы нисколько не затронул технический прогресс. Артем удивился допотопной отсталости местного производства. А однажды он не поверил своим глазам: полуголые бородачи, выпуская плавку, в удушающей жаре ворочали гигантской кочергой-мешалкой. Петровские времена! Стоило ли удивляться, что доменные печи на Урале давали металла в семь раз меньше, чем на юге.

Уралу нужен был хозяин!

В часы дорожных размышлений Артем часто вспоминал Илью Ильича Мечникова, последний разговор с ним перед отъездом из Парижа. Светлые умы России, как Менделеев, так и Мечников, отчетливо сознавали, что великой, невпроворот богатой стране грозит неминуемый паралич. Сейчас, много повидав и узнав, став опытным партийным работником, Артем с еще большей уверенностью, чем там, в Париже, мог бы сказать: да, Россию надо лечить, и мы, большевики, этим и хотим заняться!

В Нижнем Тагиле Артем появился в конце дня.

В городе явственно чувствовалась гарь металлургического завода. Сам завод находился в конце горбатой не-

мощеной улицы. Низкие кирпичные трубы выбрасывали в небо толстые столбы копоти.

Артем пересек пустырь перед заводом, заставленный поленницами дров и заваленный черными холмиками древесного угля. Даже ему, человеку привычному, дышалось тяжело.

Возле доменных печей кипела работа. Горновые в толстых робах работали в вихре жара, крутых огненных брызг и черной графитной острой, как стекло, пыли. Снаружи по сходням, устланным соломой, лошади, спотыкаясь, тащили к колошникам домен шихту — руду, уголь, известняк. Возчики кричали и изо всех сил хлестали лошадей кнутами.

Сквозь худые стены длинного цеха, где стоял прокатный стан, можно было видеть, как рабочие, изогнувшись, просовывали между валами железные листы. Несколько человек, пользуясь роздыхом в работе, со смехом переталкивались, шутили; один вдруг мазнул другого сажей, тот замахнулся молотком. «Как гимназисты на перемене»,— подумал Артем.

Рабочий, которого нашел на доменном дворе Артем, носил подпольную кличку Матрос. Он отвел Артема в сторону и брезентовой рукавицей утомленно вытер воспаленное лицо. Матрос огорошил Артема новостью: недавно арестован Сибиряк, деятельный член комитета, боевик. Товарищи опасаются, что Сибиряка по суду ждет петля... Матрос накинулся на Артема с расспросами по поводу решений нового ЦК. Что происходит? Неужели обязательно подчиняться решениям меньшевистского ЦК даже в тех случаях, когда его директивы идут вразрез с большевистской тактикой? Разрешено ли сохранять прежнюю линию? Ведь удивительно: меньшевики, например, настаивают на роспуске боевых дружин!

Такое недоумение было везде, где побывал Артем. Пропасть, разделяющая большевиков с их противниками,

все увеличивалась. Жизнь показала невозможность примирить разные точки зрения и наладить общую работу. В партии все больше ощущалось осадное положение.

— У нас сегодня заседание,— сказал Матрос.— Вас встретят, проводят. Не удивляйтесь, если что... Место уж больно не того...

Артем не стал расспрашивать, где состоится заседание остатков разгромленного комитета, но предупреждение Матроса все-таки не избавило его от удивления: вместе с провожатым они выбрались за город и спустились в старые ямы, из которых когда-то брали глину для кирпичного завода. Артем обратил внимание, что за всю дорогу им не встретился ни один рабочий пикет. «Беспечно живут». В Харькове у них стало правилом: пикеты дружинников прохаживались от Сабуровой дачи и аж до Конной площади.

Стемнело рано, со стороны заката дул холодный ветер, посвистывая в сухих стеблях бурьяна. Провожатый сунул два пальца в рот, свистнул и прислушался. Ответа не последовало. «Ага»,— проговорил он и пригласил Артема сесть. Они пришли раньше остальных... В ожидании, когда соберутся товарищи, провожатый продолжал рассказывать о том, почему жизнь уральских рабочих так отличается от жизни остальной рабочей массы. Дело в том, что на Урале заводской рабочий — это местный житель, имеющий при заводе и свою землю, и свое хозяйство. Он наполовину земледелец, в отличие от рабочего на юге России. На той же Украине фабричный работает, пока «идет» завод; но вот настали трудные времена, он берет свою котомку и уходит. Совсем не то на Урале. Здесь благосостояние рабочего тесно связано с благосостоянием завода. Бросить работу и уйти — значит бросить землю, хозяйство, семью. Поэтому он терпит многое, лишь бы остаться при заводе. И хозяева, зная это, держат рабочих впроголодь. Все равно им некуда деваться!

— У вас, кажется, много башкир и татар? — спросил Артем.

— Эти совсем с голоду мрут. Я как раз с их участка. Настроены отчаянно. В прошлый раз они мне так и заявили: «Хозяин богата, надо ему башка кончать!»

— А что? Чем не программа? — улыбнулся Артем.

— Поглядели бы, что тут у нас было в декабре: на штыки лезли! Мотовилиху двое суток усмирить не могли. Самая настоящая война!

Он еще добавил, что из Мотовилихи часть восставших рабочих во главе с бывшим офицером Лбовым ушла в леса и до сих пор не сложила оружия.

О «лесном братстве» лбовцев Артем слышал много. Личность самого предводителя была окружена ореолом героя, неуловимого и бесстрашного,— уральский Робин Гуд. Собеседник Артема знал Лбова, встречался с ним. По его словам, Лбов ранее служил в гвардии, не курил и не пил. Человек отчаянного мужества и большой силы, он очень слабо разбирался в политике. Сейчас, например, действия лбовцев приносят рабочему движению один лишь вред.

— Ну их, знаете, к черту! — вырвалось у рассказчика.— Сидят себе в лесу да еще и нас донимают: дескать, закопались в своих бумагах, а дел не видно.

— А этот Лбов,— спросил Артем,— встретиться с ним можно?

— Устроим,— кивнул провожатый.— Только он осторожен. Спит вполглаза, не раздевается. Под руками винтовка, бомба, наган. Боязно подойти!

Близкий свист заставил вскочить на ноги. Посыпалась глина, в яму съехал человек, неловко упал на бок и засмеялся. Это был Матрос. Постепенно собрались и остальные члены комитета.

Слушали Артема жадно. Он объяснил нынешнее положение словами Ленина. Легко быть революционером

в эпоху подъема, но им надо уметь быть и в эпоху реакции. Партия сейчас переживает один из труднейших этапов борьбы, однако она никогда не откажется от своих прежних революционных требований.

Мстительное слепое бешенство властей не должно удручать настоящих революционеров. Политическая атмосфера в стране накаляется с каждым днем, не замечать этого невозможно. Не проходит дня, чтобы газеты не сообщили о массовых арестах, смертных приговорах. Почти все губернии России находятся на военном положении. Война царизма с народом не прекращается.

Матрос сидел на земле, обхватив колени руками. Лица его не было видно в темноте. Он сказал:

— Наши меки хотят распустить боевые дружины.

Артем категорически потряс головой:

— Ни в коем случае! Разоружаться? Ни в коем случае!

Он подчеркнул, что главная задача рабочих — создать крепкую, дисциплинированную боевую дружину и вооружить ее. Привлекать туда следует наиболее смелых, преимущественно молодых рабочих. Их нужно разбить на звенья, вооружить, научить владеть оружием...

С ненастного неба посыпался резкий, жесткий снежок. Все, не сговариваясь, посмотрели вверх. В яме было тихо, но в бурьяне посвистывало, снежинки порошили поднятые лица. Матрос вздохнул и сдвинул кепку на глаза.

— Людей мало,— вздохнул он.— Нету людей. А парни-то были... орлы! Всех подмели.

Артем спросил, почему не присутствует на заседании комитета Бабинцев. Матрос в недоумении поднял голову: откуда приезжий мог знать об этом товарище? Дело в том, что Бабинцева арестовали месяц назад.

Свой вопрос Артем задал с умыслом. Добираясь до Нижнего Тагила, он километров пятнадцать проехал на попутной подводе. Возчик, правивший лошадью, работал

на заводе и от нечего делать принялся рассказывать своему пассажиру о том, как прошлой зимой дрались рабочие с войсками и кто сейчас на заводе «ходит в политиках». Назвал он несколько имен, в том числе Бабинцева и, кстати, Матроса.

— Конспирация у вас, товарищи, прямо скажем...— Артем покачал головой.— Хотя он вас и хвалил, говорит, что вы за рабочего человека, но надо быть осторожнее. Зачем облегчать охранке жизнь?

Потом Артем поинтересовался:

— Связаться с арестованными есть возможность?

Матрос удрученно молчал.

— Говорят, Бабинцева в Николаевку перевели,— негромко проговорил человек, лицо которого было невозможно разглядеть в темноте. Артем невольно поворотил голову: ему показалось, что голос женский.

— Что за Николаевка? — спросил он.

— О, не дай бог! — Матрос махнул рукой.

Николаевские арестантские роты, куда тюремное начальство отправляло наиболее строптивых заключенных, были страшным местом. Арестованных там избивали, морили голодом, морозили в карцерах. Наказания розгами применялись по любому поводу, а зачастую и без всякого повода, например за то, что не кричал во время порки, что недостаточно мелодичен голос или же за то, что корявое лицо. Человек, попавший в Николаевку, считался обреченным.

Артем заговорил о том, что бездействие лишь на руку властям. Надо всеми силами дать понять, что организация, несмотря на аресты, жива и действует, пополняется свежими силами.

— Ты про Курбатовскую пристань расскажи,— подсказал Матросу женский голос.

— На Курбатовскую пристань в Перми,— стал рассказывать Матрос,— недавно привезли оружие — ящики

с винтовками и патронами. Комитет решил провести экс. Готовились тщательно, предусмотрели вроде бы все, однако на пристани напоролись на переодетых жандармов. Кто-то выдал.

— Предателя выявили? — спросил Артем.

Матрос выругался.

— Был тут у нас один на примете, хотели мы его к ногтю, да где там!..

— А в чем дело? Кто мешает?

— То-то и оно, что мешает! Пришел на комитет один такой... Сволочь! До утра мы тут с ним орали. Хорошо, что в яме сидим, не слышно. А пока мы орали, тот, провокатор-то, и удрал. Теперь ищи его!

— Значит, кто-то постоянно выдает,— сказал Артем.

— У меня, слушай, голова кругом! — признался Матрос.— Кто? Ну кто? Своими бы руками гниду...

— Я слышал,— сказал Артем,— есть возможность наладить производство бомб.

Матрос и остальные подтвердили: можно. Недалеко отсюда, на каменоломнях, хранятся большие запасы «гремучего студня» — динамита, стащить его — пара пустяков.

— У нас тут деревня имеется, Добрянка,— заговорил повеселевший Матрос,— а возле нее село, Дивье называется. Село небольшое, но там контора каменоломен. Так в конторе деньги появились, две с половиной тысячи. А наша-то касса пуста... Но я вот сижу и думаю: а ну влипнем? Людей жалко!

— Кто знает об этом? — спросил Артем.

— Только свои... Здесь вот,— и Матрос показал на сидевших в яме товарищей.

Артем задумался.

— Сделаем так,— сказал он и полез в карман.— Спички у кого-нибудь есть? Посветите мне немного. Прошу всех ближе...

Организовать операцию в селе Дивьем Артему помог харьковский опыт с оружейным магазином Тарнопольского. Он сознательно ограничил круг занятых людей. О задуманном эксе никто, кроме членов комитета, не знал. Операция на этот раз прошла успешно, и Артем убедился, что провокатор, пробравшийся в организацию, находится не в самом комитете.

Основная сумма из захваченных денег поступила в распоряжение Пермского комитета. Часть средств выделили Мотовилихинскому районному комитету. Остальные деньги пошли для оказания помощи семьям погибших дружинников и на закупку оружия.

При подготовке операции Артем убедился, насколько большой урон понесла Уральская организация в результате последних арестов. Многим приходилось заниматься самому. Он, например, ездил в Москву, где ему в помощь дали бывших тогда в Москве братьев Бассалыго — Дмитрия (кличка по Уралу Игнат) и Константина (кличка по Уралу Иван). Константин стал военным организатором, Дмитрий запялся пропагандой и работой с кадрами. Дышать стало легче.

С небольшой группой дружинников Иван наведался в давно намеченные каменоломни. Добыча досталась богатая: 10 пудов динамита и 200 аршин бикфордова шнура. Как и в Харькове, братья Бассалыго наладили изготовление самодельных бомб. Для оболочки использовались стальные стаканы шрапнельных снарядов. Доставать их удавалось через организацию на Мотовилихинских казенных заводах.

А 26 сентября в Мотовилихе в Народном доме во время спектакля был казнен «Зверь» — помощник пристава Косецкий. Его застрелили прямо в зале.

Похороны «Зверя» прошли с небывалой пышностью, напоказ. Присутствовало все городское начальство. Играл оркестр, охрану несли казачьи эскадроны и части ингу-

шей. Когда похоронная процессия приблизилась к городской тюрьме, оттуда раздались громкие крики: «Смерть палачам! Долой самодержавие!» Вечером на кладбище кто-то водрузил красный флаг.

Помня о том, что в организации действует невыявленный провокатор, Артем не забывал об осторожности. Провалы в последнее время как будто перестали преследовать подпольщиков. Но на исходе года организация получила тревожное предостережение: сорвался экс в управлении Пермско-Екатеринбургской железной дороги. В обычное время кассира с денежным мешком сопровождало всего два жандарма, в намеченный же день дружину рабочих-боевиков встретили 12 казаков с винтовками. Тайный предатель продолжал действовать...

Артем полностью отдавал себе отчет, что враг исподтишка подбирается к сердцу организации. Но выявить предателя не удавалось. И вот в момент, когда уральские большевики заканчивали подготовку к очередному съезду партии, враг нанес удар в самое сердце организации. Провал!

Артем не знал, сколько на этот раз ему придется пробыть в заключении. Видимо, это будет зависеть от того, насколько глубоко провокатор проник в организацию, какими материалами располагают следователи... А жаль, что не удалось поехать на съезд. Артем ждал случая вновь увидеться с Лениным. Поговорить хотелось о многом — накопилось. Кстати, именно уральцы, солевары Усолья, избрали Владимира Ильича делегатом на съезд. «Интересно, кто поедет вместо меня? Кто вручит Ильичу мандат?»

Рано утром по гулкому тюремному коридору протопали надзирательские сапоги и зычная, проспиртованная глотка заорала:

— Подымайсь! На оправку — жив-ва-а!..

Артем поднялся, ополоснул над парашей лицо и принялся ходить от двери к стене, где наверху, под самым потолком, было забрано решеткой крохотное оконце. Он думал о том, что не сегодня-завтра его вызовут к следователю. Чтобы запутать следствие, он не назовет своего настоящего имени и не станет сознаваться в принадлежности к партии. Пускай докажут!

— Хлеб, кипяток получать! — рявкнул у двери надзиратель.

На полчаса тюрьма притихла, лишь в коридоре раздавался скрип сапог. Раза два надзиратель останавливался, поднимал жестяной щиток над «глазком» и со стуком опускал его обратно. Это подглядывание раздражало, особенно стук щитка. Но скажи ему, черту, так он будет стучать нарочно!

Закончив завтрак, Артем по привычке смел со стола крошки в ладонь и отправил их в рот.

Голова все время была занята подготовкой к разговору со следователем. Прежние аресты не шли в сравнение с нынешним. Все дела социал-демократов теперь идут по 102-й статье. Наказание по этой статье более строгое. Кстати, вот еще немаловажный вопрос: кто его будет судить — военный суд или судебная палата?

— Прогулка! — раскатился по коридору голос надзирателя.— Пулей вылетай... Жив-ва-а!..

Новый корпус Пермской тюрьмы был построен по последнему слову техники: каменный мешок с широкими коридорами, которые пересекались так, что охрана получала великолепный круговой обзор. Тюрьмы, твердыни власти в ее борьбе с народом, строились настолько крепко, словно рассчитывали выдержать штурм.

Рядом с новым корпусом помещался старый — замшелая коричневая башня. В башне содержались наиболее важные заключенные.

На каменном дворе группа заключенных гоняла тряпичный мяч. В окнах женского корпуса виднелись бледные лица. Мяч просвистел возле лица охранника, тот не моргнул и глазом. «Режим подходящий»,— вынес заключение Артем.

— Кончай гулять! По камерам — марш!

Через несколько минут дверь в камеру Артема распахнулась:

— К следователю!

— Ваша фамилия, имя, отчество?

Артем усмехнулся:

— А вам что же — неизвестно, кого вы арестовали?

— Будете отвечать на вопросы?

— Не собираюсь.

— Значит, отказываетесь?

— Я не обязан помогать вам в вашем ремесле!

— Что ж, тогда подпишите вот здесь, что вы отказываетесь отвечать на вопросы.

— А если вы сами напишете, вам что, не поверят даже в этом?

Следователь вяло пожевал губами:

— Гм... Ваше дело. Можете идти. Но ставлю вас в известность, что явным нежеланием помочь следствию вы усугубляете свою вину. Впрочем, у вас будет время подумать над своим поведением.

Вернувшись в камеру, Артем завалился спать — хоть отоспаться!

Суды в этом году свирепствовали. Все политические дела теперь поступали на рассмотрение особого присутствия судебной палаты, которое состояло из трех членов палаты и трех сословных представителей: от дворянства, горожан и крестьянства. Присяжных заседателей не было, присутствие само решало вопрос и о виновности подсудимых, и о мерах наказания. Однажды на прогулке Артему

рассказали о большом процессе. Шесть обвиняемых получили по шести лет каторги, девять человек — по четыре года, больше десяти человек приговорены к поселению в Сибири. Судили всех по первой части 102-й статьи.

Напряжение борьбы самодержавия с народом не спадало. Шел непрерывный бой, ожесточенная война, о которой благонамеренное население узнавало по очередным судебным процессам.

Несколько месяцев прошли для Артема в упорном единоборстве со следствием. Артем брал книги из тюремной библиотеки, наладил переписку с родными, с Екатериной Феликсовной, с Фросей, Шурочка все еще сидела в тюрьме и ждала суда. На воле жизнь шла своим чередом: брат Егор бросил подряды и служил в Тифлисе, был на виду у начальства («не в меня удался!»), у младшей сестры Нади родился четвертый ребенок...

На содержание политических заключенных администрация отпускала 37 копеек в сутки. Для уголовных «кормовые» составляли всего 11 копеек. Артем вдруг ощутил разницу в содержании и заявил протест: с каких это пор он стал уголовным? Оказалось, перемену санкционировал следователь. Поскольку Артем по-прежнему не называл себя, он перевел его из ряда политических преступников в уголовные. Теперь Артему стало грозить обвинение в бродяжничестве. Приговор по этой статье грозил каторжными работами на три с половиной года, но самое унизительное — обвиняемые в бродяжничестве подвергались телесным наказаниям.

Подумав, Артем решил назвать себя. Он признал, что паспорт, с которым его арестовали, фальшивый, настоящая его фамилия Сергеев. Следователь, однако, не схватился за перо, не проявил радости.

— Сергеев? Гм... А как вы докажете это? Пока что я вас знаю как тульского мещанина Кречетова.

— Но у меня есть родственники! Они меня признают,

— Сомневаюсь.— Следователь явно куражился, мстя за целые месяцы бесцельной работы с непокорным заключенным.— Впрочем, попробуйте напишите им. Что же вам еще остается?

Письмо Артема родителям из Пермской тюрьмы

9 июля 1907 г.

Здравствуйте, дорогие родители! Волею сил, от меня не зависящих, я оказался снова там, где вы меня видели в Москве и Воронеже. Вам это, вероятно, уже известно... Я сижу уже 4 месяца, но как будто бы сидел только несколько дней... Вам лучше не ждать новых визитов судебной власти, а заявить судебному следователю того участка, где вы живете, чтобы он сообщил судебному следователю 2-го участка города Перми, что по карточке вы узнали сына своего Федора, который сейчас сидит в Пермской губернской тюрьме... То дело, по которому привлекают, принадлежность к социал-демократической партии, не может ничем окончиться. Оно будет скоро прекращено. Это дело должно было бы разбираться судом, но для суда нет никаких данных, по которым суд мог бы признать, что я к ней принадлежу. Вот только я опоздал с воинской повинностью, ее придется теперь отбывать. Но я не думаю, чтобы правительству была большая охота меня брать в солдаты... За меня не тревожьтесь. По теперешним временам я еще не худо живу. За беспокойство, которое вам причинил, не обижайтесь, не по моей воле. Уж такой теперь недоверчивый народ... Целую вас всех. Федя.

Глава восемнадцатая

Для прогулок заключенных старой тюремной башни имелся небольшой каменный дворик. Узкий, обнесенный высокой кирпичной стеной, он напоминал колодец. С воли сюда не проникало ни единого звука. Режим баш-

ни отличался от режима общего корпуса большей строгостью: на прогулке здесь уже не поиграешь в мяч.

При помощи тюремной азбуки Артем наладил перестукивание со своим соседом. Им оказался Сибиряк, боевик, руководитель группы террористов, об аресте которого Артему сообщил при первой же встрече Матрос.

Прошло несколько недель, прежде чем им удалось встретиться на прогулке. Сибиряк сразу же заявил Артему, что не ждет от суда ничего хорошего,— петля. Рассчитывать на великодушие судей не приходилось.

— Ты на медведя не ходил? — спросил он.— Интересная скотина. Встретился с ним — бежать не надо. Боже упаси! Ляг, притворись мертвым и не дыши. Он тебя понюхает и отойдет. Так и с властью. Хочешь уцелеть — замри, не дыши, смирись. Мертвечину она не трогает, она живеньких драть любит!

Он рассказал о последней инструкции военно-полевым судам. Их обязанность теперь выносить только смертные приговоры, которые приводятся в исполнение в течение 24 часов. Единственная льгота, на которую может рассчитывать осужденный,— замена повешения расстрелом.

Все мысли Сибиряка так или иначе были связаны с ожиданием суда и приговора. На все попытки Артема отвлечь его от тяжелых раздумий он лишь кривил свои красивые губы и мрачно покачивал головой.

Одно время Сибиряк надеялся, что его выручат оставшиеся на воле товарищи, устроят ему побег. Он не верил, что такой отчаянный храбрец, как Лбов, с которым они столько времени сражались плечом к плечу, оставит его в беде, отдаст в руки палачей. Артему не хотелось отнимать у него последнюю надежду, но в конце концов он не выдержал и заявил, что уповать на помощь Лбова безрассудно. В этот день они яростно поспорили об «уральском Робине Гуде» и едва не разругались.

Артем и в самом деле был уверен, что Лбов, скрываю-

щийся в дремучих лесах, меньше всего озабочен судьбой своих товарищей, попавших в тюрьмы. Героический ореол «лесных братьев» давно померк, рабочие лишили их своей поддержки, сам Лбов больше всего думал о собственной голове.

Еще находясь на воле, Артем поручил Матросу устроить ему встречу с предводителем «лесных братьев». Поздней ночью Артема привели на явку. Лбов, вышедший из леса, спал, сжимая в руке винтовку и положив в изголовье револьвер со взведенным курком. Заслышав шаги, спящий вскочил на ноги гибким звериным движением и несколько мгновений, патлатый, обросший, смотрел на вошедших безумными глазами. Матрос на всякий случай загородил собой Артема. Лишь разглядев, кто перед ним, Лбов со стоном свалился на постель и в изнеможении закрыл глаза, сильно сжал виски. Больше всего на свете ему хотелось спать...

От встречи со Лбовым у Артема осталось удручающее впечатление. Стоит ли так безрассудно расходовать силы? Какие перспективы имеет «лесное братство»? Движение без четко поставленной цели, оно питалось лишь одной ненавистью: «Жги, ломай! Пили, коверкай!» Прав Матрос: в настоящее время лбовщина стала помехой для рабочего дела.

Сам Лбов даже в своем теперешнем состоянии загнанного зверя сохранял известное обаяние. Это был простой, безыскусный человек, жаждавший активных действий.

Артем ему сказал:

— Александр Михайлович, вы же военный человек. Неужели вы не понимаете, что воевать без тыла невозможно? Это же чистая авантюра!

Сжав коленями крупные сильные руки, Лбов сидел с опущенной головой и упирался отросшей бородой в грудь. Он понимал: назад ему ходу нет. А ничего другого он не умел.

— Когда же ваша революция? — спросил Лбов, взглядывая на Артема из-под спутанных волос.

— Могу сказать одно, Александр Михайлович: не завтра!

— Что же делать?

Артем помедлил. Сидевший перед ним человек, сам по себе прекрасный боец, своим бесцельным существованием вызывал только жалость. Отходы умирающей революции... Стараясь говорить мягко, Артем предложил ему скрыться, отдохнуть, осмотреться. С паспортом, если нужно, он готов помочь.

В предводителе «лесных братьев» вдруг заговорила гордость. От помощи он отказался наотрез.

— Это вы в Дивьем взяли кассу? — спросил он напоследок. И одобрил: — Ничего... А Косецкого тоже вы? Можете.

Артему были смешны похвалы Лбова. «Лесной брат»... лесной разбойник. В те дни партийная организация вела борьбу за делегатские мандаты на Пятый съезд партии. Лишь вчера делегатом от Усолья по предложению Артема рабочие назвали Владимира Ильича Ленина.

Нет, Лбов как деятельный человек кончился. Человек без плана, без определенной цели обречен. Тем горше было слышать теперь, что Сибиряк все свои надежды на освобождение, на жизнь связывает с Лбовым.

Несколько дней Артема выводили на прогулку одного. Он пробовал узнать у надзирателей, где Сибиряк, те угрюмо отмалчивались. На стук в стену никто не отзывался, соседняя камера была пуста. «В карцере», — решил Артем. Так и оказалось.

Из карцера Сибиряк вышел бледным, исхудавшим, но, странное дело, повеселевшим. Уж не получил ли он радостной весточки с воли? Оказалось, нет, никаких вестей Сибиряк не получал. Заключение в карцере, борьба с холодом и голодом, стремление не уронить себя и выдер-

жать молчаливое сражение с тюремщиками хоть ненадолго развеяли тоскливое и вынужденное ожидание приговора. Человек активного действия, Сибиряк преображался при малейшей возможности проявить себя. Сидеть сложа руки ему было невмоготу.

На бледном лице Сибиряка рдели красивые, на диво свежие губы. Он улыбался.

— А вы,— сказал он, пытливо вглядываясь в глаза Артема,— чем-то расстроены. Что случилось?

Удивившись такой проницательности, Артем слегка покачал головой: прямо в душу заглянул! Ему стало известно, как проходил Пятый съезд партии. Съезд, на который он имел делегатский мандат, съезд, где он надеялся вновь увидеться с Лениным и с товарищами по борьбе. Им всем так редко выпадает побыть вместе!

Рассказывая, Артем представлял, какой бой пришлось выдержать Ленину и его уцелевшим единомышленникам, отстаивая — уже в который раз! — правоту пролетарского дела. Как раз сегодня ночью в минуты бессонницы Артем вдруг подумал: «Самое трудное и страшное — драться не с врагами, а с близкими людьми. Но не драться нельзя!» Видимо, сегодняшняя ночь, когда Артем наяву представил знакомое обаяние Ленина, ощутил его удивительную способность завоевывать сердца людей, его необыкновенную простоту и деликатность, живость и общительность,— все это вместе и настроило Артема так, что он с небывалой легкостью стал изливать душу освобожденному из карцера Сибиряку.

Сегодняшний разговор настолько сблизил их, что они долгое время прогуливались молча, нисколько не тяготясь этим молчанием. Артем уже знал, что мандат Ленину от солеваров Усолья повез за границу Костя Бассалыго. Добрался ли Костя? Что сказал ему Ильич? Как все-таки жаль, что не пришлось увидеться! Когда теперь? Потом его мысли занял Сибиряк. Разве не Ленин гово-

рил, что никакой терроризм не в состоянии изменить системы правления, ее изменит только рабочий класс. События в России, указывал Ильич, будут развиваться так, что люди, впавшие в отчаяние после декабрьского поражения, даже совершившие ошибки в результате этого отчаяния, обязательно осознают их, поймут. Они уже понимают. Понимает, по всем признакам, и Сибиряк. Кажется, на пути к этому и Лбов... Революцию нужно делать, это главный, единственный путь. Нужно бороться за умы, за души людей, делать из них не просто бунтарей, а сознательных бойцов революции. Вот и Сибиряк. Жаль будет, если его молодая жизнь оборвется так скоро и так бесцельно. А такие люди скоро будут нужны, очень нужны.

По какой-то связи с тем, о чем сейчас думал Артем, ему вдруг вспомнились занятия рабочего кружка первого года обучения. Взрослые люди, с опаленными пламенем лицами, с натруженными руками, сидели за крохотными партами и писали простенький диктант. Артем ходил по классу и громко, отчетливо диктовал. Скрипели перья, люди тяжело вздыхали, осиливая премудрость необходимой грамотешки. Артем заметил: вальцовщик, могучего сложения мужик, хитро усмехаясь, прикрывал ладонью написанное от соседа, чтобы тот не подглядел, пишется ли слово «конь» с мягким знаком... А совсем недавно, когда рабочие, радуясь минуте отдыха, затеяли переталкивание, мазанье сажей и весело, от всего сердца хохотали? Дети! Но надежда Ленина, надежда России только на них и ни па кого больше. Никаким терроризмом не изменить системы правления в государстве, это под силу лишь одному рабочему классу.

— Сергеев... письмо!

В приоткрытую дверь надзиратель бросил надорванный конверт. Исписанный лист с обеих сторон перечерк-

нут желтым жирным крестом: тюремная администрация тщательно просматривала переписку заключенных, выявляя, нет ли тайнописи между строк.

Письмо было от Фроси. В последнее время она писала регулярно и помногу, однако тон ее задевал Артема весьма заметной отчужденностью. Иногда ему казалось, что девушка до сих пор не в состоянии простить ему последний разговор, который состоялся у них, когда Артем уезжал из Харькова на Урал.

Он не сообщал ей о своем отъезде до последнего дня. Новость ошеломила девушку. Она остановилась, побледнела.

— Все-таки вы...— проговорила Фрося и умолкла, принялась чертить концом зонтика по земле.

Артем стоял перед нею с виноватым видом. Может быть, ему следовало сказать о своем отъезде раньше?

— Ну хорошо,— сказала она,— прошлый раз вы поссорились с Ниной, и я старалась быть на вашей стороне. Но признайтесь, что Нина, хоть вы ее и презираете, все же права. Она права, а не вы! Вы идеализируете своих рабочих. Мне это странно видеть. Если бы вы были сами из рабочих... Перед вами блестящие возможности, вы можете стать инженером... даже директором завода. И вдруг это... это никому не нужное самопожертвование! «Моя жизнь не принадлежит мне!» Что за мальчишество? А кому она принадлежит? Я согласна с Ниной — ваши рабочие этих жертв не поймут. Вернее, не оценят. Вспомните: Разина, Пугачева предавали свои же, самые близкие...

Он слушал не возражая. Она повторяла чужие слова. Артем все это слышал при недавнем споре с Ниной... Да, прощание получилось совсем не таким, как представлялось. Впрочем, что ж... После поражения в декабре накипь общественного отчаяния коснулась и не таких, как Фрося. Он усмехнулся, вспомнив, как в прошлый раз раздосадованная Нина гневно бросила ему в лицо, что сов-

ременной девушке пристало заниматься отнюдь не бомбометанием, а, простите, извечными женскими делами — как считают немцы: дети, кухня, церковь.

— Я... могу вам писать? — спросил он, поглядывая на девушку исподлобья.

Фрося снова принялась чертить зонтиком.

— Пишите.

Ему стало жаль ее. Эта самодовольная Нина! Дети, церковь, кухня...

— Как много мне хочется сказать вам! — вырвалось у него.

Она зажмурилась, затрясла головой:

— А, что уж теперь!.. — и, не сдержав слез, побежала.

Теперь, читая ее холодные, обстоятельные письма, Артем ломал голову: может быть, тогда ему следовало догнать ее и объясниться полнее? Но в состоянии ли он был переубедить ее?..

Для писем заключенным Пермской тюрьмы полагался один листок бумаги в десять дней. Артем старался писать мелко, плотно нанизывая строчки. Лицо его горело, в эти минуты он забывал о тюрьме, испытывая истинное наслаждение от умственной работы.

Увлеченно заполняя своим бисерным почерком жалкую четвертушку бумаги, он не сразу различил характерное постукивание в стену. Сосед в камере слева пытался вызвать его на связь. Сорвавшись с места, Артем костяшками пальцев простучал ответ и стал слушать: «Т-е-б-е х-о-т-я-т у-с-т-р-о-и-т-ь п-о-б-е-г», — разобрал он. Это Сибиряк делился с ним последней новостью с воли.

Артем сжал рукой лоб и с минуту сидел не шевелясь. Видимо, товарищи стараются вырвать его из застенка... Воля! Сердце его билось крупно, мощно. Потом он взял себя в руки и коротко простучал:

«С-п-а-с-и-б-о. По-н-я-л».

Письма Фросе он в тот день не дописал. Все мысли

были об освобождении. Побег? Но это же так сложно! В душе он надеялся поскорее дождаться суда, получить поселение в Сибирь и уж оттуда...

Следствие по его делу тянулось медленно. Тот равнодушный, безучастный ко всему следователь, с которым у него состоялся первый разговор, оказался далеко не так прост. Долгое время над Артемом висело обвинение в бродяжничестве, пока наконец его не признали родственники.

— Что ж,— вздохнул следователь и полистал папку с копившимися показаниями.— Тогда припомните такой вот случай. С группой лиц вы возмутили персонал земской больницы и совершили насилие над главным врачом оной, господином Якоби.

В голове Артема промелькнуло: свидетелей было много, запираться глупо...

— Да, припоминаю.

— Отлично. Остановимся на этом. Кто были эти неизвестные лица? Их фамилии? А лучше — клички. У вас ведь принято по кличкам. Не так ли?

«Детская хитрость!»

— Я отвечаю только за себя,— отрезал Артем.— Оставьте эти уловки.

— Ну хорошо, хорошо. Согласен. Итак...

Но, усыпив, как ему показалось, настороженность подследственного, он вдруг сделал сильный ход, выложив свои главные козыри. Оказывается, протоколы последнего заседания Пермского комитета, которые при аресте Артем втоптал в снег, были все же обнаружены и теперь содержались в тощей папочке. Больше того, следователь успел снестись с Харьковским жандармским управлением и постепенно сворачивал дело к расследованию деятельности известного в Харькове подпольщика, руководителя Декабрьского восстания по кличке Артем. Опасность приблизилась вплотную: если следствию удастся дока-

зать, что Сергеев и Артем — одно и то же лицо, грозит уже не поселение в Сибирь, а виселица. Все тем же вялым, равнодушным тоном следователь ставил четко сформулированные вопросы: сущность, цели революционного движения, участники, оружие, какое, сколько, где хранится... Положение осложнялось: недаром товарищи на воле принялись за подготовку побега.

Однако последние события в Пермской тюрьме смешали все планы.

По тюремному «телеграфу» заключенные узнали новость: из Николаевского исправительного отделения в Пермь на должность помощника начальника тюрьмы переведен Калачев, человек необузданной жестокости, истязатель, палач.

В этот день на прогулке Сибиряк изумил Артема своей неестественной веселостью. Оборотившись к башне, он разыскал окошко, за которым сидел загадочный, начисто лишенный прогулок офицер, и помахал рукой:

— Здравствуй, товарищ!

— Что с тобой? — тихо спросил Артем.

Ответил Сибиряк не сразу:

— Скоро суд. Суд, суд, суд! — повторил он, запрокидывая голову.— Мне дадут петлю, я знаю.

— Может, обойдется...

Некоторое время они ходили молча. Артем извелся, не зная, как отвлечь его от мыслей о близком суде. Вдруг Сибиряк заговорил сам. Он принялся вспоминать своих товарищей, оставшихся на воле. Говорил о заводе, цехе, о работе. С особенной теплотой он рассказывал о Матросе. Оказывается, они вместе работали в литейном цехе, Сибиряк учил своего напарника секретам мастерства.

— Металл, Федор Андреич, он все равно как человек. Внешность — одно, а нутро — совсем, совсем другое. О, что ты! Тут знаешь сколько знать надо?

Разговор о любимом деле доставлял Сибиряку удовольствие, отвлекая его от мрачных дум. Артем давно заметил, что рабочие, занятые в горячих цехах, не могут оставаться равнодушными к огню. Это у них в крови. Сибиряк к тому же был природным литейщиком... Поддерживая разговор с товарищем, Артем тоже вспомнил, как сам учился «понимать паровоз», поступив работать кочегаром. Учил его старик машинист, определявший состояние своего паровоза на слух и даже на вид, словно врач по лицу больного. Свои навыки он передавал помощнику, и скоро Артем научился узнавать, когда в машине все в порядке, в меру угля и влаги, а когда барахлит котел или недостает угля. Рабочая выучка, секрет профессии!

— Прогулка окончена! — объявил надзиратель.

— Ну вот...— Сибиряк растерянно остановился. Через несколько минут он снова останется совсем один со своими мыслями и тайным ожиданием смерти.

— А знаешь,— признался он Артему,— жалко умирать сейчас. Именно сейчас! Скажи-ка, как это ты в прошлый раз... Ну, стихи, стихи!

— А! — вспомнил Артем:

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.
Вставай же, Русь! Уж близок час!..

— Во, во! — воскликнул Сибиряк.— «Вставай же, Русь! Уж близок час». Хорошо.

— В камеры! — крикнул надзиратель.

— Ну, прощай! — Сибиряк протянул руку.

Они обнялись.

Надзиратель прикрикнул:

— А ну-ка... сцепились! По камерам!

Словно не слыша его, Сибиряк горько замотал головой:

— «И скоро светлый час настанет»... Ладно, пойду. Не поминай лихом!

— Да перестань! — прикрикнул Артем.

Тот быстро повернулся и почти побежал.

Сжав кулаки, Артем смотрел ему вслед до тех пор, пока его не толкнул надзиратель:

— Успул?

Артем зажмурился: так вдруг захотелось кинуться на брыластого, вечно вполпьяна, тюремщика. Негодяи, губят таких людей, полных сил людей!

Суд, как и ожидалось, вынес Сибиряку смертный приговор. Об этом Артему простучал сосед справа. Камера Сибиряка опустела: осужденного перевели в коридор смертников.

Разбирая легкую, едва слышимую дробь постукиваний в стену, Артем узнал, что тюрьма приготовилась к встрече Калачева, палача из страшной Николаевки. Заключенные договорились не вставать при его появлении в камерах, не снимать при встрече с ним шапок, не обращаться к нему ни с какими заявлениями — словом, не замечать его существования.

Калачев совершал обход тюрьмы в сопровождении группы надзирателей.

— Встать! Смирно! — рявкнул старший надзиратель Федоров, распахивая дверь в камеру Артема.

Заложив руки за спину, брюхом вперед, Калачев возник на пороге. Артем в шапке, не поворачивая головы, продолжал сидеть на табуретке. Усы на рыхлом лице Калачева угрожающе приподнялись. С неожиданным проворством он бросился в камеру и, ругаясь, кулаком сшиб шапку с головы заключенного. Артем улыбаясь взглянул на него, как на пустое место, и отвернулся.

В ярости Калачев выхватил браунинг.

— Ваше благородие,— крикнул Федоров,— что вы делаете?!

Он успел толкнуть его под руку. Грохнул выстрел, пуля впилась в потолок. Схватив Калачева в охапку, Федоров вытащил его в коридор. Надзиратели захлопнули дверь.

«Ну и зверь! — Артем, поднимая с пола шапку, покачал головой.— Что же он творил у себя в Николаевке?»

После того как Калачев обошел женское отделение, в тюрьме вспыхнул настоящий бунт. Женщины потребовали поместить в лазарет смертельно больную заключенную. Калачев грубо отказал. Кто-то из женщин плюнул ему в лицо. Калачев, задыхаясь, снова пустил в ход кулаки. На этот раз ему помогли надзиратели. Тюрьма взбунтовалась, заключенные объявили голодовку. В мужском отделении поднялся невероятный шум: в двери камер колотили чашками, парашами, табуретками.

Из города в тюрьму прикатил губернский тюремный инспектор Блохин. Заключенных выстроили во дворе.

Инспектор, красивый моложавый мужчина с университетским значком на груди, холодным взглядом скользнул по хмурым, угрюмо затаившимся рядам заключенных. Вдруг он обратил внимание на надпись на кирпичной стене. Чья-то рука углем вывела лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» По лицу Блохина промелькнула усмешка. Он подозвал надзирателя и что-то приказал ему, тот убежал и скоро вернулся, подал инспектору кусочек угля. Подойдя к стене, Блохин приписал к лозунгу слово: «в тюрьме» и, с улыбкой глядя в лица заключенных, вытер платочком пальцы.

По распоряжению Блохина более десятка заключенных посадили в карцер. Но Артема Калачев запомнил особенно и посчитался с ним по-своему. К вечеру стало известно, что Артема переводят в Николаевку.

Надзиратель шел вдоль строя заключенных и молча тыкал кулаком в лицо тех, кому следовало подравняться,

Небольшой тюремный плац Николаевского отделения был со всех сторон замкнут невысокими строениями. С галереи второго этажа, на которую выходили двери камер, вразвалку спустился начальник тюрьмы Жирнов, безобразный старик с прокисшим лицом. Надзиратель караулил момент, когда нога Жирнова ступит на выложенный булыжником плац.

— Смир-р-на-а!..

Остановившись перед строем, Жирнов сморщил нездоровое, отечное лицо и двумя пальцами вынул из уха ватку. Надзиратели, руки по швам, преданно ели начальство глазами. Продолжая разглядывать ватку и покачивая головой, Жирнов, будто сам с собой, заговорил негромко, тонким и гнусавым голосом:

— Я из вас выбью пермскую дурь. Там вас разбаловали, подлецов, но здесь вы научитесь вести себя, как следно быть. Вас ко мне зачем послали? Для исправления...

Артем не выдержал:

— Это насилие, не по закону. Мы еще не осуждены.

Сморщившись, словно от боли, Жирнов понюхал ватку и засунул ее в ухо.

— Замолчи-ка, сволочь,— равнодушно обронил он, попрежнему не глядя ни на кого из заключенных.

— Вы не имеете права! — крикнул Артем.

Тогда Жирнов поднял глаза, и каждый, кто успел заглянуть в них, поразился их пустоте и скуке.

— Евстюнин,— гнусаво распорядился начальник тюрьмы,— возьми-ка его, сволочь.

От сильного удара в голову Артем упал лицом вперед. Холодное прикосновение к булыжнику привело его в сознание. Гнусавый голос издевательски говорил над ним:

— Неприкосновенность личности мы соблюдаем. Как же! Бьем по затылку, по шее.

Переждав короткий льстивый смех надзирателей, Жирнов распорядился:

— Евстюнин, вниз его!

Несколько дюжих рук подхватили лежавшего Артема и поволокли в подвал, где помещались карцеры. На лестнице на каждой ступеньке стояло по надзирателю, каждый держал в руке швабру, кочергу, просто палку. На Артема обрушился град ударов. Затем, уже упавшего, его остервенело топтали, били ногами в лицо...

Очнулся он от жуткого холода, чувствуя, что замерзает. Вокруг была кромешная тьма. Пошарив рукой, он наткнулся на ледяную стену, покрытую инеем. Под ним была корка льда, рубашка примерзла, и когда он попытался оторвать ее, это усилие вызвало слабость, руки подломились и он будто снова ощутил сильный удар надзирательского сапога в зубы...

Сколько пролежал он здесь без памяти?

Однажды загремел засов, в ледяную мглу карцера из коридора упал теплый клин света. Несколько человек в длинных шинелях ждали, когда он поднимется.

— Выходи, сволочь.

Пол в карцере был залит кровью — его кровью. Собрав силы, он с треском оторвал рубашку от корки льда и, шатаясь, поднялся на ноги. От света и тепла ему стало дурно, он схватился рукой за стену. Что с ним? Ослеп? Только бы не упасть!

— Чего это он? — спросил гнусавый голос.

— Притворяется, ваше благородье!

— А ну запри его, сволочь! Пусть еще посидит.

Ледяной мрак снова сомкнулся вокруг него. Плохо соображая, что с ним происходит, он вытянул руки и упал...

Через два дня к нему вошли надзиратели и за ноги вытащили в коридор. Он не подавал признаков жизни. Его бросили в общую камеру. Староста камеры Бабинцев,

узнав, кого приволокли из карцера, захлопотал. Заключенные налили в кружку кипятку и силой разжали Артему зубы. Его вдруг стало так трясти, что в камере собрали все теплые вещи и навалили на него кучей. Больше суток он никак не мог согреться...

На утреннем обходе Жирнов остановился в коридоре и подождал, пока откроют дверь камеры.

— Встать! — гаркнул надзиратель.

Артем лежал в полузабытьи. Болело разбитое лицо, кружилась голова, ныли обмороженные ноги. Не открывая глаз, он тяжело дышал открытым ртом.

— Господин начальник,— заметил Бабинцев,— у него жар.

— Гм... остудим. Евстюнин, возьми-ка их обоих, взбрызни.

— Слушаюсь!

В надзирательской, куда приволокли Артема и старосту камеры, посреди комнаты стояла скамейка, забрызганная каплями свежей крови. Из ушатов с водой торчали пучки розог. В стороне валялись в беспорядке поломанные прутья со следами крови.

— Ложись, чего белки выпучил! — крикнул Бабинцеву старший надзиратель.

Восемь крепких рук вцепились в старосту и бросили его на скамейку. Два надзирателя тянули в стороны руки, третий сел ему на голову, четвертый с отборной руганью стал стаскивать с него штаны. Двое стояли по бокам с пучками розог, засучивали рукава мундиров.

Когда засвистели прутья, брызнула кровь и Бабинцев, не выдержав боли, закричал, Артем покачнулся и медленно сполз по стенке на пол. Последнее, что он запомнил,— склонившееся над ним усатое лицо старшего надзирателя и ровный насмешливый голос:

— Ишь нежный какой, сволочь...

Из письма Артема Е. Ф. Мечниковой.

7 марта 1909 г.

Дорогая тетя!

...Представьте, целый месяц пробыть в обществе воров-рецидивистов, рыцарей большой дороги, вырезавших на своем веку немало народу. Читать я не мог, да и нечего было. Однообразные рассказы о том, как один «работал» с дубиной, а другой — с браунингом или мечеными картами, скоро надоели. К тому же режим очень суров: нельзя выходить из палаты, нельзя писать, куда ни кинешься — все нельзя... За деньги благодарю. Ужасно скудно кормят: после обеда можно съесть без труда фунт хлеба. Я страстно стремился поправиться. Ведь меня было уже считали обреченным, целый месяц бессознательного состояния. Но меня, мне кажется, спас все тот же аппетит, хотя я был в бессознательном состоянии, но преисправно принимал пищу. Другие бессознательные, наоборот, часто выбрасывают пищу, поэтому быстро истощаются... Одно печально — суд откладывают и откладывают. Теперь придется судиться в мае...

Пока до свидания. Пусть бессвязность письма Вас не изумляет, скоро пройдет шум в голове, тогда буду мыслить более связно.

Пишите, если будет нетрудно,— пишите побольше, я никогда не устану читать.

Федя.

Из письма Артема Е. Ф. Мечниковой

4 апреля 1909 г.

Дорогая тетя! Я понемногу поправляюсь. Лежу все еще в тюремной больнице, но скоро думаю выписываться. До сих пор не проходит глухота и в ушах постоянный шум, похожий на прибой волн у скалистых берегов. Кроме того, я чувствую... что цинга тоже оставила следы: иногда не могу ходить... С грехом пополам одолеваю по-

немногу английский. Но с этой стороны успехи не блестящи: прошел всего уроков тринадцать плюс к этому правила произношения.

Суда я ожидаю без всякого нетерпения: привык. В общем, живу ничего, но Вам желаю жить лучше. Ваш Федя.

Сегодня известили о получении от Вас пяти рублей.

Глава девятнадцатая

Арестантский вагон с решетками на окнах отцепили от поезда и отогнали в тупик. Сквозь грязное стекло Артем узнал окрестности Южного вокзала. Харьков! Сколько же он не был здесь? Года три, даже больше...

В Харьков Артема привезли для повторного суда. Первый суд состоялся в Перми 15 сентября 1909 года. «Крестьянин Сергеев Федор Андреев присужден к лишению прав состояния и ссылке на поселение...» Собственно, это было то, чего он ожидал: Сибирь. Но что решит еще одно судебное заседание в Харькове? Изменит прежний приговор?

В сумерках его вывели из вагона и повезли в тюрьму. Верх коляски был поднят, жандармы плотно сжали его с боков, не позволяя шевелиться. Оставалось одно — дышать всей грудью, наслаждаясь теплым воздухом, имевшим, как вдруг оказалось, непередаваемый аромат. Начался декабрь, но холода в Харькове еще не наступили, и это тепло поздней южной осени невольно напоминало Артему недавние, безвозвратно пролетевшие годы. Все-таки много, очень много связано у него с этим городом!

Артем был рад, что наконец-то кончилась долгая, опостылевшая дорога. Арестанты в вагоне все дни что-то жевали, спали, похабничали и гоготали. И ведь здоровен-

ные все, дьяволы! Сняв тужурку, Артем закутывал голову, чтобы не слышать этого скотского смеха. А вечерами дурак-унтер принимался долбить «словесность» с конвойными солдатами. «Охрименко, повторяй за мной. Кто такое враг унутренний? Враг унутренний есть рабочие, которые бастують, и студенты, которые, ежели што, самому царю не уважуть и престол-отечество самосильно внизвергають».

Прежде Артем видел эту тюрьму лишь издали. За массивной кирпичной стеной различались крыши каких-то построек. Оказалось, тут целый городок — двух- и трехэтажные здания, построенные с той старательностью, с какой строились в России тюрьмы и присутственные места.

Утром надзиратель отпер камеру и впустил щеголеватого человека с портфелем. Артем привстал, вглядываясь в лицо неожиданного посетителя: что-то знакомое. Щеголь снял шляпу и сделал легкий изящный поклон:

— Честь имею!

Глаза его смотрели выжидательно, он был слегка смущен.

— О! — воскликнул Артем, узнавая наконец: это был адвокат Поддубный.

Встреча вышла теплой, даже сердечной: от неожиданности. Оглянувшись на дверь, Поддубный негромко сообщил, что товарищи Артема попросили его взять на себя защиту. Он поискал, куда бы положить шляпу.

— Дело ваше, Федор Андреич, мне представляется бесспорным...

По словам Поддубного, обвинительный материал содержит одни донесения филеров. Настоящих свидетелей нет. Тщательно ознакомившись с делом, Поддубный обнаружил лишь два серьезных пункта обвинения: выступление Федора Сергеева на заводских митингах и оскорбление главного врача земской больницы Якоби действием,

Вспомнив, как Шалай с товарищами выкатывали Якоби на тачке, Артем рассмеялся.

— Как видите, Федор Андреич, наскребли они немного, все дело шито белыми нитками. Мы это легко докажем.

— Когда суд? — спросил Артем.

— Назначен на двадцатое декабря.

— Слава богу, скоро!

Напоследок они разговорились, как старые добрые знакомые после долгой разлуки. Поддубный выложил новости: Шурочка Мечникова получила поселение в Сибирь, Екатерина Феликсовна сейчас, кажется, в Севастополе, Нина, подруга Фроси, вышла замуж и счастлива, сама же Фрося...

— Вы ведь, кажется, переписываетесь? — перебил себя адвокат.— Я это знаю от Нины. Мы иногда встречаемся в одном доме.

«Все как прежде, все без перемен»,— подумал Артем.

— А Фросю вы не видели? — спросил он.— Она в Харькове? На последнее письмо я не получил ответа.

— Позвольте, позвольте...— адвокат возвел глаза к потолку.— Да, припоминаю... Нина мне говорила. Они собирались съездить в какой-то монастырь или в пустынь. Я в этом плохо разбираюсь. О, Нина стала очень религиозной! Не сомневаюсь, что она увезла с собой и Фросю. Но они вернутся. Может быть, вы хотите что-нибудь передать? Прошу вас, располагайте мной. В память, так сказать, прошлых лет... И вообще... молодость, знаете, не проходит без следа...

Словно оправдываясь за разницу сегодняшнего положения своего и Артема, он сбился с тона и покраснел.

— Нет, благодарю,— отказался Артем.— Я пошлю письмо обычным порядком. Пока все письма доходили.

— Но, может быть, передать что-нибудь на словах? — настаивал Поддубный.

Артем отказался и от этого.

Ему было досадно, что Фроси не оказалось в Харькове. Добиться с ним свидания, назвавшись, к примеру, невестой, ей не составило бы большого труда. Неужели придется уехать, так и не повидав никого из своих? «Написать разве Дарочке? Она еще успеет приехать».

— Но сейчас,— объявил адвокат и глаза его загадочно блеснули,— я вам сообщу такое, что вы охнете. Творожникова помните? Уехал! «Россия, сказал, сплошное недоразумение». Плюнул и подался в Америку. А что? Там он себя покажет.

Новости по-прежнему распирали адвоката, в этом он нисколько не переменился. «Тихий ужас» — когда-то называла его «тетя».

— У нас теперь трамвай,— выкладывал он с воодушевлением.— Вам Фрося не писала? Да, да. Ходит по Петинской. Помните Леонида Семеновича? Это его заботами. Все-таки деятельные они люди. И — полезные,— заключил он, как бы подводя запоздалый итог давнему, но незабытому спору.

«Как быстро они приспособились! — думал Артем, слушая своего гостя.— Бойцы! Побаловались и хватит. Прав был Ильич, никогда не доверяя им. Эти люди не были опасны власти. Мы настоящие враги власти, поэтому нас и травят как зверей...»

Пользуясь случаем, Артем принялся расспрашивать адвоката о своих прежних товарищах. Поддубный почти никого из них не знал. Многие, сказал он, осуждены и на каторге, а кое-кого уже нет в живых.

— Говорят,— шепнул он, оглядываясь на дверь камеры,— повешено четырнадцать тысяч человек. Около двухсот тысяч сидят в тюрьмах.

Внезапно он оживился, вспомнив о заключенном, с которым вот уже около трех лет бьется следствие. По тому, что за парнем числится, ему неминуемо грозит виселица, но обвинению никак не удается доказать главно-

го: участия обвиняемого в убийстве провокаторов, в нападениях на полицию и в уличных боях. Артем задумался: «Шалай? Похоже, он». А Поддубный продолжал рассказывать. За три года, пока длится следствие, парень постарел. Видимо, силы его на пределе. Недавно, оставшись в камере один, он сложил в кучу несколько матрацев, облил их керосином и попытался сжечь себя.

— Что за глупость? — Артем пристукнул по колену кулаком.— Прошу вас, если можно, передайте... этому человеку, чтобы он держался. Я его понимаю, но... но нам пока ничего не остается, как держаться. Передайте, хорошо? От моего имени.

Он проводил Поддубного до порога камеры и, когда за ним закрылась дверь, повесил голову и задумался. «Шалай... Бедняга! Но, значит, кончилось его терпение, его выдержка. Три года муки, ожидания, надежд. Три года беспросветной жизни, когда перед глазами дикие стены и пол камеры, опостылевшие рожи тюремщиков и лишь иногда нищенский паек голубого вольного неба в верхних квадратах решетки...».

В суд Артема повезли морозным ясным днем. Ночью выпал первый снег, к утру ударил заморозок, выкатилось яркое негреющее солнце, и на улицах стало так чисто, весело, что многие придумывали себе какое-нибудь дело, чтобы выйти из дома.

Спрыгнув с коляски, Артем дернул локтем, освобождаясь от цепкой лапы жандарма, глубоко потянул в себя сладостный, покалывающий в горле воздух и оглянулся. Народ уже собрался, но в зал никого не пускали. Издали он не разглядел ни одного знакомого лица, однако сомневаться не приходилось: здесь были и друзья, и они безмолвно обещали ему свою поддержку. На какой-то миг показалось, что одинокая женская фигура с муфтой — Фрося. А вдруг уже приехала? «Да нет, Поддубный обязательно узнал бы и доложил...»

Солнце сверкало только на улице. В здании суда, в его каменных коридорах, в глубоких залах, стояли ровные негустые потемки. Окна зала выходили на север, и перед глазами Артема, занявшего дубовую лоснящуюся скамью, встала глухая облезлая стена из старого кирпича.

Судебная работа началась торжественно. К председателю часто подбегал старичок судебный пристав и, почтительно изогнувшись, прикрывая рот ладошкой, чтобы не дышать на его превосходительство, выслушивал приказания, после чего убегал мелкими неслышными шагами, приподняв на бледненьком личике белесые бровки.

Как и предполагал Поддубный, прокурор обрушился на Артема, рисуя его как опаснейшего бунтовщика. Судьи, семь человек, вертели головами, глядя то на бешеного прокурора, то на обвиняемого, бледного молодого человека. Затем слово предоставили защитнику, и в бой уверенно вступил Поддубный... Затем судьи, пришаркивая ногами в столбчатых панталонах, покинули зал, и старичок судебный пристав объявил перерыв.

Подсудимый остался в зале под охраной двух жандармов. Возле решетки, отгораживающей дубовую скамью, несколько человек громко разговаривали между собой. Артем узнал Жмаченко и обрадовался: живой, целый и невредимый! Два-три лица тоже показались ему знакомыми. Разговор Жмаченко с товарищами был хорошо слышен Артему.

— Заметь, спрашивают: что делал? И все. А по делу-то надо так: зачем делал? Так нет, это им невыгодно.

— Боятся. Ишь, фараонов-то нагнали!

— Ха! Судят, а боятся. А по-моему, если дело правое — чего бояться? Держись открыто!

Жандарм дернул щекой и покосился на говоривших. Жмаченко заметил это и еще громче, специально для Артема, сказал:

— Из Петербурга, говорят, указ пришел: в каторгу закатать.
— До суда решили! Зачем же тогда суд?
Зрители стали возвращаться в зал. Группу рабочих у решетки обходили осторожно, кое-кто прислушивался. Господин с обиженно поджатыми губами, торопясь из буфета, показал своему спутнику пальцем через плечо на громко беседующих рабочих:
— Слыхали? Это и есть, по-вашему, трезвость после революции? Сечь надо больше, вот что я вам скажу!
Но тот, утирая масленые губы, помотал головой:
— Это не трезвость, батенька, не путайте. Это — похмелье. Дай одну рюмку — снова опьянеют...
Поддубный выиграл бой у прокурора. Когда председательствующий, собрав на лбу все запасы нездоровой кожи, зачитал приговор, у многих в зале вырвался вздох облегчения. Особое присутствие Харьковской судебной палаты приговорило Федора Андреевича Сергеева к ссылке на поселение, вынеся приговор по совокупности с приговором Казанской судебной палаты.

Утро в тюрьме занимается нехотя, словно по невыносимо тяжелой обязанности. Сначала становятся слышны шорохи шагов и легкий шум открываемой двери соседней камеры. Понемногу размывается тьма непроглядной ночи, можно различить сероватые стены камеры, которые не меняют своего цвета даже тогда, когда слабый луч зимнего солнца узенькой полоской на короткое время осветит их камни.
— Этап на Балашов... стройся!
В коридоре горят керосиновые лампы. Гремят ружья конвоя. Старший надзиратель сбивается с ног, заканчивая последние формальности с отправкой этапа.
Двое конвойных внесли несколько связок ручных кан-

далов и бросили их на пол. Звон железных цепей раскатился по забитому людьми коридору.

— Смирно! — заорал надзиратель.— Встать в затылок.

Затем командовать принялся начальник конвоя:

— Надеть наручники!

Очередь стала медленно двигаться по коридору.

Человек в очках, стоявший за спиной Артема, негромко спросил:

— Вас куда направляют, товарищ?

— В Иркутск.

— Надолго?

Вместо ответа Артем пожал плечами и улыбнулся.

— А, без срока! — догадался тот.— А меня на пятнадцать.

Расталкивая заключенных, прибежал старший надзиратель и крикнул начальнику конвоя:

— Двести семнадцать человек!

— Хорошо работают полиция и охранка,— сказал собеседник Артема.— Смотрите, какими эшелонами заселяют Сибирь.

Снова раздалась команда «Смирно!», началась выдача продовольственных денег из расчета 10 копеек в сутки на человека. Затем конвой приступил к обыску.

В тюремном дворе этапников выстроили по четыре в ряд. Заскрипели ворота, конвойные солдаты взяли ружья наперевес. Редкие прохожие останавливались, разглядывая закованных в наручники людей. Артем увидел, что женщина на тротуаре махнула платочком.

Он жадно оглянулся и, запнувшись, чуть не упал. Нет, женское лицо было совершенно незнакомым.

— Не путать ряды! — рявкнул начальник конвоя.

Кто-то из колонны заключенных поднял руку и, звеня цепью, махнул женщине в ответ.

На Южном вокзале этапников дожидался состав из арестантских вагонов.

Дороге, казалось, не будет конца и края.

Где-то за Уралом в этап влилась новая партия поселенцев, в ней оказался Анатолий Галкин, отбывший каторжный срок и отправлявшийся теперь в Сибирь. Друзья встретились с радостью. Последний раз они виделись на Сабуровой даче, вместе ночуя там, и разошлись, когда туда нагрянула полиция.

— Что дома? — сразу же спросил Анатолий.

Рассказывать было нечего. Разве новости, которые приносил в тюрьму Поддубный. Узнав о том, как наказали гудок паровозостроительного, выбросив его, Галкин захохотал.

— Вот дубье!

Артем познакомил Анатолия со своим спутником, тем самым человеком в очках, который заговорил с ним в коридоре Харьковской тюрьмы. Всем троим предстояло отбывать срок поселения в одном месте — селе Шиманском Воробьевской волости.

— Глухомань! — вздыхал Хрулев (так звали очкастого).

— А вы что же,— со смехом заметил Анатолий,— хотели получить поселение в столице?

Каторга нисколько не сломила Анатолия, во всем этапе он выделялся ровным настроением, доброжелательностью. С Хрулевым у него с самого начала стали происходить мелкие стычки. Надвигающаяся Сибирь производила на Хрулева удручающее впечатление, он мрачнел с каждым днем. «Неважный будет сожитель,— подумывал о нем Артем.— Неврастеник... Но это и понятно: редкий человек способен выдержать все тюремные муки». Потом он вспомнил об Анатолии Галкине, и на душе стало тепло: хоть с одним товарищем по ссылке ему повезло.

От станции Тайга поезд шел в дыму — горела тайга. Когда приближались к Красноярску, дым стал настолько

густым, что паровоз все время подавал гудки, а иногда звонил в колокол.

Артем и Анатолий Галкин подолгу разговаривали. От него Артем кое-что узнал о харьковских делах, о которых адвокат Поддубный не имел понятия. Впрочем, Галкин подтвердил, что Шалай действительно все еще сидит и ждет суда, борется со следствием.

— А Степана помнишь? Ну, здоровенный такой... Голиаф! Да, да, друг Шалая. Нету. Повесили. А Валета? Тоже нету. Девчонка у него осталась, мать в тюрьме. Вот не идет почему-то из головы. Ты же тоже должен ее помнить... Ночевал у них. Тощенькая, белобрысенькая... ну? Ума не приложу, как она выживет, что из нее станет? Ни отца, ни матери.

Из политических новостей оба знали примерно одно и то же. На воле не прекращалась напряженная борьба, и было жаль находиться в стороне от нее. Но тюрьма с ее крепостными стенами теперь осталась позади. В ссылке, в этом были убеждены оба, обрести свободу проще.

Хрулев, подслушав их укромный разговор, фыркнул:

— Бежать? Это безумие. Гляньте вокруг — тайга! Вы в ней пропадете, как дети. А если сунетесь в деревню, вас схватят эти проклятые чалдоны, им платят за поимку! А еще лучше вот — вас пристрелят, как бродячих собак! Не сходите же с ума...

Желчная тирада спутника заставила задуматься обоих. Но тот и другой все свои надежды связывали с побегом. Пусть тайга, пусть даже гибель — только не новое заточение в этом «зеленом каземате», как называли поселенцы безбрежную таежную Сибирь.

В конце зимы этап прибыл в Иркутск.

Пересыльная тюрьма переполнена. Люди месяцами ждут отправки. А из России подходят все новые этапы кандальников.

ВСЯ ВЛАС

Стали поговаривать о том, что первая партия ссыльнопоселенцев отправится на север лишь в мае, тем же, кто не попадет в нее, придется ждать до августа.

Наступил март, но морозы не прекращались. Заключенные невыносимо страдали от холода. Как долго тянется зима!

В тюремный двор, где заключенные, зябко кутаясь в лохмотья, подставляли лица слабым лучам солнца, выбежал посыльный из конторы.

— Сергеев... есть такой? В контору.

— Не ходите! — остановил Хрулев вскочившего Артема.

— Что за глупость? — возмутился Анатолий Галкин.— Иди, конечно. Мало ли.

Сергеевых в тюрьме оказалось трое. Смотритель, прижимаясь задом к горячей печке, вертел в руке бланк телеграммы.

— Черт вас разберет,— пробормотал он и, борясь с отрыжкой, прочитал телеграмму вслух: — «Поздравляю днем рождения. Желаем удачи, счастья, всего хорошего. Фрося».

— Это мне! — быстро сказал Артем и протянул руку.

Смотритель ткнул ему телеграмму.

— Имя у тебя есть или нету? Имя пускай пишет в другой раз. А то разбирайся тут с вами!

Артем выскочил из конторы. Лицо его горело. Видимо, Фрося вернулась в Харьков и говорила с Поддубным. Только он мог посоветовать искать его в Александровском централе. Артем чуть не сбил с ног Анатолия Галкина, дожидавшегося у крыльца.

— Ну, что там? Зачем? А у меня...— расстроенно махнул рукой.— Сейчас узнал, что село Шиманское мне заменили. В разные места поедем.

От огорчения он позабыл поздравить товарища с днем рождения.

— Жалко,— проговорил Артем, тщательно складывая бланк телеграммы. Радость его померкла. Он уже представлял, что значит, поселившись в глухом таежном месте, лишиться такого деятельного, жизнерадостного товарища. С кем же он останется? С Хрулевым? «Тихий ужас», как сказала бы «тетя», Екатерина Феликсовна Мечникова. С таким напарником наедине через месяц можно сойти с ума...

Накануне 1 Мая группа политических постановила отметить международный праздник трудящихся. Доклад вызвался сделать Артем.

— Послушайте,— обратился он к Хрулеву.— Вы както сказали, что неплохо рисуете.

— Н-ну... в общем-то...— замялся тот.— А в чем, собственно, дело?

— Вам задание. Надо быстренько нарисовать портрет Карла Маркса. Разумеется, по памяти. Бумагу и карандаш товарищи достанут. Дело за вами. Портрет необходим завтра.

Хрулев схватил Артема обеими руками за плечи и, близко притянув к себе, глубоко заглянул в глаза:

— Заче-ем? Что вы делаете? Где? Здесь? Вы с ума сошли!

Он потащил Артема в угол и, оглянувшись, принялся уговаривать его не принимать участия в этой рискованной затее. Какой смысл? Лишние репрессии?

— Я вас не пущу! — кипятился он.— Я вас задержу силой!

Назавтра утром они не поздоровались друг с другом. К назначенному часу заключенные стали собираться в общей камере. Хлебным мякишем Анатолий Галкин прилепил к стене портретик Карла Маркса, нарисованный химическим карандашом на тетрадном листке в клеточку (рисовал он сам с помощью двух товарищей). Хрулев демонстративно ушел во двор и растянулся на солнцепеке.

Когда раздалось мощное пение «Интернационала», он приподнял голову, затем улегся снова. Пение нарастало, ширилось. Голоса заключенных звучали так, словно они хотели, чтобы их услышали за крепкой стеной централа. «Нас хотят уничтожить, но мы боремся и будем бороться, нас не сломят никакие испытания».

Сначала тюремная администрация не заглядывала к политическим. Лишь к концу доклада Артем заметил, что в распахнутой двери камеры мелькнуло лицо помощника начальника тюрьмы. Не задерживаясь, помощник прошел мимо. Начальство явно избегало конфликта.

Через два дня стало известно, что спешно формируется первый этап. Артем не сомневался, что решение администрации разгрузить тюрьму вызвано празднованием 1 Мая.

С первой партией поселенцев ушел Анатолий Галкин, Артем остался в одиночестве. Хрулева он старался не замечать. А тот как ни в чем не бывало навязывался с разговорами. Однажды он попытался объяснить свой отказ от участия в первомайском праздновании заключенных, причем хотел сделать это со смехом, шуткой. Артем устремил взгляд ему в переносицу и, бледнея, тихо произнес: «Не надо!» Хрулев испуганно попятился и на целую неделю оставил его в покое, избегая даже подходить.

В середине июня из централа отправился в путь второй этап. Наконец-то! Возбужденный сборами, дорогой, Хрулев принялся снова донимать Артема. От него не было спасения даже на ночевках.

— Меня одолевают мысли, не могу заснуть,— жаловался он.— Сегодня я, представьте, сделал неплохой и, как мне кажется, довольно глубокий вывод. Сознайтесь, что человек таланта, выдающихся способностей во многом зависит от прочности цивилизованного строя. Обычный же человек — ну а таких, как вы знаете, тьма-тьмущая вокруг! — обычному же человеку наплевать на то,

при каком строе ему жить. И знаете почему? Он легко может сменить свою профессию! Он с одинаковым успехом может копать землю, рубить лес, работать матросом. У него нет призвания, этого демона всякого талантливого человека! Вы не согласны? Нет, нет, не возражайте мне! Шаляпин, например, может быть только Шаляпиным и никем больше.— Хрулев с довольным видом засмеялся и потер руки.— Ну же, Федор Андреич, перестаньте злиться. Подумаешь, повздорили! Да с кем не бывает! Мы же с вами теперь связаны на долгие годы. Что, так и будем молчать?

Отворачиваясь к стенке, Артем делал вид, что засыпает. «Интересно,— думал он,— а если бы мы победили в декабре? Кем стал бы Хрулев... да и вообще все они, для кого революция была модным увлечением, игрой, не больше?»

А Хрулев продолжал болтать, развивая планы совместной жизни на поселении. Артем стискивал зубы. Послать его к черту, что ли?

До села Качуга, на Лене, этап шел пешком. Питались всухомятку, на ходу. На реке этап ждала баржа с нарами в два этажа. На корме развели костер и впервые за несколько дней стали варить похлебку.

На высоких берегах реки стояли могучие кедры, сосны, лиственницы. Изредка мелькала кудрявая зелень берез. Иногда баржа шла под нависшими над водой скалами. От реки несло ледяным холодом.

— Товарищи,— крикнул неугомонный Хрулев,— подходим к Ангаре!

После Александровского централа он вдруг стал вести себя как человек, путешествующий в свое удовольствие.

Послышалась команда начальника конвоя:

— Кто на Ангару... приготовься!

Этап редел с каждым днем. Ссыльных высаживали группами в больших волостных селах.

В середине июля на далеком туманном берегу Ангары завиднелась небольшая кучка изб. Здесь был конец пути — село Шиманское.

Съезжая, длинная изба в четыре окна, была полна пароду. Артем с Хрулевым остановились, прислушиваясь к разнообразным крикам, раздававшимся внутри избы. Хрулев, почесываясь, высказал догадку, что в деревне, вероятно, какой-то праздник. На них дерзко оборотился невыразимо косматый мужик в новом картузе и плисовой безрукавке, из-под которой почти до колен была выпущена кумачовая рубаха.

— Какой праздник? Тунгусишка сестру съел с голодухи.— Он с ожесточением плюнул прямо под ноги приезжим.— Одно слово — самоеды.

— Съел? — испуганно протянул Хрулев и прижал к щекам обе ладони.

К сотскому им удалось протолкаться не раньше, чем из съезжей разбрелся праздный народ.

Посреди избы на полу сидела, подобрав под себя ноги, старуха с прямыми волосами и темным морщинистым лицом. В желтых зубах она держала вонючую трубку. На руках у нее сидел толстенький раскосый мальчишка и тоже дымил маленькой трубочкой. В углу валялся связанный человек ростом с мальчика, в одежде из звериных шкур. Не обращая внимания на сотского, пьяно зевавшего в углу за столом, старуха скверными словами ругала ребенка, тот, не выпуская из зубов трубочки, отвечал ей тем же.

— Слыхали? — захихикал Хрулев, толкая Артема в бок.— А вы меня презирали! Русский язык бессмертен именно своей крепостью, крепостью! Ну, да вы скоро и сами... уверяю вас.

Сотский даже не глянул в предъявленные поселенцами бумаги. Ему почему-то сразу не понравился Хрулев. С минуту выдержав на нем свой сощуренный взгляд, сотский покачнулся и сделал широкий жест рукой:

— Живите.

На крыльце съезжей поселенцев дожидался человек в городской тужурке и высоких сапогах. Он обернулся, и Артем узнал Бабинцева, сразу напомнившего ему печальные дни заключения в Николаевском исправительном отделении. Здороваясь, Бабинцев чувствовал себя неловко:

— А я, признаться, увидел вас еще на берегу...— и, не договорив, умолк.

Артем догадался, что Бабинцев все еще переживает чудовищное унижение от порки. Несколько раз Артем ловил на себе его быстрый, ускользающий взгляд. Бабинцев пытался выяснить, помнит ли Артем тот злополучный день, и скоро понял: помнит.

Бабинцев помог устроиться с жильем. Договорились за полтора рубля в месяц. Первые три дня дрова хозяйские, а потом топка своя.

— Дров нарубим, привезем. Это пустяки,— сказал Бабинцев.— А скоро сенокос. Нашего брата тут нанимают за семьдесят копеек в день. А когда хлеб поспеет — по шесть рублей за десятину. Вы серпом жать умеете?

Хрулев с возмущением затряс щеками:

— Позвольте, это же рабство! Серпом... У нас не крепостное право!

Терпеливый Бабинцев пропустил его возглас мимо ушей. Он мельком глянул на Артема, как бы соболезнуя, что напарник ему попался трудный и, пожелав спокойной ночи, ушел к себе.

Сам Бабинцев квартировал на пару с болезненным и постоянно возбужденным ссыльным, находившимся в последнем градусе чахотки. В первую же минуту знакомст-

ва он схватил Артема за руку и стал всматриваться в линии его ладони.

— Я, прошу прощения, графолог. Смотрите: коническая форма последнего сустава мизинца говорит о вашей любви к искусствам. Кроме того, четырехугольная форма второго сустава намекает на ваше пристрастие к руководству... С вас рубль.

Удивленному Артему Бабинцев помаячил, чтобы он не обращал внимания на больного. Графолог уныло отвернулся и стал глядеть в окно, за которым расстилалась безбрежная ширь ледяной Ангары: река здесь разливалась почти на две с половиной версты.

Таежная жизнь текла неторопливо. Время считали от рождества до пасхи, от пасхи до троицы, от троицы до успенья. Самыми дорогими членами крестьянских семей были мерин и корова.

Бабинцев получил согласие Артема и подрядился на расчистку леса под пашню по 16 рублей за десятину. Стали рубить вдвоем: как у того, так и у другого напарника никуда не годились. Первые недели работы в лесу доставляли Артему физическую радость. Он окреп, руки налились силой. Но к исходу второго месяца стала сказываться однообразность. Еще раньше он писал в Харьков, прося выслать ему книги для занятий. Ему хотелось иметь «Философские предпосылки точного естествознания» Э. Бехера; «Картину мира с точки зрения современного естествознания» и «Машину мира» К. Снайдера, учебник по физике и химии Вобеля, английское издание Рамзея.

Жизнь на поселении скоро предстала перед Артемом во всей своей гнетущей тоске, не помогали ни усиленные занятия, ни тяжелая изнурительная работа в лесу. День походил на день, месяц на месяц — такое однообразное существование поселенцы были обречены тянуть долгие годы.

Некоторый колорит в жизнь сибирской глухомани вносили рабочие с золотых приисков. Закончив летний сезон, они несколько дней предавались широчайшему разгулу, угощая всю округу. Быстро промотав заработки, хмельной народ закладывал кабатчикам штаны, рубахи, часы с цепочками, опохмелялся и шел к подрядчикам наниматься на новый сезон.

Здесь, в глуши, Артем своими глазами увидел бессилие закона или, вернее, всесилие местной власти. В полицейском государстве любая казенная бумага — святее Писания, а поскольку чиновник причастен именно к бумагам, то власть какого-нибудь вечно пьяного писаришки необъятна. Дашь кому следует сколько следует — напишут бумагу так, не дашь — эдак. Бабинцев только пожимал плечами: «Что вы хотите, Федор Андреич? В России воровали всегда и будут воровать!» Он рассказал Артему удивительный случай, когда во главе шайки таежных грабителей находился не какой-нибудь каторжник, а сам городской голова Читы. Долгие годы шайка бесчинствовала на таежных дорогах, разбивая почтовые тройки с банковским золотом. Обнаружить разбойников помог бурят-зверобой: осмотрев следы грабителей на дороге, он узнал след своего коня, которого недавно продал городскому голове. Градоправителя, главаря шайки, и двух его приспешников повесили...

Артем стал замечать, что Бабинцев украдкой попивает. Слабому человеку водка хоть немного скрашивала тоскливое существование. Сам он всю жизнь не выносил пьяных людей. Видеть медленную гибель Бабинцева было больно. Боясь бездействия и одиночества, Артем пешком отправлялся за 80 верст на ближайшее почтовое отделение — справиться о письмах из России. От кого-то из местных он узнал, что в Нижне-Илимске обосновалась большая колония ссыльных социал-демократов. До Нижне-Илимска было 200 верст. Артем без долгих колебаний

отправился туда пешком. К его разочарованию, ссыльные оказались эсерами во главе с Брешко-Брешковской. Приняли Артема настороженно. Брешко-Брешковская беспрерывно сосала леденцы и сквозь пухлые щелочки век рассматривала измученного дорогой гостя. Она пыталась понять, с какой целью молодой человек проделал такой утомительный и, признаться, не совсем безопасный путь по глухой тайге. Просто повидаться и поговорить? Сомнительно...

Колыхаясь тучным телом, Брешко-Брешковская прошла к порогу и выкинула в помойное ведро бумажную обертку с конфеты.

— Э-э... вот что,— обратилась она к Артему,— мы, страдающие здесь, уже вторую неделю дискутируем о зубатовщине. Мое мнение известно всей России: зубатовщина — классически исполненный полицейский прием в борьбе с инакомыслием.

— Екатерина Алексеевна,— сдерживая ярость, потребовал один из присутствующих,— тогда уж, будьте добры, поставьте товарища в известность и о моем мнении...

О чем они спорят? У Артема гудели ноги, он продрог и мечтал о стакане горячего чая. Вот пустомели!

Ни товарищеской встречи, ни разговора по душам не получилось, одна брань, взаимные упреки и оскорбления. Артем вспылил, наговорил грубостей и, хлопнув дверью, отправился в обратный путь, несмотря на дождь и начинающиеся сумерки. «Нервы, черт...» — вздыхал он, ругая себя за несдержанность. Однако вспоминал самодовольную напыщенную физиономию Брешко-Брешковской и готов был повернуть назад доругиваться.

За этот поход он вконец истрепал свои единственные сапоги, изранил ноги и простудился под дождем. Но самый неожиданный удар ждал его по возвращении: он не застал Бабинцева в живых.

Хрулев, всхлипывая, рассказал, что здесь произошло,

пока Артем ходил в Нижне-Илимск. Совершенно трезвый, Бабинцев снял со стены ружье и отправился в лес. Сотский, встретив его, остановился и полюбопытствовал со скуки:

— В лес? На охоту?

Не останавливаясь, Бабинцев бросил вбок:

— Какая там охота!

— А чего же с ружьем-то?

— Да застрелиться хочу.

— А-а,— протянул сотский и, широко зевая, почесал пятерней брюхо.— Так бы сразу и сказал.

Бабинцева нашли недалеко от деревни. Лицо его объели звери.

На лавке возле печи сидел графолог и, держа за руку молодую бабу с заплаканным лицом, наставлял ее:

— Об избавлении от винного запоя надо поставить свечку мученику Вонифатию. Об избавлении от блудныя страсти — преподобному Мартиниану...

«Бежать!» — решил Артем. Он понимал бедного Бабинцева. Пока у человека была возможность бороться, он жил этой борьбой. На него давили — он сопротивлялся. Еще в Николаевке, придя как-то к Артему в лазарет, он заявил решительно и грозно: «Пускай они меня даже убьют теперь, я их, сволочей, даже костями душить буду!» И вот не вынес. Ссылка — как пустота...

Сотский, как обычно пьяненький, спросил Артема, куда это он так часто и надолго отлучается из деревни.

— Заработка ищу. Жить-то надо!

Сотский почесался спиной о косяк и махнул:

— Ну ладно. Только — смотри!

Уж не опасался ли он, что и Артем наложит на себя руки?

* * *

К назначенному дню побега Артем получил от сестры Дарочки денежный перевод на 15 рублей. На глазах сот-

ского он две пятерки отдал Хрулеву на общее хозяйство и предупредил, что отправляется по деревням искать работы. В его дорожном мешке лежали котелок, сухари, спички и несколько щепоток чая. С пятью рублями в кармане Артем рассчитывал добраться до железной дороги.

Когда его хватятся и примутся искать? Он рассчитывал на неделю. За это время следовало уйти как можно дальше.

Больших деревень он избегал. Ночевал в лесу, умело разжигая таежный, долго греющий костер из двух бревен. Раннее утро заставало его шагающим по жухлой осеребренной ранним заморозком траве.

В своих прежних скитаниях по тайге он научился определяться по солнцу, по звездам, по деревьям и муравейникам, и сейчас это помогало ему обходиться без компаса.

Задерживаться в Братском остроге не имело смысла. Но держать путь в Россию он боялся. Что же, значит, дальше на восток? В Китай? В Японию? Но другого выхода не было. Чтобы не рисковать, придется проникать домой кружным путем, через Европу.

В Тулуне он долго колебался, прежде чем направиться к билетной кассе. Железной дороги он опасался. Телеграф, жандармы, сыщики... Разумеется, его уже хватились и разыскивают. Деревянное здание вокзала манило и страшило. Нет, здесь его уже могут ждать! Несколько прогонов он решил проехать без билета, «зайцем».

Дождавшись темноты, он влез на хвостовую платформу подошедшего поезда, забрался под брезент и свернулся. Далеко впереди взревел паровоз, дернувшись, залязгали вагоны и платформы. Поехали!

На другой день он оказался на станции Маньчжурия.

Закоченев под брезентом, Артем не спешил вылезать. Заскрипел гравий под чьими-то ногами, по колесу тоненько стукнул молоточек. Затем сиплый властный голос

принялся орать на стрелочника, тот жалобно лепетал: «Ваше благородие» и оправдывался. «Жандарм»... Потом все стихло и вдруг слух обласкал певучий украинский голосок: «Тю-у... Чи ты с глузду зъихав?» Сердце Артема заколотилось: только сейчас, в эту минуту, он полностью осознал, что еще немного, всего одно усилие,— и он вырвется на свободу. До Харбина, а оттуда до мест, где кончалась власть русского царя, останется подать рукой.

Воля! Он добрым словом поминал товарищей из Братского острога, давших ему совет избрать кружной путь возвращения на родину. В том году из голодных районов глубинной России на Дальний Восток катили эшелоны крестьянских переселенцев. Поезд увозил Артема все дальше от родных мест, к самому краю земли, где каждое утро из океана встает огромное солнце, начиная новый день. Но все равно это был путь домой.

Полный надежд, он тогда и не подозревал, что снова ступит на покинутый берег только семь лет спустя, когда с отречением последнего русского царя в казематную мглу России пробьются первые краски долгожданного рассвета.

. . . .

Глава двадцатая

Семь лет!

Известие о Февральской революции застало Артема в Австралии — так далеко завела его дорога домой. Едва узнав о событиях в России, он с радостью понял, что жизнь на чужбине наконец-то кончилась. Оборвав все, что связывало его с далекой землей, давшей ему, чужестранцу, приют на несколько лет, Артем стал пробираться к северному побережью материка. Первого мая по международной пролетарской традиции в австралийском порту Дарвин состоялся митинг докеров и портовых рабочих.

Выступив на нем, Артем сказал прощальное слово остающимся товарищам и сел на пароход.

Путь морем занял много времени. Новостей о том, что происходит сейчас в России, почти не доходило. Артем нервничал. Только спустя несколько недель он ступил на русский берег во Владивостоке.

Итак, возвращение. За семь лет Россия изменилась, и Артем с интересом наблюдал российский быт, взбаламученный Февральской революцией. На первых порах ему было удивительно, что вокруг звучит только русская речь. Там он не понял бы и половины из того, что говорится, а здесь.... Но как много говорят в России, еще больше прежнего! Митинги, собрания, манифестации. Ораторов стаскивали, не позволяя выкричаться до конца. Места на трибунах брались с бою. Страна, казалось Артему, охрипла от бесконечных митингов, выговаривая все, о чем молчала целые столетия.

Артем рвался домой, на Украину, но перегруженный поезд, отчаянно митингуя на каждой остановке, еле тащился через необозримые пространства Сибири. Шла уже третья неделя жизни на колесах.

«Что там дома? Уцелел ли кто из товарищей?»

Он знал, что «дорогой тети» и Шурочки в Харькове нет,— где-то за границей. Последнее письмо от Екатерины Феликсовны было перед самой войной. С Фросей переписка разладилась еще раньше. Его задело, что в своем первом письме, отправленном ему в Австралию, девушка не высказала ни слова сожаления по поводу несостоявшейся встречи в дни суда над ним. Как будто так и должно было быть! А он, признаться, ждал и надеялся... Где она сейчас? Вышла замуж и уже мать семейства? Уехала с Ниной? Пожалуй, при случае можно обо всем узнать у Поддубного. Уж адвокат-то должен быть в Харькове! Интересно, на каких он ролях в такое время? Опять шумит на митингах?

За Уралом в вагонах появилось множество солдат. Молоденькие двигались с маршевыми пополнениями, пожилые, все, как один, успевшие хлебнуть фронтового лиха, ехали сами по себе, ругательски ругали власть, министров и генералов; кое у кого на шапках или на шинелях сохранились кумачовые лоскутки.

Проехав всю Сибирь — считай, больше половины России,— Артем, как ни досадны были долгие задержки поезда, ловил себя на том, что он радуется даже этим бесконечным митингам,— так велико было в нем счастье возвращения, счастье узнавания родной страны, пусть даже изменившейся за эти годы. Все-таки Россия как была, так и оставалась па особицу от всего остального мира и не походила ни на одну страну. А уж его-то поносило за эти годы по белому свету, уж он-то повидал!

Тогда, бежав из сибирской ссылки, он ненадолго очутился в Харбине, затем перебрался в Шанхай, где, по слухам, жило много русских. Разорившись на самый дешевый билет, Артем остался с пятью иенами в кармане. На эти деньги надо было одолеть дорогу морем, кормиться и найти ночлег на новом месте.

В Шанхае имелось русское консульство. Разве попробовать там удачи? Отправившись в город, Артем обогнал странную упряжку: два десятка закованных в цепь китайцев волокли огромный фургон, наполненный битым камнем. Так в Шанхае мостили улицы. Худющие, словно обтянутые пергаментом каторжники работали под охраной важных полицейских. Надменные англичане, все в белом, проезжали с невозмутимыми лицами, нисколько не интересуясь тем, что происходит вокруг.

Центр Шанхая выглядел красиво. Банки, торговые фирмы, конторы. Уроки английского языка по самоучителю помогали Артему прочитывать нарядные таблички

на массивных дверях, охраняемых внушительными швейцарами.

Голый рикша, лоснясь от пота, бежал меж тоненьких оглобель, катя коляску с толстым седоком в панаме. Седок ткнул тростью рикшу в спину, коляска свернула к подъезду красивого особняка. Толстяк соскочил, рикша уставился себе под ноги, не смея поднять глаз на господина. Рассчитываясь, пассажир бросил монетку на землю. Пока рикша подбирал ее, из переулка вывалилась веселая гурьба французских моряков. С громким хохотом полезли они в затрещавшую коляску. Один из матросов схватил рикшу за косичку, другой ударил его ногой в спину и оглушительно свистнул. Коляска покатила по нарядной улице.

У входа в зеленый тенистый сквер Артем разобрал предостерегающую надпись: «Китайцам не входить, собак не вводить!»

В русском консульстве Артема принял разморенный жарой чиновник. Он поминутно вытирал платком лицо и с брезгливостью смотрел на соотечественника.

— Что я могу для вас сделать? Извольте — с первым пароходом отправлю вас во Владивосток. Хотите? Нет? Ну тогда, как говорят у нас, не обессудьте.

Ночь Артем провел на берегу, под огромной сияющей луной. На реке, впритык одна к другой, стояли тысячи лодчонок. На них люди помещались со всем скарбом. Здесь были городские трущобы. На лодках китайская беднота жила, варила себе пищу, умирала...

Утром он проснулся от озноба. Над рекой стелился дым. Китайцы на жаровнях варили лапшу, пекли пирожки. У Артема подвело живот: он увидел, как на корме лодчонки целая семья, сидя на корточках, подцепляла палочками длинную лапшу с красной капустой.

Выкатилось свежее пурпурное солнце. Худенький китаец, вихляя бедрами, согнулся под коромыслом. В одной

корзине он нес молоденькую китаянку, видимо жену, в другой корзине попискивали двое поросят. У дверей лавок появились толстые купцы в длинных халатах. Раздались голоса гадальщиков: по линиям черепашьего панциря они брались предсказывать судьбу. Бродячие фокусники разложили на земле нехитрую утварь и вытащили из-за пазух пестрых змей. Огромный город начал свой обычный день.

Артема преследовали запахи еды. Вот в жалкой харчевне сидит артель китайцев с лопатами. Подойти и предложить им себя в помощники? Никакой работы он не боится, была бы еда...

Внезапно кто-то окликнул его:

— Русский?

Незнакомец расслышал, как Артем что-то бормочет про себя.

Познакомились, разговорились. Владимир Наседкин, тоже беглец из России, попал в Китай недавно.

— Здесь есть наши,— сказал он Артему.

В пекарне, куда он привел Артема, работало двое русских. Осматриваясь, Артем подумал, что запах теплого хлеба — один из самых главных запахов в мире, он успокаивает странным образом: словно отчаявшийся, гибнущий человек вдруг находит островок спасения.

— Какую же вам работу дать? — хозяин пекарни оглядел Артема с головы до ног.— Вы же хлеб развозить не согласитесь?

— Почему не соглашусь? — удивился Артем.

Хозяин замялся:

— Вставать надо рано. И целый день таскать тележку.

— Вот пустяки-то!

Артем едва не рассмеялся. Посмотрел бы этот лежебока, как работают саночники в шахтах, ползая на карачках!

— Дело знакомое,— уверенно ответил он.

Итак, работа нашлась. Рано утром, напившись чаю с сухарями, Артем впрягался в оглобли. Наседкин подталкивал тележку сзади. До одиннадцати часов они должны были развезти весь хлеб. Бодро увлекая за собой тележку, Артем мурлыкал привязавшийся мотивчик с дурацкими словами: «Ах, в Китае, кроме чая, удивительного мало». Белые господа, англичане и французы, поглядывали на русских с ужасом. Белые кули? Непостижимо! В этой стране белый человек не имел права заниматься грязной работой. Для этого существуют китайцы и прочий сброд.

Так вот почему хозяин пекарни сомневался, возьмутся ли русские парни развозить хлеб!

Обедали приятели на улице. Купив у торговца лепешку и сладкого картофеля, они присаживались на оглобли своей тележки. К удивлению Артема, китайцы-кули сторонились их с таким же ужасом, как и белые господа.

— Чудаки, ей-богу! — смеялся он, с аппетитом уплетая лепешку.

Однажды, возвращаясь в пекарню за новым грузом хлеба, они услышали из открытых дверей приземистого дома стройное мелодичное пение. «Зайдем»,— предложил Артем. Их встретила пожилая англичанка в очках и протянула им по брошюрке. Когда пение кончилось, на небольшое возвышение поднялся проповедник и начал речь. Артем пробрался ближе.

— Слушай, зачем это тебе? — шепотом спросил Наседкин.

— Балда, так лучше всего учить язык.

Артем уже свободно объяснялся по-английски, прочитывал английские газеты.

— Не век же нам здесь торчать! — говорил он Наседкину.— Подкопить бы деньжат да махнуть в Европу.

Как-то строгая и высокомерная хозяйка красивого

особняка, в который они доставляли свежий хлеб, принялась громко на них кричать. Наседкин ничего не разобрал из ее гневных слов.

— Поздно привезли,— перевел ему Артем.— Она ждала в семь с половиной, а мы явились в восемь.

На следующее утро тележка с хлебом остановилась возле особняка в положенное время. Однако в доме еще спали. Тогда Артем прилепил к дверям записку: «Вы напрасно затрудняете нас, заставляя приезжать так рано». Учтивое «послание» сыграло свою роль: никогда больше строгая хозяйка особняка не позволяла себе по-базарному кричать на «белых кули».

Мечта скопить деньжат на билет в Европу, поближе к дому, осуществлялась туго. Заработки развозчиков были грошовые. Здесь, в Китае, самой ходовой монетой бедноты был ничтожный тунзер — восьмая часть копейки. В России таких денег не существовало и в помине.

Наблюдая жизнь в Китае, Артем покачивал головой:

— Китай — это вулкан. Вот увидишь! Народ не может без конца терпеть такой скотский грабеж. А эти...— он показывал куда-то вверх,— слепые черви. Ничего не понимают. Но уж потом пускай не жалуются!

— Когда же мы уедем? — все чаще спрашивал Наседкин.

— Подожди. Может быть, скопим на билет хоть до Сингапура. Там можно наняться матросами.

Оба они томились жизнью на чужбине, в последнее время их все больше раздражали глупые разговоры соотечественников, работавших пекарями.

— У меня,— вспоминал один, огромный, похожий на борца из цирка,— свояк служил в Туркестане. Ну, порассказывал! У них там как-то с облаков кобыла свалилась в полторы версты длиной.

Его товарищ, маленький, худой, страдал удивительным обжорством и вечно что-нибудь жевал.

— Первоначально я тебе скажу: не ври,— громко чавкая, заметил он.— А вторичный разговор у нас с тобой потом будет.

Обидевшись, великан стал подниматься, под его могучим телом затрещал бамбуковый лежак.

— Это кто же тогда я, по-твоему, если вру? А?

Продолжая жевать, маленький невозмутимо отвечал:

— Если хочешь знать, скажу: дурак.

Поднималась безобразная брань.

— Да хватит вам! — успокаивал их Наседкин.— Господи, как не надоест!

Вскоре им удалось вырваться из Китая. Решено было отправиться в Австралию, где, как рассказывали, остро не хватало рабочих рук.

После экватора над головой исчезло знакомое, привычное созвездие Большой Медведицы. Появился Южный Крест. Россия отсюда казалась непостижимо далекой — где-то на другом скате Земли, и люди там ходят вниз головами.

На острове Тимор, утопающем в роскошной тропической зелени, пароход брал свежий груз. По сходням суматошно бегали голые туземцы. Белый надсмотрщик, часто прикладываясь к фляжке, молча бил их палкой. На пристани стоял толстый голландец в белом костюме и пробковом шлеме — отправитель груза. Двое цветных слуг держали над его головой огромный шелковый зонт.

Слухи насчет работы в Австралии не подвели. Вот уже несколько лет правительство осваивало пустующие земли. Для въезжающих в Австралию были в несколько раз снижены цены на билеты. Особенно хорошо зарабатывали на строительстве дорог.

Эмигранты разных национальностей селились в палатках. Дорогу прокладывали через вековой лес. Русские люди дивились на кенгуру и страусов. По ночам лес оглашался хохотом — это заливалась небольшая птичка по

прозванию «смеющийся Джек». Иногда рабочим удавалось поймать утконоса, тогда варили суп и лакомились нежным вкусным мясом.

Работами распоряжался босс по имени Томсон. Его полагалось слушаться беспрекословно. День напролет рабочие махали лопатами, нагружая платформы гравием. Кидать приходилось высоко.

Босс Томсон держал свою бригаду в строгости. Он любил повторять:

— Пес отдыхает на заду, баран — на животе, осел — на боку. Человек не пес, не баран и не осел, он отдыхает на ногах!

Русских рабочих босс Томсон ценил за неприхотливость и выносливость. На Артема он быстро обратил внимание и стал его называть Большой Том. У самого Томсона были могучие руки старого рабочего, он лучше всех в бригаде орудовал ломом и лопатой, никто быстрее его не мог свалить огромный эвкалипт или нагрузить вагонетку. По праздникам он со своим приятелем Длинным Диком, тоже сильным человеком, забирался с утра в пивной бар. Вдвоем они выпивали двадцатилитровый бочонок.

— Дик,— сказал однажды Томсон,— ты рабочий что надо, но Большой Том лучше. Тебе за ним не угнаться.

— Ты врешь! — заревел хмельной Дик.— За мной никто не мог угнаться в Канаде. Не угонятся и в Австралии!

— Пари,— предложил Томсон.— На бочонок пива. Большой Том тебя обставит.

Посмотреть на соревнование сбежались сотни рабочих.

Отпалка грунта в каменном карьере походила на артиллерийскую подготовку к штурму. Наконец взрывы утихли. Услужливые руки подали две порожних вагонетки, Томсон подал знак, и Артем с Длинным Диком кинулись на груду щебня с лопатами наперевес.

Декабрьское солнце палило отвесно. Зрители придирчиво следили за работой и, раззадориваясь, заключали пари. Длинный Дик начал задыхаться, с него лил пот — сказывалось пристрастие к пиву. Артему помогала давнишняя сноровка кочегара па паровозе. Посмотреть, сколько там осталось до верха вагонетки, не было времени. Оба работали, как машины. Слышалось лишь хриплое дыхание Длинного Дика и шорох падающего щебня... Неожиданно часть зрителей восторженно закричала — это радовались сторонники Артема. Несколько камней упало под ноги с доверху наполненной вагонетки. Артем глянул, но не бросил работать: две последних лопаты он кинул в вагонетку Длинного Дика. Теперь и она была полна.

— Том! Большой Том! — вопили выигравшие.

Длинный Дик отшвырнул лопату и, весь обливаясь потом, обнял своего соперника.

— Идем в бар,— потребовал Томсон.

— Нет, я лучше чаю,— отказался Артем. Руки у него дрожали.

— Нет, нет, Том, ты должен пойти с нами,— настаивал босс.— Идем, мы хотим кое с кем тебя познакомить.

В баре были занавешены окна от жары. Артем с наслаждением плюхнулся за стол.

— Сиди,— распорядился Длинный Дик.— Я сейчас позову одного.

Он вернулся с громадным человеком, который, прежде чем сесть, проверил, выдержит ли стул. Это был представитель портовых докеров.

— Том,— сказал докер,— ты знаешь, что у тебя в России, в Сибири, правительство расстреляло кучу рабочих?

— Да, да, об этом говорят,— кивнул босс Томсон.

Так до Артема дошла весть о Ленском расстреле.

Длинный Дик молча посасывал янтарное пиво и обирал ладонью губы. Докер сделал всем троим знак нагнуться к столу.

— Том, палачи не только в России. Они везде: в Лондоне, в Нью-Йорке, в Париже. Они держатся вместе. Нам тоже надо держаться вместе! Как ты считаешь?

Новые товарищи объяснили Артему, что в городе намечается забастовка трамвайщиков. Организаторы побаивались русских: не станут ли они скэбами (штрейкбрехерами)? Ведь на сахарных плантациях сейчас мертвый сезон, многие сидят без работы, а значит, и без хлеба.

— Нет,— заверил Артем,— наши, хоть и голодом, но на приманку не клюнут. Мы с вами.

— Отлично, Том. Вы настоящие друзья!

Объявив забастовку, рабочие трамвая устроили шествие по улицам города. Кто-то поднял красный флаг, несколько голосов затянули «Интернационал». Полиция набросилась на забастовщиков с яростью. Она, полиция, одинакова везде, на всех материках... Попытка сделать русских эмигрантов скэбами провалилась с самого начала. Местные газеты разразились бранью, грозя выдать русских бунтовщиков царю.

— Пусть только попробуют! — многозначительно заметил Томсон и подмигнул Артему.— Том, сегодня вечером я зайду за тобой. Пойдешь со мной в одно место, хорошо? Это будет интересно.

В дни забастовки Артему пришлось много ездить. Он видался со своими соотечественниками на сахарных заводах и плантациях, в угольных шахтах, на медных рудниках и золотых приисках. У него рождалась мысль организовать союз рабочих-эмигрантов, а для начала создать хотя бы кассу взаимопомощи...

На одной из условленных встреч он познакомился со странной парой: тоненькая смуглая девушка и безобразного облика мужчина. Девушка тотчас оставила их вдвоем.

— Будь здорова, детка,— ласково пророкотал ее спутник и со всем вниманием обратился к Артему.— Это

Мина, я у них снимал комнату. Милая девчурка, и нас, эмигрантов, жалеет, как арестантиков.

В самом начале разговор с Луниным пошел натужно: Артем не мог побороть себя, чтобы взглянуть в страшное лицо своего собеседника. Тому, как видно, это было не в диковинку. Обезобразила его слоновая болезнь. Он подцепил ее уже здесь, в эмиграции. Быстро приняв хронический характер, болезнь привела к неимоверному разрастанию костных тканей и разбуханию мускулов. Лунину было всего 35 лет, но выглядел он настоящим стариком. Он знал, что обречен, и находил спасение в общении с людьми. С Артемом они быстро подружились.

Ранние годы Лунина прошли на Украине. Он был организатором забастовок в Одессе, Херсоне, Николаеве. Несколько раз их с Артемом пути едва не пересеклись. Лунин знал Ивана Лалаянца, когда тот работал в Южном бюро, в Одессе. Артем помнил его по Екатеринославу.

В своих политических убеждениях Лунин придерживался меньшевистских взглядов. Но враждовать им не пришлось — у них нашлось много общего. Лунин свободно владел тремя европейскими языками, превосходно знал литературу и на память читал Пушкина, Некрасова, Шиллера, Шекспира. Характера он был ровного, лишь иногда у него прорывалось сожаление, что ему не суждено увидеть родину.

Бастующим трамвайщикам была хорошо знакома гигантская фигура Лунина, его громоподобный бас. Свой человек среди австралийских рабочих, он во многом помог Артему в эти критические дни, когда проверялась пролетарская солидарность русских.

Незадолго до окончания забастовки Лунин слег. У его постели Артем познакомился с Василенко, давнишним знакомцем заболевшего. В отличие от Лунина, выдержанного и тактичного, Василенко был вспыльчив, озлоблен и чем-то сразу напомнил Артему Хрулева.

В душе Артем понимал, что это действует эмиграция, тоска по родине, проклятая жизнь на чужбине.

Когда Василенко ушел, Лунин тяжело вздохнул.

— Боюсь я за него,— признался он.

Тайные опасения Лунина вскоре подтвердились: Василенко соблазнился заработком и стал скэбом. И тут Артем впервые увидел, какая пропасть общественного презрения разверзлась перед предателем.

Артема разыскал Длинный Дик и отвел его в сторону.

— Том, он сошел с ума! Что он сделал? У меня есть знакомая семья. Сын у них тоже стал скэбом. Так бедный отец умер... да, умер от разрыва сердца, когда узнал об этом!

— Дик,— сдерживая гнев, сказал Артем,— у нас, у русских, есть такая поговорка: «В семье не без урода».

Вечером Василенко, получив заработанные деньги, отправился в ресторанчик. Кто-то указал на него хозяину заведения, тот подскочил к столику, за которым закусывал Василенко, разбил всю посуду, чтобы больше из нее никто не ел, и указал предателю на дверь. В другом месте хозяйчик оказался более покладистым, тогда забастовала прислуга: даже повар скинул свой колпак и ушел домой. Василенко пришлось туго. Хозяин дома отказал ему от квартиры. Питаться приходилось урывками, на улице. В поисках ночлега он сунулся в гостиницу, но портье признал его и молча показал рукой: «Мест нет».

Доведенный до отчаяния, Василенко обратился к Артему, подкараулив его в баре, куда он зашел с Томсоном и Длинным Диком.

— Как вам это нравится? — развязно обратился он к Артему.— Мне даже негде выпить пива!

Разговор шел по-русски.

— Кто же виноват? — спросил Артем, заметив, что Томсон и Длинный Дик внимательно слушают.

— Мне наплевать на туземные обычаи. Но — вы, вы! Мы же с вами товарищи по несчастью. Неужели вы позволите затравить соотечественника?

— Мы с вами не товарищи! — отрезал Артем.— Предателей, как вы знаете, уничтожают.

— Ах вот вы как!..

Когда он убежал, за столом установилось долгое молчание. Томсон и Длинный Дик не разобрали ни слова, но поняли все. Своей могучей ручищей Томсон накрыл стиснутые кулаки Артема:

— Ты настоящий парень, Том.

Письмо Артема Е. Ф. Мечниковой

12 апреля 1912 г.

Дорогая Екатерина Феликсовна!

...Все утомились. Правительство делает все, чтобы озлобить рабочих, намеренно создает безработицу, поголовно сокращает работы... К тому же мертвый сезон на сахарных тростниках прибавляет немалое количество сезонных безработных. Все одно к одному, чтобы не дать оправиться рабочим... Все служащие трамвая, бывшие на стачке, принесены в жертву богу порядка. Ни один из них не принят... Иногда требовать выполнения закона является тяжким нарушением закона. Ведь закон — это лишь форма отношений, устанавливаемая господствующим классом. Она не может иметь места, если превращается в свою противоположность — из средства держать рабочих в умственном и физическом рабстве в средство непосредственного орудия борьбы со всем капиталистическим классом...

Вам, разумеется, интересно узнать, каково положение вашего покорного слуги, в частности. К моему удивлению, мое материальное положение значительно улучшилось... Меня принял довольно могущественный союз береговых рабочих. Перед забастовкой я не имел ни гро-

ша, так как истратился, разъезжая с целью организовать русских... Много хлопот с русским союзом, много хлопот с кружком англичан, который сформировался под конец стачки для изучения экономического и исторического материализма (К. Маркса)... Вообще я занят едва ли не каждую минуту. Не имею свободной минуты, чтобы учиться языку. На днях мне пришлось разъяснять моим приятелям-англичанам различие между товаром и деньгами (они запутались в этом вопросе). Они меня поняли. Но чего это стоило! Главное, я не имел времени прочесть эту главу заранее, термины и обороты речи были мне мало известны. Но все же объяснились словами, а не жестами... И очень часто, увы, я попадаю в такое положение. В общем, я все время занят. А когда я бываю так занят, я чувствую себя не так плохо. Но если бы я умел говорить по-английски, как англичанин!

...Шура мне не пишет давно. Я полагаю, она на меня обиделась за одно из писем. В этом письме я описал несколько эпизодов из моей жизни в Перми. Они касались той борьбы, которую мы вели со лбовщиной — отбросами умиравшей революции. В этой борьбе я столкнулся с группой авантюристов, таких же беспринципных и беспардонных, как и наглых... Я имею смелость знать и не скрывать, что и в моем прошлом были ошибки и что в настоящем далеко не все мне ясно. Но я имею смелость и рассказывать об этом... Я никогда, я так думаю, не стану изменником движению, которого я стал частью. Никогда не буду терпелив к тем, что мешает успехам этого движения. Я был, есть и буду членом своей партии, в каком бы уголке земного шара я ни находился. Не потому, чтобы я дал аннибалову клятву, а потому лишь, что я не могу быть не мной. Но я всегда был и не могу не быть искренним... Простите, может быть, за излишнюю откровенность... Целую Вас.

Ваш Федя.

* * *

Солдата тащили с бочки за полы шинели, он яростно отлягивался ногой. «Слазь, хватит!» — ревел народ. Гимназист в пенсне подпрыгнул и ухватил солдата за хлястик, в этот момент кто-то накренил железную бочку, и оратор, взмахнув руками, повалился в толпу. На бочку вскочил ловкий сухопарый солдатик в громадной маньчжурской папахе. Острое личико его топорщилось редким волосом, кулаки были сжаты как для драки.

— Молчать! — вдруг завопил он со своего возвышения и топнул в гулкое днище бочки. Толпа, ошеломленная таким началом, разом стихла. Солдатик возбужденно крутнулся, полы его длинной обтрепанной шинели разлетелись.— Орете тут, черти, сами не знаете что, а если хорошенько порыться у вас, так у каждого за пазухой немецкий документ найдешь. Вы все шпиены, вот вы кто! Потому и орете, не даете слова сказать фронтовому человеку. А ну молчать, я сказал!

Усмехаясь, Артем с интересом наблюдал за злым солдатиком, они ехали в одном вагоне. Митинг возник, едва поезд остановился набрать воды. Машинист погнал паровоз к колонке, из вагонов повалил народ. Кто-то догадался поставить на попа бочку из-под керосина.

Злого солдатика стаскивать с бочки не пришлось. Машинист прицепил паровоз к составу и дал продолжительный гудок. Пассажиры хлынули в вагоны и станция вмиг обезлюдела.

В вагонах митинг продолжался. Солдаты, немилосердно дымя махоркой, выкрикивали наболевшие обиды. Злые разговоры фронтовиков были о том, как неудачно воевала царская Россия, положив в сражениях против Германии, Австро-Венгрии и Турции тысячи и тысячи русских солдат. Эту высокую цену Россия заплатила за то, чтобы спасти от разгрома своих союзников — Англию и Францию. Русские генералы по традиции не жалели «пушеч-

ного мяса». Солдаты жаловались, что у призванных на фронт пехотинцев имелась одна винтовка на троих и в наступлении приходилось ждать, когда убьет товарища. Артиллеристам не хватало боеприпасов — чтобы выстрелить из пушки, нужно было испрашивать разрешения командира бригады... Артем слушал, не вмешиваясь в разговоры. Постоянные поражения озлобили армию. Солдаты, не таясь, говорили, что причина военных неудач не на фронте. Виновников не надо было разыскивать, их имена знали все. Существование тупого и бездарного царизма стало совершенно невозможным. Он окончательно разорил страну, армия вышла у него из повиновения, народ ему не верил. Полицейская государственная система выродилась в грабительский режим, державшийся одним насилием.

Февральскую революцию народ приветствовал, но даже в эти первые дни, проведенные Артемом на родине, среди своих, он уловил плохо скрытое недовольство многих.

Через вагон уже третий раз проходил вертлявый молодой человек с бойкими глазами. Перешагивая через ноги в сапогах, он прищелкивал пальцами и негромко напевал:

В магазинах чудеса:
Появилась колбаса.
Крику — как из сотни граммофонов.
Прибегаю я в буфет
(ни копейки денег нет):
«Разменяйте десять миллионов!»

Взгляд молодого человека обшаривал полки со скудными солдатскими пожитками, брошенными как попало. Рискнуть у него не хватало смелости. С озлобленными солдатами шутки плохи: убьют и не охнут!

Мужик с мешком, влезший в вагон на последней станции, пристроился на краешке лавки и говорил солдатам:

— Брат у меня. Пришел с войны на костылях. Зем-

ли мало, а семья: баба, трое ребятишек, мать-старуха. Чем кормить? А у помещика боле тыщи десятин. Брат за него в окопах гниет, а он сидит, вино трескает. Нет, большевики правильно говорят: это власть не наша. Всех надо к ногтю! Свою надо власть ставить.

— Тебя вот! — хмыкнул молодой человек.

— Ну, меня не меня, а найдем кого. Не дурные. На это ума хватит.

Громадного роста артиллерист, сидевший в наброшенной на плечи шинели, сипло пробасил:

— Нашего брата ставить — какой толк? Надо таких, у кого в начальстве знакомства есть.

— И они называются политики! — поддержал его мужик с мешком.— Мне брат рассказывал. Эти политики даже в тюрьме ни черта не боятся, самого губернатора матюками погоняют, а вечером соберутся и поют «Мы жертвою пали».

Давешний солдатик, обвинявший народ в немецком шпионстве, стучал пальцем в истрепанную газетку и, напрягая жилы, требовал ответа на вопрос: кто такой Ленин?

— Ты, служба, газетам не верь,— дружески посоветовал ему вороватый молодой человек.— Энтого, настоящего-то Ленина, давно уже нету,— убили.

— Не врешь? — с сомнением спросил солдатик.

— Охота мне врать! Я настоящего Ленина вот как тебя видал. Собственноручно, можно сказать, своими глазами. В Красноярской пересылке... Ну, тот был хват! Уж как за ним ни глядели, а даже в остроге нажил миллион и убежал.

— Мели, Емеля! — рассвирепел солдатик.— Миллион! И где? В остроге!

— Да лопни глаза! На какие же тогда деньги он всех этих рабочих покупает? Ты думаешь, почему они все за него?

— Вот про это и пишут.— Солдатик потряс газетой.— Немцы дали.

— Ха, немцы! — усмехнулся молодой человек.— Плохо ты знаешь немцев. Так они тебе и отвалили миллион, разевай рот!

— Тоже правда,— угрюмо согласился кто-то из солдат.— Немец, он немец и есть. Знаем.

— Керенский, вот кто спасет Россию, а не немецкий шпион Ленин! — воскликнул молодой человек.

Громадный артиллерист вдруг плюнул в кулак и стал подниматься.

— А привет от Керенского хошь?

— Да я шутейно, шутейно,— испугался тот.

— Ты, шпынь...— пихнул его мужик с мешком, в котором стал попискивать поросенок,— ты бы шел отсюда, не выглядывал. А то смотри — живо без башки останешься. Я давно за тобой гляжу.

Солдаты насторожились. Молодой человек быстренько убрал с полок локти и, запинаясь, поспешил уйти из вагона.

— Шлёндает и шлёндает, каторжная харя,— ворчал мужик, щупая через мешок поросенка.— Навыпускали их на нашу голову. Все остроги пораскрывали.

К злому солдатику обратился могучий артиллерист:

— Постой, у тебя какая там газетка-то? А то у меня получше есть.

Сняв папаху, он из-за подкладки достал такую газетную ветошь, что держать ее в руках приходилось с великим бережением, иначе она развалится на лохмотья. Это были «Известия Петроградского Совета» с докладом Ленина и Зиновьева о том, как им удалось пробраться в Россию через охваченную войной Европу.

— Каждая вещь свое качество имеет! — загадочно проговорил артиллерист, дуя на газетные странички, чтобы осторожно их развернуть.

Заполучив в руки эти тщательно сберегаемые газетные лохмотья, Артем с жадностью принялся читать.

Февральская революция застала Владимира Ильича Ленина в Швейцарии. Требовалось срочно отправляться домой. Но вот вопрос: как проехать? Нейтральная Швейцария была отделена от России озлобленными, воюющими между собой странами. Путь через Англию и Францию исключался: в Париже, в Межсоюзническом бюро, давно составлены списки лиц, которым запрещался въезд в страны Антанты. На первом месте в этих списках были большевики, выступающие против войны, пропагандирующие идеи мира (а союзники всеми силами домогались, чтобы русская армия продолжала воевать). Как ни странно, оставалась одна дорога на родину — через Германию. «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!» — заявил Ильич.

План поездки через Германию принадлежал Мартову. Он предложил германскому правительству разрешить проезд русским эмигрантам в обмен на интернированных в России немцев. Хлопоты заняли больше трех недель. 27 марта первая группа русских эмигрантов выехала из Цюриха.

Три десятка пассажиров поместили в вагоне второго класса. В коридоре была проведена черта: условная граница русской территории. Переступать ее имел право только один человек — швейцарский социалист Фриц Платтен, сопровождающий эмигрантов.

Бережно сложив зачитанный газетный лист и вернув его артиллеристу, Артем не стал слушать, о чем галдят солдаты, и вышел из прокуренного вагона в тамбур, на сквознячок. Как хорошо, что ему удалось вырваться и попасть на родину! Россия сейчас переживает время, чреватое большими историческими событиями. Десять миллионов мобилизованных солдат рвались из окопов домой. Временное же правительство, наоборот, стремилось угодить

союзникам, которые всячески побуждали Россию навалиться своим стомиллионным брюхом на Германию, чтобы ценою своего мужичья, которого, как известно, бить не перебить, спасти прекрасную Францию с ее историческими развалинами, музеями, женщинами и ограниченной рождаемостью.

Чем ближе становился дом, тем нетерпеливей ощущал Артем желание работать.

Беспорядочное щелканье вагонных колес предупреждало о приближении станции. Солдаты повалили на очередной митинг. Артем бросился к окошечку телеграфиста и быстро набросал телеграмму в Харьков: «Возвращаясь из Австралии, шлю привет товарищам и соратникам в борьбе за освобождение рабочего класса от всякого гнета и эксплуатации. Надеюсь скоро быть в вашей среде. С братским приветом — когда-то Артем, а ныне Ф. А. Сергеев».

С Южным вокзалом у Артема были связаны не совсем приятные воспоминания. Куда-то вон за тот склад загнали тогда арестантский вагон. Сейчас над складом как ни в чем не бывало торчало древко с красным флагом, уже успевшим полинять, и никто из пробегавшей публики не поднимал на него глаз. Привыкли...

По Екатеринославской улице вместо тогдашней конки бегал электрический трамвай. На углу, где стоял когда-то глухой забор, огораживающий строительный котлован, высилось огромное нарядное здание. Николаевская площадь украсилась шестиэтажным домом с двумя скульптурами над фронтоном. Блестело стеклом здание страхового общества «Саламандра». В Горяиновском переулке разобрали старинные каменные ворота, и теперь на Павловскую площадь глядели окна правления страхового общества «Россия». Каменный великан в шесть этажей вырос на углу Плетневского переулка. Два верхних этажа за-

нимала гостиница «Астория», в четырех остальных помещался Купеческий банк.

Харьков за эти годы очень изменился.

С тощим мешочком за плечами Артем, уже не задирая головы и не глазея по сторонам, шагал на заводскую окраину. Не может же быть, чтобы из прежних товарищей никто не уцелел!

Первый приют он нашел в помещении партийного комитета. Здесь же находилась редакция газеты «Пролетарий». Неожиданного гостя встретил ветхий старик сторож и со слезами обнял его. Артем с трудом узнал в нем Андрея Машкина, старого рабочего, отца несчастного Павлушки, погибшего в механическом цехе.

В дорожном мешке Артема нашлась черствая краюшка, старик, радостно суетясь, вскипятил чайник.

— Ты ешь, сам-то ешь! — приговаривал дядя Андрей, отодвигая разломанную на куски краюшку, и продолжал рассказывать.

Из тех, кого Артем помнил по 1905 году, старик смог назвать двух-трех.

— Ну... кто здесь? Тиняков. Нет, это новый. Ты его не знаешь. Из военных — Руднев, Верховых. Тоже без тебя уже. А вот Жмаченко помнишь? Тут он. Шалай...

— Как? Шалай живой? — изумился Артем.

— Живо-ой! Еще какой живой. Вот ты его увидишь. У-у, и не узнаешь! Постой, с утра они все здесь будут. Мы теперь только ночевать расходимся, а то все дни вместе.

О городских делах старик рассказывал с пятого на десятое. С его слов Артем понял одно: дела большевиков плохи, совсем никуда. Засилье меньшевиков, эсеров, анархистов, украинских националистов. В Киеве создана Центральная рада, рассылающая свои универсалы...

— Дядя Андрей, газеты у вас есть? — спросил Артем.

— Этого добра полно.

Он отвел гостя в комнату редакции, показал стол, заваленный газетами. У Артема вспыхнули глаза.

— Ну, читай на здоровье.— И старик убрел к себе в каморку.

На газеты Артем накинулся с жадностью. Тут были «Речь», «Жало», «Южный край», «Земля и воля», еще какие-то. А вот «Пролетарий», своя... И он с головой ушел в события, которыми страна жила все эти четыре месяца после февраля. Обращение «Совета офицерских депутатов». Что за Совет? Откуда взялся? Демонстрация на ипподроме... Общегородская конференция большевиков в старом корпусе университета. В Дворянском собрании большевики ставят вопрос о доверии Временному правительству.... Несколько раз мелькнула фамилия Поддубного. Ну конечно, время-то какое!.. Ленин пишет: *«...рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»*. Программа! Ильич, как всегда, видит ясно и дальше всех... Приезд Ленина в Россию — это событие так или иначе отметили все газеты. Ну еще бы! А вот старая лиса Милюков: «Я считаю, что то, что делается во вред нам и нашим союзникам и к выгоде нашего врага, несомненно, можно изменить. Попытаемся воздействовать убеждением; если не поможет убеждение — применением силы в тех случаях, когда являются люди, заведомо находящиеся на службе у Германии». Ну, ну, понятно, куда гнет... Пуришкевич, тот попроще, брякнул откровенно: «Пока Россия не получит диктатора — порядка в России не будет». Ага, Наполеон необходим! Артем усмехнулся, вспомнив свое выступление на Четвертом съезде в Стокгольме. Уже тогда улавливалась тоска буржуазии по «сильной личности». Нота Милюкова союзникам с заверениями вести войну до победного конца..,

Ого, что началось в стране после этой ноты! Милюков, а с ним и Гучков вылетели из правительства. Распоряжаться «пушечным мясом» теперь не так-то просто... Старые знакомые Плеханов, Засулич, Дейч не нашли ничего лучше, как тоже провозглашать войну до полной победы. Бедный Плеханов! Докатился... «Пролетарий» все чаще перепечатывает ленинские статьи. И правильно! Ленинские мысли должны дойти до каждого рабочего. Артем верит, что с возвращением Ленина в Россию дела большевиков пойдут в гору. Они уже идут! Вот Ленин критикует Каменева и Рыкова за утверждение, что Россия не созрела для социалистической революции. Социализм, уверяют они, должен, видите ли, прийти из других стран. Ну не путаники? Впрочем, Каменев отличался этим еще в Париже, в университете Ковалевского... Статья Ленина «Ищут Наполеона». Ага, ага, а ну-ка! Помнится, в Стокгольме Артем, готовясь к выступлению, поделился с Лениным мыслью о том, что власть имущие классы спят и во сне видят раздобыть какую-нибудь «сильную личность», Ильич встрепенулся и схватился за блокнот: «Как, как? Это у вас хорошо сказанулось!» Теперь Ленин пишет, что буржуазные партии требуют в стране «порядка» и «железной дисциплины», они подбивают Керенского взять на себя роль Наполеона, душителя русской революции. Прочитав, Артем откинулся. Тем-то и сильна партия большевиков — своей прозорливостью, правильным пониманием развития событий. Вон еще когда все было ясно!

Свою телеграмму, посланную в Харьков с дороги, он нашел не в «Пролетарии», а в «Социал-демократе». Это еще почему? Как она к ним попала? Перехватили? Ну уж нет! С этой публикой он ничего общего иметь не хочет. Неужели они надеются, что он после заграницы качнется к ним?

Последние сообщения были о громадной демонстра-

ции в Петрограде 18 июня, в которой приняло участие около полумиллиона рабочих и солдат. Вспоминалась такая же демонстрация в Харькове в ноябре 1905 года, в канун неудачного восстания. Тогда первая русская революция потерпела поражение. А сейчас? Ленин пишет: «...18-ое июня было первой политической демонстрацией *действия,* разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше». Как всегда, Артема восхитила глубина ленинского анализа. Нет, на этот раз неудачи быть не может. Опыт — великая вещь...

Светало, когда он потянулся и встал из-за стола. Кажется, ему повезло вернуться вовремя. Ближайшие дни будут горячими. Но теперь не 1905 год, они многое прошли, многое узнали. «За битого двух небитых...» А уснуть следует, хоть немного. Он бросил в изголовье свою дорожную торбочку и, повозившись, вытянулся. Скитания кончились, он дома. Как ни горела голова ожиданием наступающего дня, быстро сказалась австралийская привычка засыпать здоровым, беспробудным сном измученного грузчика.

Глава двадцать первая

Растолкал его человек в очках, маленького роста, строгий:

— Почему вы здесь лежите? Кто вы такой?

Свесив ноги со стола, Артем зевал напропалую и сладко поматывал головой. Ох и выспался же!

Очкастый начал кипятиться:

— Безобразие! Ночлежный дом! Я прошу вас выйти вон... Вы слышите?

Снаружи кто-то сильно затопал сапожищами по лест-

нице, легкая дощатая дверь разлетелась, и Шалай, радостный, запыхавшийся, с порога раскрыл широкие, как ворота, объятия:

— Федор Андреич!.. Голубь! Когда? Откуда? Живой!

Он схватил Артема и закружил по комнате.

— А мне дядя Андрей сейчас... Я уж на старика: «Да что ты, говорю, сразу-то не прибежал?»

Не выпуская Артема, он отстранился, чтобы лучше его разглядеть.

— Ну как? Что?.. Господи, не верю! А мы тебя совсем потеряли. Потом вдруг телеграмма. Откуда? Что? Ничего не поймешь! Они же, гады, ее от нас потихоньку... у них свой человек на телеграфе. Федор Андреич, откуда? Дядя Андрей сказал, из Австралии. Это ж подумать надо! Ну, как они там живут?

— Везде живут, Иван.

— Расскажи хоть! Скоро они там, черти, революцию свою произведут? Нам-то бы тут какая помощь была!

— Вот ты и рассказывай сначала,— что у вас происходит?

— Происходит! — Шалай засмеялся.— Тут такое происходит — голова кругом. Читал газеты-то? Все прочитал? Ну? Ничего не понял? Постой, все сам увидишь, своими глазами. Но ты не представляешь, как мы тебя все ждали! Теперь у нас дела пойдут. Давай-ка сядем. Чего мы торчим? Фу черт, бежал — думал, сердце выскочит.

Шалай изменился сильно. Когда-то черная, как смоль, голова была словно присыпана солью, беспечные глаза потухли. Поддубный тогда рассказывал что-то о попытке самосожжения в камере...

— Адвоката видишь? — спросил Артем.

— А как же! Опять на митингах. Он теперь в «Комитете спасения». Ругаемся помаленьку, старое поминаем. Это же через него мне от тебя поклон пришел. Правда, через десятые руки, но дошел. Меня тогда будто умыли,

правду говорю. «Значит, думаю, есть еще наши, не один я остался». А одному худо, Федор Андреич, ох худо! Ну да это ты и сам знаешь...

Странные перемены происходили с лицом Шалая. Налет задумчивой усталости часто как бы возникал на нем, однако он спохватывался и, сделав усилие, прогонял его. «Досталось»,— подумал Артем. Суд над Шалаем все же состоялся и вынес смертный приговор, но по случаю рождения наследника престола повешение ему заменили вечной каторгой. Освободился он в первых числах марта из Орловского каторжного централа и сразу же вернулся в Харьков.

— Степу помнишь, Федор Андреич? Вот кого жалко. Так пригодился бы сейчас! Люди у нас есть, чего говорить, но мало, мало, вот в чем дело!

И он принялся рассказывать.

О февральских событиях в Петрограде Харьков узнал на следующий день, 28 февраля. На заводе ВЭК немедленно выбросили красный флаг, собрали митинг.

— Что за завод? — спросил Артем.

— Новый, после тебя уже... Всеобщей электрической компании. В начале войны эвакуировался из Риги. Сейчас самая наша крепость!

— Позволь,— удивился Артем,— а ХПЗ? А «Гельферих-Саде»? А остальные?

— Там хуже,— с неохотой признался Шалай.— Мало наших в городе.

Опытных, активных членов большевистской организации удалось закрепить на крупнейших предприятиях города. На заводе ВЭК, где самая крупная партийная ячейка, работают Пастер, Киркиж, Покко; на ХПЗ — Зарывайко, Щербина; на заводе Шиманского — Иванов; на заводе Русско-французского общества — Буздалин; среди железнодорожников — Скороход, Сербиченко, Котлов; среди трамвайщиков — Моргунов, Сиротенко; в союзе ме-

таллистов — Люль, Романович; в союзе строительных рабочих — Костромин; в союзе швейников — Тиняков.

— А солдаты? — спросил Артем.

— О! — оживился Шалай.— Недавно прибыл из Тулы 30-й полк. Целиком наш. Тут нам повезло. В полковом комитете парни прямо на подбор. Михалев, Глаголев, Верховых. Прапорщик Коля Руднев. Молодой, но... Вот увидишь, он тебе понравится.

— А что еще за Центральная рада какая-то?

Об украинских делах Шалай рассказывал с беспокойством. Сейчас формируются чисто украинские воинские части — отряды вольного казачества или «курени смерти». Называются они именами Шевченко, Хмельницкого, Сагайдачного, Орлика... «Самостийники? — подумал Артем.— «Геть, москали, с Украины»?» Сегодня ночью, просматривая газеты, он наткнулся на описание торжественного въезда Петлюры в Киев. На Петлюре был жупан на вате и кривая запорожская сабля, взятая из музея. Ехал он на смирном белом коне. Гайдамаки, гарцевавшие вокруг него, потряхивали длинными оселедцами на бритых головах и грозились посчитаться с проклятыми москалями.

Словом, обстановка в городе допельзя пестрая, сложная. Многолюдные митинги возникают по нескольку раз на день. Ораторы за это время примелькались, их знают в лицо. Украинский националист Северо-Одоевский бьет на самостийность, эсер Чернявский играет на мужичьей надежде на землю, оборонец Вайншенкер ратует за войну до победного конца, от меньшевиков распинается златоуст Рожицын. Влияние большевиков медленно, но растет. Особенно двинулись дела, когда возвратился в Россию Владимир Ильич Ленин...

Артем всей горстью взял себя за подбородок:

— Ладно, Ваня. Дела поправятся. Чем сейчас занят комитет?

— Да чем? Второй день вот думаю. Ума не приложу.

— Давай вместе думать.

Шалай глубоко вздохнул, озабоченно потер лоб. В Харькове скоро выборы в городскую думу, большевики выдвинули свой список, номер третий. Для агитации привлекли всех, кого можно, даже студентов университета и медицинского.

— А тут еще одно прибавилось: чернорабочие забастовали. Сам знаешь, Федор Андреич, платят им, чтобы только с голоду не пропали. А цены сейчас как взбесились! Они и требуют — по пять рублей в день. Надо поддержать. Но если бы наша власть была! А то...

— Минуточку! — перебил его Артем.— А вы сделайте хитрее: вы требования чернорабочих и передайте в эту самую городскую думу. Пусть решают.

— Сказал! — удивился Шалай.— Там же одни эсеры! Зарубят.

— Что и требуется! — усмехнулся Артем.— Вот и покажут, как они стоят за народ. А то на словах-то они... заслушаешься.

— Ага, ага...— Шалай слегка опешил.— А ведь на самом деле!

— Сейчас погибче надо,— проговорил Артем.— Все читаешь, что Ленин пишет? Вот политик так политик! На каждый день своя линия. Да, трудно, сложно, Ваня, но ничего не поделаешь — такое сейчас время.

Пока друзья разговаривали, в коридоре за дверью раздавались деловитые шаги, небольшой домик наполнялся дневным рабочим гулом. Чей-то голос прокричал: «Опять типография?» — и чуть потише выругался. Шалай засмеялся:

— С газетой у нас морока, Федор Андреич. Опять, видно, что-то... Там уже наши собрались. Я приглашу их, ладно?

В комнате редакции стало тесно. Артем вглядывался в незнакомые лица, протягивал руку. Но нет, вот Жмаченко, вот Корнеев... Руку Тимофея Жмаченко он задержал чуточку дольше, припомнив последнюю встречу в зале суда. А в общем-то многих, очень многих нет. Кто расстрелян или повешен, кто умер в пересылке, кого забили озверевшие надзиратели и сплавили умирать в тюремный лазарет. Прекрасные были люди, нисколько не думавшие о себе. Но, с другой стороны, разве без этих жертв была бы возможна победа над царизмом? Это они, эти люди, сделали ее возможной своей героической борьбой, своими жизнями... Взволнованный возвращением домой, пожимая крепкие руки своих новых товарищей,— а все входившие держались с ним почтительно, как со старшим, с ветераном,— Артем чувствовал, как растет в нем волна радостной уверенности в своих силах. Как часто и помногу думал он на чужбине именно о таком вот часе! За работу теперь, наверстывать!.. Он отметил стройного юношу в гимнастерке и солдатских сапогах — оказалось, сотрудник редакции «Пролетария» Эрдэ,— рядом с ним стеснительно жался Сербиченко, молодой рабочий с тетрадкой в руке,— он писал стихи и печатался в «Пролетарии»,— здесь еще были казначей большевистского комитета Покко и поразивший Артема своим болезненным видом Тиняков — о нем вчера поминал дядя Андрей. Тиняков ходил немного скособочившись и с палочкой в руке. Изнуренный вид его никак не вязался с выражением молодых задорных глаз. «Болен»,— определил Артем. Он знавал таких людей, забывающих ради дела все свои недуги. «Мы все умрем стоя,— подумалось вдруг ему.— Никому из нас некогда болеть, некогда лежать. Мы умрем на ходу...»

Шалай сказал:

— Федор Андреич, мы тебя сейчас же кооптируем в комитет. Все наши здесь. Сегодня вечером у нас в клубе собрание. Бывший «Буфф», театр... Федор Андреич,

может, выступишь? Всякому же интересно, что это за Австралия такая!

— Ставь. Согласен.

— Тогда мы афишу выпустим, в газете тиснем. Видел наш «Пролетарий»?

— Смотрел. Толково.

— Газету любят, из рук рвут. Тиража не хватает.

— А сколько?

— Пять тысяч.

— Больше нельзя?

— Почему нельзя? Типография нас режет. Эх, если бы не типография!

Человек в очках, так сурово отчитавший Артема сегодня утром, прибежал снизу, неся за угол оттиск свежей полосы.

— Слыхали? — закричал он.— Эта шкура опять за свое!

Шкурой он называл владельца типографии Шнеберга, где печатался «Пролетарий». Шнеберг только что наложил арест на весь тираж газеты, требуя уплаты долга.

— Объяснялись? — спросил Шалай секретаря редакции Эрдэ.

— Иван Харитоныч, еще как! Но, знаете, он подал неплохую мысль. Продается типография Брука. Новые машины, триста пудов шрифта...

— Но он же с нас шкуру сдерет! — вырвалось у Шалая.

Болезненный Тиняков поморщился:

— Знаете что, товарищи, давайте сначала выручим тираж.

Это напоминание вернуло каждого к его обязанностям. День, перебитый известием о приезде Артема, пошел своим чередом. Артем потребовал, чтобы его загрузили сверх головы, так ему легче войти в курс всех городских дел. Кроме того, он только так и привык работать.

— Разорваться не боишься? — спросил Шалай, посмеиваясь.— Чего-чего, а нагрузим мы тебя — только тащи!

Здесь же, в комнате, Артем договорился выступить сегодня на митинге перед рабочими завода ВЭК, затем, примерно через час, перед солдатами 30-го полка, оттуда надо успеть в клуб (бывший театр «Буфф») читать объявленную лекцию об Австралии, а вечером, вернее, уже ночью, после клуба, придется засесть за работу над статьей для «Пролетария». Об этом его попросил Шалай.

День, таким образом, сложился плотно и насыщенно, без продыху, но Артем был доволен.

Арестованный номер «Пролетария», тираж которого удалось в конце концов выручить и пустить в продажу, извещал, что для членов партии, рабочих и солдат Харькова в бывшем театре «Буфф» состоится лекция на тему: «Война и рабочее движение в Австралии».

Не отпускали Артема долго.

В Харькове его не забыли, в зале много было тех, с кем ему пришлось работать в прежние годы. Австралия... вон куда человека занесло! Большинству далекая Австралия представлялась в таком же тумане, как некая столь же отдаленная планета. Но и там, оказывается, живет народ, причем, как и везде, особенно несладко приходится рабочему человеку, его и в Австралии мордуют чисто по-российски — держат впроголодь, гноят в тюрьмах. Артем вспоминал, как удалось на первых порах организовать сезонных рабочих и устроить забастовку, рассказал о выпуске пролетарской газеты и, наконец, о том, как ему на своей шкуре пришлось узнать, что такое австралийская тюрьма.

Опытный митинговый оратор, он быстро уловил необычный интерес собравшихся и, забыв о времени, рассказывал так, как рассказал бы в родной семье, которая, едва встретив и накормив внезапно объявившегося ски-

тальца, расселась вокруг него с раскрытыми от любопытства и удивления ртами. Несколько раз за вечер Артем ловил себя на том, что, рассказывая об умнице и эрудите Лунине, с которым судьба свела его в далекой Австралии, он испытывает грусть. Бедняге Лунину так и не довелось взглянуть на родную землю. А как он мечтал вернуться, только об этом и говорил!

Много, очень много русских людей навсегда закрыли глаза на чужой стороне...

Из клуба Артем возвращался поздно ночью. Он шел в редакцию, собираясь сесть за работу над статьей для «Пролетария». Его сопровождал Коля Руднев. Они познакомились на митинге в 30-м полку, молоденький прапорщик отправился с Артемом в клуб на лекцию.

Артем удивился, узнав, что Руднев из семьи священника. По выправке, по манерам молодой человек производил впечатление настоящей «военной косточки». Может быть, только вот румянец во всю щеку... Таким завидным здоровьем отличались дети в семьях сельских батюшек.

Еще гимназистом Коля Руднев начал почитывать запрещенное и уговорил отца отпустить его в Московский университет. Война с Германией затронула патриотические чувства второкурсника. Ускоренное военное обучение, чин прапорщика, назначение в 30-й полк, стоявший в рабочей Туле. Армейский гнет, неудачный ход войны — быстро остудили горячую голову бывшего студента. Молодому офицеру с самого начала претило оболванивание солдатской массы. С солдата снималась всякая ответственность за любые действия, которые он совершит во имя бога, царя и отечества. Его заклинали ничего не бояться и показать свой героизм, а если надо, то и умереть. Но те, кто без устали толковали о родине и долге, старались устроиться от фронта подальше, считая, что народу выгодней сохранять их в глубоком тылу, где они без уста-

ли думают о победе, направляя, куда идти, и показывая, в кого стрелять. Эти люди даже зачастую изнемогают от своей работы, от напряжения, от своей ответственности. «В самом деле, ради кого мы мечемся, заседаем, ездим за границу, совещаемся, объявляем войны?» Развращенные вековой покорностью своего народа, они привыкли считать его искренним и преданным, пока какие-то выродки не принялись его мутить и сбивать с толку. Так смерть же этим выродкам!

Прапорщик Руднев твердо выбрал себе путь большевика. Сила большевиков, считал он, не в том, что они выискивают недостатки и промахи старой системы, нет,— они указывают конкретный путь к новой, еще невиданной России.

— Я выбрал сразу и не колебался,— сказал он Артему сегодня, когда они, возбужденные солдатским митингом, покинули расположение полка.— Мне вообще не свойственны колебания. Скажу вам больше. Я, например, убежден, что, если бы в каждой воинской части было хотя бы два процента большевиков, эта часть была бы способна решать невероятные задачи. А если увеличить эту прослойку до пяти процентов, то часть будет попросту непобедима. Ну то есть, поймите меня правильно, этих солдат можно убить, на то и война, но победить их нельзя!

«Славный парень!» — подумал тогда Артем, внимательно приглядываясь к своему молодому спутнику. Только что, на митинге, Артем был восхищен революционным настроением солдат. Руднев перед митингом предупредил его, что полковой комитет полностью состоит из большевиков. Разумеется, это результат работы, и большой работы, таких вот, как Руднев, и его товарищей по полку.

«Новые бойцы, новый кряж людей... Да, если бы нам побольше таких ребят — да мы мир перевернем!»

Митинг в полку, затем чистосердечный разговор по дороге в клуб — все это неуловимо быстро сблизило старого подпольщика и молоденького офицера. И не было ничего удивительного, что после лекции Артем увидел дожидавшегося Руднева,— расставаться не хотелось.

Поздняя летняя ночь выдалась душной, от каменных зданий исходил дневной жар. Где-то за городом собиралась гроза. Без единого огонька в зеркальных окнах стоял мрачный особняк, занятый анархистами. Здесь помещался их клуб с таинственным названием «Ураган смерти». Откуда-то доносилось пение скрипок. Прыгая на булыжниках мостовой, вскачь пронеслась пролетка с поздними гуляками. Визжали девки. Какой-то человек, стоя во весь рост, вздымал над головой бутылку, его с хохотом тянули вниз. Руднев оглянулся, проследив, как упал в пролетку и задрал ноги человек с бутылкой. Пролетка завернула за угол...

— Грязь! — проговорил Руднев с брезгливостью целомудренного юноши.— Рядом с нашими казармами, в банях Вонифантьева, хозяин завел бассейн с русалками. Представляете?

В темноте Артем невольно улыбнулся: какой же еще мальчик! Он перевел разговор на текущие дела. Руднев шел, заложив руки за спину и глядя себе под ноги.

— Федор Андреич,— неожиданно спросил он,— вы знаете, что меньшевики предложили нам объединиться перед выборами в городскую думу?

— Мне сегодня говорил Иван. Я даже хочу писать об этом. Негодяи! Где они были, когда нас топтали?

— Обыкновенно,— сказал Руднев,— подлизывались к власти.

— А теперь погода переменилась? Предатели!

Предупредительно уступая старшему товарищу неширокий тротуар, Руднев шел сбоку. Он стал говорить, что

расценивает предложение как признак слабости. Меньшевики сейчас лихорадочно ищут союзников. В одиночку им успеха на выборах не добиться. Впрочем, Руднев предсказывал поражение и большевистскому списку номер три. Для победы еще слишком мало сил. Победят, без всякого сомнения, эсеры. Их влияние сейчас самое сильное...

— Все равно с меньшевиками нам не по пути,— сказал Артем.— Пусть ищут других.

— Кстати,— спросил Руднев,— готовы ли мы к тому, что промышленники объявят нам настоящую войну?

Артем остановился:

— Что вы имеете в виду?

Руднев сказал, что с некоторых пор харьковские рабочие стали обращать внимание на странное поведение хозяев предприятий. Еще в апреле на заводе ВЭК завком обнаружил умышленное сокращение производства. Потом — на паровозостроительном, «Гельферих-Саде», Мельгозе, Лейтнера, «Герлях и Пульст», на заводе Русско-бельгийского общества. По какому-то единому тайному плану все больше рабочих оказывалось за воротами предприятий, в лапах нужды и голода. И это не только в Харькове...

— Сейчас они могут совсем закрыть предприятия,— говорил Руднев.— Это у них последний и, согласитесь, очень сильный ход.

— А рабочие? — спросил Артем.— Они не допустят.

— Для этого нужна сила,— заметил Руднев.— Нужен рабочий с ружьем! И не только для этого. Обратили вы внимание — сколько везде говорят? Уму непостижимо! И ведь есть люди, которые считают, что это и есть настоящая борьба. Но это всего лишь болтовня, не больше. Народ уже устал от нее. Народу нужен мир, земля, хлеб. Но ведь есть люди, которые как раз этого-то не хотят! Вы согласны со мной? Не сомневаюсь, Федор Андреич,

что в самое ближайшее время или правительство, или же какие-нибудь другие силы выдвинут человека действия.

— Сильную личность? — живо спросил Артем.

— Конечно. Это же ясно как божий день. Сколько можно болтать? Сейчас кто первым проявит организованность и силу, тот и станет хозяином положения. Я предлагаю первыми быть нам. Пока нас не опередили.

— А оружие?

— Тула,— спокойно ответил Руднев.— Мы же из Тулы. Там наш народ. Нам помогут.

Артем задумался, трогая себя за нос:

— Гм... А знаете, давайте-ка теперь я вас провожу. То, что вы сейчас сказали, мы предвидели давным-давно. О своем Наполеоне русская буржуазия мечтала еще лет десять-одиннадцать назад. Вон еще когда! Но вот Тула, оружие... это интересно. Вооружи мы сейчас рабочих — совсем же по-другому говорить можно!

Взяв прапорщика под руку, Артем увлек его в ту сторону, откуда они только что пришли.

Расставшись с Рудневым, Артем, торопясь, шагал в редакцию. Никакой усталости не ощущалось, голова была ясной, и он предвкушал удовольствие от работы, за которую сейчас засядет.

В темноте он разглядел, что на крылечке с дядей Андреем кто-то сидит. Плавал огонек цигарки.

Дядя Андрей, завидев подходившего Артема, встал, опустил руку с папироской.

— А мы сидим вот... Слыхал, Федор Андреич, Украину будто хотят сделать губернией во Франции? А Стешка принесла, будто Вера Холодная — ну, артистка! — объявила себя украинской царицей. В Прилуках, говорят.

Женщина продолжала сидеть, лица ее Артем не раз-

глядел. Он уловил скверный запах водочного перегара и поморщился. Пьяная?

— Сиди, дядя Андрей,— сказал он, поднимаясь на крыльцо.— Наверху кто-нибудь есть?

Женщина вдруг резко поднялась и, не сказав ни слова, ушла. Несколько раз ее качнуло.

Дядя Андрей задержал Артема:

— Ты ее, Федор Андреич, должен помнить. Валета помнишь? А Марью? Она одно время у вас на Сабурке... Ну а это же ихняя Стешка! Ах, достается бедной девке. И когда только эта жизнь проклятая переменится?

Артем вспомнил ночную комнату в бараке, спящую рыжую девчонку, мертвого, затихшего к утру младенца...

Наверху, в редакционной комнате, он толкнул окно и лег на подоконник. Далеко, за центром города, над которым всю ночь сияло зарево огней, меркло небо. Близился рассвет. Грозу пронесло где-то стороной, лишь посеяло сиротским дождичком и скоро перестало. Сейчас разгуливался ветерок, разгонял мрак наверху. «Это беда,— подумал Артем.— Если не ополоснет дождем как следует...»

Итак, прошел его первый день дома. Напряженный день! Из головы теперь не выходила пьяная Стешка. А помнилась совсем ребенком... Который может быть час? А надо, надо успеть написать к утру... Чтобы окончательно не размякнуть, он скомандовал себе: «Давай-ка... Хватит!» И, отжимаясь на руках, поднялся с подоконника.

Настраиваясь, он осмотрел кончик пера, подравнял стопку бумаги и на самом верху страницы вывел: «Горе-объединители». Очень кстати вспомнился резкий разговор с Леоном Гольдманом в камере Пермской тюрьмы. А деятели из Харьковского Федеративного Совета? Нет уж, не дай бог таких союзничков! Пообъединялись, достаточно!

«В настоящее время в рабочих кварталах меньшевики и социалисты-революционеры начали упорно призывать нас объединяться с ними. Невольно встает вопрос: почему?

Что изменилось, что случилось? Не пожелали ли наконец и партия меньшевиков и партия социалистов-революционеров защищать интересы рабочего класса? Распростились ли они с буржуазной демократией, перед которой они еще вчера пресмыкались, обещали им и укрощение строптивых рабочих, и твердую власть, и войну до победы...»

Он перечитал написанное и остался доволен: тон взят верный. Россия недаром была страной народного свободолюбия, вековых традиций революционной борьбы. Смелость, бесстрашие, массовое (пусть и стихийное) действие, презрение к смерти, непримиримость к мучителям — всем этим был всегда славен трудовой люд России. На памяти Артема прозвучал деловой вопрос Владимира Ильича Ленина: «С чего начать?» Первые шаги партии были тяжелыми, неимоверно тяжелыми. За плечами ленинской партии были годы созревания перед первой русской революцией, горький опыт расплат за ошибки того знаменитого года, зато сейчас многое виделось как на ладони. Меньшевизм никогда не дорожил партией, она всегда ему только мешала. И если меньшевикам не удалось ликвидировать партию, то лишь потому, что этому помешали большевики во главе с Лениным.

Из своего австралийского далека Артем постоянно следил за борьбой ленинцев с ликвидаторами. Пусть с запозданием, но узнавалось и о работе VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП в 1912 году, о совещании в деревне Поронино (около Кракова) в 1915 году, о конференции заграничных секций РСДРП в 1915 году в Берне (Швейцария), о Циммервальдской и Кинтальской международных социалистических конференциях. Большевизм прочно обосновался на мировой общественной арене!

И все же вырвать меньшевизм с корнем нелегко. После Февральской революции меньшевики и эсеры добро-

вольно уступили власть буржуазии, отказались самостоятельно решать вопросы громадной важности: о мире, о земле, о рабочем контроле над производством. Они покорно поплелись за буржуазией, уверяя, что в России нет партии, которая была бы готова одна взять на себя всю власть. «Есть такая партия!» — воскликнул тогда Ленин. Такой партией была партия большевиков.

Проехав через всю Россию, Артем своими глазами видел, с какой надеждой народ ждал мира. Россия не могла больше воевать, силы ее были исчерпаны, народ рвался из окопов. И большевики во главе с Лениным решились на невероятно трудную задачу: дать народу мир. Короче, мир России даст только пролетарская революция.

Артем писал:

«...зачем же вы желаете объединения с нами? Для того ли, чтобы бросить тех, чьи интересы вы сейчас защищаете, или чтобы заставить рабочих не иметь партии, которая защищала бы интересы рабочего класса?.. Мы хотим ясности, прежде всего. Мы хотим знать, кто вы и зачем вы пришли. Если вы те меньшевики и социалисты-революционеры, которых мы знаем... зачем же вы приходите к нам объединиться с нами? Ведь мы боремся против всего того, что вы делаете... Если ж вы желаете, чтобы мы объединились с вами для прекращения нашей деятельности,— пустая надежда! Мы нашу деятельность будем продолжать...»

Рано утром Артема разбудил Шалай. Он принес ошеломляющие новости: вчера в Петрограде правительство расстреляло массовую демонстрацию рабочих и солдат. Били из пулеметов. По слухам, более шестисот раненых.

Шалай сжал виски с такой силой, что побелели пальцы. Затем он, словно приводя себя в сознание, принялся бешено тереть щеки.

— Что делают, Федор Андреич, ведь что только делают, а?!

Комитет в этот день заседал дважды. Утром Артем тут же набросал «Обращение к рабочим». Он писал, наклонив большой лысеющий лоб, и встряхивал головой, когда шум особенно мешал. Жалея его, Шалай предложил товарищам меньше курить. Артем, не отрываясь от работы, бросил на него признательный взгляд.

В течение дня стало известно, что кровопускание произошло не только в Петрограде. В Киеве юнкера и казаки разгромили помещение большевистского комитета, многих арестовали. Пришлось срочно принять меры, чтобы такое же не произошло и здесь, в Харькове.

Двоевластие в стране кончилось, буржуазия отбросила обычное лицемерие и решилась на установление своей военной диктатуры. Фронт определился четко: контрреволюция и большевики. Положение, как заметил кто-то из членов комитета, занятное: царя не стало, а опасность все растет!

С палочкой, приволакивая больную ногу, в комнату, где без всяких перерывов длилось заседание, ввалился Тиняков. В первую минуту он попятился и замахал руками:

— С ума сошли! Накурили-то... Окно откройте!

Действительно, дышать сразу стало легче.

Тиняков заявился из городского Совета. Там уже знали обо всем.

— Сидят, представьте, улыбаются, карандашики катают. «Это, говорят, столкновение не пролетариата и солдат с буржуазией, а столкновение одного отряда революционной демократии с другим». Меня аж затрясло!

«Обращение к рабочим» отправили в типографию. Секретарь редакции терял голову: вести из Петрограда шли одна страшней другой. Оказывается, сразу же после расстрела демонстрации юнкера кинулись громить поме-

щения большевистских организаций. Разгромлены редакция «Правды» и типография. Пьяные юнкера ругались, не застав в редакции Ленина. Клеветник и провокатор Алексинский в этот день заявил журналистам, что якобы располагает документами, подтверждающими шпионаж Ленина в пользу Германии. Это прозвучало настолько дико, что Чхеидзе бросился к телефону и стал обзванивать редакции, прося не печатать клеветы Алексинского... Поползли слухи, что Ленин бежал в Германию не то на миноносце, не то на подводной лодке... Рассказывали, что юнкера получили списки лиц, намеченных к истреблению... Наконец, стало достоверно известно, что Временное правительство приняло постановление об аресте и привлечении к суду Ленина и других большевиков.

Наглеющая с каждым часом контрреволюция переходила в наступление.

Во время второго заседания, вечером, в помещение комитета вломился растерзанный красногвардеец из охраны и, не утирая крови с разбитых губ, заорал:

— Сидите, дьяволы, а там наших убивают. Иди за мной!

На Кузнечной улице в сгущающихся сумерках гомонила большая толпа. Артем, Шалай, еще кто-то с разбегу врезались и стали проталкиваться к центру. Солдаты, узнав Артема, покрикивали:

— Эй, а ну пропусти! И тише давай. Сейчас разберутся.

Несколько босяков держали за руки худенькую бледную девушку. Она моргала близорукими глазами и пыталась высвободиться.

— Пустите же... мне больно. Вот еще!

Шалай молча сгреб двух парней и отшвырнул себе за спину.

— Ну, ты! — крикнули в толпе.— На фонарь захотел?

— Гузенко! — позвал какого-то солдата Шалай.— А ты чего смотришь? Где наши?

Трясущимися руками девушка достала платочек, промакнула губы и, мелко-мелко замигав, уставилась на пятнышко крови.

— Бандиты!

Подошедшие солдаты быстро утихомирили толпу. О фонарях больше не кричали. Лишь какой-то встрепанный чиновник в скособоченном пенсне злорадно сказал соседу:

— Было у нас самодержавие — не нравилось. Теперь хамодержавие. Поздравляю!

Освобожденная из рук хулиганов девушка, студентка медицинского института Лиза Репельская, выступала на митинге. В нее вцепился пьяный босяк: «Это немецкая шпионка! Какого черта уши развесили? Тащи ее на Павловскую — и на фонарь!»

Рассказывая, девушка понемногу оправлялась от испуга.

— Хорошо, что меня потащили по Кузнечной,— улыбнулась она.— А то бы...

Но руки у нее еще дрожали.

— Я вас провожу, идемте,— сказал Артем.

— А они больше не нападут? — спросила Лиза.— Я живу на Ботанической, здесь близко. Только у нас дома ничего не говорите. Хорошо?

Дошли они быстро. Двухэтажный кирпичный дом был еще недостроен. Лиза сказала, что живет с сестрой, они занимают две комнатки в подвале. Она пригласила Артема зайти, он отказался.

— Но почему? — удивилась Лиза.— На минутку... так сказать, долг вежливости.

— Боюсь,— признался он.— Вдруг ваша сестра станет что-нибудь расспрашивать. А я не могу врать, не умею! Ну, то есть, могу, конечно, что-нибудь придумать,

но она посмотрит и сразу все поймет... Такое вот дело.

— Правда? — обрадовалась Лиза.— И я такая же дура. Ничего, ну ничегошеньки не могу соврать!

— Так это хорошо,— одобрил Артем.

— Что же я ей все-таки буду говорить? — беспокоилась Лиза.— Она же... Посмотрите, пожалуйста, по мне что-нибудь заметно?

— М-м... немного есть,— через силу выговорил он.

— Ну, конечно...— расстроилась Лиза.— Ой, ладно, побегу. Но мы с вами еще увидимся, хорошо? Мне все равно надо в комитет, к Ивану Харитоновичу. Не слышали? Мы хотим организовать союз молодежи, молодых рабочих. Ну и солдат, конечно. Я завтра выступаю у себя в институте. У-у, у нас там, знаете, все вот так! — она энергично повертела сжатыми кулаками.— Ой, опять заболталась! Бегу... До свиданья.

Она протянула ему руку каким-то удивительным движением, неловким и в то же время чрезвычайно искренним — с неестественно выпрямленным локтем. В этом была новизна времени, иной характер отношений: вместо ухажеристого целования ручек — товарищеское крепкое рукопожатие.

«Значит, завтра она будет в комитете? Интересно, а в редакцию заглянет? Попросить, что ли, кого, чтобы сказали, когда она придет...»

Он шел по темной Ботанической улице и, против обыкновения, не торопился. Все-таки странно это неумелое девичье протягивание руки: как бы отдавая всю руку. У мужчин такого нет... Несколько раз Артем подносил ладонь к лицу, будто хотел разглядеть, не осталось ли следов. «А пальцы сильные. Медичка...» Он хорошо запомнил недостроенный кирпичный дом, боком выходивший в переулок. Внизу, на уровне тротуара, светились два окошка, наглухо завешенные беленькими занавесками. «Ну, обстановка, видимо, чисто студенческая...» Под влия-

нием всего, что с ним произошло сегодня, он испытывал неясное волнение. Такое с ним случалось крайне редко. Скорей всего, выдались те самые минуты, когда в голову вдруг начинают лезть всякие глупости, а на душе, подобно старым ранам, принимаются ныть, казалось бы, давно зажившие рубцы. Но нет, оказывается, раны на душе не заживают насовсем, достаточно самой малости, и все снова будто наяву. Память, память, черт ее дери, вот что не дает им заживать!

Всего десять недель назад была Австралия, с которой он за шесть лет свыкся, сжился. Но едва пароход пересек экватор и до Владивостока оставалось совсем немного, он все реже стал вспоминать оставленное на далеком берегу, а всеми мыслями был в том, что его ожидало дома. И вот он приехал, с головой залез в работу. Почему вдруг именно сейчас, на темной и безлюдной Ботанической, он ощутил это необъяснимое волнение? Встреча с девушкой? Прогулка, разговор и эта полуусловленная встреча завтра?

Наверху, в редакционной комнате, горел свет и было распахнуто окно. Артем остановился и по привычке запрокинул голову. Совсем, совсем другое небо дома! «Бедняга Лунин»,— подумал он. Сколько раз, с какой мукой и любовью вспоминали они с Луниным о своей покинутой России там, на далеком материке под чужим созвездием Южного Креста!

Болезнь Лунина все обострялась, он уже не поднимался, не выходил из дома. Ухаживала за ним Мина, та самая девушка, с которой Артем увидел его в первый день знакомства. Она была тиха, проворна, домашняя работа горела в ее руках. Несколько раз Артем встречался с ней в калитке, она, вспыхнув, отвечала на его приветствие и убегала. Кажется, за все время Артем ни разу не слышал ее голоса.

— Милая девочка,— хрипел Лунин.— Золотое сердечко!

Больной чувствовал, как с каждым днем гаснет его надежда на возвращение домой. Одно время Лунин ждал амнистии по случаю 300-летия дома Романовых. Однако амнистии не последовало.

— Боятся,— изрек он, утомленно прикрывая веки.— Вот вам доказательство того, что они сознают свою слабость, свою обреченность!

В тот день они долго говорили о делах на своей далекой родине. Недавно отшумел грязный процесс Бейлиса, два десятка адвокатов во главе с Керенским за протест против судебной провокации были привлечены к ответу... Ну и времечко! Оно само словно покрылось налетом грязи и всяческих человеческих пороков.

— А вы почитайте, что пишут! — горячился Лунин,— Вербицкая, «Ключи счастья»... Шесть томов откровенной пошлости! Арцыбашев, тот прямо: «Водку и девку!» А поэзия? «Я проклял вас, люди!», «Мы пленные звери, голосим, как умеем», «Исчезни в пространство, исчезни, Россия. Россия моя!» Иудина беллетристика!

Артем возражал: А Толстой? А Бунин? А Куприн и Короленко? Наконец, Горький!

— Очень хорошо, что такой талант, как Горький, с нами. Без талантливых людей революции гибель. Сейчас мне все больше жаль Плеханова. Ведь талантливый же человек!

Лунин уточнил:

— У Плеханова талант политический. А политик, если он проиграл, этого до смерти не забудет. И будет злиться, мстить. Вы правы — жалко старика.

Потом они оба пришли к выводу, что интеллигенция в нынешнее время стала совершенно иной. Вспомним 1905 год. Тогда широкие слои интеллигенции всячески поддерживали рабочих. Теперь обстановка круто изменилась. Прежде всего, стал ясен характер борьбы, которую ведет организованный пролетариат. Эта борьба будет же-

стокой, непримиримой, пролетариат отбросит все, что будет стоять на его пути. Теперь его руками уже не поборешься за какую-нибудь купую конституцию. Рабочий класс просто-напросто не позволит сделать ее купей. Борьба ва-банк! И теперь не рабочий класс будут вести, а он сам поведет!

— Федор Андреич,— помолчав, заговорил Лунин,— я знаю, вы много работаете. Но эти ваши конфликты со здешними властями... Как? Вам не страшно?

Артем отвечал пословицей: «Волков бояться — в лес не ходить».

— Вы что,— спросил Лунин,— хотите прошибить у здешних рабочих равнодушие к общественным обязанностям?

— Представьте, да. Я не могу видеть неорганизованной массы. Это невыносимо для меня.

Лунин потер горло:

— Сломаете голову.

— Пускай,— ответил Артем.— А иначе что же: пить, как Василенко? Я так не могу. Да ведь и вы тоже. Чего уж!

— Да, да...— Лунин поник. Своим возражением Артем неосторожно напомнил ему о болезни.

— Мы сейчас возимся с юнионом,— рассказывал Артем.— Партии у нас нет, но хоть союз-то должен быть! Если у нас не будет организации, мы пропадем. Это наше единственное оружие.

— Да,— снова вздохнул Лунин.— Я смотрю на здешних рабочих. Все-таки насколько наш рабочий выше их! Разве у них такая выучка? Наш — политик, а здешние в лучшем случае поднялись до пропаганды. Узко работают.

Он стал говорить о хитрости здешних боссов от политики.

У иностранцев в Австралии нет никаких гражданских прав. При малейшем недовольстве в ход пускаются им-

миграционные законы, которые в Австралии мало изменились со времен каторжных поселений.

— Все естественно,— сказал Артем.— Они давят нас, мы должны организоваться и дать отпор. Это и есть борьба.

Лунин предостерег:

— Будьте осторожней, Федор Андреич. Боссы связаны не только с полицией, но и с преступным миром. А насолили вы им уже достаточно.

— Ну, рта они мне все равно не заткнут! — запальчиво заявил Артем.

Лунин посмотрел на него долгим сочувствующим взглядом:

— Ох, не скажите!

Артем часто рассказывал больному, чем он занимается в порту. Все операции, связанные с выгрузкой и погрузкой пароходов, находятся в руках агентов-посредников. Они нанимают безработных и жестоко их обсчитывают. Механика жульничества, как открыл Артем, проста. Из всей артели грузчиков только агент имеет дело с капитаном парохода, он один знает количество груза и получает расчет. Обманывая артель, он каждый раз кладет себе в карман большую сумму. Как-то Артем не вытерпел, сходил в таможню и взял справку о количестве груза. Агент возмутился, тогда Артем передал дело в суд. Обман всплыл наружу. Грузчики благодарили Артема, но раздосадованный агент пообещал сквозь зубы: «Я с тобой посчитаюсь, собака!» Об этой угрозе Лунину рассказывать не следовало. Зачем больного беспокоить?

— Том, ради бога, не спорь с ними!

Мина, ломая руки, с отчаянием наблюдала, как Артем пытается объясниться с двумя дюжими полицейскими.

Его стащили с ящика, когда он выступал перед рабочими своей артели грузчиков. «Устройство митинга без

разрешения», — прогудел полисмен, еле двигая каменной челюстью.

Спорить с полицией в Австралии не полагается. Артема ловко запихнули в машину. Последнее, что он увидел,— заплаканное лицо Мины. Девушка оказалась в порту случайно. Надо бы ей крикнуть, чтобы она ничего не говорила больному. Зачем? Артем вспомнил предостережение Лунина. Конечно, сегодняшний арест всего лишь месть.

«Интересно, какой здесь суд?»

Судебное разбирательство проступка русского эмигранта заняло несколько минут. На память пришел первый приговор в Москве, когда обвиняемых разделили по степени близорукости... Из слов судьи, сухопарого седого мужчины в длинной черной мантии, Артем почти ничего не понял. «Две недели»,— пояснил ему полисмен, когда они выходили из зала.

«К чему же я пришел, убежав от своей тюрьмы? Стоило забираться так далеко!»

Во дворе Артема присоединили к пяти другим осужденным. Всем надели наручники и повезли в тюрьму. «Быстро же»,— подумал он. Ему даже не удалось толком разглядеть своих случайных спутников.

Миновав массивные ворота, обшитые листовым железом, машина с осужденными остановилась в небольшом дворике. Впереди были еще одни ворота — из толстых металлических прутьев. Тюрьмы строились одинаково крепко на всех материках.

Камера в австралийской тюрьме понравилась Артему своей чистотой. Двери здесь были без «глазка». Но вот вместо привычных нар заключенным полагался гамак — настоящее орудие пытки, потому что спать в нем приходилось согнувшись пополам, с торчащими кверху ногами и головой.

Кормили заключенных скудно, отпуская на их содержание гроши.

С утра узники принимались за уборку всей тюрьмы. Несколько раз Артему выпадало мыть виселицу в коридоре: три крючка в стене, а под ними в полу крышка, которая опускается рычагом.

День заключенных оканчивался по звону колокола. Все надевают куртки и расшнуровывают ботинки. Начинается обыск. Двое надзирателей быстро ощупывают одежду, затем узник снимает и трясет ботинки, показывая, что в них ничего нет. После того как камеры заперты, раздается свисток: это отправляется в обход помощник начальника тюрьмы. Каждый заключенный обязан, привстав на носки, выставить в окошечко над дверью свою руку.

На седьмой или восьмой день надзиратели со смехом сообщили Артему, что к воротам тюрьмы вот уже который раз приходит заплаканная девушка. «Мина! — догадался Артем.— Но что могло случиться?» Потом ему украдкой передали крохотную записку. Мина сообщала о смерти Лунина и о похоронах. Артем не выдержал и грубо выругался. Он не смог даже проводить друга до могилы! Ночью ему не спалось. Проклятый гамак провис почти до пола и не позволял повернуться. Вот пытка-то! Артем размышлял о горькой участи эмигрантов, людей, которые живут, в общем-то, своим прошлым. Но оно жестоко, это прошлое, и убивает человека как медленный яд памяти. Блажен тот, кто в состоянии поставить крест на всем своем прошлом и приспособиться к новой обстановке. Ну а если не в состоянии? Сам он не мог, не имел права забывать своего прошлого, оно направляло всю его жизнь, и он, наверное, погиб бы, если бы оно вдруг исчезло. Только оглядываясь на свое прошлое, Артем строил всю свою дальнейшую жизнь. Он жалел бедного Лунина. Этот сильный духом человек заслужил лучшую

участь. Обычно эмигранты — брюзгливый народ. Их беда в том, что на чужбине они, старея, все больше отстают от событий, которые происходят у них на родине, у них постепенно разливается желчь, они начинают ненавидеть соотечественников, если тем удается сохранить себя, не погрязнуть в склоках, не потерять веры в свое дело. Примечательно, что такие брюзги превращаются в морализирующих теоретиков, кончившись как практики. Убедительный пример тому — Плеханов...

Как-то, разговаривая с Луниным об оставленной родине, Артем задал вопрос: можно ли полюбить чужую страну, которая тебя приютила? Оба согласились, что нет, это нельзя назвать любовью. Благодарность! А настоящая их любовь — Россия, несмотря на то что там они жили как обложенные звери, с вечной оглядкой назад и по сторонам... Лунин в тот день высказал наивную надежду на то, что русскому народу все же, быть может, удастся избежать кровавой ломки старого. Наиболее умные из лагеря врагов, говорил он, такие, например, как Витте, уже думают о способах оздоровления существующей системы, чтобы спасти ее от окончательного разрушения и тем самым спастись самим. Артем саркастически покачал головой: тщетно! Назад ходу нет. Лунин задумался и с тревогой спросил: так что же будет? Восстание? Бунт? Он страшился этих русских бунтов, страшился большой крови. Ведь резать, как он сказал, придется по живому. Россия сейчас — одно больное место. Болит, где ни тронь. Хорошо, если будущий преобразователь возьмет в руки, выражаясь фигурально, нож хирурга. А ну топор мясника? Разве мало было примеров в прошлом!

...Так прошла эта долгая ночь в запертой душной камере. До самого утреннего колокола Артем вел оживленный разговор с человеком, которого уже не увидит никогда. Вылезая из своего мешка-гамака и разминая затекшую спину, он вдруг подумал: стоит только ему найти

умного, цельного человека, а главное — сойтись поближе, подружиться, как тут же вмешивается судьба. Наказание какое-то!..

Мина встретила его у ворот тюрьмы, радостно схватила за руку, прижала ее к груди. Заждалась! Он грустно погладил девушку по голове:

— Ну что ты, что ты...

О покойном Лунине они, словно по уговору, не обмолвились ни словом.

— Идем к нам,— сказала Мина, не выпуская его руки.— Мама ждет.

Они с матерью жили в небольшом доме с садиком.

Наконец-то судьба сделала ему подарок, послав это доброе, всей душой преданное существо. Неприкаянность его кончилась. Ему радостно было открыть дверь своим ключом и войти в настоящий дом, а не в палатку. По существу, у него никогда не было своего дома, если не считать детства. Ну а потом тюрьма. Но какой же это дом?

За недорогую марку первый же полицейский зарегистрировал их брак. Многие формальности в этой молодой, набирающей размах стране были предельно упрощены.

Во сне ему привиделась погоня осатанелой своры надзирателей. Он явственно различал багровые физиономии Евстюнина, Калачева, их сапожищи топали все ближе, а он, как на грех, никак не мог прибавить ходу. Неужели снова Николаевка? Он вспомнил широкие прыжки кенгуру и стал помогать себе руками. Все равно медленно! Преследователи настигали. Вот сейчас его ударят в спину или голову, он упадет и начнется кровавая расправа надзирателей...

— Том, Том, проснись... Почему ты так кричишь?

С чувством избавления от большой беды он приподнялся и снова рухнул на подушку. Сердце колотилось так, что было больно. Приснится же! Бедная Мина, он до смерти ее напугал.

— Спи, спи, больше не буду.

«Почему я не видел снов в России? По крайней мере, не запомнил ни одного. А здесь... Нет, там я был дома и думал только о работе. Здесь же, как ни заваливай себя работой, а дом не выходит из головы».

Дом! Недавно русские эмигранты решили устроить встречу Нового года и подготовили большой концерт. Недалеко от порта сняли бывший склад, залатанный жестью, привели помещение в порядок. Народу пришло множество. На вечер добирались отовсюду, даже издалека. Босс Томсон и Длинный Дик принесли по бочонку пива. Сначала гостям показали «Женитьбу» Гоголя. Иностранцы не понимали русского языка, но от всего, что происходило на сцене, покатывались со смеху. Артем кое-что успевал переводить Мине, она веселилась, как школьница, и колотила его по руке. Больше всего ее забавлял толстый неуклюжий Яичница. Затем выступали баянисты, балалаечники, плясуны. Когда хор запел «Сижу за решеткой в темнице сырой», гости уловили настроение хозяев и притихли. От песни веяло тюрьмой, неволей. Мина, взглянув в лицо Артема, прослезилась и сжала его руку. Эти бедные русские, сколько они вытерпели от своего жестокого царя!.. Дождавшись конца песни, Артем тихонечко сказал ей: «Минуточку!» и встал. Его заметили. Хор на сцене не расходился, в зале установилась такая тишина, что слышно было, как снаружи ветер хлопает оторванным листом жести. Артем сжал кулаки. «Вставай, проклятьем заклейменный...» — затянул он своим низким голосом. Единым движением весь зал поднялся на ноги. Казалось, набатный мотив пролетарского гимна развалит ветхие стены помещения. Артем видел напряженную мускули-

стую шею Длинного Дика. Они с Томсоном пели по-английски. Могучие, грозные слова делали лица поющих сосредоточенными, заставляли выпрямляться спины. Так, пением «Интернационала», русские хозяева вечера со своими гостями встретили Новый год.

Возвращаясь домой, Мина молчала и лишь пыталась заглянуть мужу в лицо. С ним сегодня что-то произошло. Спросить она не решилась, но с того вечера в ее бесхитростной душе поселилась тревога ожидания каких-то неминуемых больших и важных перемен. Бедный Том, зачем он столько думает о своей России? Неужели ему не надоела тюрьма? Странные люди эти русские. Она жалела их как несчастных скитальцев, и эта жалость питала ее большую первую любовь. Что ей сделать, как поступить, чтобы разогнать постоянную тоску в глазах мужа, разгладить его вечно хмурый лоб?

За окошком слабо просияла молния, сдержанно прокатился гром, и на спящий город спустился ровный дождь. Тихо дышала успокоенная Мина. Сам же он остаток ночи провел в каком-то полусне. Иногда раздавался гром, и тогда Артем думал: «У нас он почти такой же». Таким же был и ливень, разбушевавшийся напоследок. Но вот дожди, дожди... Сколько дождей, разных, непохожих, видел он там, у себя дома! У тех дождей даже существовали особые названия: обложной, грибной, проливной, долгий осенний и даже зимний, от которого снег покрывается сверкающей корочкой, а на деревьях остаются ледяные прозрачные бусы... Град... Иней... Туманы и росы... Облака — прозрачные, как тонкая пряжа, и тяжелые, как свинец... Изморозь, белой пылью лежащая по утрам на траве... Зимний узор на окнах... Таких удивительных состояний воды в природе Австралия, конечно, не знает.

Тихонько, чтобы не разбудить жену, он поднялся, подошел к окну и прижался лбом к стеклу. Светало, ливень продолжал бушевать. Нет, здесь даже ветер свистит не

по-нашему! Чего ему не хватает? Разгона по холодной Сибири? Вьюшек в печках? Соломенных крыш? Чертова болезнь эмигрантов! Сейчас даже простой телячий мык за речкой в лозняках покажется сладкой музыкой, зовом предков, голосом отечества...

— Том, ты не болен? — окликнула его Мина.

Он опомнился. В сущности, она права. Болезнь... Приступ, навал тоски мучительной, необъяснимой. Хотя — почему необъяснимой? Объяснить ее проще простого.

Мина тихо оделась и ушла на кухню готовить завтрак. Кажется, в первый раз она застала его в такой вот скорбной позе у окна наутро после встречи Нового года... Позавтракали они молча, и это обоюдное молчание было самым красноречивым объяснением. Она понимала его, догадывалась, что с ним происходит, чувствовала, чем должно все кончиться, молчала и ждала.

Теперь Артем все чаще замечал па лице Мины следы недавних слез. Она старалась спрятать свое горе, и это молчаливое страдание казнило его больше самых обидных упреков.

Скоро Артем и все русские узнали о начале большой войны в Европе. Глухие признаки этой войны постоянно доносились до далекого материка. Еще Лунин, узнав о стычке Италии и Турции из-за Триполитании, пророчески обронил, что это «начало».

— Война! — горько произнес он.— Безобразный способ решать дела большой наживы. Политики съедутся, поговорят, поспорят, поторгуются — и вот несколько дивизий мужичьего мяса, в шинелях, с ружьями, отправляются на чужие поля, чтобы быть скошенными пулеметными очередями. Но обратите внимание на подлый вой газет! Все они фальшивыми голосами начинают реветь о победе. А те, кто все затеял, посиживают себе, чокаются за победу, лоснятся от довольства и насыщения.

Начавшаяся мировая бойня, когда в сумасшедший клубок взаимной ненависти сплелись почти все государства, вселила в русских эмигрантов новые надежды на возвращение домой. Артем был уверен, что война окончательно похоронит самодержавие в России.

Бедная Мина ревниво наблюдала, с какой лихорадочностью он ищет хоть каких-нибудь вестей из Европы. Как водится, газеты всех стран принялись убеждать, что весь мир за пределами родных границ является сборищем подлецов, с ним надо бороться, идти на него в наступление, непременно победить его, иначе будет плохо. И люди с животной покорностью жевали, пережевывали эту патриотическую сухомятку, ставшую для них такой же привычной духовной пищей, как для коровы сено.

В эти дни всеобщего шовинистического угара одни русские большевики с блеском выдержали исторический экзамен на зрелость политического мышления. Только они да еще, пожалуй, сербские социал-демократы отказали своим правительствам в военных кредитах. Поповским лозунгам слащавого мира они противопоставили пролетарский, боевой — война войне, а следовательно не замирение, не замазывание давних, опостылевших противоречий, а революция, гражданская война. О, революция непременно спросит с самых виноватых — с тех, в кого не летели фронтовые пули, косившие миллионы солдат! Им не уберечься в своих дворцах от народного гнева, мщение достанет их всюду, куда бы они ни спрятались!

Все время, пока самодержавие в России дотлевало в пожарище невиданной войны, Артем работал не покладая рук. Как когда-то дома, ему стало не хватать обычных суток. Теперь он уже не видел снов. Три собрания в неделю в союзе грузчиков, три или четыре митинга, доклады по текущим событиям в мире, кружок английских рабочих по изучению Маркса, работа по организации социалистической партии, выпуск рабочей газеты «Австра-

лийское эхо». Время неслось на крыльях, некогда оглянуться.

Его радость, когда он узнал о Февральской революции, перепугала Мину. Она поняла — это был конец.

На предложение Артема она затрясла заплаканным лицом: не поеду! Он не винил ее, больше того — потом, в дороге, глядя за борт неторопливо ползущего по океану парохода, он думал: а может быть, она права, инстинктивно избегая той же самой изнурительной болезни, какой он страдал все эти последние годы на чужой земле? Зачем ей мучиться там, среди сугробов и лесов далекой, страшной, непонятной ей России?

Он возвращался один, и по мере приближения к дому грусть его убывала, расплывалась. Он ехал с радостью, с нетерпением, хотя и знал, что дома его ждет совсем не рай. Голодная, разоренная земля, его родина, была сейчас особенно ему дорога — в минуты ее бедствий сильней сыновняя любовь. И он ехал помогать ей, браться немедленно за дело, от которого был оторван столько лет. Дождался!

Глава двадцать вторая

Руднев оказался прав: выборы в городскую думу принесли успех эсерам. Им досталось больше половины мест. Меньшевики, получив отказ большевиков объединиться с ними, спешно сблокировались с бундовцами, но все равно получили лишь тринадцать мест. Примерно столько же голосов собрал и большевистский список номер три.

Результаты выборов вызвали в комитете откровенное уныние. Тогда Артем вспылил:

— Ну, знаете! Сколько за нас подано голосов? Десять тысяч! А сколько в городе членов партии? Двух тысяч не наберется. Значит, голосовали не одни члены партии. Зна-

чит, надо жить и радоваться. Дела идут как надо. Эсеры в думе уже показали себя при разборе жалобы чернорабочих. Уверен, что никто из бастовавших за них голоса не подал. Чернорабочие убедились, как эсеры стоят за простой народ. А вот увидите, что будет через месяц, через два.

Чтобы не обманывать своих избирателей, рабочих, иллюзией классового мира, большевики решили не входить в коалиционную думу. Да и обстановка после расстрела в Петрограде изменилась. Пролетариату предстояли жесточайшие бои.

Давид Эрдэ, встретив утром Артема в редакции «Пролетария», положил ему на стол свежие номера газет «Южный край» и «Социал-демократ» с отчеркнутыми карандашом статьями. «Южный край», откликаясь на июльские события, по существу, пропел отходную большевикам. Меньшевистский «Социал-демократ» вроде бы вступился за большевиков, но его защита больше походила на ликование по поводу очередного поражения своих противников.

Выступление «Южного края» Артема нисколько не затронуло. У этих господ своя линия. Но «Социал-демократ»! Нет, избавь нас бог от таких друзей, а от врагов мы уж как-нибудь сами избавимся!

— Вот что,— сказал Артем,— садитесь и пишите в номер. Основная мысль должна быть такой: услужливый меньшевик опаснее врага. Кадеты нас уже давно хоронят. Но с чего это меньшевики пустили слезу?

Отповедь «защитникам» появилась в следующем номере «Пролетария» и понравилась Артему.

— Крепко! — похвалил он молодого человека, хлопнув по газетному листу.— Теперь так. В Харьков приезжает Брешко-Брешковская. Знаете?

— «Бабуся»? — тонко усмехнулся Эрдэ.

— Она самая,— кивнул Артем,— «бабушка русской ре-

волюции». У меня уже был случай познакомиться с ней. Правда, это было давно и далеко. Сегодня мы с ней увидимся в цирке на митинге. Бабуся шустрая, не сидит на месте. Господа эсеры ходят с нее, как с козырного туза.

Брешко-Брешковская приехала в Харьков в сопровождении одного из старейших деятелей эсеровской партии, Чайковского. Грузная, с маленьким состарившимся личиком, на котором висела ровненькая, как у гимназистки, челочка, «бабушка русской революции» подкатила к цирку в автомобиле. Устроители митинга встретили ее внизу, почтительно свели на землю. «Бабушка» была тучна и еле переставляла ноги. В свите столичной гостьи Артем узнал Поддубного. Адвокат нисколько не изменился, разве что немного раздобрел. Артем усмехнулся. В странных все-таки ситуациях приходится им встречаться. Нарочно не придумаешь!

Ридикюль Брешко-Брешковской был набит конфетами. Пока рассаживался президиум, старушка-сластена беспрерывно шуршала жесткими конфетными обертками и бросала их под стол.

Артем узнал, что перед митингом в цирке у «бабушки русской революции» было несколько встреч с рабочими на заводах. Поэтому держалась она совсем не так, как в далекие времена сибирской ссылки. Тогда вокруг нее были льстивые прихлебатели, теперь же ей приходилось смотреть в глаза толпе рабочего люда, хозяевам пролетарских окраин города. Брешко-Брешковская построила свою речь хитро, часто взывая к патриотизму рабочих и называя их товарищами.

— Лиса-а...— протянул Коля Руднев, более всего наблюдая за тем, как ведет себя свита ораторши, доставившая ее сюда на автомобиле. Это была дружная и срепетированная компания. После самых выигрышных мест своей речи «бабушка» делала паузу, и прихлебатели при-

нимались колотить в ладошки, понуждая к этому сдержанных слушателей.

— А, видно пана по халявам! — пренебрежительно махнул Шалай.

Под конец своего выступления «бабушка» приготовила историю о германском золоте и выкрикнула с трибуны все, что бульварные газеты выплеснули в эти месяцы на Ленина и его партию. В толпе стал нарастать ропот. Болезненный Тиняков поднял палочку, требуя слова.

— Минуточку! — остановил его Артем и, не спрашивая разрешения, пошел к трибуне. Брешко-Брешковская испуганно умолкла и попятилась. Она узнала в большевистском вожаке того дерзкого молодого человека, который так непочтительно обошелся с ней однажды при встрече в Сибири.

— Не надо маскарадов! — крикнул Артем.— Вы нам не товарищ, госпожа Брешковская. Брешите, продолжайте брызгать ядовитой слюной на товарища Ленина и большевиков. Собака лает — ветер носит! Но знайте, госпожа Брешковская, что харьковские рабочие еще двенадцать лет назад выбрали свой верный пролетарский путь...

Колыхаясь телесами, «бабушка» с трудом сползла с трибуны. Подбородки ее тряслись от негодования. «Хулиган... Я еще тогда, в Сибири...» — возмущенно бормотала она, пока услужливые прихлебатели запихивали ее в автомобиль.

— Куда она теперь? — спросил Шалай.

— На сегодня не знаю,— ответил Эрдэ.— Но завтра митинг в театре «Тиволи». Уже висит афиша.

— Федор Андреич,— позвал Шалай,— тоже надо бы встретить. Но только если «бабуся» снова нас увидит — сбежит.

— Подумаем,— сказал Артем.

* * *

До Базарной площади Артем добрался на трамвае. Солнце палило отвесно. Ломовой обоз, с грохотом прокативший по мостовой, заволок вагончик тучей пыли. Разомлевшие от жары пассажиры грозили ломовикам кулаками и бранились. Артем соскочил с подножки и, отмахиваясь от пыли, направился к Ващенковским казармам, где располагался 30-й полк.

Встретили его члены полкового комитета.

— Пахомыч, самовар! — распорядился Василий Верховых.— Как раз к обеду угодили, Федор Андреич.

— Минуточку, товарищи. Дайте сначала умыться. Жара, пыль — тихий ужас!

Артем стащил через голову рубашку, облился до пояса водой. Обед был из солдатского котла: борщ, каша, чай. Глаголев и Верховых вдвоем принесли и поставили на стол кипевший пятиведерный самовар.

За чаем Артем заговорил о деле. Брешко-Брешковская со своей оравой сегодня митингует в театре «Тиволи». Вся надежда на военных. Никого из членов полкового комитета приезжие в лицо не знают. Надо кому-то подготовиться и дать «бабушке» еще один отпор.

— Ничего страшного. Вот Василий выступит,— председатель полкового комитета Михалев кивнул на Верховых.— А ребята из зала поддержат. Мы уж постараемся.

Договорились так: дать высказаться на митинге самой Брешко-Брешковской, а затем послать из зала записку с просьбой предоставить слово представителю солдат. Уж кому-кому, а солдату эсеры не посмеют отказать!

После вчерашнего поражения в цирке Брешко-Брешковская переменила тон. Ее пугали солдаты, забившие все проходы в зале и даже сидевшие на полу.

— Дети мои,— начала она проникновенным голосом,— мой возраст и мои страдания на благо нашей революции

дают мне право обращаться к вам именно так. Поверьте, я уже побывала во многих городах, и все, что я видела, заставляет сжиматься мое старое сердце в тревоге. Темные силы подрывают устои нашей революции! Они хотят потушить светлую зарю свободы, засиявшую над несчастной Россией. Кому не ясно, что прежде, чем получить землю и мирно работать на ней, сначала нужно защитить родину от злобного врага?

Грозный нарастающий гул в зале заставил ораторшу умолкнуть. Несколько солдат вскочили на ноги. Публика перед сценой завертела головами. Ох уж эти солдаты!

Из последних рядов, где было зелено от гимнастерок, чей-то голос крикнул:

— Надоело! Почему Керенский зовет себя социалистом и революционером, а преследует солдат свирепей, чем царь?

— Пусть сам идет в окопы!

Брешко-Брешковская беззащитным движением прижала к груди пухлые руки.

— Дети мои, но если ненавистный враг... мы все окажемся под игом... железный сапог немецкого солдата...

В поднявшейся буре голоса ее стало совсем не слышно.

Председательствующий, воздев руки, добивался тишины. Ему передали из зала сложенную вчетверо бумажку. Он глянул в нее одним глазом и обрадовался.

— Прекрасно! Объявляю выступление представителя наших славных защитников отечества. Прошу!

Трогая сидевших в проходе солдат, вперед пробирался Верховых. Устроители митинга впились в него глазами. Верховых легко вспрыгнул на сцену и большими пальцами обеих рук расправил под ремнем гимнастерку.

Начав говорить, он слегка повернулся к Брешко-Брешковской, продолжавшей стоять на трибуне.

— За то, что вы столько лет боролись за дело револю-

ции, за все ваши страдания — большое вам спасибо. Вы много лет звали народ к борьбе с самодержавием, и народ откликнулся, миллионы рабочих и крестьян поддержали вас. И вот царизма нет, он свергнут! Почему же вы теперь зовете нас потерпеть, зовете на примирение со всякими недобитками? Мы не можем терпеть, не хотим и не будем! У нас достаточно сил довести революцию до победного конца! Мы превратим ее в социалистическую!

Затрещали крепкие аплодисменты.

— Пр-равильно! Ур-ра-а!..

Тыкаясь руками, Брешко-Брешковская расстегнула свой ридикюль, уронила несколько конфет и, выхватив платочек, прижала его к глазам.

Из президиума кто-то крикнул:

— Это же большевик! Я его знаю!

Верховых невозмутимо обернулся:

— Да, большевик. А что, большевики уже лишены права голоса? — Затем он снова обратился к плачущей Брешко-Брешковской: — Извините, если мы обидели вас словами. Но только что же будет, если мы от слов перейдем к делу!

Махнув зажатым в кулаке платочком, Брешко-Брешковская потащилась с трибуны. К ней подскочили, повели. Снова провал!

— Здравствуйте! — раздался за спиной Артема девичий голос. Он обернулся и увидел Лизу.

— О, это вы! А почему вы не зашли, как обещали?

— Я заходила! Спросите у Ивана Харитоныча.

— Значит, меня не было. Идемте, здесь уже все кончилось.

Держась за руки, они стали проталкиваться к выходу.

— А знаете, я все-таки рассказала сестре. Она очень

хочет видеть вас. Очень! Спрашивает каждый день. Идемте. Прошу вас!

— Да я как-то...— растерялся Артем,— и не одет... и вообще...

— Что за глупости! Вы что, приказчик?

Артем рассмеялся, и они пошли.

Встретили его сердечно. Видимо, Лиза в своем рассказе изобразила его смелым рыцарем-спасителем. Артем чувствовал себя неловко. Девушки вскипятили чайник. Чашек было всего две. Себе Лиза налила в кружку.

Узнав, что он живет и ночует в редакции, сестра Лизы возмутилась:

— Вот еще! А мы, как буржуи, занимаем целых две комнаты. Лиза, я думаю, одну комнату мы должны уступить Федору Андреичу. Это будет справедливо.

«Соглашайтесь!» — подсказывали ему глаза девушки.

Комнатка показалась ему раем — боязно ступить. Как он поместится здесь, в этом девичьем уюте, уцелевшем среди бурного времени, со своими сапожищами, с руками и ногами? «Откажусь!» Но сестра Лизы уже считала вопрос решенным.

— Лишнее мы отсюда уберем. Оставим кровать, стол, чтобы вам можно было заниматься. У нас тихо, вы сможете работать хоть всю ночь... Лиза, надо сделать третий ключ от квартиры. Федор Андреич может иногда задерживаться.

Как же теперь было отказаться?

С занятий Лиза возвращалась поздно. Если он бывал дома и не спал, то оставлял дверь в свою комнату приоткрытой. Сбросив в прихожей ботики, Лиза заглядывала к нему из коридора:

— Здравствуйте. Чай пили?

И тащила его на кухню.

— Идемте, идемте. Мне вам нужно что-то рассказать.

Она училась на последнем курсе. «Партии ведь нужны образованные люди. Правда, Федор Андреич?» Ее учителем был профессор Воробьев. Впоследствии человечество будет обязано ему тем, что он сохранил на века тело умершего Владимира Ильича Ленина. Профессор не чуждался политики и с давних пор симпатизировал большевикам, позволяя устраивать в аудиториях анатомического корпуса нелегальные партийные собрания... Для заработка Лиза занималась с «балбесами» — так она называла сынков богатых родителей. Сейчас она натаскивала к экзамену одного тупицу-студента, которого профессор Воробьев срезал уже три раза.

— Сегодня Владимир Петрович увидел меня и смеется. «Надоело, говорит, мне вашему подопечному колы ставить. Поставлю три. Все равно папаша и мамаша пробьют ему дорогу! Жалко, что лишаю вас верного заработка». Ну а вы, Федор Андреич? Вы чем сегодня занимались? Расскажите.

Новостей у него скопилось много. Разговаривалось им легко, свободно. Странно лишь, что дневные происшествия теперь, при тихом вечернем свете, выглядели чуточку смешными, забавными. А может быть, и вспоминалось сейчас большей частью смешное?

На солдатском митинге коротышка-пехотинец в разбитых сапогах и без шапки ругательски ругал Распутина, царицу и никудышного царя. Распутин будто бы бил царицу смертным боем, а царя посылал за водкой. «Царь,— кричал солдатик,— пьяница, дурак. Со своей бабой пособиться не мог. Ну какой это мужик? За волосья бы ее, стерву». «Это царицу-то?» — поддел его сапер, лузгавший семечки. «Царица она тебе. А ему, дураку пьяному,— баба!»

А то вдруг в комитет заявился странный посетитель, лохматый, босой и грязный, в длинной холщовой рясе

ниже колен и с огромным мешком через плечо. Не говоря ни слова, он, словно для проклятия, поднял костлявую руку, глаза его дико сверкнули: «Я вижу конские свободы и равноправие коров!»

По голосу, по характерному завыванию Артем узнал своего давнишнего случайного соседа по палате на Сабуровой даче. Поэт теперь свободно бродил по городу, таская в мешке все свои сочинения.

Коля Руднев пожалел поэта:

— Черт его знает, а вдруг у него что-нибудь есть?

Он даже решил, что потом, когда наступит другое время, просмотреть все, что поэт написал и таскал в своем мешке.

Лиза улыбнулась:

— О, ваш Руднев прелесть! Он как-то выступал у нас в институте на митинге. Наши студентки поголовно влюблены в него... А как вы думаете, Федор Андреич, солдаты за кого? За нас?

— Конечно! Сейчас, Лиза, не девятьсот пятый год, с солдатами промашки не будет.

Вдвоем, доверительно, они принимались подсчитывать революционные силы в городе, и выходило это у них почти по-семейному. Ну, прежде всего, конечно, 30-й полк. Затем 232-й запасный, Первый и Второй саперные батальоны, Четвертый артиллерийский дивизион. Артем добавлял еще, что крепкая организация складывается в союзе металлистов. Красная гвардия в городе достигла полутора тысяч. На одном заводе ВЭК более пятисот красногвардейцев...

Увлекшись разговором, они вдруг замечали, что по коридору ходит сестра Лизы. Это деликатное напоминание о позднем часе останавливало Артема, он прерывал рассказ и поднимался:

— Ну, до завтра.

В середине июля ему пришлось на четыре дня уехать:

в Екатеринославе состоялась конференция большевиков Донецко-Криворожского бассейна. Перед отъездом они засиделись на кухне дольше обычного, сестра им не мешала. Лиза два раза заваривала чай... Поездка получилась интересной. В Екатеринослав съехались делегаты от 13 крупнейших партийных организаций, представляющие 16 тысяч членов партии — более двух третей всех большевиков Украины. Артем стал секретарем областного комитета Донбасса и Криворожья. А вскоре стало известно о созыве Шестого съезда партии. Артем был избран делегатом.

— Когда вы уезжаете? — спросила Лиза.— Но вы же скоро вернетесь?

— Да. Задерживаться некогда. Сейчас дорог каждый день. Вернусь моментально.

Последний вечер перед отъездом в Петроград он работал за столом при низком свете лампы. Нет-нет да и поднимет голову: идет, не идет? Стук ее каблучков он угадывал еще на улице. Потом быстрые шаги на лестнице — она бежала, торопилась, зная, что он уже дома и ждет...

Собираясь в путь, он достал свою дорожную котомку, вдел в иголку нитку и стал пришивать покрепче лямки. На вокзалах при посадках сейчас творилось черт-те что...

Пришла Лиза, застала его за шитьем.

— Что вы делаете? Дайте сюда, я сама.

Она протянула ему небольшой сверток, смутилась.

— Это вам. В дорогу.

Развернув сверток, он оторопел: теплое белье!

— Я же вижу — вы все время мерзнете. Меня уже сестра спрашивала: «Может, затопить печь?»

Он не знал, что и сказать. Действительно, после удушающей жары Австралии он дома никак не мог согреться. «Заметили!»

— Но где вы достали денег?

— Какое вам дело? Достала и достала!

Однако таиться Лиза не умела и созналась, что заняла у замужней сокурсницы целых 25 рублей.

Забота девушки тронула его. «Как мало нам надо! Слово, два...» Вчера в комитете дядя Андрей Машкин, провожая взглядом миниатюрную фигурку забегавшей зачем-то Лизы, умильно распустил морщины на лице:

— Прямо глаз отдыхает. Такая девушка... Ну хоть в подзорную трубу за ней смотри, ничего не увидишь!

Для кого он это говорил? Для Артема? Неужели что-нибудь заметил? Сам Артем был уверен, что он ничем не выдает своего отношения к девушке. Настоящее чувство, считал он, теряет половину своей цены, если оно высказано или как-нибудь проявлено. Сердце не должно иметь другого зрителя, кроме самого себя.

— Знаешь, о чем я попрошу тебя? — сказал Артем, впервые обратившись к девушке на «ты».— Брось пока шить, послушай. Здесь у меня нашлась одна знакомая, старая, старинная. Да, да, еще с тех пор... Женщина с ребенком. Собственно, что я говорю — женщина! Она еще девчонка, по крайней мере для меня...

— Вы успокойтесь,— проговорила она, уловив его волнение, и воткнула иголку.

Его сбивчивый рассказ был о пьяной Стешке, дочери Валета, погибшего в боях девятьсот пятого года. У нее, как удалось установить Артему, был ребенок, девочка-калека, совсем не владевшая ногами. Жили они в каком-то подвале.

— Я их найду,— пообещала Лиза.— У нас в институте собирают средства, чтобы создать для таких детишек что-нибудь вроде школы. Среди рабочей детворы встречаются настоящие самородки! Согласитесь, что голос или, скажем, талант художника — они же от бога...

Закончив пришивать лямки к дорожному мешку, она поднялась и забрала с собой пиджак Артема.

— Ложитесь, вам завтра рано вставать. Брюки, пожалуйста, выкиньте мне за дверь. Их надо тоже привести в порядок.

Утром он нашел свой пиджачок подштопанным, а брюки — отпаренными утюгом. Лиза, провожая его на вокзал, раз или два снимала у него с плеча какие-то пушинки. «Жизнь!» — вдруг подумал он с такой самодовольной улыбкой, какой, по его мнению, должен улыбаться только вполне счастливый человек.

Глава двадцать третья

В Петрограде Артем рассчитывал пробыть дней десять, но задержался. В Харьков он вернулся 7 августа.

Лиза прибежала домой, когда он уже напился чаю и раскладывался у себя в комнате за рабочим столом.

— Почему так долго? — вырвалось у нее.

Они обнялись. Лиза прижалась щекой к его груди, как человек, уставший ждать.

— Я не знала, что думать. А тут еще эти газеты! Вас всех могли арестовать, убить...

«Да, могли. Если бы...» Сейчас все дни работы партийного съезда представлялись ему на грани ареста и бешеной расправы.

— Чай пил? Все равно пойдем, выпьешь со мной... Ну, рассказывай, рассказывай! Обрати внимание — у меня до сих пор трясутся руки. Ты не представляешь, чего я только не передумала!

В отсутствие Артема она внимательно просматривала газеты, пытаясь догадаться, что происходит в Петрограде. Газетный вой был таким, будто столице и стране грозят штурм и разграбление.

Спачала бульварные газеты, а за ними и солидные органы печати снова стали раздувать историю о герман-

ском золоте. Русская контрразведка якобы арестовала некоего прапорщика Ермоленко — немецкого шпиона. На допросе Ермоленко будто бы показал, что в разговоре с ним офицеры германского генерального штаба говорили о Ленине как о немецком агенте. Читая эти строки, даже самый благонадежный обыватель пожимал плечами: так тебе офицеры генштаба и примутся откровенничать с рядовым, только что завербованным шпионом! И тем не менее прокурор Петроградской судебной палаты вынес постановление о привлечении В. И. Ленина к суду за государственную измену.

Замысел врагов революции прояснялся: им во что бы то ни стало хотелось заполучить Ленина и, ликвидировав его, обезглавить партию опасных большевиков. С того дня по чьей-то незримой команде все газеты обрушились на большевиков, требуя выдачи Ленина. За поимку вождя большевиков была назначена огромная награда. Пятьдесят офицеров ударного батальона дали торжественную клятву найти Ленина или умереть. К поискам была привлечена даже знаменитая собака-ищейка Треф.

В такой обстановке начал свою работу Шестой съезд партии.

Вечером 26 июля делегаты собрались в доме «Сампсониевского братства». Те, кто явился пораньше, помогали стаскивать в зал стулья и скамьи. Несколько девушек наспех протирали забрызганные известкой окна.

Почетным председателем съезда избрали скрывающегося от ищеек Владимира Ильича Ленина.

Артем был взволнован тем, что ему предоставили слово для приветствия съезда.

Даже сейчас, рассказывая Лизе, он сохранил тот настрой, с каким вышел и приготовился говорить. Его небольшая речь была о тех, кто не дожил до сегодняшних событий, отдал свою жизнь в изнурительной борьбе за торжество пролетарского дела. Он вглядывался в муже-

ственные лица своих товарищей, по горлу его прошла судорога. Сколько пережито, сколько пройдено, сколько сделано! Люди, сидевшие перед ним, проработали в революционном движении в общей сложности тысячу шестьсот двадцать один год. Их пятьсот сорок один раз арестовывали,— в среднем по три раза каждого. Около пятисот лет они провели в тюрьмах, ссылках, на каторге. Подорвавшие свое здоровье, больные, состарившиеся раньше времени, они брались сейчас за тяжелое колесо истории, чтобы повернуть его по-своему. Прекрасное племя людей, выкованных временем и борьбой!

На одном из заседаний съезда делегатам роздали отпечатанную в Кронштадте брошюру Ленина «К лозунгам». Все тотчас принялись читать. Скрываясь в Разливе, Ильич следил за работой съезда, направлял его. «Надо смотреть не назад, а вперед,— читал Артем.— Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить... из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом». Артем поднял глаза. Московский делегат Усиевич, ведя пальцем по строке, быстро писал на листке бумаги. Вождь как бы незримо присутствовал в зале, находился рядом, наставлял их, ободрял, указывал ближайшую цель. «Какое счастье, что у нас есть Ленин!» — подумал Артем.

Поблескивая стеклышками пенсне, Свердлов вертел незажженную папиросу и машинально постукивал ею по спичечному коробку. Орджоникидзе, гневно жестикулируя, рассказывал о своей вчерашней стычке с Чхеидзе, который настойчиво предлагал большевикам обеспечить явку Ленина на суд.

— Он ко мне поворачивается и протягивает руку. Но я ему крикнул: «Тюремщик!»

Нажим на съезд с требованием выдать Ильича возрастал с каждым днем. Часть делегатов колебалась. Против явки Ленина на суд категорически высказался Орджоникидзе: ни в коем случае! Но Володарский заявил, что вопрос не так-то прост. Ведь суд над Лениным можно превратить в суд над Алексинским, Церетели и другими. Володарского поддержал Мануильский, сказав, что вопрос о явке Ленина нельзя рассматривать только в плоскости личной безопасности. Нужно идти в бой с открытым забралом. С точки зрения интересов революции из процесса Ленина можно сделать дело Дрейфуса. «Чего, ну чего плетут? — выходил из себя Артем.— С Ильичем расправятся без всякого суда и следствия. Ребенку ясно!»

На трибуну вышел Дзержинский. Бледный, сдерживая бешенство, он в такт своим словам слегка пристукивал ладонью.

— Мы должны ясно и определенно сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищу Ленину не арестовываться. Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих. Травля против Ленина — это травля против нас, против партии, против революционной демократии. Мы должны разъяснить товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, что мы не выдадим Ленина до тех пор, пока не восторжествует справедливость, то есть до тех пор, пока этого позорного суда не будет.

Съезд постановил: Ленину на суд не являться.

Доклад о политическом моменте сделал съезду Сталин. Он говорил о прекращении войны, о передаче земли крестьянам, об установлении рабочего контроля над производством. Россия изнемогала под непосильным бременем войны. Своим глуховатым, невыразительным голосом Сталин говорил о том, что либо прекращается война и начинается эра рабочей революции, либо война про-

должается — и тогда полная зависимость от союзников и торжество контрреволюции. Третьего не дано!

В нескольких словах он сформулировал выводы, и они вошли в сознание делегатов предупреждением о том крахе, который называется национальной катастрофой. Предотвратить ее способна лишь организация, которая находится в руках самого пролетариата. Таким образом, немедленный захват государственной власти — вопрос спасения страны. Причем надо откинуть отжившее представление о том, будто только Европа может указать нам путь. Не исключена возможность, что именно Россия проложит путь к социализму!

Какие задачи, какое время! Да, мы жили, боролись и страдали не напрасно. Мы много вынесли, но сумели выполнить работу, изумительную по своему историческому значению. Жаль только: что в зале сейчас нет человека, который долгие годы вел Россию к этому невиданному в истории повороту. Второй раз Владимир Ильич волею обстоятельств не смог присутствовать на съезде партии.

В кулуарах продолжались те же споры. Преображенский, только что выступивший в поддержку Бухарина, горячился, говоря:

— Всерьез толковать о захвате власти в ближайшее время безумно. Это опасно для существования партии, опасно для всей судьбы революции! Ну, Керенский тряпка — власть мы возьмем. Но ведь это же гибель! Разложившаяся армия не слушается приказов, крестьяне не дают хлеба, рабочие голодают и не работают... Хаос! То ли дело быть в оппозиции и критиковать. Но самим стать властью?! — и он с выражением ужаса воздел руки над головой.

Слушая, стараясь вникнуть и понять, что движет противниками решительных мер, единственно оправданными в создавшейся обстановке, Артем думал о том, что многие люди редко видят вещи своими собственными глаза-

ми, еще реже — глазами тех, кто для них ничего не значит. Но господствующее мнение люди охотно делают своим. И потому важно, необходимо, чтобы мнение было подготовлено, чтобы прежде услышали о том, что предстоит увидеть.

Неожиданно возникла мысль: «А ведь эти люди скоро могут стать властью! Как скажется при этом их решительность и нерешительность, легкомыслие, тяжелый характер, властолюбие? Власть неминуемо разовьет эти черты...».

Как все-таки жаль, что не присутствует сам Ленин! Чувствовалось, что не хватает его живого слова, его сиюминутной реакции на выпады противников. Впрочем, все, что происходило на заседаниях, очень быстро доходило до убежища, в котором в эти дни скрывался Ленин. Он настойчиво указывал, что надо смотреть на вещи смело. Этап мирного развития революции окончился бесповоротно. Наступил новый. В нем все будет решаться силой оружия. Передавали шутку Ильича. «Эти деятели,— сказал он,— напоминают мне охотника. Целился в куропатку, а попал неожиданно в медведя! Попал и испугался, бросил ружье и закрыл голову руками. Вместо конституции — революция!»

Слушая, товарищи смеялись. Ленин жив, находится в безопасности, бодр, шутит. Следовательно, дела идут как надо!

Но газеты не унимались, разжигая обывательскую злобу. После сообщения, что в Петрограде полулегально работает съезд большевиков, зашевелились прокуратура и контрразведка. Газеты объявили: съезду будет предложено ответить, где скрывается Ленин, в случае отказа — будет возбуждено уголовное дело по обвинению в укрывательстве важного преступника. Поддал жару меньшевистский «День», язвительно заметивший, что Ленин всегда был чрезвычайно умелым конспиратором. Кадет-

ская «Речь» писала: «...немедленным арестом Ленина и его сообщников свобода и безопасность России были бы ограждены от новых посягательств». «Утро России» требовало применения репрессий ко всему съезду, а Милюков, отбросив на этот раз всякую сдержанность, застучал кулаком по столу: «Во всех случаях, связанных с именем Ленина, я отвечаю только тремя словами: арестовать, арестовать, арестовать!»

На Выборгской стороне появились подозрительные шайки. Они искали ссоры с красногвардейцами, провоцируя их на драку, но рабочая охрана держалась стойко. Сказали Свердлову. В целях безопасности съезд перенес свои заседания за Нарвскую заставу.

28 июля газеты напечатали постановление Временного правительства: военному министру и министру внутренних дел давалось право закрывать съезды и собрания, если они угрожают «государственной безопасности». Таким образом, появилось «законное» основание для разгрома большевистского съезда и ареста его руководителей.

Положение складывалось угрожающее. Делегаты понимали: теперь с ними церемониться не станут. Решили срочно приступить к выборам Центрального Комитета, голосование закрытое, результатов выборов не объявлять.

Летний день клонился к вечеру, когда члены президиума удалились для подсчета голосов. Артем прикинул, сумеет ли он выехать домой сегодня же. Если возникнет канитель с билетом, можно сесть в вагон и без билета... К нему подошел Свердлов, отвел в сторону. Лицо Якова Михайловича стало пепельным от усталости. «Плохо выглядит»,— пожалел его Артем. Несмотря на молодость, Свердлов имел четырнадцать арестов, двенадцать лет провел в тюрьмах и ссылках. В эти дни на его плечи легла огромная нагрузка, ежедневно приходилось выступать на заводах — рабочие хотели знать, как проходит

съезд. А в последнее время прибавились заботы о безопасности съезда.

— Ты избран,— сказал Яков Михайлович, продолжая кого-то выискивать глазами.— Пленум завтра.

В руке Свердлов держал заключительный документ съезда — манифест «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России».

— Вот прочти. Если согласен — подпиши.

Читая манифест, Артем едва сдерживал восхищение. Действительно, ждать больше нельзя. Наступил такой момент, когда ждать — преступление. Если мы сейчас уклонимся от решительных действий — мы болтуны и фразеры, трусы и ничтожества. Рабочий класс от нас отвернется. Сама история никогда не простит нам этого.

«...В эту схватку,— читал Артем,— наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение и настает смертный час старого мира».

Закрывал съезд Ногин.

— Как бы ни была мрачна обстановка...— негромко, но чрезвычайно выразительно отчеканивал он каждое слово,— она искупается величием задач, стоящих перед нами как партией пролетариата, который должен победить и победит. А теперь, товарищи, за работу!

Глава двадцать четвёртая

— Осторожнее,— сказала Лиза,— тут нет ступеньки. Дай руку, а то упадешь.

Здесь, на унылой окраинной улочке, не росло ни деревца, ни кустика. Двухэтажный, барачного типа, дом

походил на тюремное здание. Лиза шла уверенно. Она провела Артема во двор, завернула за угол и стала спускаться по щербатым, истлевшим ступенькам. В подвале, ниже уровня земли, в крохотных каморках ютилась харьковская беднота.

Вернувшись из Петрограда, Артем не узнал Лизы. Занятия в институте кончились, студенты разъехались, и Лиза, оставшись в городе, с головой ушла в комитетские дела. В первый же вечер она рассказала Артему, что большевики для своего «Пролетария» все же решили приобрести типографию Брука на Вознесенской площади. «На какие шиши?» — удивился Артем. «А вот слушай...» Брук запросил за свою типографию 55 тысяч рублей. У комитета, понятное дело, не было ни копейки. Решили объявить сбор денег среди рабочих. Для внесения задатка было необходимо 10 тысяч. «А остальные?» — спросил Артем. «Ты слушай. Все продумали»,— сказала Лиза. Кто-то из комитетчиков, кажется Буздалин, подал такую мысль: необходимо, как он выразился, обернуться — перехватить на время недостающую сумму, а как только типография будет куплена, тут же заложить ее и полученными под залог деньгами погасить заем. «А что? — оживился Артем.— Толково». «Еще бы! А то воевать с вашим Шпебергом не хватает сил. Он, по-моему, пляшет под дудку разных там...— Лиза неопределенно помахала рукой.— Как только важный материал в номере — немедленно задержка. В прошлый раз Иван Харитоныч чуть с ним не подрался!»

Сбор средств среди рабочих проходил трудно. На заводах сокращалось производство, один за другим закрывались цеха, люди оставались без работы. Хозяйки ломали головы над тем, как исхитриться и накормить свою босую детвору хотя бы раз в день. И все-таки на свою газету рабочие отдавали последние копейки. Отправляя Буздалина к владельцу типографии, Шалай наказал ему:

«Ты с ним торгуйся, пока не посинеешь. По грошику ведь собираем!» В конце концов Брук сбавил цену до 48 тысяч.

Задаток удалось вручить в установленный срок. Брук почему-то растерялся, деньги принял с неохотой и тут же строго предупредил, что, если до 12 сентября не будет внесена остальная сумма, задаток пропадет. Кому-то, видимо, сильно не хотелось, чтобы у большевиков была своя типография. «Найдем деньги!» — пообещал Артем и написал в Центральный Комитет Елене Дмитриевне Стасовой. С письмом Артема в Петроград отправился Буздалин.

В первый же вечер, когда Лиза выкладывала Артему накопившиеся харьковские новости, она сказала и о совершенно необычном поручении комитета. Затея была Шалая: он попросил Лизу заняться устройством рабочей детворы. Собирать их где-нибудь на площадке, игрушек достать. А то ведь день-деньской на помойках... Сначала Лиза возмутилась: она рвалась работать для революции, а ей предлагают вытирать посы детишкам! Шалай огорчился.

— Не понимаешь... А ведь в этом-то и дело! Пусть знают, как будут работать большевики, когда возьмут власть в свои руки. А что носы... Нам придется заниматься всем, на дядю не надейся.

Лиза нашла небольшой пустырь недалеко от рабочих бараков. Ей помогли расчистить его, привезли песку. Она купила акварельных красок и цветных карандашей, выпросила у соседей один мяч и несколько скакалок. Больше пока ничего нет.

Лиза показала Артему детские рисунки. Дома с кривыми окошками, дым штопором в небо, плоские люди с растопыренными руками...

— А теперь взгляни па эти! Мне очень интересно, что ты скажешь.

Артем стал перебирать листочки, вырванные из ученической тетради. Жидкими красками были паляпапы какие-то причудливые цветы, диковинные птицы. Но самое странное, что ему сразу бросилось в глаза,— на каждом рисунке был изображен правильный грязно-голубой квадрат. Зачем он? Что это такое?

— Я тоже сначала не могла понять,— сказала Лиза.— И только потом... Кстати, это рисует твоя знакомая. Вернее, не сама она, а ее дочка. Помнишь, о чем ты просил меня перед отъездом в Питер? Я нашла эту семью. Стешке, бедной, пришлось хлебнуть! У нее сейчас ребенок, вот эта самая девочка,— Лиза показала на рисунки.— Талантливый ребенок. Пойдем как-нибудь со мной, ладно? Ты там все сам увидишь и все поймешь.

Пойти удалось не сразу. Покупка типографии, доклады о съезде на заводах, подготовка к городской конференции, формирование отрядов Красной гвардии, стычки с заводской администрацией, едва-едва не закрывающей своих предприятий по причине непомерных якобы убытков... А в середипе августа в Москве в Большом театре собралось Государственное совещание: две с половиной тысячи депутатов от Думы всех четырех созывов, от кооперативов и профсоюзов, от торгово-промышленных кругов и банков, от земств, армии и общественных организаций. Советы на совещании представляла делегация меньшевиков и эсеров.

Несколько дней внимание страны было приковано к этому совещанию. В газеты просочились сведения, что США открыли Временному правительству кредит на 100 миллионов долларов, а конференция союзников в Лондоне постановила срочно поддержать военный потенциал России. Англии был поручен русский флот, Франции — армия, Америке — железные дороги. Союзники всеми силами стремились сохранить Россию как неиссякае-

мый источник маршевых дивизий, беззаветно лезущих на проволочные заграждения Германии с востока.

Большевики расценивали Государственное совещание как решительную попытку мобилизации контрреволюционных сил для разгрома назревающей революции. Недаром совещание собиралось в Москве, подальше от пролетарского Петрограда. Но и Москва сумела встретить участников совещания должным образом: забастовало 400 тысяч рабочих, полностью не работал городской транспорт.

В этот день на улицах Москвы можно было видеть задыхающихся от жары земцев, тузов промышленности, генералов, тащивших баулы, чемоданы, саквояжи; кой у кого через руку переброшено пальто. Иной останавливался передохнуть в тени, яростно вытирал платком багровую шею и, махая котелком в распаренное лицо, от ненависти прикрывал глаза: «Ну, кажется, дошли до точки, дальше некуда!»

Большой театр был окружен тройным кордоном войск. В последний раз собрался в этих стенах весь цвет уходящей в историю России. Внимание привлекала ложа военных: атаман казачьих войск, крупной кости, вислоусый Каледин, дородный, мягкотелый Алексеев, сухонький, с желтым калмыцким лицом Корнилов. У Керенского, почуявшего крепкую опору вооруженных сил, в голосе прорезался металл.

— Пусть знает каждый,— заявил он,— и пусть знают все, кто уже не раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью!

Он грозил тем, кто совсем недавно, в начале июля, выйдя на демонстрацию в Петрограде, попал под шквальный пулеметный огонь.

Керенскому аплодировали Пуришкевич, Шульгин, Родзянко, Милюков. Социал-демократ Чхеидзе от всей

души поддержал идею сильной власти и благословил монархистов на драконовские репрессии против солдат и рабочих. Говорил он мастерски, вызвав несколько раз аплодисменты. Керенский поднялся из-за стола и двинулся к оратору с распростертыми руками. Сойдясь на авансцене, Керенский и Чхеидзе под гром рукоплесканий широко, по-актерски, обнялись и трижды облобызались.

По замыслу устроителей Государственного совещания важно было продемонстрировать перед заграницей единство всех политических сил России. Чхеидзе заверил Временное правительство от имени социал-демократов. Рабочее движение представлял Плеханов, обветшавший, бледный, совсем недавно вернувшийся в Россию. Имя его не было забыто, и зал притих, когда он, безукоризненно одетый, по-старчески приволакивая ноги, поднимался на трибуну. Еще в 1905 году, после разгрома Декабрьского восстания, Плеханов изрек свои печально знаменитые слова: «Не надо было браться за оружие!» То же самое повторил он и теперь. В дружный хор слетевшихся на совещание могильщиков революции вплелся и его слабый, надтреснутый голос. Как ветеран рабочего движения, Плеханов пуще всего предостерегал рабочих от захвата именно политической власти. Настороженность зала сменилась восторгом. Плеханова проводили шумными признательными аплодисментами.

У генералов, слушавших и наблюдавших, все заметнее кривились губы от презрения к этим балаболкам, из-за которых страна оказалась на краю бездны. Между собой у них уже было все решено. Положение надо спасать каленым железом. Железом и кровью! Корнилов притушил блеск своих монгольских глаз и, поднявшись, вышел. За ним последовали остальные. В тот же день Корнилов отбыл из Москвы на фронт, Алексеев — в ставку, Каледин — на Дон.

О новом Бонапарте — Корнилове заговорили, когда он через неделю после Государственного совещания вдруг сдал немцам Ригу, снял с фронта 3-й конный корпус и «Дикую дивизию» и двинулся на пролетарский Питер «наводить порядок». Верные правительству войска подтягивались также к Москве, Минску, Донбассу. Готовилось неслыханное кровопролитие.

Решение Корнилова открыть фронт немцам и пустить врага к столице не было единоличным. О планах заговорщиков проболтался в «Утре России» председатель последней государственной думы Родзянко: «Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (то есть Советы и т. д.), на это я возражаю, что очень рад, если эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли».

— Договорился! — фыркнул Коля Руднев, свертывая газету трубочкой.— Но Корнилов, Корнилов... В армии известно, что он не отличается ни умом, ни военными талантами. И в Наполеоны совершенно не годится. У Наполеона был громадный авторитет. А кто знает Корнилова? Его не знает даже офицерский корпус. Вот увидите, если только Корнилов провалится,— а это так и будет! — все переменится еще до наступления зимы.

Но провал Корнилова был еще впереди. Пока что немцы взяли Ригу и высадили десант на острове Эзель, лишив маневра запертый на базах Балтийский флот. Пошли слухи, что правительство Керенского переезжает в Москву.

После Государственного совещания Россия вплотную подошла к гражданской войне. Благословив корниловский мятеж, буржуазия сделала свой самый решительный шаг, все поставив на карту,— это была последняя попытка предотвратить приход к власти большевиков во главе с Лениным.

С утра Артем просмотрел телеграммы из Петрограда и дал указание перепечатать в «Пролетарии» статью Владимира Ильича Ленина «Начало бонапартизма», потом зашла Лиза, и они, как договорились с вечера, отправились к Стешке, куда-то за Балашовский вокзал.

Через полчаса в комитете появился Коля Руднев. Он спросил, где Артем, и расстроился. Он только что узнал тревожную новость: со стороны Чугуева к городу приближаются отряды юнкеров. Корниловщина докатилась и сюда...

Лиза постучала в дверь и прислушалась. «Подожди, я сейчас»,— сказала она и вошла одна. Артем остался в коридоре.

— Идем,— сказала Лиза, выглянув.

Артем увидел унылую длинную комнату, свет падал узкой полосой из-под потолка. Справа, на кровати под рваным лоскутным одеялом спали двое малышей. В полосе света, проникавшего сверху, сидела на низенькой табуреточке девочка с льняными волосами, ее светлое бледное личико было с живейшим интересом повернуто к Артему. Лиза стояла возле девочки, положив ей на голову руку:

— Вот наша художница.

Ноги девочки были так безжизненно вытянуты, что казались чужими. Когда ей понадобилось повернуться, она обеими руками приподняла и переложила ногу. Лиза, поглаживая девочку по голове, наблюдала за Артемом: догадается ли? Она едва заметным кивком ответила на его молчаливый вопрос: да, от рождения. «Ах ты бедная, бедная!»

Ребятишки на кровати проснулись, самый маленький заплакал, прося есть. Лиза огляделась, потом спросила светленькую девочку, что бы им дать.

— А нечего,— беспечно ответила та, даже не повернув головы.— Да ну его, ему бы только жрать!

Второй ребенок на кровати, девочка, принялась успокаивать плачущего малыша:

— Ну цыц, цыц... не пропадешь. Вот принесут получку, куплю тебе картошки и наварю, как царице, полный чугунок!

Ребенок стал затихать.

Светленькая девочка перебирала на коленях листки с рисунками. Артем прошел вперед и наклонился. Снова цветы, снова птицы и, главное, снова все тот же непонятный квадрат! Глазами Лиза показала ему в сторону и вверх. Он поднял голову и под самым потолком увидел крохотное окошко, грязно-голубой квадрат, через который в каморку проникал дневной свет. Так вот что за квадрат! Несчастная калека все свои дни проводила в подвале, никогда не видела цветов и наблюдала мир через это немытое окошко под потолком... Тюрьма... Квадратик голубого неба... А с птицами и цветами, какие она постоянно изображала на своих рисунках, у нее связывались детские представления о чем-то прекрасном, светлом, недостижимом.

По горлу Артема прокатился комок. Он бережно опустил свою тяжелую руку на льняную головенку девочки. Говорить он не мог. Взглянув в его лицо, Лиза быстро отвернулась и вынула платочек.

Несчастный заморыш! Артем отошел к стене и, успокаиваясь, стал смотреть вверх, в окошко, за которым мелькали ноги прохожих. И ведь находятся какие-то Корниловы, грозят расправой... Ох, тяжелый, кровавый счет у рабочих подвалов к генералам и разным там... Пускай потом не жалуются!

Несколько раз он пытался вздохнуть поглубже и не мог.

Девочка, не понимая, вертела головой.

Спрятав платочек, Лиза спросила:

— Катя, а мама где?

Девочка, собирая рисунки, ответила все с той же детской беспечностью:

— Опять пьяная с самого утра! Васька у ней вчера сапоги пропил. Унес и пропил. Пошла его с утра искать.

Артем хорошо знал быт рабочих, но сейчас бодрый голосишко ребенка, рассказывающего о повседневной житейской грязи, резал его по сердцу. Нет, прав Шалай и молодец Лиза — хоть площадку этим несчастным ребятишкам, хоть карандаши и краски. Но скоро, очень скоро все будет по-другому! Не помогут никакие генералы...

— Катя,— спросила Лиза,— а что это ты, милая, здесь нарисовала?

Ответить девочка не успела. Ногой ударив в дверь, вошла, покачиваясь, Стешка, увидела гостей и замерла.

— О, кто у нас-то! Извините, не ждала...

Артем смотрел не отрываясь. Ничего не осталось в этой пьяной растрепанной бабе от той белобрысой худенькой девчонки, из-под головы которой когда-то Марья вытащила тужурку, чтобы постелить ему на полу. Кажется, переночевать в барак привел его тогда Шалай...

Стесняясь пристального разглядывания, Стешка избегала света и поворачивалась боком, чтобы скрыть синяк под глазом.

— Мамка, ты чего там прячешь? — позвала Катя.— Опять тебя Васька бил? Ну вот придет он, я ему задам!

— Да что ты, доченька! — всхлипнула пьяная Стешка и, опустившись к дочери, обняла ее, прижала.— Ох, горе ты мое горькое, калека ты моя безотрадная... Прибрал бы нас господь обеих поскорее...

— Мам...— Катя высвободилась из объятий,— я тебе там корочку оставила. Мне дядя Андрей принес. Съешь, а то опять этот пьяный арестант придет.

Стешка, не поднимаясь с колен, заплакала, замотала раскосмаченной головой:

— Заботница ты моя! Как бы я без тебя жила?

— Степанида,— тихо позвала Лиза,— ты бы уж... это самое... ну, побереглась бы, что ли. Чего ты пьешь-то так?

С повисшими волосами Стешка с минуту стояла на коленях и не двигалась. Затем резко мотнула головой и вскочила на ноги:

— Поберегись, говоришь? А чем беречься — знаешь? Хорошо еще, что доглядать вон двух таскают,— она махнула на кровать.— Вот и весь мой доход. А жрать этой чертовой утробе надо кажин день. И ведь не одна я — двое нас...— Запал ее пропал, она снова заплакала, стала, наклонясь, сморкаться в подол юбки.— Горе это пьет мое, а не я. Другой раз руки бы наложила на себя. Ей-богу, белый свет не мил!

— Ты же работала...— несмело возразила Лиза.

— Все, отработалась! — Стешка с озлоблением стала закалывать растрепанные волосы.— Третьего дня и малярный цех закрыли. Невыгодно, вроде, стало кормить нашего брата. Нету нам больше работы, хоть пропадай. А сейчас соседку встретила, тоже плачет-заливается: казаки, говорит, да юнкера какие-то на город прут, всех, говорит, копями стопчут и повешают.

О каких юнкерах и казаках она плела? Спьяну, что ли?

Возле барака на помойке худая собачонка, поджав хвост, что-то жадно поедала и оглядывалась. Босой чумазый мальчишка выковырнул из земли камень, прицелился и ловко запустил его собаке в бок. Собачонка взвыла, отскочила за барак и стала выглядывать оттуда с трусливой злобой. Мальчишка подошел к помойке, копнул ногой то, что собачонка не доела, вздохнул, как взрослый человек, и поднял глаза к небу.

— Лиза,— позвал Артем негромко,— запомни, прошу тебя. Если со мной что случится, все равно: детям — самый лучший особняк. Сразу же! Я думаю, особняк Иозефовича, на Сумской. Прекрасное помещение для ребятишек! Запомнишь?

Лиза притворилась, что удивлена:

— Позволь, ты что хоронишь себя раньше времени?

— Запомни, запомни. Я и ребятам скажу. А сейчас... хоть бы мячиков им поболе, что ли? Скакалок этих. За город бы вывезти разок...

В это время раздался рев гудка, Артем изумленно вскинул голову. Он узнал давно забытый, но такой родной, берущий за душу гудок паровозостроительного. Завод, как в былые времена, снова оглашал рабочую окраину протяжными, с траурными перерывами гудками. Тревога? Но что могло случиться?

Под тревожную, хватающую за душу песню заводских гудков экстренно собрался городской Совет. Толку, как и ожидал Артем, вышло мало, только потеряли время.

Для отражения юнкеров большевики предложили вооружить рабочих. Эсеры, поддержанные остальными политическими партиями, ужаснулись этому и, напротив, настаивали на обуздании рабочих, на запрещении всяческих митингов и забастовок, чтобы, как они говорили, не нарушать в городе спокойствия и революционного порядка.

Как надоела болтовня! Большевики поднялись и ушли из зала. Самое гибельное дело сейчас — заседать и бесцельно точить лясы!

В комитете Артема ждал вызов ЦК — следовало немедленно ехать в Петроград.

— С ума-то не сходи! — сказал ему Шалай.— Как-ни-

будь там обойдутся без тебя. Здесь на кого все оставишь? Сам видишь, что творится.

Да, уезжать из города сейчас не следовало.

Час спустя началось заседание большевистского комитета. Стало известно, что Временное правительство, напуганное генеральской авантюрой, сняло Корнилова с поста главковерха и обратилось за помощью к народу. Поступали сведения из Луганска, Юзовки, Екатеринослава, Горловки. Всюду шло формирование вооруженных рабочих отрядов. В Луганске уже действовал штаб Красной гвардии. Ворошилов арестовал монархически настроенных офицеров и назначил на почту и телеграф своих комиссаров. «Клим молодец!» — отметил Артем деятельность старого друга.

Длинных речей говорить было некому, да и некогда — поджимало время. Предлагалось только самое дельное, необходимое и тут же голосовалось. Постановили: первое — создать ревком как штаб борьбы с наступающим на город врагом; второе — на все эти тревожные дни наладить еще и вечерний выпуск «Пролетария».

Тиняков напомнил:

— Горловка просит помочь оружием.

— Поможем. Свои,— ответил Артем и кивнул дождавшемуся Рудневу: — Давай.

Одернув гимнастерку, Руднев привычным движением согнал все складки под ремень за спину. Перед ним лежала карта. Члены комитета затихли. Настало время говорить военным.

О записи добровольцев в отряды Красной гвардии Руднев сказал как о чем-то само собой разумеющемся. К вечеру, доложил он, железнодорожники обещали подготовить составы.

— Если удастся выехать вовремя и не иметь задержек в пути, то вот...— он показал па разостланной карте,— село Мохнач, мохначеский лес. Самое удобное место

для засады. Командирами предлагаю товарищей Швайченко и Сак-Саковского.

Артем спросил, какую роль Руднев отводит своему 30-му полку.

Поддернув карту так, что край ее свесился со стола, Руднев растопыренной пятерней накрыл всю Область Войска Донского.

— Прошу обратить внимание на станцию Лиски. Есть сведения о выступлении Каледина на помощь Корнилову. Чугуевским юнкерам я не придаю особенного значения. Части без боевого опыта. Но казаки! Будет непростительно, если мы позволим им прорваться к Петрограду.

— Казак хорош, пока дерется за свою хату,— заметил Шалай.

Руднев кивнул, полностью согласившись с ним:

— Поэтому надо показать им нашу силу. Думаю, дело обойдется без кровопролития. У нас в полку неплохие агитаторы. Договоримся как-нибудь...

Прямо с заседания члены комитета разъехались по заводам.

Двор паровозостроительного стоял настежь. Возле длинной стены сборочного цеха, на путях, вокруг одинокой платформы, толпился сбежавшийся по гудку народ. Помогая себе палочкой, на платформу влез Тиняков, запнулся обо что-то, едва не упал.

— Тише, тише... Эй, там!

— Стой, не напирай.

Тиняков окинул взглядом затихающее море голов. Здесь много говорить не годилось — народ проверенный, зато каждое слово должно быть как раскаленная заклепка под молоток.

— Товарищи! Кровавая гидра контрреволюции... чу-

гуевские юнкера и всякая другая сволочь... Комитет обращается к вам, защитникам отечества и революции...

Внизу, возле платформы, дожидался своей очереди Коля Руднев. Он отметил опытность оратора: толпа рабочих возбужденно загудела.

Тиняков переложил палочку в другую руку и вскинул вверх кулак.

— Товарищи! Неужели мы дадим генералам накинуть нам на шею удавную петлю?

— Не дадим... Долой! — заревело со всех сторон.

— Неужели дадим казакам и юнкерам ворваться в город и перерезать наши семьи?

— Не позволим! Смерть!

— Товарищи! Кто за власть рабочих и крестьян, пишитесь в отряды Красной гвардии!

— Даешь!

Утираясь рукавом, Тиняков отошел в сторону. На платформу, подтянувшись на руках и ловко бросив ноги через невысокий бортик, вскочил Руднев:

— Товарищи, объявляю запись в боевые отряды. Вон несут столы... Спокойно, без толкотни становитесь в очередь. Оружие получите здесь же, сейчас привезут.

Человек пять, запрокидываясь назад, тащили каждый по конторскому столу, прижимая их к животам.

— Пройти... пройти дай. Эй, пусти!

Коля Руднев потребовал тишины:

— Хочу предупредить об одном, товарищи. Патронов у нас мало, по пять обойм на человека. Прошу: зря не палить! Подпусти на сто шагов, прицелься и плавно, как учили на занятиях, нажимай на спуск. Выцеливай офицеров. Без них юнкера, как без головы. Ну а как только враг попятился, дрогнул, побежал — тут времени не теряй. Сразу штык наперевес — и в атаку! Это самое страшное для бегущего — штык в спину. Понятно я говорю?

— Хватит. Давай записывай!

— Товарищ Руднев, к какому столу становиться?

— К любому, товарищи. Разницы никакой... Товарищей Швайченко и Сак-Саковского прошу подойти. У меня все!— и Руднев спрыгнул на землю.

Столы, поставленные на пропитанную мазутом землю, мгновенно обросли людьми.

— Пиши — Емельченко.

— Пиши — Тимофеевы. Двое нас: Иван и Павел. Обоих пиши.

— Записывай, слышь, и нас в пролетарии всех стран!

— А винтовки? Говорили сейчас.

В распахнутые ворота один за другим въехали три грузовика, закрытые сверху брезентом.

— Привезли... Ого!

— Становись в затылок!

Получив винтовку, человек дергал затвором, проверял смазку. Обоймы с патронами совали в карманы и за пазуху.

На скорую руку, тут же проводилось обучение самому необходимому. Крепенький солдатик в ладно подогнанной форме наставлял новобранцев:

— Главное, не бойсь. Враг, он тоже живой человек, тоже боится. Если что — лежи и целься, если что — ползи вперед и пали. Но штык, штык — это главное. Ох, штык, братцы... Никто его не выдержит!

Очкастенький студент-медик, суетясь, сыпал скороговоркой:

— Все очень просто, ничего сложного. На рану кладется марля, на марлю — вата, на вату накладывается повязка. Дай мне кто-нибудь руку или ногу...

Потом студент заставил рабочих бинтовать друг дружку.

Солдатик, хваливший новобранцам штык, вышел на середину двора и расправил плечи.

— Слушай мою команду... Стано-ви-ись! Смирно! А ну-ка еще слушай: ряды вздвой! Отставить! Кто это там, как меньшевик, сопли распустил? Еще раз: ряды вздвой! Емельченко, не поправляй фуражку. Все запомни: время у нас мало, до вечера всего.

К караульной будке у ворот, где еще недавно дежурила охрана, приставлена стремянка. На самом верху стоял парнишка в картузе и приколачивал гвоздями фанерный лист с лозунгами:

Помни!

Потеря времени на войне — потеря твоей крови.
Мало отвести удар — надо ударить самому.
Мало отразить врага — надо его уничтожить.
Отступая — губишь себя, наступая — спасаешь!

Пожилой человек с пустым рукавом за поясом макал кисть в ведерко с краской и малевал на листе отвратительную фигуру пузатого генерала, которого рабочий с красной повязкой колол штыком. Ведерко с краской держала Стешка. Поминутно оглядываясь на строй рабочих с винтовками, она кого-то искала.

— Ровней держи,— выговаривал Стешке инвалид.

Парнишка на стремянке, заколотив последний гвоздь, слез на землю и стал смотреть, как учатся красногвардейцы. Его позвал товарищ, вдвоем они пошли искать самого главного здесь человека — Руднева.

— Вот что, ребята. У меня вам боевое задание. Слушайте: бегом в комитет — знаете? — найдете там Лизу Репельскую. Скажите, что я вас послал в ее распоряжение. Ясен приказ? Выполняйте! А там посмотрим.

Командир первого отряда Швайченко, перепоясанный пулеметной лентой, бежал по двору и придерживал рукой коробку с маузером.

— Товарищ Руднев,— выкрикивал он,— товарищ Руд-

нев... Да товарищ же Руднев! С вокзала прислали — состав готов.

В сумерках с Балашовского вокзала, сразу же разведя полные пары, отошел состав теплушек с вооруженными красногвардейцами. Пропагандисты, не теряя времени, собирали вокруг себя бойцов и говорили:

— Они же, гады, если что, все фонари в Харькове обвешают русским народом. У нас, товарищи, одна дорога — победить!

В раскрытых дверях теплушек сидели, свесив ноги, пожилые рабочие и пели. Песни были старые, испытанные — «Вихри враждебные» и «Отречемся от старого мира».

А через несколько часов от Южного вокзала отошел воинский состав в сторону станции Лиски. Пролетарский Харьков послал в бой свои первые революционные отряды.

Поздно ночью со стороны Чугуева послышался тяжелый гул канонады...

Генеральская авантюра навязать России своего Бонапарта лопнула. Народ победил корниловщину.

Харьковский пролетариат, получив в руки оружие, показал себя боевой революционной силой. В боях под Чугуевом он узнал вкус первой победы над врагом.

— Главная беда,— жаловались вернувшиеся из боев рабочие,— темнота наша проклятая. Во фланг... А как ударить в этот фланг — не знаем. Эх, подучиться бы хоть малость, всю бы эту сволочь расколотили!

Через две недели со станции Лиски вернулся Коля Руднев. Его юное лицо осунулось, на ясном мальчишеском лбу появилась вертикальная складочка. Казаки Каледина через Лиски не прошли, но чего это стоило!

Пережив тревожные дни и отразив первый натиск внутренней контрреволюции, страна требовала суда над генералами-авантюристами. Правительство вело себя уклончиво: арестовав зачинщиков кровавой авантюры, оно не столько содержало их под стражей, сколько охраняло от справедливого народного гнева. Затем вдруг потребовало от рабочих сдать оружие и распустить ревкомы. Однако народ, узнав свою силу, отдать оружие не захотел. Надо было наконец решать главное из главных: кому править страной дальше?

Глава двадцать пятая

В середине сентября в помещении городской думы состоялось небывало бурное заседание Харьковского городского Совета. В зале ни одного свободного места. По фракциям, не мешаясь друг с другом, но перебрасываясь репликами и записками, немилосердно дымя дешевым табаком, располагались большевики, эсеры, меньшевики, украинские националисты, бундовцы и даже анархисты — народ, как правило, языкастый, злой. На хорах, задыхаясь от нестерпимой духоты, прела, но не расходилась разнообразная публика. Положение в городе, это знали все, складывалось грозовое. Отряды Красной гвардии, не таясь, проводили боевые учения. С юга, от Каледина, приезжали бравые офицеры и где-нибудь на квартире, за опущенными шторами, собирали верных людей. А не далее как три дня назад по городским улицам проползли, выставив тупые рыльца пулеметов, зеленые броневики. Это националисты в предчувствии близких событий подтянули на подмогу броневой дивизион. Так что ораторы, сменявшие один другого на старенькой, видавшей виды думской трибуне, говорили совсем не так, как прежде — отбарабанил и долой, а со страшным смыслом. Водевильчик прежних словопрений кончился,

шел пролог еще невиданной трагедии. Жадная до зрелищ публика чуяла верно: пахло большой кровью.

Поздно ночью, когда выкричались все и обессиленные ораторы уже не рвались на трибуну, а, изнеможенно расстегнув воротнички и задыхаясь, огрызались с мест, стало совершенно ясно, что каждая сторона твердо стоит на своем и уступать не хочет,— день потерян зря. Послав председательствующему записку, Артем предложил перейти к голосованию.

Сегодняшнее заседание Совета можно было считать последней попыткой уладить миром вопрос о переходе власти. Куда там! Но большевики были довольны, что заставили противника публично открыть свое лицо. Сначала Штерн, бундовец, задрав маленькое сморщенное личико, погрозил в ту сторону, где сидела фракция большевиков:

— Вы требуете — власть Советам! Но Советы, позвольте вам сказать, это всего лишь власть большевиков. А мы за демократию!

В продолжение всего заседания большевиков рвали так, словно они попали в собачью стаю. Но все это была пока одна брань. Наконец поднялся лидер харьковских националистов Петренко. Румяный, сдобный, он вышел вразвалку и, жмурясь, сунул обе руки за шелковый пояс с кистями.

— Если мы с вами не договоримся добром,— заявил он, глядя вниз на Руднева, который только что выступил и сел поближе к сцене,— то, извините, придется говорить оружием.

Руднев даже головой потряс: ого!

С хоров крикнули:

— Чего зря гвозди в воздух заколачивать!

Председательствующий положил перед собой записку Артема и взглянул на часы. Действительно, пора кончать. Пошел третий час ночи...

* * *

Утром в ревком пришла делегация рабочих паровозостроительного. С делегацией разговаривал Шалай. Завод забастовал, требуя увеличить плату на пятьдесят процентов. Директор завода Кац согласился рассмотреть претензии бастующих, если сумма прибавки будет снижена вдвое. В противном случае он пригрозил совсем закрыть завод.

— Иван Харитоныч, сам посуди. Раньше аршин ситца стоил двенадцать копеек, а сейчас — весь полтинник. Сапоги сейчас и за полста не купишь, а раньше-то — пятнадцать. Это же не деньги стали — сор! Ложись и помирай.

— Товарищи, ревком сказал вам: поддержит — и поддержит. Вы вот что: в Совете были?

— Этот Совет, Иван Харитоныч, он как редиска. Он только сверху красный. Пришли туда... сидит. Морда гладкая, стекло в глаз вставил и орет: мы да мы! Видать, сытый, раз так долдонит.

— Так, хорошо. А что ваш Кац?

— А что Кац? «У меня, говорит, приказ министра. Я не могу».

— Никто ему завода закрыть не даст. Да и не его это завод!

— Деньги зато у него!

— Деньги достанем. А не достанем — нам помогут. Сдохнуть вам не дадим. Не те времена сейчас! Идите и ничего не бойтесь. Этой забастовки нам проиграть никак нельзя!

Конфликт бастующих с администрацией заварился круто. На следующий день директор завода Кац выполнил свою угрозу, отдав приказ: приступить к сдаче работ и инструментов. Что же, всем, выходит, за ворота, а на ворота замок? Рабочие заволновались. Ревком постано-

вил: никому расчета не брать, завод не закрыт, а, как и раньше, находится на положении бастующего. Директор растерялся. Справиться с рабочими можно было только силой. Но где ее взять? Не встретив поддержки ниоткуда, Кац срочно укатил в Питер, где прямо с вокзала явился к министру труда меньшевику Скобелеву и ехидно предложил ему, чтобы правительство взяло эксплуатацию завода на себя.

В фонд бастующих стали поступать средства со всего Донбасса. 377 рублей 45 копеек прислали рабочие Луганска, 130 рублей 50 копеек собрали рабочие фабрики Бирмана, 207 рублей — завод Шаппара. Во дворе паровозостроительного дни напролет митинговали, ожидая, что привезет из Питера директор.

Министр Скобелев уговорил Каца вернуться и попытаться найти компромисс с бастующими. Не время было ссориться с рабочими в открытую. Со своей стороны правительство выделило средства для прибавки жалованья и направило в Харьков уполномоченного, эсера Орлова. Начала работать соглашательская комиссия. Но уполномоченный не нашел ничего лучше, как отдать правительственные деньги в кассу правления завода. Бастующие возмутились: попробуй-ка теперь достать их оттуда!

Обсудить положение собралась городская конференция фабричных и заводских комитетов. Артем сидел в президиуме и прикрывал ладонью глаза от света. День ли, ночь ли,— все опять смешалось, когда придется выспаться как следует — неизвестно. Он понимал, что и уполномоченный Орлов, и директор Кац тянут время неспроста. Из Петрограда шли многозначительные вести. Правительство открыто, даже нагло, снимало с фронта крепкие боеспособные части и стягивало их в столицу. С кем оно собиралось воевать — секрета не было: сейчас, после разгрома Корнилова, против него одна по-настоящему внушительная сила — большевики. Видимо, еще не-

много — и начнется... Ох, и мировой же сквознячище будет!

Шалай перебросил ему записку: «Ты чего? Выйди, подыши».

Артем встряхнул головой. Спать, действительно, хотелось... Вчера он ненадолго заскочил домой. Лиза обрадовалась и, пока готовила чай, принялась рассказывать о своих делах. Молодые ребята, понимаешь ли, затеяли диспут: обязан ли красногвардеец уступить в трамвае место женщине? А что, если женщина буржуйка, а красноармеец едет после боя и смертельно устал? Дослушать, чем кончился диспут, Артем не смог: он незаметно уснул, положив голову на руку.

На обороте записки Шалая он быстро набросал несколько тезисов. Сейчас он попросит слова, выступит и уйдет. Сидеть просто некогда! А с паровозостроительным, с Кацем, следует поступить иначе. Словами ничего не сделаешь, не проймешь. Да и хватит слов, наговорились.

Шалай дал ему выступить без всякой очереди. Артем сказал, что если враги рабочих так дружно держатся заодно, то уж рабочим-то сам бог велел отвечать им тем же.

— Против нас,— звучал в притихшем зале его глубокий звучный голос,— поднимутся империалисты всего мира. Но рабочий класс сильнее их. У нас достаточно сил для осуществления своих целей!

Возле крыльца заводской конторы остановился грузовик с красногвардейцами. Рабочие, придерживая винтовки, полезли через борт. Из кабины, хлопнув дверцей, вышел Артем. В окне второго этажа мелькнуло чье-то испуганное лицо и скрылось.

Двоих красногвардейцев Шалай оставил на крыльце, остальным приказал идти за ним.

— Федор Андреич, здесь где-то старший табельщик Хоменко. Он наш. Если что — поможет.

— А что нам помогать? — отозвался Артем, поднимаясь по знакомой узкой лестнице на второй этаж. Ничего здесь, кажется, не изменилось, даже дорожка под ногами была та же. «А, швейцара нет!» — отметил Артем.

Стуча прикладами, красногвардейцы вошли в приемную директора. Конторщик, в жилетке и с нарукавниками по локоть, медленно встал из-за стола, смотрел на них страшными глазами. Артем с Шалаем молча пересекли приемную и открыли кожаную с россыпью светлых кнопочек дверь.

Директор ждал их, стоя боком за столом. «Почему все они такого маленького роста?» — подумал Артем.

— Чем обязан? — строго, с независимым видом, спросил директор, задирая подбородок. Но в глазах был страх.

Артем подвинул стул и сел, показав Шалаю на мягкое кожаное кресло. Опустившись в кресло, Шалай утонул в нем и вскочил, чтобы пересесть на стул.

— Вы не выполняете указаний ревкома,— стал выкладывать Артем.— Вы намерены закрыть завод. Мы не позволим этого. Вам отпущены средства для рабочих, вы их скрываете. Нам известно, что правительство, как и рабочие, заинтересовано в работе завода.

— А вам известно,— приспуская веки, спросил директор,— что капитал завода большей частью иностранный? Вы полностью отдаете себе отчет в последствиях?

— Отдаем, отдаем,— прогудел Шалай, махая ладошкой.— Пугай кого другого.

— Так, минуточку,— проговорил Артем и прошел за стол, отодвинув директора.— Прошу показать нам ваши книги, ведомости. Вы утверждаете, что завод работает в убыток. Мы же утверждаем...

— Вы утверждаете! — круглое, с крепкими щечками, лицо директора налилось кровью.— Кто вас уполномочил

ревизовать наши дела, позвольте вас спросить? Это насилие, произвол!

Опустившись на директорское место, Артем чуть переставил кресло и, попробовав, как сидится, положил локти на стол:

— О наших полномочиях лучше не спорить. Хорошо? Что же касается насилия и произвола — какой же это произвол? Вы нам сейчас покажете все сами. Ну давайте, давайте! Будем смотреть, что там у вас за убытки.

Потоптавшись у стола, кругленький директор подкатился к двери и позвал конторщика:

— Александр Миронович, вот... э-э... так сказать, желают, чтобы мы с вами отчитывались. Будьте добры, введите господ уполномоченных в курс дел. В прошлом месяце, помнится, наш дефицит составил двести тысяч. В этом месяце, само собой, он будет больше. Только — коротко, коротко!

Пробормотав: «Сию минуту-с, Яков Абрамович!», конторщик быстренько сходил в приемную за счетами и, поддернув нарукавники, принялся с необыкновенной ловкостью щелкать костяшками. С его языка сыпались непонятные слова: «оборот платежных средств», «задолженность по договорным обязательствам». Артем и Шалай переглянулись.

— Так-с. Н-ну ладно. Иван Харитоныч, ты что-нибудь понял? Вот и я тоже. Знаете, господа, дайте-ка нам ваши документы, мы сами разберемся.

Конторщик выжидательно уставился на директора. Тот поколебался, затем с принужденным видом кивнул и стал смотреть в окно. Конторщик принес аккуратно сшитую папочку, положил ее перед Артемом и, отступив от стола на шаг, уронил вдоль тела руки. Вся его фигура выражала живейшую готовность дать любое разъяснение.

— Ну и ну,— насмешливо протянул Артем, перелистнув в папке несколько страниц.— Как я понял, это

отчет? Некрасиво получается, господа. Что же, вы нас за малолетних принимаете? Это же отчет министерству. А вы дайте нам другой — для членов правления.

Директор и конторщик оба разом подняли толстенькие плечи и посмотрели друг на друга с выражением величайшего изумления: «Помилуйте, какой еще отчет вам нужен?»

— Перестаньте! — пристукнул по столу Артем.— Давайте! Где он у вас? Ну что вы стоите? Давайте, давайте же!

Засопев, директор подошел к столу, сказал Артему: «Позвольте» и, достав из ящика связку ключей, открыл небольшой сейф, на котором стояла игрушечная модель паровоза. В этом отчете было всего три странички.

— Вот это другое дело! А то, понимаешь... Ну, какие же убытки? Да их и быть не должно! Или мы здесь первый год?

— Все равно,— непримиримым тоном проговорил директор,— завод закрыт.

Словно не слыша его слов, Артем продолжал просматривать отчет.

Нервничая, директор заявил:

— Я не отменяю своего приказа! Технический персонал вашего ревкома не признает.

Бросив отчет на стол, Артем показал Шалаю на дверь в приемную:

— Иван Харитоныч, позови-ка наших... Вы арестованы,— сказал он директору и обратился к подбежавшему конторщику: — А вы ступайте на свое место. Мы вас позовем.

Усатый красногвардеец тронул остолбеневшего директора за плечо и молча показал штыком на дверь: пошли. Уступая им дорогу, перепуганный конторщик всем телом вжался в стену.

Когда внизу утих стук сапог и прикладов, Артем поднялся из-за стола и устало потянулся.

— Что ж, Иван Харитоныч, садись, хозяйничай. Без головы завод работать не может.

Шалай, не веря своим ушам, заморгал, заморгал:

— Федор Андреич... Я?! Да ты в своем уме? Какой же из меня...

— Кого предлагаешь? — прервал его Артем.— Может, за Кацем побежать, вернуть?

— Ну... все-таки... Ты вон как здорово его припер: «Давай другой отчет!» Значит, знаешь. А что я знаю?

— И ты научишься. Давай садись. Садись и много не болтай. На дядю нам надеяться? Ну так вот. Время только теряем.

Он заставил Шалая сесть на директорское место, сам стал расхаживать по кабинету. На первых порах, считал он, лучше всего сохранять завод в положении бастующего. В ближайшие дни, видимо, придется арестовать администрацию других заводов. Это, кстати, кое на кого должно подействовать: Артем был уверен, что постепенно удастся вернуть на работу и начальников цехов, и мастеров.

— Придут, голубчики, никуда не денутся. А мы тогда еще посмотрим, кого принять, а кого и... извините!

Они расстались, договорившись увидеться вечером в ревкоме.

Оставшись один, Шалай прислушался к гнетущей тишине во всем здании. Изредка в приемной трезвонил телефон, притихший конторщик снимал трубку и что-то невнятно говорил. Завод продолжал упрямо жить, несмотря на директорский приказ. Шалай прижал палец к губам и обошел огромный пустой стол, пугающий своими размерами и назначением. Модель игрушечного паровоза заставила его улыбнуться: «Ишь, черти...» Шалай провел пальцем по игрушке: пыль. «Не вытирают...» Он

почистил паровозик рукавом. В окно виден большой заводской двор. Когда-то через этот двор его, мальчишку, вел за руку отец. Страшно же было!

Вздохнула тяжелая дверь директорского кабинета, на пороге появился конторщик. Шалай вздрогнул, повернулся.

— Я, собственно... там от Жевержаева звонят. Яков Абрамович обычно...

— Какой еще Жевержаев? — спросил Шалай.

— Колбасная фабрика, колбасник...

— Ну?

Страдая от унизительного подчинения, конторщик пояснил, что завод по договору обязан подавать колбасной фабрике электрический ток.

— Понял,— решительно кивнул Шалай.— Для колбасы можно дать, дело хорошее. Но только без обмана! Мы ему свет, он нам, то есть рабочим, колбасу. Завтра утром сам проверю.

Притворив за собою дверь, конторщик вышел.

— Ну вот,— проговорил Шалай. Первое самостоятельное распоряжение прибавило ему уверенности. Он еще раз с недоумением оглядел неохватную поверхность стола. «Куда им, чертям, столько? Хоть табуны гоняй!» Он решил переставить модель паровоза с сейфа на стол. За этим занятием его застал конторщик.

— Из мартеновского звонят,— доложил он, с неодобрением посматривая на перемены в кабинете.— Начато прогревание обоих мартенов.

Унимая грудь,— тяжелый оказался, дьявол! — Шалай почистил руки:

— И правильно начали! Людям жить надо.

Конторщик, не одобряя, чуть заметно пожал плечами:

— Хорошо. Я передам.

— Да — не «передам», не «передам»! — вскипел Шалай и стал смотреть конторщику то на голову, то на

ноги.— Кому это ты передашь? Кто это там тебе про все докладывает? Все, кончилась им лафа! Отдокладывались. Вот так и передай. И — смотри у меня! Теперь, брат, за эти полицейские штуки... знаешь?

Спиной, спиной конторщик выпятился из кабинета.

— Вот народ, понимаешь! — продолжал сердиться Шалай.— Кто там? — вдруг крикнул он, услышав, что в приемной бубнят сердитые голоса.

— К вам посетитель хочет,— глядя себе под ноги, доложил обиженный конторщик.

— Какой еще посетитель? Зачем?

— Мужик.

— Что ему надо? А ну пусти. Что он меня — съест? Может, что дельное.

Сняв картуз, в кабинет с поклонами вступил разбитной деревенский человек с какой-то бумажкой в руке. Ему требовался керосин. Вот и прошение с печатью, но на складе почему-то не дают. Шалай быстро окинул его взглядом от добрых сапог до рыжеватой намасленной головы.

— И правильно не дают. Керосин теперь знаешь почем?

— Третий месяц сидим впотьмах. Никакой мочи больше нет. Уж сделайте милость,— не переставал кланяться посетитель.

Прошение на керосин у него было от старого земства. Шалай рассердился:

— Ты бы еще от урядника принес! Ревком у вас в селе имеется? Нету? Ну так заведите сначала ревком, а потом являйтесь. Иди. Нету тебе керосину.

Посетитель, однако, оказался человеком настырным. Через какое-то время Шалаю позвонил из ревкома Артем.

— Федор Андреич, да не могу я ему дать! Ты видел его? Ведь каторжная рожа, прямо сахалинская. Спекуляцию разведет, вот и все.

Артем сказал, что керосин в селе нужен для школы. Надо помочь.

— Ну если только для школы. Ладно, пусть идет.

Проводив льстиво кланявшегося посетителя, Шалай выглянул в приемную и поманил конторщика пальцем:

— А ну зайди... Значит, так. Давай-ка, брат, займемся делом. Я сейчас тебе буду говорить, а ты записывай. Писать у тебя есть чем? Сходи, возьми... Ну, слушай. О колбасной фабрике запомнил? Запиши. Завтра проверю. Теперь дальше. Надо заглушить тендерные баки, а то непорядок. Собери для этого бригаду. Записал? Теперь: куда это подевались все ваши конторские? Передохли? А может, просто работать не хотят? Это, значит, что же — забастовочки устраивать? Тем, значит, служили, а нам не желают? Заставим! Записывай: если к завтрему ума не наберутся, то... Ох, лучше пусть не выводят нас из себя! •

В приемной надрывался телефон. Без слов, одними глазами конторщик просил разрешения сбегать, послушать.

— Дуй,— разрешил Шалай.— Чего кому там надо?

По наспех сделанным заметкам конторщик принялся докладывать. Первое: для выгрузки с платформ медных и стальных болванок требуется кран; второе: спрашивают разрешения вывезти с завода пятьдесят пудов дров для рабочих кухонь; третье: на Брянский завод необходимо срочно отгрузить металлическую стружку и олово.

Умолкнув, он в почтительном полупоклоне стал ждать распоряжений.

Шалай приложил палец к губам.

— Ага...— проговорил он и снял телефонную трубку.— Барышня, а ну-ка... Это самое, соедини меня с комитетом. Как это — с каким? С нашим, на Кузнечном. Да, да, он самый! И запомни этот номер, я теперь туда часто звонить буду... Алё, это Федор Андреич? А это

Иван. Ну да, он самый. Да что? Работаем... Федор Андреич, дело вот какое. Съезд партии что решил? Рабочие на войну не работают, а только на нужды народа. Так ведь? Значит, я не дам Брянскому заводу олова и стружек. И пусть хоть богу жалуются! Правильно? Ну тогда все у меня. Остальное уж я сам.

Он посмотрел на дожидавшегося конторщика и кивнул пальцем:

— Пиши. С Брянским заводом — никаких! Ишь чего захотели! Пускай без нас обходятся... А дрова — дать. Людям жрать надо. А вот насчет крана... насчет крана...— он замялся.

— Иван Харитоныч,— робко заметил конторщик,— если вы позволите?..

— Ну?

— Простой порожняка. Да и пути будут заняты.

— Ага. Тогда ладно, пусть. Ты вот что: дуй на площадку — знаешь, это где? Найди там такого Жмаченко. Запомнишь? Скажешь ему, чтобы дал кран и с разгрузкой не тянул. Нам без этих болванок тоже — вот! — и ребром ладони чиркнул себя по горлу.

— Ясно, Иван Харитоныч. Разрешите идти?

— Давай, давай!

Через минуту он в окно увидел, как конторщик, болтая руками в нарукавниках, резво бежит через заводской двор. Испытывая едкое, незнакомое удовлетворение, Шалай покрутил головой и хмыкнул: «Иван Харитоныч... Ишь!»

Арест администрации завода Временное правительство расценило как незаконные, самочинные действия и приказало своему комиссару в Харькове незамедлительно освободить арестованных и наказать виновников. «Они там что — совсем с ума посходили?» — нервно рассмеялся

комиссар. Правительство явно обезумело, посылая такие телеграммы. А силы, силы-то где взять?

В ближайшие дни в Харькове была арестована администрация заводов ВЭК, «Гельферих-Саде», «Герлях и Пульст», Шпильберга, строительного общества «Леон — Мантуайе». События в стране нарастали, явно не желая считаться с распоряжениями Временного правительства.

В начале октября столичные газеты ударили тревогу. На горизонте, писалось в них, появилась грозная тень Ленина. Это недаром. Барометр указывает бурю.

Газеты ошиблись. То была совсем не тень Ленина. 7 октября Ильич вернулся из Финляндии в Петроград и через три дня впервые после трехмесячного подполья принял участие в заседании Центрального Комитета, где выступил с докладом о текущем моменте. Обстановка в стране вполне созрела для захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. Надо немедленно готовить вооруженное восстание.

Все члены Центрального Комитета партии получили вызов в столицу. Артем собрал свою дорожную котомку и в тот же день, продравшись сквозь толпу галдящих, осаждающих поезд мешочников, влез в вагон. На следующее утро он был в Питере и прямо с вокзала отправился в бывший Смольный институт.

До сырого невского вечера, когда выстрел с крейсера «Аврора» заставит содрогнуться весь старый мир, оставалось несколько дней.

Кузьмин Николай Павлович
К89 Рассвет: Повесть о Федоре Сергееве (Артеме).— М.: Политиздат, 1979.— 454 с., ил.— (Пламенные революционеры).

К $\frac{10203-266}{079(02)-79}$ 278—79 0902030000

84Р7+66.61(2)8
Р2+3КП1(092)

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*

Редактор *Л. Б. Родкина*

Младший редактор *А. А. Мочалова*

Художник *М. И. Лисогорский*

Художественный редактор *В. И. Терещенко*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 948

Сдано в набор 19.04.79. Подписано в печать 09.08.79. А 00418. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 20,56. Учетно-изд. л. 20,92. Тираж 300 тыс. экз. Заказ № 253.
Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

